Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»

ДЕВЯТЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

В двух томах
Том 1

МАТЕРИАЛЫ

УДК 009(063)
ББК 94л0
Д25

Печатается в соответствии с планом научно-исследовательских работ ИГУ

Редакционная коллегия:
А. В. Аргучинцев (гл. ред.), Ю. А. Зуляр (науч. ред.),
Л. М. Корытный, Н. С. Коноплев, Р. Ф. Проходовская

Ответственный за выпуск:
Н. В. Бойко

Д25 **Девятые** Байкальские социально-гуманитарные чтения. В 2 т. Т. 1 : материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ». – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. – 348 с.
ISBN 978-5-9624-1380-8 (т. 1)
ISBN 978-5-9624-1331-0

Издание включает в себя материалы Девятых Байкальских социально-гуманитарных чтений, состоявшихся в Иркутске в 2015 г. Опубликованные материалы дают представление об основных направлениях исследований отечественных ученых, изучающих проблемы истории и современного состояния общества и перспективы его развития. В издании представлены работы по истории, географии, философии, политологии, культурологи и другим научным дисциплинам.

Издание адресовано широкому кругу профессиональных исследователей, преподавателям высшей и образовательной школ, аспирантам, магистрам, студентам вузов и колледжей, всем интересующимся состоянием и перспективами развития современного российского общества.

УДК 009(063)
ББК 94л0

Научное издание

ДЕВЯТЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ
В двух томах
Том 1
Редактор *Г. А. Борисова*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*
Темплан 2016. Поз. 45
Подписано в печать 30.06.2016. Формат 60x90 1/16
Уч.-изд. л. 19,1. Усл. печ. л. 21,8. Тираж 100 экз. Заказ 98
Издательство ИГУ; 664000, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

ISBN 978-5-9624-1380-8 (т. 1)
ISBN 978-5-9624-1331-0

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2016

РАЗДЕЛ
«РЕГИОН В СТРАНЕ И В МИРЕ – ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ»

УДК 911.3:32(571.53)

СПЕЦИФИКА И ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА ПРИМЕРЕ АНГАРСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА[1]

Е. Ю. АЛЕКСАНДРОВ, П. В. РЫКОВ
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. В работе показана специфика объединительных процессов муниципалитетов в российских регионах. Ярким примером несовершенства федерального законодательства о местном самоуправлении и муниципального эксперимента является Ангарское муниципальное образование (АМО) Иркутской области, ядром которого является один из крупных региональных промышленных городов – Ангарск. Обсуждаются положительные и отрицательные стороны федерального законодательства о местном самоуправлении и муниципального эксперимента на примере АМО. Рассмотрена хронология муниципального эксперимента, приведшая в итоге к трансформации муниципалитетов АМО в Ангарский городской округ.

Ключевые слова: муниципальные образования, местное самоуправление, регионы, Ангарск, Ангарское муниципальное образование, Ангарский городской округ.

На местном уровне решаются проблемы, максимально приближенные к населению конкретной территории, поэтому обеспечение эффективного функционирования муниципалитетов – одна из основных задач Российского государства. К актуальной проблематике, затрудняющей деятельность местного самоуправ-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 15-56-53037) по совместному конкурсу РФФИ – ГФЕН Китая.

ления, относятся вопросы территориальной организации, не позволяющие муниципалитетам эффективно выполнять возложенные на них полномочия. Территориальная организация (ТО) местного самоуправления определяет: 1) разграничение компетенций уровней госуправления; 2) перераспределение финансовых потоков межбюджетных отношений; 3) установление рационального баланса в решении вопросов местного значения. Согласно Федеральному закону № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» для всех регионов было предусмотрено создание двухуровневой системы местного самоуправления. Первый уровень – городские и сельские поселения, а второй – муниципальные районы и городские округа. При определении территорий муниципальных образований необходимо было учесть практическую возможность и экономическую эффективность решения вопросов местного значения. Рациональное решение – включение в перечень обязательных нормативов при определении территории, на которой осуществляется местное самоуправление, следующих критериев: 1) собственная налоговая база, позволяющая формировать минимальный местный бюджет для обеспечения исполнения возложенных полномочий; 2) производственная и социальная инфраструктура; 3) муниципальная собственность и др. [1].

Повсеместное введение двухуровневой модели местного самоуправления трансформировалось в сложный и неоднозначный процесс. В некоторых российских регионах на данную модель не была сориентирована имеющаяся социальная инфраструктура, сложившаяся в результате существовавшего административно-территориального деления, а также бюджетно-финансовые отношения, кадровый потенциал и т. д. Следовательно, одна из важных тенденций местного самоуправления в последние годы – укрупнение муниципальных образований (МО). Укрупнение муниципалитетов – это увеличение бюджета объединенной территории, а также сокращение расходов на содержание аппарата местного самоуправления за счет оптимизации численности персонала. В действующем законодательстве закреплен перечень форм создания, преобразования и упразднения МО путем объединительных процессов: 1) двух и более поселений; 2) поселение плюс городской округ; 3) двух и более муниципальных районов.

Тема укрупнения муниципальных образований актуальна для большинства субъектов РФ. В 2009 г. были проведены референдумы в Ярославской и Ивановской областях. Укрупнение с 11 до 5 МО в одном из районов Ярославской области явилось одной из антикризисных мер и привело к уменьшению численности муниципальных чиновников и сокращению бюджетных затрат на их содержание. Основные причины объединения районов в Новосибирской области – экономия на административных структурах, так как численность населения в сельских районах постоянно сокращается, в то время как численность аппарата управления остается прежней. Тенденция к укрупнению МО наблюдалась и в Вологодской области. Изначально было образовано 344 поселения (322 сельских и 22 городских). Практика реализации муниципальной реформы показала, что далеко не все поселения оказались способны осуществлять в полном объеме функции, возложенные на них Федеральным законом № 131. В октябре 2009 г. в 105 МО состоялось голосование по решению вопросов муниципального деления: за укрупнение выступили 66 поселений, которые объединились в 23 поселения. Таким образом, число муниципальных образований области сократилось на 43 (стало 301 поселение). В 39 поселениях области решения об укрупнении не были приняты.

Республика Башкортостан занимает первое место в РФ по количеству МО. В данном регионе укрупнение МО проходило по сценарию, отличному от других субъектов Федерации. Для оптимизации количества МО с учетом индивидуальных особенностей территории стали объединять между собой не два и более слабых муниципальных образований, а слабые присоединять к более или менее эффективно работающим. Оптимизация количества МО предусматривала следующие виды преобразований: 1) два или три сельсовета сливаются в один; 2) территория одного делится между двумя соседними, а сам он ликвидируется. Всего по итогам проведенных референдумов в результате объединения МО 438 населенных пунктов были переданы или включены в состав новых сельских советов [2].

В Иркутской области в результате реализации № 131-ФЗ было образовано 391 МО: 9 городских округов, 27 муниципальных районов, 67 городских поселений и 288 сельских поселений. В связи с принятием ФКЗ «Об образовании в составе Российской

Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» число МО увеличилось до 475, из них 9 городских округов, 33 муниципальных района, 67 городских поселений, 365 сельских поселений.

Одним из ярких примеров несовершенства и отрицательного воздействия федерального законодательства о местном самоуправлении на муниципальном уровне стал крупный промышленный центр Иркутской области г. Ангарск. Ангарск – административный центр Ангарского муниципального образования (МО) Иркутской области. Возникновение города относится к 1948 г. и связано со строительством Нефтехимического комбината – 16. С 01.05.1949 г. Ангарск – рабочий поселок, а 30.05.1951 г. ему официально присвоен статус города областного подчинения. Историческая хронология административно-территориальной трансформации Ангарска и Ангарского района представлена в табл. 1.

Таблица 1

Историческая хронология административно-территориальной трансформации Ангарска и Ангарского района

Временной период (годы)	Административно-территориальная единица	Состав	Кол-во населенных пунктов, земли которых входят в состав административно-территориальной единицы
1951–1980	Ангарск, город областного значения с подчиненными сельскими советами	сельсоветы Китой, Суховская, Савватеевка, Одинск	4
1980–1992	Ангарск, город областного значения с подчиненными сельскими советами, состоящий из Центрального и Юго-Западного районов	сельсоветы Китой, Суховская, Савватеевка, Одинск	4
1993–2004	Ангарский район с административным центром в г. Ангарске	Ангарск, Мегет, Савватеевка, Одинск	4
2004–2014	Ангарское муниципальное образование с административным центром в г. Ангарске	городское поселение «город Ангарск», Мегетское МО, Савватеевское МО, Одинское МО	14

С 1980 по 1992 г. город был разделен на 2 района – Центральный и Юго-Западный. Это было сделано с целью более эффективного управления городом. Центральный район сформировался на базе жилых массивов Ангарского нефтехимкомбината и Ангарского управления строительства, а Юго-Западный – жилой городок Ангарского электролизно-химического комбината. В январе 1993 г. малый совет Иркутского областного Совета народных депутатов принял решение «Об образовании Ангарского района». Из Иркутского и Усольского районов была выделена территория общей площадью 1150 км² и создан Ангарский район, административно подчиненный городу. В 1997 г. территория в границах района, во главе с г. Ангарском, была преобразована в Ангарское муниципальное образование (АМО). В соответствии с Законом Иркутской области № 105-ОЗ от 16.12.2004 г. «О статусе и границах муниципальных образований Ангарского района Иркутской области» в 2005 г. единая структура АМО была раздроблена на более мелкие муниципалитеты с административными центрами: МО «город Ангарск» – г. Ангарск; Мегетское МО – пос. Мегет; Одинское МО – с. Одинск; Савватеевское МО – село Савватеевка. В состав МО, помимо административных центров, входили: «город Ангарск» – г. Ангарск; Мегетское – пос. Зверево, дер. Зуй, дер. Ключевая, пос. Стеклянка, пос. Ударник; Одинское – с. Одинск, дер. Чебогоры, заимка Ивановка, заимка Якимовка; Савватеевское – пос. Новоодинск, пос. Звездочка.

Более 10 лет Ангарск не имел официального статуса городского округа, наряду с другими российскими городами с численностью населения более 200 тыс. чел., такими как Балаково в Саратовской области и Нижнекамск в Республике Татарстан. Начиная с 2005 г. в городе постоянно наблюдались многочисленные выступления представителей властных элит, общественности и крупных промышленных бизнес-структур за объединение Ангарского муниципального образования (АМО) и присвоение статуса городского округа. В апреле 2006 г. население Ангарска проголосовало на референдуме за объединение с поселками Мегет и Савватеевка в единое МО. Одинское сельское поселение отказалось принять участие в референдуме, перенеся его на весну 2007 г. Весной 2007 г. депутаты Одинской думы вторично отказались назначить референдум. Следовательно, решение о присвоении статуса городского округа не было принято. В мае 2006 г. губер-

натор Иркутской области А. Г. Тишанин предложил другой вариант – объединить города Иркутск, Ангарск, Шелехов и прилегающие населенные пункты в агломерацию «Большой Иркутск», с численностью населения около 1 млн чел. В связи с уходом А. Г. Тишанина в отставку в апреле 2008 г. реализация проекта создания агломерации была отложена. В 2014 г. вопрос об объединении Ангарска и АМО в единое МО вновь обозначился в связи с избранием нового мэра и депутатов Думы АМО. Законом Иркутской области от 10.12.2014 г. № 149-ОЗ с 1 января 2015 г. все муниципалитеты Ангарского МО – МО «город Ангарск», Мегетское МО, Одинское МО и Савватеевское МО – объединены в Ангарское городское МО, носящее теперь название «Ангарский городской округ» (АГО).

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) объединительные процессы в субъектах РФ сгладили шероховатости проблемного федерального законодательства о местном самоуправлении, а также улучшили экономическую ситуацию на муниципальном уровне; 2) в единой административной структуре АГО ликвидированы прослойки в виде администраций МО; 3) более чем на 100 млн руб. сокращено финансирование административно-управленческих структур; 4) АГО получил новый импульс для развития.

Список литературы

1. *Агибалов Ю. В.* Проблемы реформирования местного самоуправления в России // Федерализм. – 2007. – № 3.

2. Строгое соблюдение экономических законов позволит Республике Дагестан выйти из многих проблемных вопросов [Электронный ресурс]/ Упр. Федер. казначейства по Респ. Дагестан. – URL: http://dagestan:roskazna.ru/publications/1065/8315.

SPECIFICS AND THE MAIN RESULTS OF UNIFYING PROCESS ON THE EXAMPLE OF THE ANGARSK CITY DISTRICT

E. Y. Aleksandrov, P. V. Rykov
V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. In work specifics of unifying processes of municipalities in the Russian regions are shown. A striking example of imperfection of the federal legislation on local government and «municipal experiment» is the Angarsk Municipality (AM) of the Irkutsk region, which kernel one of the large regional industrial cities of Angarsk. The chronology of «munitspalny experiment» which brought in a result to transformation of AMO municipalities to the Angarsk city district is considered.

Keywords: municipalities, local government, regions, Angarsk, Angarsk municipality, Angarsk city district.

Александров Евгений Юрьевич – инженер лаборатории экономической и социальной географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: alv1982@bk.ru

Aleksandrov Evgeny Yuryevich – Engineer, Laboratory of Economic and Social Geography V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.:8(3952)422700, e-mail: alv1982@bk.ru

Рыков Павел Валентинович – кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории экономической и социальной географии Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: levap77@inbox.ru

Rykov Pavel Valentinovich – Candidate of Geography Sciences, Research Fellow, Laboratory of Economic and Social Geography V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.:8(3952)422700, e-mail: levap77@inbox.ru

УДК 323.21

КРЫМ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

А. В. БАРАНОВ

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Аннотация. Установлены геополитические и социокультурные проявления воссоединения России и Крыма. Определены меры обеспечения национальной безопасности РФ в Крымском федеральном округе. Раскрыты направления регулирования политических конфликтов в регионе. Осмыслены материалы социологических опросов и переписей населения, итоги референдума 2014 г. и выборов, подтверждающие поддержку региональным сообществом реинтеграции Крыма в Российское государство.

Ключевые слова: реинтеграция, государство, геополитика, социокультурные проявления, Россия, Крым.

Воссоединение Крыма и России является сложным, многоаспектным политическим процессом, который далек от завершения. Цель работы – установить геополитические и социокультурные проявления воссоединения России и Крыма. Мы осветим такие важные аспекты, как обеспечение национальной безопасности России в Крыму и укрепление российской идентичности в регионе. Источниковую основу работы составили данные социологических опросов и переписей населения, итоги референдума

2014 г. и выборов, материалы включенного наблюдения, проводимого автором в 2011–2015 гг.

Крым является ключевым элементом безопасности России в Черноморском международном регионе. Его центральное географическое расположение позволяет не только контролировать коммуникации, но и разместить важные компоненты системы противоракетной обороны на Южном стратегическом направлении. Благодаря воссоединению Крыма облегчен выход российской эскадры в Средиземное море, стала возможной модернизация вооружений Черноморского флота. Как полагает главный редактор журнала «Military Крым» С. Ченнык, в свете военно-политических событий в Йемене «усиление военной группировки в Крыму следует рассматривать как стратегическую задачу по решению вопросов политического влияния России на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Северной Африке» [1]. По мнению руководителя подкомитета по тактическим и наземным силам Палаты представителей Конгресса США М. Тернера, размещенные в Крыму ракетные комплексы «Искандер-М» способны наносить удары высокоточными крылатыми ракетами на дальность до 2600 км [2]. Важную роль в обеспечении военно-политического баланса играют оперативно-стратегические бомбардировщики Ту-22 М3, истребители Су-27 и Су-30, строящиеся фрегаты и атомные подводные лодки, ракетные комплексы «Бастион-П» и «Бал», оснащенные противокорабельными ракетами [3]. В данной связи необходима ускоренная реконструкция инфраструктуры: аэродромов, морских портов, транспортных путей, информационных и энергетических сетей.

Сдерживание НАТО в Черноморском бассейне, обеспечение надежного базирования Черноморского флота РФ, потребностей военно-космических войск и противоракетной обороны, а также недопущение агрессии киевского режима – таковы задачи российской геополитики в Крыму.

Решение столь масштабных и сложных задач требует обеспечить поддержку российской политики в Республике Крым (РК) и г. Севастополе общественным мнением, эффективно регулировать политические конфликты.

Крым – полиэтничный и поликонфессиональный регион, находящийся в ареале цивилизационного диалога. Взаимодействуют русская, украинская и татарская идентичности. Опрос, про-

веденный Украинским центром экономических и политических исследований им. А. Разумкова в феврале-марте 2011 г. (выборка 2020 чел.), показал, что 78,9 % респондентов считали себя православными, 8,8 % – мусульманами, а по 5,2 % назвали себя «просто христианами» или не отнесли себя ни к одному вероисповеданию [4]. 97,8 % татар, судя по опросу 2008 г., считали себя мусульманами, а 85,1 % украинцев и 84,9 % русских – православными [5, с. 4]. Линии политической сегментации во многом совпадают с этническими и религиозными, что делает Крым многосоставным сообществом.

Сложилась региональная идентичность крымчан. Ее разделяют не только русские по происхождению, но и многие украинцы, белорусы, евреи, греки, поволжские татары. Для них русские исторические символы и язык более привлекательны, чем навязывавшаяся украинская идентичность, имевшая этнократические привилегии.

Центр этносоциальных исследований в 2008–2010 гг. провел лонгитюдный опрос жителей Симферополя и пригородов; выборка 400 чел. коррелировала со всем населением. Погрешность выборки составила 4,8 %. По выводу А. С. Филатова, этнокультурный фактор ориентаций характерен в Крыму для 44 % украинцев, 65–66 % крымских татар и 77–78 % русских. На вопрос «Каким Вы хотели бы видеть статус Крыма?» ответили: республикой в составе России – 37 %; независимой республикой в союзе с Россией, Белоруссией и Украиной – 10,5 %; автономной республикой в составе Украины – 32,1 %; областью Украины – 8,3 %; крымско-татарской автономией в составе Украины – 4,8 %; самостоятельным крымско-татарским государством – 4,3 %; вилайетом в составе Турции – 0,5 %. Более 60 % русских крымчан поддерживали воссоединение с Российской Федерацией [6].

При ответе на вопрос «С какой социальной группой вы себя хотели бы идентифицировать?» сторонников пророссийской ориентации выявилось суммарно 50,5 % (ответы «крымчане», «русские», «советский народ», «россияне»). К проукраинской ориентации относились 24,7 % («граждане Украины», «украинцы»). Для русских и украинцев идентичность по основаниям – государственная (32 % и 28 % ответов), а для крымских татар – этническая (около 80 %) [6].

Опрос, проведенный Центром им. А. Разумкова в феврале-марте 2011 г. (выборка 2020 чел.), показал крайнюю неравномерность межэтнических дистанций по шкале Э. Богардуса. Самым низким был уровень дистанции относительно крымских русских – 1,91 балл, по нарастающей – крымских украинцев (2,11), жителей Юга и Востока Украины – 2,89, граждан РФ – 3,11, жителей Центра Украины – 3,12. Наиболее высок уровень дистанции в отношении крымских татар – 3,97 балла, жителей Запада Украины – 4,54, турок – 5,60 и цыган – 6,02 балла. С сентября 2008 г. заметно снизилась дистанция в отношении татар и жителей Центра и Востока Украины, заметно возросла – в отношении жителей Запада Украины. Уровень дистанции между русскими и татарами (4,22 балла) почти не отличался от такового между украинцами и татарами (4,10) [4, с. 29].

В условиях кризиса на Украине (2013–2014 гг.) источники фиксируют рост регионализма и пророссийских настроений. Так, в январе 2014 г. Крымская республиканская организация Союза молодых политологов Украины провела опрос в Симферополе. 72,2 % респондентов назвали себя патриотами Крыма [7]. В марте-апреле 2014 г. Центр социологических исследований г. Севастополя опросил 1500 чел. (пропорциональная выборка на всем полуострове). 73,7 % респондентов считали, что Украина должна сотрудничать с РФ. 7,4 % поддержали возможность единства со странами СНГ. Напротив, ассоциацию Украины с ЕС одобряли 8,9 % крымчан, а вступление в НАТО – 0,4 % [8, с. 77].

Референдум о статусе Республики Крым и г. Севастополя 16 марта 2014 г. подтвердил прочность пророссийских ориентаций. Поддержали воссоединение с РФ 96,77 % принявших участие в референдуме жителей РК и 95,6 % жителей Севастополя при уровне явки соответственно 83,1 и 89,5 % [9]. Уровень поддержки воссоединения слабо различался по оси «русские – украинцы». Более весомы территориальные отличия в зависимости от удельного веса крымских татар. Но ни в одном из районов явка на референдум не опускалась ниже 58 %. Характерно, что сниженная явка отмечена в районах с повышенной плотностью мусульманских общин и высоким удельным весом татарского населения – Белогорском, Бахчисарайском, г. Судаке [10]. Выборы депутатов Государственного Совета Республики Крым 14 сентября 2014 г. подтвердили эту тенденцию.

В октябре 2014 г. состоялась микроперепись населения Республики Крым и г. Севастополя. По сообщению на круглом столе 19 марта 2015 г. начальника управления статистики населения и здравоохранения Федеральной службы статистики С. Никитиной, в Крымском федеральном округе проживают 2284,8 тыс. чел., из них 96,2 % указали свою этническую самооценку [11]. Русские составляют 67,9 % совокупного населения Республики Крым и г. Севастополя, указавших национальность, украинцы – 15,7 %, крымские татары – 10,6 %. Еще 2,05 % назвали себя татарами, что на порядок превышает уровень 2001 г. (0,57 %). Федеральная служба статистики приняла решение добавить к категории крымских татар всех лиц, владеющих данным языком как родным. Не указали национальность 87,2 тыс. жителей Крыма (3,8 %), что в 8 раз больше, чем при переписи 2001 г. Этот уровень близок удельному весу жителей Крыма, не ставших гражданами РФ, 2,5 %.

Население Республики Крым составило в октябре 2014 г. 1889,4 тыс. чел., в том числе русские – 65,0 %, украинцы – 16,0 %, крымские татары – 12,6 %, белорусы – 1,0 % (всего в РК проживает 175 этнических групп). Население Севастополя составило 395,0 тыс. чел., в том числе русские – 81,0 %, украинцы – 14,2 %, белорусы – 1,0 %, крымские татары – 0,7 %. Многие украинцы и белорусы сделали выбор в пользу признания себя русскими. Это подтверждается тем, что в 2014 г. назвали русский язык родным 84 % жителей Крымского федерального округа – больше, чем в 2001 г. (79,1 %). Считают русский язык родным 79,7 % украинцев в Крыму и 5,6 % крымских татар [11; 12]. Наиболее консолидированной выступает группа русских. Татары на втором месте, наименее консолидированы украинцы. То есть в Крыму идет добровольная ассимиляция украинцев.

Региональное сообщество Крыма является многосоставным, с сегментацией на русское, украинское и крымско-татарское сообщества. Русская идентичность крымчан своеобразна, но интегрирована в «большую» русскую идентичность. Наиболее слабы проявления украинской идентичности. Внутрирегиональные конфликты наиболее вероятны в проекции «славяне – татары». Радикальный ислам либо этноцентристские проекты могут нарушить конструктивный баланс идентичностей.

Необходима стратегия реинтеграции Крыма и России на основе распространения гражданской идентичности, диалога эт-

нических и конфессиональных сообществ. Залог ее прочности – прочная интеграция этнических и конфессиональных групп Крыма в российское общество, создание механизмов согласования и представительства политических интересов.

Список литературы

1. Российская военная группировка в Крыму будет усиливаться [Электронный ресурс]. – URL: http://news.allcrimea.net/news/2015/4/7/rossiiskaya-voennaya- gruppirovka- v-krymu-budet-usilivatsya-34554/.

2. *Мухин В.* Крым не нуждается в ядерных боеприпасах // Независ. газ. – 2014. – 22 окт.

3. *Рябов К.* Развитие группировки вооруженных сил России в Крыму [Электронный ресурс]. – URL: http://topwar.ru/71349-razvitie-gruppirovki-vooruzhennyh-sil-rossii-v-krymu.html.

4. Ставлення жителів Криму до імовірних загроз та до питань, які мають значний конфліктний потенціал // Національна безпека і оборона. Київ. – 2011. – № 4/5(122/123). – С. 27–39.

5. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації (Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. – Київ. – 2009. – № 5(109). – С. 2–72.

6. *Филатов А. С.* Русский Крым: внешние угрозы и внутренние вызовы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op= article&sid= 7280%/.

7. Большинство крымчан недовольны фиктивностью автономии [Электронный ресурс]. – URL: http://www.freetavrida.org/?p=2656#more-2656

8. *Бунецкий Л. Л.* Особенности массового политического менталитета граждан в условиях самоопределения Крыма и Севастополя // Крым и Донбасс: год после государственного переворота на Украине. – М. ; Ростов н/Д, 2015. – С. 59–83.

9. Итоговые данные: За воссоединение Крыма с Россией проголосовали 96,77 % участников референдума [Электронный ресурс]. – URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1778840.html/.

10. Референдум о государственном статусе Крыма и Севастополя 16 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://krymology.info/index.php/%D0%A0%D0%B5%/.

11. Росстат: большинство крымчан считают себя русскими [Электронный ресурс]. – URL: http://ria.ru/society/ 20150319/ 1053370183.html#14267873405313&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration.

12. В Крыму живут представители 175 национальностей – предварительные итоги переписи [Электронный ресурс]. – URL: http://www.c-inform.info/news/id/20417.

CRIMEA: A GEOPOLITICAL AND SOCIO-CULTURAL MANIFESTATIONS OF REINTEGRATION INTO THE RUSSIAN STATE

A. V. Baranov
Kuban State University, Krasnodar

Abstract. The geopolitical and socio-cultural manifestations of the reunification of Russia and Crimea. Defined measures of ensuring the national security of the Russian Federation in the Crimean Federal district. Revealed regulation of political conflicts in

the region. Digested materials of sociological surveys and censuses, the results of the referendum and the elections of 2014, confirming the support of the regional community reintegration of Crimea into the Russian state.

Keywords: reintegration, the state, geopolitics, socio-cultural manifestations, Russia, Crimea.

Баранов Андрей Владимирович – доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, кафедра политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, тел.: 8(861)2199501, e-mail: baranovandrew@mail.ru

Baranov Andrey Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, History Sciences, Professor, Sub-department of Political Science and Political Management, Kuban State University, 149, Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, tel.: 8(861)2199501, e-mail: baranovandrew@mail.ru

УДК 371

ПРЕДМЕТ «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ» В ШКОЛАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: КОНЦЕПЦИЯ, СОДЕРЖАНИЕ, ИТОГИ

А. Ю. БАШЕЛХАНОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье анализируется введение в школах нового предмета «Основы религиозных культур и светской этики». Рассматриваются образовательные, политические, юридические аспекты введения этого предмета. Выявляются особенности изучения предмета в школах Иркутской области, богатой представительством разных религиозных конфессий. В статье широко используются ссылки на законодательные акты Российской Федерации.

Ключевые слова: ОРКСЭ, религия, культура, школа, конфессия, этика, православие, буддизм, ислам, иудаизм, образование.

Сегодня, в период глобализации мира, интеграции страны в мировую экономику, в области образования появились новые требования, направленные не только на воспитание гражданской активности молодого поколения, патриотизма, но и на духовно-нравственное развитие молодого поколения [1].

Предмет ОРКСЭ был введен как обязательный для изучения в школах Российской Федерации с 2012 г. В рамках предмета изучаются культура, история, традиции народов, которые прежде во многом были связаны с религией. Изучение самой религии (догматов, обрядов) в светских школах запрещено законом. Одной из задач ОКСЭ также является развитие способностей младшего по-

коления к общению в полиэтнической и многоконфессиональной среде [2].

Сегодня ОРКСЭ изучается в начальной школе, в четвертых классах. Предмет включает в себя шесть модулей: «Основы светской этики», «Основы мировых и религиозных культур», «Основы православной культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы исламской культуры», «Основы иудейской культуры». Родители самостоятельно выбирают модуль для изучения их детьми (с их согласия).

Известно, что введение ОРКСЭ в школах в свое время вызвало многочисленные дискуссии в обществе из-за опасений экспертов сближения школы с религией, разделения учеников класса по этническому и религиозному признаку. Но преподавать ОРКСЭ могут только светские педагоги, а сама структура изучения предмета, как отмечается специалистами, такова, что помимо деления класса по выбранным модулям ОРКСЭ предусматриваются общие объединяющие класс занятия (на которых показывается, что, несмотря на разность культур, есть и общие ценности). Но, тем не менее, до 2012 г. ОРКСЭ в качестве эксперимента преподавали в школах только некоторых регионов Российской Федерации. Исследования показали положительную реакцию педагогов, родителей и учеников на новый предмет, именно как культурологический (а не религиозный). Отмечалось расширение кругозора учеников, воспитание уважение учащихся к традициям и культуре народов России и другие положительные моменты [3].

Если взглянуть на историю глубже, то после прекращения существования советской политической системы и коммунистической идеологии как общегосударственной в стране образовался идеологический вакуум или, если точнее, – многообразие идеологий. Во многих российских школах на самодеятельной основе в 1990-х гг. появлялись предметы, в той или иной форме направленные на изучение религиозных культур. Позже этот процесс приобрел более масштабные и организованные формы. Например, в целом ряде регионов России в школах изучались «Основы православной культуры», а на Северном Кавказе – «Основы исламской культуры». Эти процессы отражали тесное взаимодействие власти и церкви по определенным вопросам. Российские власти пошли по пути упорядочивания этого процесса и придания новому предмету общегосударственного статуса. Здесь Россия

стремилась опереться на опыт других стран мира, где изучают религиозные культуры. Для достижения определенного компромисса в обществе в предмет ОРКСЭ включили как «религиозные», так и «светские» модули. Русская православная церковь была одним из инициаторов включения в ОРКСЭ модуля «Основы светской этики».

Таким образом, в курсе ОРКСЭ изучается светская этика и религиозные культуры традиционных религий, прямо указанных в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»: православия, ислама, буддизма, иудаизма [4]. Но в этом же ФЗ говорится и о других религиях, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия России [4]. Эти религии в законе прямо не называются, но, по сути, приравниваются к названным традиционным религиям. Это дает юридическое основание представителям иных религиозных конфессий претендовать на включение в ОРКСЭ и их религиозных культур. О таком желании заявляли представители некоторых религиозных конфессий (старообрядцы, протестанты и т. д.). На территории Иркутской области в Боханском районе разрабатывался модуль «Основы шаманистской культуры». Такие модули могут преподаваться только на добровольной основе и на локальном уровне. С политической точки зрения здесь, естественно, не наблюдается единства между представителями разных религий, которые тесно связывают свою судьбу с историей России. Тем более известна осторожная позиция по отношению к ОРКСЭ со стороны части представителей ислама и иудаизма. Так, во избежание лишних проблем, модули по религиозным культурам ОРКСЭ сегодня не преподаются в Татарстане. Религиозные культуры в республике изучаются интегрированно в модуле «Основы мировых и религиозных культур», что вызывает критику со стороны руководства РПЦ [5].

В Иркутской области живут представители всех традиционных религий, имеются православные храмы, буддийские дацаны, мусульманские мечети, иудейские синагоги (с которыми сотрудничает ИИПКРО при организации курсов повышения квалификации учителей ОРКСЭ). Но религиозная картина Иркутской области гораздо многообразнее. Ведь здесь проживают шаманисты, старообрядцы, протестанты, католики и представители иных религий, о которых, конечно, также необходимо иметь хотя бы общее представление.

Многообразие представленных в Иркутской области религий во многом объясняется историей и геополитическим положением региона. В Иркутской области, в отличие от многих регионов России, в школах оказались востребованными все шесть модулей ОРКСЭ. Хотя в большинстве школ области выбираются по два-три модуля ОРКСЭ.

Иркутская область – регион, в котором, как и в целом по России, часто выбираются «светские» модули ОРКСЭ: «Основы светской этики», «Основы мировых и религиозных культур». Особенно эти модули популярны в городах, которые по своему образу жизни во многом светские. Модуль «Основы светской этики» выбирают для изучения более 60 % родителей, а модуль «Основы мировых религиозных культур» – около 20 % родителей. Среди «религиозных» модулей наибольшей популярностью у родителей пользуется модуль «Основы православной культуры», который выбирают около 15 % родителей [6]. Модули «Основы буддийской культуры», «Основы исламской культуры», «Основы иудейской культуры» выбирают значительно меньшее количество родителей, что объясняется этнокультурной составляющей региона и другими причинами. На изменение цифр популярности модулей по изучению культур ислама и буддизма может оказывать влияние географический фактор – близость Иркутской области к азиатским странам, в которых распространен буддизм, и миграция – приток в Иркутскую область жителей из стран СНГ, в которых ислам является доминирующей религией (Киргизия, Азербайджан, Таджикистан и т. д.).

Анкетирование учителей, родителей, учеников Иркутской области показывает их положительное отношение к предмету ОРКСЭ, развивающему знания и хорошие человеческие качества. Имеются и определенные сложности, требующие от учителей ОРКСЭ знаний, такта и умений, взаимодействия с родителями. Например, в беседах и на научно-практических семинарах некоторые педагоги отмечают сложности увязывания знаний, полученных учениками на предмете ОРКСЭ, с реальностью. Возникают ситуации, требующие объяснения противоречий между религиозными и научными взглядами, различия между культурами, религиями. Возраст же учеников четвертых классов не позволяет вести с ними серьезные беседы. Порой требуется компенсировать имеющиеся недостатки некоторых учебников. И это

касается не только методики, но и их содержания. Так, ученые РАН отмечают определенную религиозную направленность некоторых учебников ОРКСЭ [7]. Критика специалистов, безусловно, должна учитываться при создании новых учебников.

В заключение хочется отметить, что Иркутская область относится к числу регионов, в которых достаточно мирно взаимодействуют разные культуры, народы, религии. И нужно сделать все необходимое, чтобы мирное сосуществование разных народов укреплялось.

Список литературы

1. *Данилюк А. Я.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 2013. – 125 с. – (Стандарты второго поколения).

2. О введении учебного курса ОРКСЭ : письмо М-ва образования и науки РФ (Департамента государственной политики в сфере общего образования) от 22 авг. 2012 г. № 08-250 // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система

3. О введении учебного курса ОРКСЭ : письмо М-ва образования и науки РФ (Департамента государственной политики в сфере общего образования) от 22 авг. 2012 г. № 08-250 // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

4. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон (с изм. на 31 дек. 2014 г.) // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

5. Чиновники Минобрнауки РТ ответили на упреки патриарха Кирилла // Вечер. Казань. – 2015. – 29 янв.

6. О результатах мониторинга и проведения координационных работ по реализации курса ОРКСЭ в 85 субъектах Российской Федерации в 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.orkce.org/sites/default/files/file/mntrng2014.pdf (дата обращения 13 мая 2015 г.).

7. *Никольская П.* Отличники по мольбе и религиозной подготовке // Газета.ру. – 2010. – 23 марта.

THE SUBJECT «FUNDAMENTALS OF RELIGIOUS CULTURES AND SECULAR ETHICS» IN SCHOOLS OF THE IRKUTSK REGION: THE CONCEPT, CONTENT, RESULTS

A. Yu. Bashelkhanov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. In the article implementation to school curriculum a new subject "The Basics of Religious Cultures and Secular Ethics" (for which ORKSE is the abbreviation) is analyzed. The author concerns the educational, political, law aspects of implementation of this school subject. The paper researches the peculiarities of teaching "The Basics of Religious Cultures and Secular Ethics" at secondary schools of Irkutsk region where a lot of students-representatives of different religious confessions study. In the article there are many links to the laws of Russian Federation.

Keywords: "The Basics of Religious Cultures and Secular Ethics", religion, culture, school, confession, ethics, Orthodoxy, Buddhism, Islam, Judaism, education.

Башелханов Анатолий Юрьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 412, тел.: 8(3952)334372 e-mail: Anatoli-irk@yandex.ru

Bashelkhanov Anatoly Uyrievich – Candidate of History Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 412, K. Marx st., Irkutsk, 664003 tel.: 8(3952)334372, e-mail: Anatoli-irk@yandex.ru

УДК 911.37

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ю. Н. ДМИТРИЕВА

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Предложены критерии территориальной идентичности молодежи города и села. На основе полученных данных построены профили отношений к городским и сельским территориям. Выявлены отличительные особенности восприятия территории молодежью.

Ключевые слова: критерии территориальной идентичности, молодежь, восприятие территории, социально-территориальные общности, городские и сельские населенные пункты.

Цель данного исследования – выявление особенностей восприятия территории как основы территориальной идентичности. Каждый индивид обладает целым набором территориальных идентичностей, что легко можно понять, представив, как поразному выглядит ответ на простой вопрос: «Где ты живешь?» в зависимости от того, где и кем этот вопрос задан. Отвечая на этот вопрос человеку, живущему с нами в одном районе города, мы назовем микрорайон или улицу, а живущему в одном с нами городе – район. Уехав за пределы родного города, в другой регион или область, будем называть город. А за границей в первую очередь назовем страну. И все это разные грани нашей территориальной идентичности [1, с. 78]. Показатели территориальной идентичности должны подтвердить существование сложившихся социально-территориальных общностей города и села; выявить принадлежность молодежи к тому или иному типу через определенные индикаторы: черты, свойственные городским (сельским) общностям, «своя» и «чужая» территория, удовлетворенность социально-экономическими условиями.

В исследовании выбрана именно молодежь в связи с ее важной социально-экономической функцией, особенно для сельских территорий, с одной стороны, и мобильностью, приспособляемостью к современным российским условиям – с другой. Косвенным подтверждением остроты указанной проблемы является тот факт, что в Иркутской области численность и доля молодежи в общей возрастной структуре имеет тенденцию к сокращению. В анкетировании приняли участие по 50 представителей молодежи г. Шелехова и с. Введенщина в возрасте от 15 до 30 лет.

Один из первых индикаторов – восприятие молодежью территории, на которой они проживают. Основными критериями, по которым молодежь определяла «далеко» или «близко», были выбраны: расстояние в километрах, затраты времени и разница в образе жизни.

Больше половины респондентов с. Введенщина (76 %) считают, что они проживают далеко от города. Это говорит о том, что они достаточно четко разделяют в своем сознании населенные пункты, что является одним из признаков территориальной идентичности. Миграционные настроения сельской молодежи довольно высоки: 41 % указывают, что согласны сменить место жительства при определенных условиях, 15 % – что их устраивает данное место жительства, остальные затруднились с ответом.

Для сравнения: только 13 % молодежи г. Шелехова указали, что они проживают далеко от Иркутска, большая же часть указала на тесную связь городов; в ответах многих встречаются слова «город-спутник» и «Иркутская агломерация». Несмотря на наличие в Шелехове достаточного количества промышленных предприятий, женская часть населения испытывает недостаток рабочих мест. Одним из выходов в данной ситуации являются рабочие места в Иркутске, отсюда сложившаяся маятниковая миграция, к которой также присоединяется поток студентов. Следует отметить, что согласно ответам респондентов, работающих в Иркутске, сменить место жительства готовы только 4 %, указывая, что Иркутск – «шумный, грязный, неспокойный» в отличие от родного города. Из опрошенной молодежи 83 % довольны, что проживают именно здесь, и 35 % хотели бы, чтобы в Шелехове остались проживать в будущем их дети.

Для исследования выраженной территориальной идентичности оценивалось также отношение жителей к территории по нескольким эмоционально окрашенным категориям-

дихотомиям; в основе вариантов ответа лежали пятичленные порядковые шкалы «очень, вполне, средне» (техника семантического дифференциала), отражены положительные и отрицательные критерии «красивый/некрасивый» (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Распределение показателей восприятия территории сельской молодежью

Критерии (-)	Очень	Вполне	Средне	Вполне	Очень	Критерии (+)
Некрасивый	0	13	53	23	11	Красивый
Грязный	0	8	42	37	13	Чистый
Бедный	11	34	44	11	0	Богатый
Скучный	12	29	36	19	4	Веселый
Маленький	21	56	15	8	0	Большой
Чужой	0	6	28	41	25	Свой

Ответы сельской молодежи в целом положительны, за исключением критериев «маленький/большой» и «бедный». Наиболее значительны средние показатели и показатели «вполне». На основе данных таблиц построены профили отношений к городской и сельской территории (см. рис. 1 и 2).

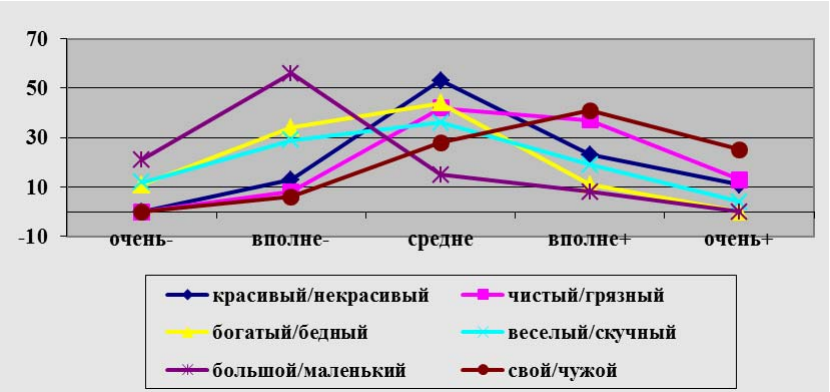

Рис. 1. Профиль отношения сельской молодежи к территории

Сельская молодежь в целом оценила свой населенный пункт положительно, с учетом среднего достатка, размера территории, ухоженности и чистоты. Своей территорией село признали 66 % молодежи.

Городская молодежь воспринимает территорию немного подругому.

Таблица 2

Распределение показателей восприятия территории городской молодежью

Критерии (-)	Очень	Вполне	Средне	Вполне	Очень	Критерии (+)
Некрасивый	0	14	45	33	8	Красивый
Грязный	0	6	26	58	10	Чистый
Бедный	0	8	32	47	13	Богатый
Скучный	0	11	45	36	8	Веселый
Маленький	6	14	48	32	0	Большой
Чужой	0	9	43	32	16	Свой

По данным табл. 2, заметен приоритет средних показателей, исключением стали только критерии «чистый» и «богатый», что свидетельствует о положительной оценке города. Числовые данные табл. 2 наглядно отражены на профиле (рис. 2).

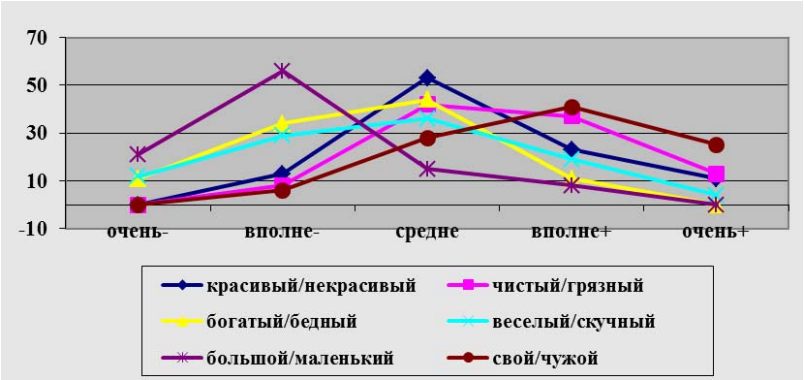

Рис. 2. Профиль отношения городской молодежи к территории

В целом профиль городской молодежи, как и сельской, положительный. Главный показатель «свой/чужой» также заметно выражен, но имеет более низкие значения по сравнению с сельской молодежью. Своей территорией город признали 48 % молодежи.

Данное исследование в целом отразило принадлежность молодежи города и села к двум типам по восприятию территории. Многие социальные географы отмечают специфику городского сообщества и сельского. При этом сельское сообщество более тесно ассоциирует себя с населенным пунктом, что объясняется особенностями образа жизни (занятость в сельском хозяйстве, узкий круг общения, однообразие жизнедеятельности и проведения досуга, низкая территориальная мобильность). Отсюда более высокие показатели территориальной идентичности у молодежи сельских территорий.

Список литературы

1. *Мосиенко Н. Л.* Социально-территориальная структура пространства городской агломерации : дис. ... канд. социол. наук / Н. Л. Мосиенко. – Новосибирск, 2008. – 196 с.

FEATURES OF TERRITORIAL IDENTITY URBAN AND RURAL YOUTH

Yu. N. Dmitrieva
V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The proposed criteria of territorial identity of the youth in cities and villages. Based on these results the shape of the relationship to the urban and rural areas. The revealed peculiarities of perception of the territory's youth.

Keywords: criteria of territorial identity, youth, perception of territory, socio-territorial community, urban and rural settlements.

Дмитриева Юлия Николаевна – ведущий инженер лаборатории экономической и социальной географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: Yuliya.dmitr@mail.ru

Dmitrieva Yuliya Nikolaevna – Principal Engineer, Laboratory of Economic and Social Geography V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: Yuliya.dmitr@mail.ru

УДК 327

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ РОССИИ[1]

И. Н. ЕРИЦЯН

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Непризнанные государства постсоветского пространства играют особую роль в сохранении национальной безопасности нашего государства и выборе стратегии внешней политики. В статье рассматриваются такие непризнанные государства постсоветского пространства, как Нагорно-Карабахская Республика, Приднестровская Молдавская Республика, Донецкая и Луганская Народные Республики и их геополитическое значение для России.

Ключевые слова: постсоветское пространство, непризнанные государства, геополитическое значение, безопасность России.

[1] *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-57-00001.*

Непризнанные государства постсоветского пространства представляют собой предмет спора между ведущими державами мирового сообщества. Их нахождение в фокусе геополитических интересов Запада обусловлено в первую очередь их геополитической значимостью. Конфликты, возникающие на постсоветском пространстве, неизбежно влияют на стабильность всего региона, и, как правило, наиболее уязвимыми оказываются непризнанные государства.

Геополитическая значимость Нагорно-Карабахской Республики для России обусловлена в первую очередь тем, что Нагорный Карабах является предметом спора экономического и военного союзников нашего государства Армении и Азербайджана. В Армении (г. Гюмри) располагается военная стратегическая база России, которая не только прикрывает южный фланг России [7], но и способна предотвратить турецкую экспансию на север и восток в регионы среднеазиатского тюркского мира. Азербайджан в свою очередь является важным торгово-экономическим партнером России [4, с. 352].

С. В. Петрова и Г. В. Сляднева считают, что позиция России на Южном Кавказе укрепилась за счет участия России в августовской «пятидневной войне» 2008 г., после которой 2 ноября того же года была подписана декларация между президентами России, Армении и Азербайджана при посредничестве Москвы. С точки зрения авторов, Баку, изначально поддерживавший начатую Грузией войну, подписал такое соглашение из-за опасений, что в случае начала военных действий с их стороны Россия может ввести свои войска в Нагорный Карабах, как в 2008 г. в Абхазию и Южную Осетию, для предотвращения конфликта [6, с. 75].

Еще одним непризнанным государством постсоветского пространства является Приднестровская Молдавская Республика. Исторически Приднестровье тесно взаимосвязано со славяноправославной цивилизацией [3, с. 147]. Геополитическая заинтересованность России в Приднестровской Республике восходит к концу XVIII в. [3, с. 148]. Русское население в республике составляет почти 200 тыс. человек, из которых более 100 тыс. имеют российское гражданство. Внешняя политика Приднестровской Республики направлена на укрепление взаимосвязей с Россией посредством социально-экономического, политического и культурного сотрудничества.

На сегодняшний день существуют различные позиции относительно геополитической значимости этого региона. Н. В. Дымченко считает, что в силу отсутствия у Приднестровья выхода к морю и особых природных ресурсов республика своим геополитическим положением не представляет интереса для России. Заинтересованность в большей степени носит духовно-культурный характер [3, с. 155]. С точки зрения С. И. Берил, именно непризнанные государства могут стать союзниками для России в ее становлении в качестве великой геополитической державы, поскольку именно непризнанные республики, несмотря на давление Запада и США, сохраняют пророссийский вектор. По мнению автора, для восстановления России как великой державы ей необходимо вновь воссоздать целостное восточнославянское православное пространство, воссоединив Россию, Украину, Белоруссию, а также Приднестровье, Абхазию и Южную Осетию [1, с. 9]. Таким образом, автор говорит о том, что наличие у непризнанных республик исторической общности и культуры с Российским государством должно стать основой для укрепления геополитического лидерства России на мировой арене. И именно Приднестровье является государством, без которого невозможно становление России как великой державы, поскольку только Приднестровье способно обеспечить присутствие России на юго-западном балканском направлении [1, с. 10].

С точки зрения С. Н. Бабурина, Приднестровская Молдавская Республика нуждается в юридическом признании ее независимости. российский политик видит будущее республики в присоединении к России или союзному государству РФ. С. Н. Бабурин также подчеркивает, что признание фиксирует фактическое существование государства, а не создает его [3, с. 150].

Россия внесла существенный вклад в сохранение и развитие Приднестровья, вмешавшись в 1992 г. в вооруженный конфликт и организовав миротворческую операцию. Однако, несмотря на взаимодействие России с Приднестровской Молдавской Республикой во многих отраслях жизнедеятельности, наша страна не готова официально признать независимость республики. По мнению Н. В. Дымченко, Россия не готова к такому шагу по причине отсутствия готовой долгосрочной политической стратегии и ресурсов на ее реализацию (интеллектуальных, культурных, финансовых) в отношении Приднестровья [3, с. 155].

Приднестровье вызывает Геополитический интерес у ряда государств Европы, однако приоритетное влияние в регионе сохраняется за Россией посредством военного присутствия на берегах Днестра.

Сегодня бывшие союзные республики продолжают дезинтегрироваться. Возникновение непризнанных государств на постсоветском пространстве не прекращается. Помимо непризнанных Нагорно-Карабахской и Приднестровской Республик в 2013 г. борьбу против режима действующей власти на Украине начали Донбасс и Луганск, приобретя статус неподконтрольных центру территорий.

С точки зрения А. А. Нагорного, конфликты на Юго-Востоке Украины являются локальными и носят временный характер. Автор считает, что наиболее верной политикой России в данном конфликте является помощь в вооружении ополченцев и направлении на Юго-Восток Украины подразделения добровольцев [2, с. 10].

По мнению С. А. Маркова, решению конфликта на Юго-Востоке Украины может способствовать посредничество ЕС и России в прекращении огня с сохранением военных вооружений на захваченных территориях и ввод на территорию конфликта миротворческих сил, которым будут доверять обе стороны. Антидемократическая и террористическая политика, осуществляемая нынешней властью Киева, продиктована США, которые, будучи настроены антироссийски, пытаются установить на Украине диктатуру, которая позволит направить украинскую армию против России. С. А. Марков отмечает, что политика России в отношении конфликта на Юго-Востоке Украины носит выжидательный характер и заключается в том, чтобы оказывать поддержку ополченцам до момента «пробуждения» европейского общественного мнения. Россия не может прекратить свою поддержку, поскольку следующий удар придется именно по ней. М. Л. Хазин считает, что ввод российских войск на Юго-Восток Украины опасен, однако иная помощь ополченцам должна активно оказываться [2, с. 17].

США в своей антироссийской политике не осуществляют открытых и прямых военных действий против России, что обусловлено рядом причин и в первую очередь желанием сохранять свой статус псевдодемократического государства. Попытки дестабили-

зации нашего государства осуществляются через слабые и подверженные влиянию государства постсоветского пространства. Сегодняшней жертвой манипуляций США стала Украина. Оказываемое на Киев давление способствует эскалации конфликта между Россией и Украиной и приводит последнюю к политике, основанной на русофобии.

Таким образом, вопросы геополитической значимости постсоветского пространства будут оставаться актуальными, пока США и Запад не прекратят свою антироссийскую политику, реализуемую через слабые государства. Россия должна сохранять и расширять свое геополитическое влияние на постсоветском пространстве во избежание угрозы национальной безопасности. И, как верно отмечают А. Ю. Плотникова и М. В. Демурина, России необходимо расширить зону своего влияния на постсоветском пространстве, чтобы не допустить расширения Североатлантического альянса посредством включения в него Украины и Грузии [5, с. 133].

Мировой геополитический порядок был разрушен после распада СССР и Организации Варшавского договора [4, с. 234]. Баланс сил на мировой арене нарушен, и Запад стремится ослабить геополитическое влияние России на постсоветском пространстве. Давление оказывается на наиболее проблемные территории, к которым относятся непризнанные государства постсоветского пространства. Чем выше степень геополитического влияния России на постсоветском пространстве, тем больше возможностей обеспечить безопасность нашего государства.

Список литературы

1. *Берил С. И.* Приднестровье в геополитической системе координат современной России // Вестн. РГТЭУ. – 2008. – № 3. – С. 9–11.

2. *Делягин М.* Что происходит на Украине и какое будущее ее ждет? // Свободная мысль. – 2014. – № 3 (1645). – С. 7–32.

3. *Дымченко Н. В.* Россия и Приднестровье: геополитические интересы и культурно-образовательные контакты // Вестн. РГТЭУ. – 2011. – № 1 (50). – С. 147–157.

4. *Зюганов Г. А.* География победы: Основы российской геополитики / Г. А. Зюганов. – М., 1997. – 304 с.

5. *Лактионова Н. Л.* Постсоветское пространство: реалии и перспективы (обзор материалов «круглого стола») // Власть. – 2008. – № 10. – С. 133–138.

6. *Петрова С. В.* Политическая ситуация в регионе Южного Кавказа в контексте геополитических и цивилизационных процессов / Н. Л. Лактионова, Г. В. Сляднева // Вестн. ТГПУ. – 2015. – № 2 (155). – С. 72–77.

7. 102-я военная база Группы российских войск в Закавказье // Кавказ. Узел : ежеднев. интернет-изд. – 2013. – 2 дек. – URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/152315/ (дата обращения: 20.07.2014).

GEOPOLITICAL SIGNIFICANCE OF THE UNRECOGNIZED POST-SOVIET STATES TO RUSSIA

I. N. Eritsyan
Baikal State University, Irkutsk

Abstract. The unrecognized post-Soviet States play a special role in preserving the national security of our state and selection strategy for foreign policy. This article discusses these unrecognized post-Soviet States as the Nagorno-Karabakh Republic, Pridnestrovian Moldavian Republic, Donetsk and Lugansk Republic and their geopolitical importance for Russia.

Keywords: post-Soviet space, unrecognized States, geopolitical importance, security of Russia.

Ерицян Инга Нелсиковна – аспирант, кафедра истории и международных отношений Байкальский государственный университет 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел.: 8(3952)255550 e-mail: eritsyan.inga@mail.ru

Eritsyan Inga Nelsikovna – Postgraduate, Department of History and International Relations Baikal State University 11, Lenin st., Irkutsk, 664003 tel.: 8(3952)255550, e-mail: eritsyan.inga@mail.ru

УДК 04.71.31

ЗНАЧЕНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО ТЕКСТА В ТРАНСЛЯЦИИ ИМИДЖА ТЕРРИТОРИИ[1]

А. Б. ЕСИМОВА
Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, г. Шымкент, Казахстан
З. Х. ВАЛИТОВА
Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова, г. Караганда, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается значение визуального текста в трансляции имиджа территории. Предлагается классификация визуальных текстов, отражающих имидж территории, а также рассматриваются особенности визуального текста в интернете.

Ключевые слова: визуальный текст, имидж, территория.

В современном обществе большое значение приобретает информация, которая в условиях повышения информационного влияния выступает в качестве ресурса и важного стимулятора социальных изменений. Известно, что трансляция информации

[1] *Данная статья подготовлена в рамках фундаментального проекта МОН РК «Формирование позитивного имиджа регионов Казахстана как потенциал консолидации общества» (2015–2017 гг., госрегистрация № 0115РК01113).*

способна оказывать влияние на общественные представления, конструируя видение социальной реальности. Имидж территории конструируется в нашем сознании во многом под воздействием информационного влияния.

В эпоху развития информационных технологий большую роль приобретает визуальный имидж территорий. Зачастую в практическом плане визуальный образ отодвигают на второй план, считая его менее значимым, так как распространено представление, что это просто внешняя картинка, которая не так эффективна, как текстовой материал. Но визуальный текст как текст-сообщение, предназначенный для зрительного восприятия, – это важная часть имиджа территорий, который должен быть тщательно продуман и подготовлен профессиональными имиджмейкерами, фотографами, пиар-специалистами.

Фотографии, рисованные изображения, графики, символы, которые публикуют в прессе, отражают различные стороны политической, социально-экономической и культурной жизни, формируют представление об отдельной территории или о стране в целом.

Современный мир – это мир цифровых технологий, позволяющий мгновенно создавать и распространять визуальный текст. Согласно статистическим данным, в 2010 г. был продан 141 млн фотоаппаратов [1]. Известно, что фотоаппараты покупаются большей частью профессионалами или теми, для которых фотографирование стало серьезным хобби. Но развитие технических инноваций привело к появлению доступных смартфонов со встроенными камерами. Большая часть фотографий, снятых в последние несколько лет, – это фотографии владельцев смартфонов. Самый большой получатель фотографий – «Фейсбук», у него в сутки добавляется более 300 млн фото, а у «Инстаграма» – 40 млн. По прогнозам, к 2022 г. будут приняты более 7 трлн фотографий [2].

Все это свидетельствует об огромных масштабах визуальных материалов, доступных зрительской аудитории и влияющих на ее представления, так как формируют/разрушают определенные стереотипы.

СМИ – главный канал продвижения имиджа территории. Использование информационных технологий облегчает и ускоряет продвижение требуемого имиджа. Современные информа-

ционные технологии, мультимедийные средства представляют обширные технологические возможности для визуального давления. Сейчас стало значительно больше средств и каналов трансляции визуальной информации. Но, несмотря на расширение каналов, через которые государство могло бы визуально влиять, оно не в состоянии в полной мере их использовать. Одной из главных причин создавшейся ситуации является коммерциализация пространства. Другая причина – это распространение виртуального пространства, в котором визуальный текст может циркулировать без всякого контроля и цели.

Все большую роль в распространении визуального текста играет интернет. В настоящее время в мире насчитывается 3,2 млрд пользователей интернета [3]. Особенностью современных интернет-пользователей является то, что большая их часть обменивается информацией, в том числе и визуальной, в различных социальных сетях. Так, крупнейшая в мире социальная сеть «Фейсбук» имеет 1,4 млрд зарегистрированных пользователей [4].

М. Кастельс в работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» отмечает, что «появление новой системы электронной коммуникации характеризуется ее глобальными масштабами, интегрированием всех средств массовой информации, и ее потенциальная интерактивность уже меняет нашу культуру и изменит ее необратимо» [5]. По его мнению, «под мощным воздействием новой коммуникационной системы, опосредованным социальными интересами, политикой правительств и стратегиями бизнеса, рождается новая культура: культура реальной виртуальности». Эта культура характеризуется тем, что «местности лишаются своего культурного, исторического, географического значения и реинтегрируются в функциональные сети или в образные коллажи, вызывая к жизни пространство потоков, заменяющее пространство мест. Время стирается в новой коммуникационной системе: прошлое, настоящее и будущее можно программировать так, чтобы они взаимодействовали друг с другом в одном и том же сообщении» [5].

Российский исследователь М. Филь отмечает, что существуют «особенности взаимодействия текстового и визуального контента. Если в классическом представлении текста визуализация образов следовала за текстом (иллюстрации), то для контента социальных сетей характерна обратная закономерность – текст (комментарий) следует за “картинкой”. Текст и изображение, по меньшей

мере, выступают на равных, причем у визуального образа больше шансов на самостоятельную жизнь, тогда как текст без изображения практически мертв» [6]. Это приводит к большему распространению визуального текста в социальных сетях.

Это значит, что в условиях современных виртуальных технологий усилия по целенаправленному распространению имиджа могут быть разрушены случайными визуальными текстами. Примерами могут явиться фотографии на рис. 1 и 2. Первая фотография взята с официального сайта www.amsterdam.info, вторая – сделана туристом и могла бы быть размещена в социальных сетях. Безусловно, если бы вторая фотография была широко представлена в социальных сетях, то она внесла бы негативный элемент или вовсе разрушила позитивный имидж Амстердама у некоторых участников социальной сети.

Рис. 1. Амстердам

Рис. 2. Амстердам

Преимуществом визуального текста является универсальность его языкового кода – его символы и знаки понятны и не требуют перевода. Как отмечает специалист по брендингу П. Родькин, «брендинг территорий основан на едином международном коммуникативном языке, стирающем различия между востоком и западом, севером и югом, провинцией и столицей» [7].

По своему содержанию визуальные тексты, направленные на трансляцию имиджа территории, условно делятся на следующие виды: а) официальный – это изображение герба, флага, официальных лиц, визуальные тексты с сайтов государственных органов, туристические символы, эмблемы; б) историко-культурный – изображения музеев, исторических памятников, архитектурных объектов, художественные фильмы, видеоклипы и др.; в) досуговый – изображения гостиниц, кафе, парков, театров и т. д.;

г) коммерческий – изображения промышленных и продовольственных товаров, услуг и т. д.

Авторов визуальных текстов можно разделить на профессионалов и непрофессионалов. Сами тексты могут быть созданы как с определенной целью, так и спонтанно, без определенного замысла. В обоих случаях они влияют на восприятие зрителя и могут изменить сформировавшееся представление.

В условиях глобализации информационного пространства имидж территории является одним из важнейших факторов ее конкурентоспособности. Создание положительного имиджа страны зависит от знания и правильного использования технологий и механизмов формирования имиджа.

Визуальный имидж представляет собой совокупность различных логотипов, знаков, а также формирует культуру и коммуникации территории, влияет на среду и качество жизни. Многие страны имеют четкий визуальный символ, который легко «прочитывается» и запоминается. На современном этапе в некоторых, преимущественно европейских, странах (Франция, Хорватия, Италия, Словения, Великобритания) функционируют официальные визуальные символы второго поколения, которые свидетельствуют о создании концептуально новых визуальных символов, отвечающих современным тенденциям в дизайне. Использование визуального символа должно быть направлено на укрепление основной идеи имиджа. Визуальный текст может укрепить представление или ускорить продвижение требуемого имиджа территории.

Список литературы

1. The statistics portal [Electronics resurs]. – URL: www.statista.com (дата обращения: 01.06.2015).

2. Maxwell R. Camera vs. Smartphone: Infographic shares the impact our smartphones have had on regular cameras [Electronics resurs]. – URL: http://www.phonearena.com (дата обращения: 01.06.2015).

3. Интернет в России и в мире [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404 (дата обращения: 05.06.2015).

4. Пользователи интернета в мире [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org (дата обращения: 01.06.2015).

5. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Электронный ресурс]. – URL: www.gumer.info (дата обращения: 15.06.2015).

6. Филь М. Влияние феномена «социальных сетей» на процессы самоорганизации общества [Электронный ресурс]. – URL: http://niisocio.ru (дата обращения: 01.06.2015).

7. *Родькин П.* Тезисы к мультимедийному круглому столу «Брендинг территорий: путь от идеи к воплощению» [Электронный ресурс] // РИА Новости. 5 сент. 2011 г. –URL: http://www.prdesign.ru (дата обращения: 08.06.2015).

THE VALUE OF VISUAL TEXT IN THE BROADCAST THE IMAGE OF THE TERRITORY

A. B. Yesimova,
South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent, Kazakhstan
Z. KH. Valitova
E. A. Buketov Karagandy State University, Karaganda, Kazakhstan

Abstract. The article discusses the importance of the visual text in the broadcast of the area image. Classification of visual texts, reflecting the image of the territory, as well as discusses the features of the visual text on the Internet.

Keywords: visual text, Image, Territory.

Есимова Айгуль Бегеновна – кандидат исторических наук, доцент общественных дисциплин Южно-Казахстанского государственного педагогического института Казахстан, г. Шымкент, e-mail: ayessimova@gmail.com

Yesimova Aigul Begenovna – Candidate of History Sciences, Associate Professor, Department of Social Disciplines, South Kazakhstan State Pedagogical Institute Shymkent Kazakhstan e-mail: ayessimova@gmail.com

Валитова Зульфия Хафизовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова, Казахстан, г. Караганда e-mail: ayessimova@gmail.com

Valitova Zulfiya Khafizovna – Candidate of Sociology Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, E. A. Buketov Karagandy State University Karaganda, Kazakhstan e-mail: ayessimova@gmail.com

УДК 322.22

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЕ БУДДИЗМА В МОНГОЛИИ

А. В. ЖУКОВ, О. И. ЗИМИН, А. А. ЖУКОВА
Забайкальский государственный университет, г. Чита

Аннотация. Доклад посвящен анализу развития религий в Монголии, на которые влияние оказывают тенденции, связанные с возрождением традиционной религиозной и этнической культуры, с масштабной урбанизацией, вестернизацией монгольского общества. Это привело к актуализации традиционных ценностей номадизма, среди которых буддизм занимает значимое место. Авторы доказывают, что возрождение буддизма в монгольском обществе есть яркое проявление неотрадиционализма, связанного с государственными практиками, направленными на формирование коллективной идентичности. В докладе раскрыто содержание процесса встраивания буддизма в конструирование идеологем общегражданской религии, основанной на дополнительности таких понятий, как «Родина», «Чингисхан», «Будда», «Тэнгри», «Гэсэр» и др. ведет к формированию гражданской, государственной идентичности, которая бы превалировала конфессиональными и этническими различиями.

Ключевые слова: Монголия, буддизм, глобализация, вестернизация, Чингисхан, Будда, Тэнгри, «Гэсэр».

Глобализационные процессы, первоначально обусловленные экономическими интересами, оказали существенное влияние на политическую, коммуникационную и культурную составляющие практически всех стран, включая государства Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности Монголию. Эта страна за короткий период времени перешла от социалистической модели развития к политической системе, основанной на рыночных и демократических принципах. Аспекты буддийского возрождения Монголии широко представлены в публикациях [2, с. 89]. В то же время неразработанным является концептуальное видение системы факторов, влияющих на процессы возрождения буддизма в современной Монголии.

Данные исследований показывают, что основным фактором формирования современной религиозной ситуации в Монголии является государственная политика, которая направлена на реализацию принципа свободы совести и либерализм, гарантируемый конституцией [12, с. 173]. В условиях, когда постсоветская Монголия вернулась к возрождению понятия «аратство» [4, с. 8], естественным представляется возрождение традиционных национальных религий, таких как буддизм и шаманизм. Однако стремление монголов к развитию аутентичных традиций не является единственным фактором, определяющим процессы религиозного возрождения, так как они сопровождаются усилением влияния западных стран. При этом западное духовно-психологическое воздействие на Монголию, отошедшую от идеологических традиций советского времени, сопровождается характерной для глобализирующихся обществ частичной утратой национальной аутентичности [5, с. 99]. Ценности западной культуры воспринимаются как образец демократического пути развития не только в экономике, но и в общественно-политической жизни [11, с. 40].

Настойчивость и энергичность, с которой распространяются западные религии, имеющие тенденцию к вытеснению традиционных для Монголии мировоззренческих ценностей, вызывают опасение части монголов, сохраняющих традиционные ценностные ориентации, что ведет к активизации третьего фактора, влияющего на современную религиозную ситуацию в Монголии [12, с. 176]. Это опасения монгольской общественности, связанные с распространением угроз национальной идентичности, появле-

нием культурных конфликтов как на макро-, так и на микроуровнях. Перед лицом глобализационных вызовов монгольская научная и духовная элита, творческая интеллигенция предпринимает шаги, направленные на сохранение этнической и культурной аутентичности, в первую очередь обратившись к проектам реконструкции тэнгризма, проявляющегося в усиленном внимании к культам Чингисхана и Великой Монгольской империи, к инициированию гражданских инициатив по поддержке буддизма и шаманизма, возвращению монгольской письменности и культурных традиций.

Обеспокоенное руководство страны приняло ряд мер, направленных на сохранение и популяризацию национальных культурно-исторических ценностей, среди которых ведущее место занимают ценности буддизма и шаманизма, чей синтез обусловлен закономерностями развития материальной культуры кочевников. В 1995 г. вышло официальное правительственное решение президента о почитании согласно древней монгольской традиции четыре горных вершин – Богдо-хан, Хайрхан уул, Хан Хэнтий (Бурхан Халдун) уул, Отгонтэнгэр уул. Позднее к почитанию этих гор прибавили почитание Дарьгангын Алтан-Овоо [8]. В 2002 г. подписан президентский указ о признании музыкального инструмента Морин хуур особо ценным и почитаемым объектом культурного наследия страны [1]. В 2008 г. лидер республики Н. Энхбаяр возглавил церемонию освящения полотна с изображением бога «Очирваань», являющегося покровителем монгольского народа [10, с. 9]. В 2015 г. в парламенте страны началось обсуждение замены кириллицы на старомонгольский алфавит [9].

В тесном взаимодействии с официальным культом Чингисхана, акцентирующимся на идее Вечно Синего Неба, находится буддизм. Сегодня в Монголии президент посещает все значимые буддийские ритуалы. Буддийские церемонии в Монголии согласно указу президента проводятся на горе Богдо-хан недалеко от Улан-Батора или горе Бурхан-Халдун в Хэнтийском аймаке. Государство поддерживает буддизм, по сути, приобретающий неофициальный статус государственной религии. В свою очередь буддизм играет важную роль в конструировании постсоциалистической монгольской идентичности. Организация «Союз верующих Монголии», имеющая целью возрождение и строитель-

ство буддийских монастырей, привлечение людей к их посещению, является наиболее влиятельной среди религиозных организаций [3, с. 67].

Буддисты Монголии участвуют в реализации многочисленных проектов, направленных на формирование буддийского пространства культуры. Активно реализуется программа реставрации дацанов и строительства теологических центров. В 1990–2005 гг. в республике были восстановлены более 160 храмов и монастырей, при которых находилось более 2 тыс. лам. Появились женские монастыри. Знаменательным событием стало общенациональное движение за воссоздание 26-метровой статуи божества Мэгжиджанрайсэг [7, с. 87].

Монгольский буддизм связан не только с локальным процессом возрождения, но и встраивается в широкий буддийский контекст, который связывает монгольскую и тибетскую конфессию, а также буддийские организации Запада. Значимым проектом является программа по расширению контактов буддийской сангхи Монголии с зарубежными единоверцами в рамках Всемирного братства буддистов, Азиатской буддийской конференции за мир, Международного буддийского конгресса и пр. Большое значение для верующих имели визиты Его Святейшества Далай-ламы XIV, других авторитетов. Для национального самосознания верующих важно также и то, что в конце 2010 г. монгольское гражданство получил Богдо-гэгэн IX Джебцзундамба. Теперь верующие знают, что у монголов есть глава буддийской церкви [6].

Подведем итоги.

1. На процессы развития религий в Монголии оказывают влияние разнонаправленные тенденции, одна из которых связана с возрождением традиционной религиозной и этнической культуры, а другая – с масштабной урбанизацией, пропагандой культуры потребления, вестернизацией монгольского общества, что привело к актуализации традиционных ценностей номадизма, среди которых буддизм занимает значимое место.

2. Возрождение буддийского национального самосознания в монгольском обществе есть яркое проявление неотрадиционализма, связанного с государственными практиками, направленными на формирование такой коллективной идентичности. При этом, несмотря на прочно устоявшееся в культуре и политике Монголии понятие о буддийской религиозности как характери-

стике монгольской этничности, буддизм встроен в конструирование идеологем общегражданской ментальности, основанной на таких понятиях, как «Родина», «Чингисхан», «Будда», «Тэнгри», «Гэсэр» и др. Это ведет к формированию гражданской, государственной идентичности, которая может превалировать над конфессиональными и этническими различиями.

Список литературы

1. *Альтман А.* По указу президента Монголии, в стране будут почитать национальный музыкальный инструмент «морин хуур» [Электронный ресурс] / А. Альтман. – URL: http://ria.ru/society/20020215/72902.html. (23.12. 2014)

2. *Ванчикова Ц. П.* Современные процессы в монгольском буддизме: 1990–2007 гг. / Ц. П. Ванчикова, С. Цэдэндамба // Гуманитар. вектор. – 2014. – № 2 (38) : Культурология. – С. 89–96.

3. *Ванчикова Ц. П.* Религиозная ситуация в Монголии: 1990–2009 гг. / Ц. П. Ванчикова, С. Цэдэндамба // Гуманит. вектор. – 2014. – С. 67–72.

4. *Ганжуров В. Ц.* Россия – Монголия (история, проблемы, современность) / В. Ц. Ганжуров. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1997. – 181 с.

5. *Грайворонский В. В.* Реформы в социальной сфере современной Монголии / В. В. Грайворонский. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2007. – 254 с.

6. *Доржийн С.* Возрождение буддизма в Монголии – достижения и ошибки [Электронный ресурс] / С. Доржийн. – URL: http://savetibet.ru/2011/04/ 18/ mongolia.html. (дата обращения: 15.01.2015).

7. *Коллмар-Пауленц К.* Тибетское восприятие монголов и формирование новой монгольской идентичности в начале XVII в. // Свет Дхармы против тумана тьмы. – С. 86–104.

8. Правящие круги Монголии провели официальную церемонию почитания священной горы Богдо-уул [Электронный ресурс]. – URL: http://www.religare.ru/ 2_10685.html. (дата обращения: 04.12.2014).

9. «Старомонгольская» письменность в Монголии потеснит кириллицу [Электронный ресурс]. – URL: http://www.baikal-daily.ru/news/16/113452/ (дата обращения: 06.02.2015).

10. *Цогзолмаа Д.* Освящение покровителя Монголии – бога «Очирваань» // Новости Монголии. – 2008. – № 22. – С. 9.

11. *Цыбикдоржиев Д. В.* Факторы успеха религиозного возрождения в Монголии / Д. В. Цыбикдоржиев, Д. Б. Батоева // Экспертиза. – 2014. – № 5. – С. 40–43.

12. *Lasaz G.* Renewing of religions in Mongolia // Мир Центральной Азии Т. 3. Культурология. Философия, Источниковедение : материалы Междунар. конф. – Улан-Удэ, 2002. – С. 173–176.

GLOBALIZATION AND THE REVIVAL OF BUDDHISM IN MONGOLIA

A. V. Zhukov, O. I. Zimin, A. A. Zhukova
Zabaikalsky State University, Chita

Abstract. The report focuses on the analysis of processes of development of the religions of Mongolia, which have influence on tendencies, one of which is associated with the revival of traditional religious and ethnic culture and the other with large-scale urbanization, Westernization in the Mongolian society, which led to the actualization of

the demand for the traditional values of nomadism, among them Buddhism occupies a significant place. The authors argue that the process of revival of Buddhism in Mongolian society are a clear manifestation of neotraditionalism associated with state practices aimed at the formation of such a collective identity, which would have directed the citizens of Mongolia General obligation to feel a sense of community within the borders of a certain national ideology discourse, which may be ancestral, historical, territorial parameters. The report disclosed the content of the embedding of Buddhism in the construction of ideologies of a civil religion, based on the complementarity of concepts such as «homeland,» «Genghis Khan», «Buddha», «Tengri», «Geser», etc. leads to the formation of civic, state identity, which would be dominated by religious and ethnic differences.

Keywords: Mongolia, Buddhism, globalization, Westernization, Genghis Khan, Buddha, Tengri, Geser.

Жуков Артем Вадимович – доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. Бабушкина, 129–401, тел.: 8(3022)320301, e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Zhukov Artem Vadimovich – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Department of Philosophy Zabaikalsky State University, 129– 401, Babushkina St., Chita, 672039, tel.: 8 (3022)320301, e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Зимин Очир Игоревич – аспирант кафедры философии Забайкальский государственный университет ул. Александро-Заводская, д. 30, Общий отдел, НОМЦ, тел.: 8(3952)334372, e-mail zimin_ochir@mail.ru

Zimin Ochir Igorevich – Postgraduate, Department of Philosophy, Zabaikalsky State University, 30, Alexandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, tel.: 8(3952)334372, e-mail: zimin_ochir@mail.ru

Жукова Алена Алексеевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научно-образовательный музейный центр, Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, д. 30, Общий отдел, НОМЦ, тел.: 8(3952)334372, e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Zhukova Alena Alekseevna – Candidate of Philosophy Sciences, Senior Research Fellow, Research and Education Museum Center, Zabaikalsky State University, 30, Alexandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, tel.: 8(3952)334372, e-mail: kazarbina_a@mail.ru

УДК 316.346.32-053.6:329(571.51)

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ И ВЫБОРАМ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КРАСНОЯРСКЕ)

В. И. ЗЛОТКОВСКИЙ
Академия труда и социальных отношений (филиал), г. Красноярск
А. В. ЗЛОТКОВСКАЯ
Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, г. Красноярск

Аннотация. Рассматриваются результаты опросов студентов вузов Красноярска, проведенных в 2006 и 2013 гг. в целях исследования отношения студентов к политическим партиям и выборам представителей органов власти. Дан социальный портрет участника опроса; показана динамика уровня доверия студенческой молодежи к политическим партиям; проведено сравнение мнений студентов о выборах в 2006 и 2013 гг.

Ключевые слова: молодежь, студенты, вузы, политические партии, выборы, мониторинг, социологическое исследование, Красноярск.

Результаты мониторинговых исследований, проведенных авторами совместно с избирательной комиссией Красноярска (председатель комиссии А. Г. Лисовская), позволяют отследить динамику отношения студентов красноярских вузов к политическим партиям и выборам представителей органов власти.

В сентябре 2006 г. опрашивались студенты следующих вузов: Красноярского государственного аграрного университета, Красноярского государственного педагогического университета, Сибирского юридического института, Сибирского государственного аэрокосмического университета, Сибирского государственного технологического университета, Красноярского государственного технического университета [2]. В декабре 2013 г. опрашивались студенты шести красноярских вузов. Различие в численности вузов (семь в 2006 г. и шесть в 2013 г.) связано с созданием СФУ, в состав которого вошли Государственный университет цветных металлов и золота и Красноярский государственный технический университет. Осуществлялась процедура «ремонта» выборки второго опроса по курсам обучения респондентов и по видам получаемого образования (экономическое, юридическое, гуманитарное, техническое и другое). Количество опрошенных составило соответственно 923 и 902 человека.

Усредненный социальный портрет участника опроса 2013 г. выглядит следующим образом. Это молодые люди, главным образом в возрасте 17–22 лет (96,7 %), среди которых девушек несколько больше, чем юношей (54,9 % против 42,6 %). Здесь и далее сумма ответов не всегда составляет 100 %, так как респонденты заполняли анкеты самостоятельно. В 2006 г. это соотношение составляло 55,7 % против 43,1 %. Студенты учатся на дневной форме обучения на всех курсах (с 1-й по 6-й) и получают разное образование (гуманитарное, техническое, юридическое, экономическое и сельскохозяйственное). Наблюдается примерное равенство между студентами, обучающимися на бюджетной и коммерческой основе (47,9 % против 49,8 %).

До поступления в вуз 45,9 % молодых людей проживали в Красноярске, 37,9 % – в городах и районах Красноярского края (21,0 % и 16,9 % соответственно) и 15,9 % – в другом субъекте РФ. По сравнению с 2006 годом, изменения в географии проживания студентов незначительные: несколько сократилась доля жителей Красноярска (-2,1 %), других территорий края (-3,2 %), и увеличилось число жителей других субъектов РФ (+5,1 %).

Подавляющее большинство молодых людей (85,7 %) поступили в вуз сразу после окончания средней школы. Студенты в основном (87,4 %) не состоят в официальном браке [3].

В ходе опросов, в том числе, изучалось отношение респондентов к политическим партиям. Судя по табл. 1, уровень доверия студентов к политическим партиям заметно снизился. Доля доверяющих «Единой России» сократилась в полтора раза – с 34,8 % до 20,7 %, а доля не доверяющих ни одной из партий, напротив, увеличилась с 22,3 % до 34,6 %.

Если учесть число респондентов, не доверяющих ни одной из политических партий, и число респондентов, затруднившихся указать, какой партии они доверяют, то можно сделать вывод: большая часть респондентов (60,2 %) не доверяет сложившейся в стране партийной системе в целом. Доля таких студентов за семь лет увеличилась в полтора раза – с 44,7 % до 60,2 %.

Выявлена весьма показательная тенденция политических настроений студентов. В 2006 г. число студентов, не доверяющих партийной системе, зависело от курса обучения. На 1-м курсе оно было минимальным (43,0 %), а затем увеличивалось от курса к курсу, достигая максимального значения на 5-м курсе – 62,3 % (табл. 1).

Таблица 1

Динамика уровня доверия политическим партиям
(% от числа опрошенных)

Партия	Сентябрь 2006	Декабрь 2013
«Единая Россия»	34,8	20,7
ЛДПР	12,3	5,7
«Родина»	2,9	*
КПРФ	2,1	5,6
«Гражданская платформа»	*	4,9
«Справедливая Россия»	*	3,1
«Патриоты России»	2,2	2,8
«Партия пенсионеров»	1,2	*
СПС	1,1	*
«Российская партия жизни»	0,5	*
«Коммунисты России»	*	0,8
Другая	0,2	1,6
Никому из них	22,3	34,6
Затрудняюсь ответить	20,4	25,6

** Обозначает отсутствие позиции в инструментарии.*

В 2013 г. характеристики таких студентов стали «выравниваться» (59,8 % – среди первокурсников, 61,6 % – среди студентов 3-го курса, 63,7 % – среди пятикурсников). В целом отношение к партиям в студенческой среде стало сопоставимым с настроениями пятикурсников в 2006 г.

Из результатов последнего опроса вытекают социальные характеристики респондентов, выражающие наибольший скепсис по поводу деятельности партий. Среди них выше доля молодых людей, получающих инженерное и особенно сельскохозяйственное образование (64,8 % и 85,4 % соответственно), те, кто до поступления в вуз успел отслужить в армии (66,7 %) и проживал в сельской местности (65,8 %). Прослеживается тенденция: по мере увеличения возраста респондентов растет их недоверие к партийной системе в целом. Если среди студентов в возрасте 18 лет это доля составляет 57,7 %, то среди тех, чей возраст превышает 22 года, уже 71,2 %.

В свете сказанного вполне логичным выглядит низкая избирательная активность студентов на выборах депутатов Красноярского городского совета 8 сентября 2013 г. Судя по данным опроса, в голосовании приняли участие 13,9 % студентов. Для сравнения: явка красноярских избирателей на этих выборах составила 18,6 % [1, с. 137].

Объясняя причины неучастия в голосовании, респонденты имели возможность выбрать любой ответ из десяти предложенных, а также традиционный «затрудняюсь ответить». Анализ полученных данных позволяет сделать следующий вывод. Студенты в меньшей степени связывают свой отказ от участия в голосовании с отсутствием интереса к политике и выборам («нет интереса к политике», «устал от выборов, надоело», «не поддерживаю саму идею выборов»; 24,4 % от общего числа содержательных ответов). Основными причинами (69,3 %) называются неверие в честность выборов и отсутствие доверия к партиям и кандидатам («выборы ничего не изменят», «не верю в честность выборов», «все кандидаты только обещают», «не видел достойных кандидатов», «нет доверия к партиям»).

Судя по данным опроса (см. табл. 2), среди будущих владельцев вузовских дипломов усиливаются сомнения в том, что «свободные выборы – одно из главных завоеваний демократии» (28,9 % в 2006 г. против 24,2 % в 2013 г.) и, напротив, усиливается представление о сегодняшних выборах как политическом спектакле (39,5 % и 43,1 % соответственно).

Как следует из анализа первичных данных, на представления респондентов о демократичности выборов наиболее сильное влияние оказывают их возраст, соответственно курс обучения и отношение к партиям. Так, по мере увеличения возрастания обучения снижается доля отметивших позицию «свободные выборы – одно из главных завоеваний демократии» (30,4 % – среди студентов 1-го курса, 19,7 % – среди студентов 3-го курса и 18,2 % – среди студентов 5-го курса) и, напротив, увеличивается доля тех, кто считает сегодняшние выборы политическим спектаклем (30,8 %, 46,2 % и 59,2 % соответственно).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос
«Существуют различные точки зрения на выборы. Какая из них вам ближе?»
(% от числа опрошенных)

Точка зрения	Сентябрь 2006 г.	Декабрь 2013 г.
Свободные выборы – одно из главных завоеваний демократии	28,9	24,2
Выборы – напрасная трата денег и иных ресурсов	15,1	13,3
Выборы сегодня – политический спектакль	39,5	43,1
Затрудняюсь ответить	15,2	20,3

Наиболее высокая доля считающих, что свободные выборы – одно из главных завоеваний демократии, наблюдается среди тех, кто доверяет партии «Единая Россия» (55,4 % против 24,2 % в целом по массиву). В то же время позицию «выборы сегодня – политический спектакль» чаще других отмечают респонденты, не доверяющие партийным структурам (60,8 %) или ориентирующиеся на «Коммунистов России» (53,1 %), КПРФ (46,7 %) и «Патриотов России» (48,1 %).

В контексте сказанного вполне логичной выглядит динамика представлений респондентов о целесообразности проведения выборов представителей органов власти: президента страны, депутатов Госдумы, губернатора края, депутатов регионального парламента, мэра города и депутатов городского совета. Если в 2006 г. среднее значение ответа «нужны» по перечисленным позициям составляло 73,0 %, то в 2013 г. – 58,0 %.

Наиболее низкие показатели зафиксированы в отношении депутатов городского совета, регионального парламента и Государственной Думы (46,6 %, 44,9 % и 54,3 % соответственно). Хорошо видно, что представительные органы власти начинают постепенно утрачивать легитимность в среде студенческой молодежи. Весьма тревожная тенденция, наводящая на определенные размышления, учитывая, что большинство респондентов (81,6 % в 2006 г. и 73,2 % в 2013 г.) поддерживают идею выборов президента (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос
«Как вы считаете, в сегодняшних условиях выборы нужны или нет?», %

Выборы	Доля отметивших позицию «нужны»	
	Сентябрь 2006 г.	Декабрь 2013 г.
Президента страны	81,6	73,2
Депутатов Государственной Думы	74,9	54,3
Губернатора края	*	63,0
Депутатов регионального парламента	65,6	44,9
Мэра города	79,3	66,0
Депутатов городского совета	63,7	46,6

Таким образом, представленные данные отчетливо указывают на усиление недовольства и разочарования студенческой молодежи процессами, происходящими в политической сфере жизни общества за последние годы. Растет недоверие к сложившейся в стране партийной системе и институту выборов как таковому. Вместе с тем изменения эти некритические.

Красноярское студенчество остается в целом лояльным по отношению к представителям власти (наблюдается положительный баланс оценок деятельности первых руководителей страны, края и города, хотя и имеющий некоторую тенденцию к снижению по сравнению с 2006 г.) и не склонно отказываться от демократической формы управления обществом и процедуры выборов. Это дает основания надеяться, что проведение реальных, а не номинальных политических реформ поможет красноярскому студенчеству стать активным участником построения нового Красноярска, новой России. В этом смысле недавно принятый закон, реформирующий систему местного самоуправления в РФ, таящий в себе опасность отстранения избирателей от прямых выборов глав муниципальных образований и даже депутатов городского и районного уровня, едва ли следует считать шагом в правильном направлении.

Список литературы

1. Выборы депутатов Красноярского городского совета 8 сентября 2013 г. / под общ. ред. А. Г. Лисовской. – Красноярск : Знак, 2013. – 156 с.

2. Институт выборов и избирательные комиссии в представлении студентов и преподавателей высших учебных заведений города Красноярска / отв. за вып. А. Г. Лисовская [и др.]. – Красноярск, 2006. – 37 с.

3. *Злотковский В. И.* Динамика социального самочувствия и политических ориентаций красноярской студенческой молодежи (2006–2013 гг.) // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2014. – № 6. – С. 74–60.

THE DYNAMICS OF THE RELATIONSHIP OF STUDENTS TO THE POLITICAL PARTIES AND ELECTIONS (BY RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN KRASNOYARSK)

V. I. Zlotkovsky
Academy of labor and social relations (Brunch), Krasnoyarsk
A.V.Zlotkovskaya
Siberian Institute of Business, Management and Psychology, Krasnoyarsk

Abstract. Discusses the results of surveys of students of universities of Krasnoyarsk, held in 2006 and 2013, to study their relationship to political parties and the election of the representatives of the authorities; given the social background of respondents; the dynamics of trust level of student's youth political parties; comparison of the views of students on issues about the elections in 2006 and 2013.

Keywords: youth, students, universities, political parties, election monitoring. a sociological study, Krasnoyarsk.

Злотковский Владимир Ильич – кандидат социологических наук, Академия труда и социальных отношений (филиал), докторант, Институт социально-

политических исследований РАН, 660017, г. Красноярск, ул. Марковского, 81, тел.: 8(3912)111700, e-mail: nn101@yandex.ru

Zlotkovski Vladimir Ilyich – Candidate of Sciences (Sociology), Doctoral Krasnoyarsk branch of the Academy of labour and social relations, 81, Markovskogo st., Krasnoyarsk, 660017, tel.: 8(3912)111700, e-mail: nn101@yandex.ru

Злотковская Анастасия Владимировна – магистр, факультет психологии Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 660037, г. Красноярск, ул. Московская, д. 7 а тел.: 8 (391) 264-55-29, e-mail: abzlata@yandex.ru

Zlotkovskaya Anastasia Vladimirovna – Magister, Department of Psychology, Siberian Institute of Business, Management and Psychology, 660037,7a Moscow st., Krasnoyarsk, tel.: 8(391) 264-55-29, e-mail: abzlata@yandex.ru

УДК 340.1

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЭКСКУРС)

И. А. КУЗЬМИН

Иркутский государственный университет, г. Иркутск
Иркутский юридический институт (филиал Академии Генеральной прокуратуры РФ), г. Иркутск

Аннотация. Анализируются социальные основания юридической ответственности как базовой категории правоведения и разновидности социальной ответственности. Определены основные подходы к пониманию социальных оснований юридической ответственности, исходя из нормативного (объективного) воплощения ответственности в праве.

Ключевые слова: социальная ответственность, социальный порядок, правопорядок, юридическая ответственность, социальные (общие) основания юридической ответственности.

Общество как динамично развивающаяся система существует за счет одновременного действия в социуме различных социальных норм (норм морали, религиозных норм, корпоративных норм, обычаев и т. д.), среди которых особое место занимают нормы права. Ни для кого не секрет, что бытие человечества в современных условиях возможно лишь в государственно-правовой форме, т. е. в условиях функционирования государства и национальной правовой системы. Исполнение и соблюдение социальных норм (в том числе правовых) обеспечивается за счет использования специальных охранительных механизмов перспективной и ретроспективной направленности. Одним из веду-

щих и наиболее специфических средств охраны общественного порядка и свободы участвующих в нем субъектов, которое обладает глубоким регулятивным потенциалом, является социальная ответственность.

Как верно отмечает Е. В. Родионова, «для субъекта, наделенного свободой, социальная ответственность выступает сдерживающей и направляющей силой. В контексте окружающего мира... Ответственность проявляет себя в сложном, динамичном и противоречивом процессе развития общества, где характер личного участия человека определяется направлением и социальными последствиями конкретной деятельности. Направление же и сама деятельность избираются свободно, посредством выбора. В этом смысле ответственность проявляется как мера свободы» [7, с. 9]. Рассматривая социальную ответственность в динамике в отношении организаций, Е. А. Чернова полагает возможным характеризовать данную категорию как «деятельность, отражающую добровольное решение компаний брать на себя обязательства по реализации значимых внутренних и внешних социальных программ, результаты которых содействуют развитию компании, повышая ее устойчивость в долгосрочной перспективе, улучшению ее репутации и имиджа как социально ответственного субъекта, а также развитию общества в социальной, экономической и экологической сферах» [9, с. 8]. Возможны и иные интерпретации.

Обращаясь к вопросу о соотношении социальной и юридической ответственности, нельзя не согласиться с А. С. Шабуровым в том, что «право и социальная ответственность выступают как два взаимосвязанных и взаимозависимых фактора, осуществляющих регулятивное воздействие на поведение людей в обществе» [10, с. 85].

Мы отмечаем, что юридическая ответственность хотя и остается разновидностью ответственности социальной, обладает своей спецификой и исключительным содержанием, вследствие чего «зеркальное» перенесение свойств второй категории на первую – сомнительный ход, по сути, методологическая ошибка. Не вдаваясь в проблему понимания юридической ответственности, представленную широким спектром работ философского, исторического, юридического и социологического характера, обозначим собственное мнение относительно оснований возникновения ответст-

венности, в продолжение размышлений, изложенных нами в изданных ранее публикациях [4, с. 5–6; 5, с. 211–213].

Юридическая ответственность в праве (в отличие от социальной ответственности) имеет место исключительно в отношении прошлого поведения, является ретроспективной и, соответственно, выступает в качестве негативных правовых последствий для лиц, совершивших противоправное деяние, за которое в нормах права предусмотрено наказание. В связи с этим социальное основание возникновения юридической ответственности является той самой причиной, которая побуждает законодателя установить в нормах права юридическую ответственность. В действующем праве норм, закрепляющих собственно юридическую ответственность, не существует. «В санкциях норм, предусматривающих юридическую ответственность, закрепляются виды и меры наказания (взыскания)…» [8, с. 175–176]. Следовательно, под юридической ответственностью следует понимать установленные законом меры государственного принуждения в виде определенных лишений, которые могут быть применены к лицам за совершение противоправных деяний (юридическая ответственность на нормативном уровне правового регулирования или юридическая ответственность в объективном смысле).

Первостепенной задачей права является защита общества от социально опасных и вредных деяний, посягающих на социальные связи и правопорядок. В случае если отдельные виды деяний общественно опасны и создают угрозу для основ существования государства, общества и личности, то законодатель называет их преступлениями и запрещает, устанавливая уголовную ответственность за их совершение. Если же деяния общественно вредны, но не достигают степени общественной опасности, то законодатель рассматривает их в качестве проступков (конституционных деликтов, административных или гражданских правонарушений, дисциплинарных проступков и т. д.). Например, удержание чужих денежных средств без законных на то оснований, безусловно, причиняет вред одним лицам, необоснованно обогащая других. Для защиты интересов пострадавших в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации [1] предусмотрена гражданско-правовая ответственность в форме ежедневно начисляемых процентов за каждый день удержания (статья 395 Гражданского кодекса РФ).

Следует заметить, что степень социальной вредности деяний также учитывается при определении формы реализации юридической ответственности, установленной за их совершение. Так, нарушение публичных интересов (в части совершения конституционных деликтов, преступлений или административных правонарушений) влечет юридическую ответственность, реализуемую преимущественно в государственно-принудительной форме (уполномоченными на то субъектами в ходе правоприменительного процесса). В случае нарушения частных интересов у нарушителей нередко имеется возможность самостоятельно «претерпеть» ответственность в добровольной форме без принуждения их к этому компетентными субъектами (выплатить убытки за нарушение договора; возместить причиненный вред. Тем не менее при отказе правонарушителя от добровольной формы реализации юридической ответственности не исключается дальнейшая реализация ответственности уже в государственно-принудительной форме.

Следовательно, социальным основанием возникновения юридической ответственности будет являться социальная вредность отдельных деяний, а факультативным условием, определяющим характеристики ответственности за их совершение, – степень социальной вредности и объекты, которым причиняется вред.

Второе социальное основание юридической ответственности проистекает из самой сущности права и его основной цели – регулирования общественных отношений для достижения правопорядка и поддержание надлежащего функционирования государства и общества. Иными словами, вторым социальным основанием юридической ответственности является необходимость обеспечения действия норм права. Неисполнение или ненадлежащее исполнение норм позитивного права при их массовом проявлении создают угрозу для существования государства и влекут нарушение прав и законных интересов субъектов права. Юридическая ответственность, будучи наиболее эффективным средством охраны правопорядка, способствует правовому регулированию, выполняя следующие функции:

1) превентивная функция (юридическая ответственность, в результате своего установления и реализации, оказывает предупредительное воздействие как на самого правонарушителя, так и на остальных лиц – потенциальных правонарушителей);

2) правовосстановительная функция (восстанавливая нарушенные права, субъектов права юридическая ответственность

восстанавливает/компенсирует причиненный правонарушением вред, создавая благоприятные условия для дальнейшей реализации права и правоотношений);

3) воспитательная функция (за счет установления и реализации юридической ответственности обеспечивается такое воздействие на субъектов права, которое способствует повышению уровня их правосознания и становлению в целом уважительного отношения к праву и закону) [6, с. 330–331].

Осознавая значительный регулятивный потенциал юридической ответственности, законодатель использует ее для охраны наиболее важных норм права, оставляя за пределами ее объекта деяния, не создающие значительной угрозы обществу. В частности, Конституционный Суд России и Высший Арбитражный Суд России пришли к мнению, что малозначительность как основание для освобождения от административной ответственности имеет место лишь при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям [2; 3].

Таким образом, мы полагаем, что социальные основания юридической ответственности в общественно-правовом экскурсе связаны с социальной вредностью отдельных видов деяний для общества и необходимостью обеспечения наиболее важных из социальных норм – норм права.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Птицефабрика «Сибирская губерния» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 2.9 и частью 6 статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 15 апр. 2008 г. № 248-О-О // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

3. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях : постановление Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10 // Вестн. ВАС РФ. – 2004. – № 8.

4. *Кузьмин И. А.* Основания возникновения юридической ответственности как общетеоретическая проблема: подходы и суждения // Сиб. юрид. вестн. – 2012. – № 4. – С. 3–10.

5. *Кузьмин И. А.* Социальные основания юридической ответственности в объективном смысле // Пятые Байкал. Междунар. гуманитар. чтения. В 4 т. Т. 1 : материалы. – Иркутск, 2011. – С. 09–214.

6. *Пьянов Н. А.* Теория государства и права. В 2 ч. Ч. 2. Теория права : учеб. Пособие / Н. А. Пьянов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. – 391 с.

7. *Родионова Е. В.* Юридическая ответственность как разновидность социальной ответственности: современные проблемы : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. В. Родионова. – М., 2007. – 19 с.

8. *Хачатуров Р. Л.* Общая теория юридической ответственности : монография / Р. Л. Хачатуров, Д. А. Липинский. – СПб., 2007. – 950 с.

9. *Чернова Е. А.* Социальная ответственность и особенности ее реализации в управлении современными российскими организациями : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. А. Чернова. – М., 2008. – 23 с.

10. *Шабуров А. С.* Социальная ответственность личности в условиях перестройки / А. С. Шабуров. – Свердловск, 1990. – 167 с.

SOCIAL RESPONSIBILITY OF LEGAL BASIS (SOCIAL AND LEGAL FLASHBACK)

I. A. Kuzmin
Irkutsk State University, Irkutsk
Irkutsk Law Institute
(Brunch of the Academy of the Prosecutor's General Office of the Russian Federation), Irkutsk

Abstract. Analyzes the social base of legal liability as a basic category of jurisprudence and variety of social responsibility. The main approaches to understanding social grounds of legal liability, on the basis of normative (objective) incarnation liability law.

Keywords: Social responsibility, social order, the rule of law, legal responsibility, social (general) legal liability base.

Кузьмин Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, тел.: 8(3952)779011, e-mail: grafik@mail2000.ru

Kuzmin Igor Aleksandrovich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Department of state-legal courses, Irkutsk Law Institute, brunch of the Academy of the Prosecutor's General Office of the Russian Federation, 1, Shevtsova st., Irkutsk, 664035, tel.: 8(3952)779011, e-mail: grafik@mail2000.ru

УДК 130.2:304:659

«СЛАВНОЕ ИМЯ» СИБИРИ: ИМЯ ГЕНЕРАЛА КАРБЫШЕВА В СУДЬБЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

А. А. МАЛЬКЕВИЧ
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

Аннотация. Статья посвящена особенностям работы СМИ с понятиями «региональный патриотизм» и «персонифицированная региональная идентичность». Региональный телевизионный «12-й канал» реализовал мультимедийный проект «Славное имя: Омск. Судьба. Россия». Победителем проекта стал герой Великой Отечественной войны генерал Дмитрий Карбышев – истинный патриот своей страны, оставшийся верным своей Родине в эпоху перемен и не сломленный врагом.

Ключевые слова: генерал Карбышев, герои Великой Отечественной войны, СМИ, 12-й канал, патриотическая работа, региональная идентичность, «Славное имя. Омск», региональное телевидение, журналисты о войне, память.

Одной из важных задач современных СМИ становится задача формирования историко-патриотической идентичности граждан Российской Федерации, содействие трансляции традиций и достижений Отечества, работа с региональной патриотической памятью. В период социальной нестабильности и экономических кризисов вопрос такой идентификации становится особенно остро. Возникает потребность переосмысления исторических фактов, отношения к войнам и предыдущим кризисам, становится актуальным вспомнить о примерах мужества, героизма граждан своей страны. Отпразднованное в мае 2015 г. 70-летие Победы в Великой Отечественной войне напомнило нам о значимости патриотизма, о его силе и влиянии на жизнь страны и ее жителей в целом. Идентификационный потенциал патриотизма, несомненно, огромен. Политические заказы на идеологическую трактовку истории страны с целью вызвать гражданский патриотизм существенно влияют на подачу исторической информации, и каждый новый виток развития страны вызывает переосмысление роли исторических персон и событий. Во многом наша российская история, претерпевавшая огромное количество различных идеологических трактовок событий ранее и остающаяся под влиянием этих процессов сейчас, основывается на персонифицированных мифах, несущих в себе значительный идеологический подтекст.

Каждый регион имеет в своем архиве огромное количество упоминаний о значимых персонах, многие из которых одним своим именем вызывают ассоциации с крупными историческими событиями и являются предметом региональной гордости. И в кризисный период особенно актуально вспоминать о примерах мужества, героизма граждан своей страны. На первый план выходит иное, более значимое осмысление вопросов историко-патриотической идентичности. В своих работах на эту тему автор уже указывал, что «средства массовой информации способны реализовать задачу по формированию исторического сознания и региональной патриотической памяти граждан Российской Федерации» [3].

Руководимый автором статьи «12-й канал» – Омское областное телевидение – реализовал обозначенную выше задачу, создав

мультимедийный проект «Славное имя: Омск. Судьба. Россия». Основной целью авторы проекта поставили определить и выбрать народным голосованием человека, судьба и деятельность которого связаны с регионом и существенно повлияли на развитие Омской области, Сибири и России.

Проект задумывался как способ привлечения внимания жителей Омской области к своей истории. Проект «Славное имя» вызвал оживленные споры среди участников. В эфире «12-го канала» мы вспомнили 139 славных имен, среди которых было немало, в том числе, и одиозных фигур; появление в общем списке многих из них заставило переосмыслять отношение к региональной истории и минувшим войнам. Среди славных имен оказались герои Великой Отечественной войны – Дмитрий Карбышев и Владимир Татарь, участник Азовских походов Петра Великого Иван Бухольц и участник Гражданской войны адмирал Александр Колчак [11].

Лидером масштабного проекта стал Герой Советского Союза Дмитрий Карбышев. За него было отдано почти 20 тыс. голосов.

Во время заседания «Изборского клуба» в Омске председатель клуба Александр Проханов отметил, что если говорить о понятии «гений места», то Карбышева можно назвать «гением Омска». В нем слились несколько потоков. С одной стороны, это офицер, дворянин, с другой – абсолютно красный генерал. Писатель также предложил интерпретировать Карбышева не только как человека XX, советского, века, но и XXI, нынешнего века, чья фигура и мощь открываются только теперь [10].

Генерал Карбышев – по-настоящему необычная персона, и Александр Проханов абсолютно прав: главная необычность – именно в этом хитросплетении эпох, прошедших насквозь через судьбу одного конкретного человека, который по праву мог бы стать одним из символов не только Омска, но и Сибири в целом.

Надо сказать, что к теме жизни и смерти генерала Дмитрия Михайловича Карбышева историки, писатели и журналисты обращались великое множество раз. Биография Карбышева детально изучена историками, но новое поколение открыло для себя этого героя впервые.

К началу войны Карбышеву было уже 60 лет, он носил звание генерал-лейтенанта инженерных войск, воевал в Русско-японскую и Первую мировую войны, участвовал в Советско-

финской войне, был доктором военных наук и профессором Военной академии Генерального штаба.

Великая Отечественная война застала Дмитрия Михайловича в штабе 3-й армии в г. Гродно (Белоруссия), где в августе 1941 г. при попытке выйти из окружения он был тяжело контужен в бою в районе Днепра (Могилевская область Белоруссии) и в бессознательном состоянии захвачен в плен. С августа 1941 г. генерал Дмитрий Карбышев числился пропавшим без вести.

В середине нулевых годов разгорелся спор о смерти генерала Карбышева и его последующей мифологизации. Тон тогда задала «Новая газета» в материале «Две смерти генерала Карбышева», опубликованном 22 марта 2004 г. [9]. По мнению автора, версии гибели генерала несут в своей основе исключительно художественный контекст. Причины многообразия версий последних часов жизни генерала автор публикации в «Новой газете» объяснил просто: из попавших за годы Второй мировой войны в плен 83 генералов только 26 человек погибли в немецких застенках, остальные после победы были депортированы в Советский Союз. Из них 32 человека репрессированы. Оставшихся 25 человек после более чем полугодовой проверки под новый, 1946-й год оправдали, а затем постепенно уволили в запас. На этом нерадостном фоне, по мнению автора, Сталину был нужен сугубо положительный образ пленного советского генерала. И в этом смысле повезло именно генералу Карбышеву. Появившиеся в 1946 г. упоминания о нем в мемуарах канадского майора были использованы советскими мифотворцами, а далее «запущенная по желанию Сталина страшная сказка о «ледяном герое» передавалась заботливыми идеологами все новым поколениям советских людей» [6].

16 августа 1946 г. генерал-лейтенанту Дмитрию Карбышеву «за исключительную стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в Великой Отечественной войне», было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Позже стали появляться памятные мемориалы, где Карбышев изображался в роли ледяного героя, который умер во время немецких пыток, но не сдался и не предал Родину. Возможно, что Сталин и преследовал какие-то стратегические цели, подписывая соответствующий указ, но в случае с 60-летним советским генералом Дмитрием Михайловичем Карбышевым, прошедшим «Шта-

лаг-324» у польского города Острув-Мазовецки, офицерский лагерь в Замостье, «Офлаг XIII-Д» в Хаммельбурге, тюрьму гестапо в Берлине, лагерь на пересыльном пункте РОА в Бреслау, Нюрнберг, лагерь уничтожения Флоссенбург, лагерь смерти Майданек, Освенцим-Биркенау, Заксенхаузен и Маутхаузен, вряд ли возможно утверждать, что решение генералиссимуса увековечить его память было необоснованным. На сегодняшний день во многих городах существуют улицы, носящие имя генерала Карбышева, установлены памятники, существуют художественные и музыкальные произведения, посвященные подвигу несломленного патриота. Однако для молодого поколения фигура генерала оказалась незнакомой, и работа, проведенная нашим каналом, позволила узнать о подвиге земляка, напомнить, чем стоит гордиться жителям нашего региона.

18 февраля 2015 г. журналисты «12-го канала» (единственные российские журналисты) побывали в концлагере Маутхаузена, где освещали памятные мероприятия в честь 70-летия со дня гибели генерала Дмитрия Карбышева. В этот день канал также показал трансляции вечера памяти генерала в Музыкальном театре и героического балета «Карбышев». В этот же день стартовал новый документальный патриотический проект нашего канала – «Русский характер», первый фильм которого был посвящен генералу.

Карбышев – своеобразный символ нескольких эпох, причем в каждой из этих эпох он был военным героем, отстаивающим интересы своей Родины. И как бы ни менялись политические пристрастия власти, он оставался верен главному – защите интересов Родины от врага. Для Омска фигура такого человека – настоящая находка, поскольку не каждый регион может похвастаться наличием героя, объединившего в своей личной истории противоречивую историю нашей страны. На наш взгляд, его победа в нашем проекте «Славное имя: Омск. Судьба. Россия» обоснованна и закономерна, и способна объединить как участников нашего проекта, выдвигавших своих героев – и романтизирующих царскую Россию, и белых офицеров, и ностальгирующих по советскому прошлому, так и молодежь, способную ценить по-настоящему сильную личность.

Таким образом, создав проект «Славное имя», «12-й канал» реализовал общественный заказ на поиск персонифицированной региональной идентичности и выполнил функцию патриотиче-

ского воспитания. Была проделана грандиозная работа и выявлен настоящий гений Омской области – фигура, обладающая существенным мифотворческим потенциалом, позволяющая работать как с гражданским патриотизмом жителей области, так и с дальнейшим конструированием привлекательного регионального бренда.

Список литературы

1. *Иванова С. Ю.* Современный российский патриотизм / С. Ю. Иванова, В. И. Лутовинов. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – 320 с.

2. *Кузнецова А. В.* Патриотическая идея в российском обществе: генезис, состояние, тенденции / А. В. Кузнецова. – М., 2004.

3. *Малькевич А. А.* Особенности работы СМИ в сфере «региональной патриотической памяти» на примере проекта «Марш Язова» омского «12-го канала» // Информация. Коммуникация. Общество. – СПб., 2015.

4. *Малькевич А. А.* Больше, чем символ [Электронный ресурс] / А. А. Малькевич, Ю. Белогорохов, И. Ветренко // Завтра. – URL: http://zavtra.ru (дата обращения 12.02.2015).

5. *Муликова Н. А.* Роль средств массовой информации в формировании общероссийской идентичности и гражданского патриотизма // Соврем. исслед. Соц. реформ. – 2012. – № 10(18). – С. 53.

6. Славное имя Омск : проект [Электронный ресурс]. – URL: http://name.gtrk-omsk.ru/ (дата обращения: 10.12.2014).

7. Новая газета [Электронный ресурс]. – URL: http://2004.novayagazeta.ru/ (дата обращения: 15 декабря 2014).

8. Омскрегион [Электронный ресурс]. – URL: http://omskregion.info (Дата обращения 15.12.2014).

«NICE NAME» SIBERIA: THE NAME OF GENERAL KARBYSHEVA IN THE FATE OF THE OMSK REGION

A. A. Malkevich
F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk

Abstract. The article is sanctified to the features of work of mass-media with the concepts of regional patriotism and personalized regional identity. Regional TV a «channel 12» realized a multimedia project «The Glorious name: Omsk. Fate. Russia». The hero of Great Patriotic war became the winner of project a general Dmitry Karbushev is a veritable patriot of the country, remaining faithful to the Motherland in the epoch of changes and not broken by an enemy.

Keywords: General Karbushev, heroes of Great Patriotic war, mass-media, 12 channel, work with patriotism, regional identity, «Glorious name. Omsk», regional television, journalists about war, memory.

Малькевич Александр Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, факультет филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Омск, проспект Мира 55 а, тел.: (3812) 670104, e-mail: alexander.malkevich@gmail.com

Malkevich Alexander Aleksamdrovich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology and Media Communications, F. M. Dostoevsky Omsk State University, 644077, Omsk, 55 a, Mira Avenue, tel.: (3812) 670104, e-mail: alexander.malkevich@gmail.com

УДК 327.8

СИСТЕМА ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

А. В. ОГУРЦОВА

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

Аннотация. В статье рассматривается «мягкая сила», выявляется ряд инструментов ее осуществления в политике государства.

Ключевые слова: «мягкая сила», инструменты, СМИ, публичная дипломатия, информационные войны, МВФ, НКО.

«Мягкая сила» – это возможность оказывать влияние за счет привлекательности страны, института или иного субъекта на основе экономических, культурных, технологических и иных внутриполитических и внешнеполитических факторов. В результате наличия этой привлекательности и притягательности субъект может решать стоящие перед ним задачи без конфликтов, насилия и войн.

Можно выделить целый ряд инструментов осуществления «мягкой силы». Одним из них является формирование информационного пространства. Сообщения СМИ – источник инфопотока, так как именно они формируют новое видение мира не только через информационные материалы, но и публицистические или научно-популярные программы, а также через художественные произведения, соответствующим образом представляющие определенные исторические факты [1].

Значительную роль в жизни современного человека играют социальные сети. Большую часть своего времени он проводит, общаясь в сетях с другими пользователями, читая посты, выкладывая свое мнение по поводу той или иной ситуации, а также узнавая самые последние новости в своей стране и в мире. Социальные сети на сегодняшний день – это не только площадка для общения, но и механизм оперативного распространения актуальной информации по всему миру.

Также современное общество не обходит вниманием такие источники информации, как *телевидение, радио, газеты, журналы*. СМИ способны формировать желаемое восприятие и оценку различных событий.

Информационная психологическая война, организуемая в СМИ и интернете, позволяет оказывать интенсивное воздействие на различные общественно-политические процессы в любой стране и регионе.

Эффективными инструментами, используемыми стратегией «мягкой силы», являются «информационные бомбы» и «информационные мины». Первые используются в качестве детонаторов лавинообразного нарастания протестного движения в обществе, а вторые закладываются заранее и приводятся в действие в нужный момент для доведения социально-политического процесса до желаемого результата. «Информационными минами» можно назвать утечки информации из таких сайтов, как «Викиликс», и публикации в СМИ компрометирующих материалов на общественных и политических деятелей [1].

Не менее важным инструментом «мягкой силы» является народная (публичная) дипломатия. Она включает в себя международные связи и контакты посредством реализации культурных, научных, образовательных программ (обмены делегациями, художественные выставки, музыкальные фестивали, праздники искусств и т. п.) – всю многообразную деятельность по взаимодействию с гражданским обществом и аудиториями зарубежных стран [2].

Смежным инструментом являются туризм, спорт и культурные обмены. Почти в каждой стране мира уделяется большое внимание развитию туризма для привлечения большого количества иностранных граждан.

Международный культурный обмен – важнейший процесс взаимодействия и взаимообогащения культур народов мира, способствующий прогрессу человеческой цивилизации на протяжении многих веков [3, с. 67].

«Мягкая сила» – это способность привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов [4].

В современном мире формирование имиджа страны не обходится без участия организации международных спортивных соревнований. Победа на соревнованиях, а также организация крупномасштабных спортивных соревнований высокого уровня увеличивают привлекательность страны.

Неотъемлемой частью «мягкой силы» в образовательной системе является предоставление образовательных услуг иностранным студентам. В студенческую пору у молодых людей формируется мировоззрение. Активные и любознательные студенты из других стран с удовольствием изучают язык принимающей стороны и с большим интересом знакомятся с достижениями науки и культуры.

По возвращении на родину иностранные студенты делятся с окружающими своими впечатлениями, знаниями и полученным опытом в той стране, в которой они обучались.

В этой связи очень важна система межгосударственных культурно-образовательных программ по обмену. Открытие новых учреждений и курсов преподавания языка в других странах увеличивает интерес к стране, чей язык изучается.

Конкурсный отбор получателей грантов и стипендий подразумевает выделение наиболее перспективных представителей в тех или иных областях деятельности или научного знания. После прохождения обучения с выпускниками сохраняются тесные связи в рамках сетевых сообществ, различных исследовательских центров. Таким образом, организатор подобных программ – проводник «мягкой силы» – оставляет за собой возможность влиять на зарубежные элиты или использовать их интеллектуальный ресурс в собственных интересах [1].

Деятельность НКО в нужном направлении – один из способов «мягкого» влияния. Рассматривая НКО как инструмент «мягкой силы», мы можем отметить, что это некоммерческие организации, которые работают в русле идеологических и социокультурных ориентиров других государств, зачастую играют большую роль в защите прав человека, человеческого достоинства [5]. Успешная деятельность некоммерческих организаций в сферах образования, культуры, экономики, здравоохранения помогает государству увеличить свою привлекательность за рубежом.

Важным инструментом «мягкой силы» может стать государственная миграционная политика как целенаправленная дея-

тельность государства по регулированию процессов экспорта и импорта рабочей силы в данную страну или из нее. Государство призвано защищать интересы трудящихся-мигрантов, национальных работников, а также должно обеспечивать взаимную защиту интересов самих стран – экспортеров и импортеров рабочей силы [6].

Страна, принимающая трудовых мигрантов, может стать привлекательной для них, и эта привлекательность может служить эффективным инструментом «мягкой силы». Именно трудовые мигранты как наиболее активная и мобильная часть общества могут стать проводниками влияния страны, которая их приняла, в своих странах [7].

Государственная миграционная политика имеет два направления: эмиграционное и иммиграционное. Эмиграционная политика направлена на создание благоприятного эмиграционного климата, а также на регулирование объемов и структуры эмиграционных потоков. Иммиграционная государственная политика призвана защитить национальный рынок труда от неконтролируемого притока мигрантов, обеспечить рациональное использование их труда [6].

Можно выделить следующие цели миграционной политики:

- привлечение мигрантов на временное место жительства;
- создание постоянного состава населения;
- обеспечение рабочей силой промышленных объектов [8, с. 472].

Одним из механизмов реализации «мягкой силы» может служить деятельность международных институтов, в том числе через внедрение рекомендаций по реформированию различных сфер внутригосударственных сфер и процессов. Одним из таких институтов является Международный валютный фонд (МВФ) – специальное агентство ООН, основной задачей которого является создание валютных резервов. Услугами и ресурсами МВФ могут воспользоваться все государства – члены этой организации.

Страна, находящаяся в кризисе, может обратиться в МВФ с целью получения кредита. МВФ предоставляет займы странам только при условии выполнения ими экономических и политических требований «Вашингтонского консенсуса»: свобода передвижения капитала, тотальная приватизация, поддержка стабильности национальной валюты путем установления ее зависи-

мости от доллара США, ограничения реальной денежной массы. Это приводит к невыплатам зарплат, пособий, дефициту наличных денег и к частичной потере национального суверенитета [9].

Иными словами, государство-заемщик должно разработать антикризисную программу в рамках идеологии МВФ, чтобы получить заем. Когда антикризисная программа страны-заемщика будет согласована и утверждена, то МВФ предоставляет ей кредит.

Каждое государство – член МВФ имеет свою квоту, которая рассчитывается по разным показателям. По сложившейся традиции пост директора-распорядителя занимает представитель Европы. США по сравнению с другими имеют самую большую квоту и могут накладывать вето на решения МВФ. Это создает значительные возможности для влияния США и европейских стран на процесс принятия решений в Фонде.

В современном мире политика принуждения и угроз ведет к войнам и конфликтам. Таким образом, в мировой политике актуальной стала проблема оказания «мягкого» влияния с помощью собственной привлекательности государства, без применения угроз и насилия. Поэтому для эффективной реализации «мягкой силы» государства важно действовать во всех ее направлениях, используя инструменты «мягкого» влияния, с помощью официальных структур и неправительственных организаций.

Список литературы

1. *Пономарева Е.* Железная хватка «мягкой силы» [Электронный ресурс] // МГИМО : сайт. – URL: http://www.mgimo.ru/news/experts/document238257.phtml (дата обращения 20.04.2015).

2. *Варанович Ю. В.* Мягкая сила: метод войны или способ принуждения к миру [Электронный ресурс] // Полит. образование : информ.-аналит. журн. – URL: http://www.lawinrussia.ru/node/312472 (дата обращения 22.04.2015).

3. *Мухаметшин Ф.* Народная дипломатия: взаимопонимание во имя развития [Электронный ресурс] // Лит. изв. – 2010. – №37 (67). – URL: http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=2520 (дата обращения 16.04.2015).

4. *Торкунов А. В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России [Электронный ресурс] // Вестн. МГИМО. – 2012. – № 4 (25). – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-instrument-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike-rossii (дата обращения 18.04.2015).

5. *Серая А.* НКО как инструмент «мягкой силы» [Электронный ресурс] // Полит. образование : информ.-аналит. журн. − 2013. − 7 нояб. – URL: http://www.lawinrussia.ru/node/287876 (дата обращения 17.04.2015).

6. Государственная миграционная политика: сущность, виды и инструменты [Электронный ресурс] // Студопедия. − 2012. − 22 нояб. – URL: http://studopedia.net/11_54847_gosudarstvennaya-migratsionnaya-politika-sushchnost-vidi-i-instrumenti.html (дата обращения 17.04.2015).

7. *Адясов И.* Возможна ли российская «мягкая сила»? [Электронный ресурс] // Rex : информ. агентство. − 2014. − 6 нояб. – URL: http://www.iarex.ru/ иarticles/ 51200.html (дата обращения 17.04.2015).

8. *Юдина Т. Н.* Миграционная политика / Т. Н. Юдина // Миграция: словарь основных терминов : учеб. пособие. – М. : Изд-во РГСУ ; Акад. проект, 2007. – 472 с.

9. Как работает Международный Валютный Фонд [Электронный ресурс] // Yablor. − 2011. − 28 янв. – URL: http://yablor.ru/blogs/kak-rabotaet-mejdunarodniy-valyutniy-fond/1151271(дата обращения 17.04.2015).

SYSTEM OF FORMS OF PRESENTATION AND IMPLEMENTATION OF SOFT POWER

A. V. Ogurtsova
P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl

Abstract. The article discusses the «soft power», revealed a number of tools of its implementation in government policy.

Keywords: Soft power, tools, media, public diplomacy, information warriors, IMF, NGOs.

Огурцова Алина Владимировна – магистр, кафедра социально-политической теории, факультет социально-политических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 10 тел.: 8 (4852) 329605, e-mail: alina.ist.fak@mail.ru

Ogurtsova Alina Vladimirovna – Magister, Department of Social and Political Theory, Faculty of Social and Political Sciences, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 10, Sovetskaya st, Yaroslavl, 150003, tel.: 8 (4852) 329605, e-mail:. alina.ist.fak@mail.ru

УДК 339.9(571.53)

УЧАСТИЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕРЕДИНЕ 1990-Х ГГ. XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАИО)

И. В. ОЛЕЙНИКОВ
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. На основе анализа материалов переписки с федеральными органами власти и управления и организациями по вопросам внешнеэкономических и международных связей рассмотрены основные итоги участия Иркутской области во внешнеэкономической деятельности в середине 1990-х гг. XX в.

Ключевые слова: Иркутская область, международное сотрудничество, внешнеэкономическая деятельность, импорт, экспорт.

В условиях изменения социально-экономической ситуации, резкого сокращения дотаций и трансфертов из центра в начале 1990-х гг. Иркутская область, как и другие субъекты Российской Федерации, искала партнеров на внешних рынках, стремилась привлечь иностранные инвестиции. «…Начался период самостоятельности и независимости предприятий в вопросах определения стран-партнеров, в выборе форм и методов внешнеэкономического сотрудничества» [4, с. 4]. Руководство региона предпринимало попытки установления долговременных связей как со странами АТР, так и с государствами Европы. Администрация области параллельно пыталась реанимировать производственные цепочки, существовавшие во времена СССР – как на постсоветском пространстве, так и с государствами бывшего социалистического лагеря [3, с. 258].

Процесс активизации международных контактов и внешнеэкономических связей был сложным – необходимо было самостоятельно развивать зарубежные связи региона, содействовать участникам ВЭД в установлении долговременных партнерских связей в условиях, когда опыт самостоятельной деятельности на внешнем рынке был минимален, а продукция иркутских предприятий была по большей части неконкурентоспособна за рубежом в силу значительной доли устаревшего оборудования и очень медленного процесса его обновления. Помимо этого, неэффективным делали экспорт и высокие железнодорожные тарифы.

Таким образом, для администрации региона, решавшей комплексные проблемы развития внешней торговли, возникала необходимость системной работы по отбору, накоплению и анализу информации об иностранных компаниях, заинтересованных в сотрудничестве с иркутскими предприятиями, в том числе и для решения указанных задач.

Анализируя фонды Государственного архива Иркутской области с перепиской с федеральными органами власти и управления и организациями по вопросам внешнеэкономических и зарубежных связей, межрегиональных ресурсов и реализации контрактов и договоров, централизованного экспорта, совместного предпринимательства, иностранных инвестиций, торговли, общественного питания и бытового обслуживания, пищевой и перерабатывающей промышленности, аграрной политики, производства сельскохозяйственной продукции и развития села, в

можно составить представление об особенностях участия Иркутской области в международном сотрудничестве в середине 1990-х гг. XX в. Отметим, что вовлечение в научный оборот архивных материалов представляется важной задачей для изучения этой темы.

Так, в 1997 г. основными направлениями участия Иркутской области в процессах международного сотрудничества были: взаимодействие с Монголией, США, Японией, Южной Кореей, ФРГ, организация международных, межрегиональных и областных выставок, ярмарок, участие в работе Координационного совета по внешнеэкономической деятельности МАСС «Сибирское соглашение», работа по укреплению и развитию дружественных и культурных связей области на основе заключения соглашений между Иркутской областью и административно-территориальными единицами зарубежных стран, работа с Правительством РФ, федеральными ведомствами по вопросам развития внешнеэкономической деятельности, координация внешнеэкономической деятельности с предприятиями области.

В 1997 г. объем внешнеторгового оборота предприятий области, по данным Департамента внешнеэкономических, зарубежных связей и туризма Администрации Иркутской области, составил около 3 % от общего внешнеторгового оборота России. По данным за 1-е полугодие 1997 г., по объему экспорта Иркутская область занимала 7-е место, а по импорту – 8-е место в стране [1, л. 95]. По итогам 1996 г., в экспорте России доля иркутского алюминия составила 36 %, нефтепродуктов – 6,7 %, целлюлозы – 56,8 %, пиломатериалов – 25,3 %, круглых лесоматериалов – 8,8 % [1, л. 95]. Таким образом, можно сделать вывод, что Иркутская область в середине 1990-х гг. представляла собой преимущественно ресурсный регион со значительной долей экспорта, товарную структуру которого определяло наличие на территории области алюминиевых и нефтехимических заводов, предприятий лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Так, в 1997 г. внешнеторговый оборот области составил 3520 млн долл. США (91,9 % к 1996 г.) [1, л. 95]. На страны дальнего зарубежья пришлось 91,2 % оборота, а на страны СНГ – 8,8 % [1, л. 96]. Основными участниками ВЭД региона в 1996–1997 гг. являлись следующие предприятия: АООТ «Братский алюминиевый завод», АО «Ангарская нефтехимическая компания», АО «ИркАЗ», АООТ «Иркутское авиационное производственное

объединение», АО «Усть-Илимский лесопромышленный концерн», Ангарский электролизно-химический комбинат, ОАО «Саянскхимпром», ТОО «Игирма-Тайрику», ОАО «Усольехимпром». Доля экспорта Иркутской области в 1997 г. составила 82,4 %, причем региональная продукция экспортировалась в 72 страны; из общего объема экспорта на страны Азии (без СНГ) пришлось 78 %, Америки – 7,3 %, Европы (без СНГ) – 11,6 %, Африки – 0,6 %, Австралии – 0,07 %, на страны СНГ – 2,4 % [1, л. 96]. Так, ведущее место в экспорте области в 1997 г. занимали Япония – 43 %, Сингапур – 13 %, Индия – 10,1 %, КНР – 6,6 %, США – 5,8 % [1, л. 96]. В Японию из региона поставлялись алюминий, лесоматериалы и уголь, в Сингапур – нефтепродукты, в КНР – смола ПВХ, этилен, целлюлоза, лесоматериалы, уголь, в Индию – самолеты, в США – алюминий и кремний.

Основу экспорта из Иркутской области в середине 1990-х гг. составлял алюминий. Так, в 1997 г., по предварительной оценке Департамента внешнеэкономических, зарубежных связей и туризма Администрации Иркутской области, за год предприятия региона вывезли за рубеж алюминия 880 тыс. т на сумму 1300 млн долл. США, а экспорт алюминия в натуральном выражении вырос на 1,5 %, несмотря на влияние негативной мировой экономической конъюнктуры – снижения цен на алюминий [1, л. 96].

Нефтепродукты и минеральное топливо также являлись важной статьей экспорта из Иркутской области. В 1997 г., по предварительной оценке, их было вывезено на сумму 435 млн долл. США (84,6 % по отношению к 1996 г.). Произошло увеличение в 1,5 раза объемов поставок на экспорт угля – в 1997 г. зарубежным потребителям было отгружено минерального топлива на 948 тыс. тонн на общую сумму 27,6 млн долл. США [1, л. 97].

Предприятия Иркутской области также поставляли на внешние рынки химическую продукцию – пластмассы (полимеры этилена, смолы ПВХ), органические химические соединения, продукты неорганической химии (кремний и радиоактивные элементы). Отметим, что поставки на экспорт данных товаров в 1997 г. по сравнению с 1996 г. снизились на 31 %. Снижение было вызвано сокращением объемов производства химической продукции – практически прекратилось производство удобрений, резко снизились объемы производства полиэтилена. Основными покупателями пластмасс являлись КНР, Республика Корея, Иран,

кремния – США, радиоактивных элементов – Великобритания, Германия, КНР, Республика Корея [1, л. 97].

В 1997 г. произошло резкое снижение объемов экспорта целлюлозы из Иркутской области до 450 тыс. т – на 30 % по причине того, что три с половиной месяца простаивали мощности Усть-Илимского целлюлозного завода, значительно снизили объемы производства БЦБК и БЛПК. Основными потребителями целлюлозы из Иркутской области в 1997 г. являлись КНР, Швейцария, Республика Корея, Венгрия и Турция.

Что касается экспорта древесины и изделий из нее, то в 1997 г. из Иркутской области, по предварительной оценке, было вывезено пиломатериалов в Японию, Великобританию, Египет, Узбекистан и Сирию на сумму 151,6 млн долл. США, общим объемом 712 тыс. куб. м, а круглого леса – в Японию и КНР на сумму 82,9 млн долл. США общим объемом 900 тыс. куб. м [1, л. 97].

Экспорт продукции машиностроения из Иркутской области, по предварительным данным, составил в 1997 г. 279 млн долл. Весьма удачным оказался 1997 г. для АООТ «Иркутское авиационное производственное объединение», которое осуществило поставку летательных аппаратов и их частей на сумму 270 млн долл. США. Остальные 9 млн долл. пришлись на электродвигатели, генераторы, трансформаторы, изоляционные провода, узлы и части к локомотивам.

Основным продовольственным товаром, который экспортировался из Иркутской области в 1997 г., согласно данным Департамента внешнеэкономических, зарубежных связей и туризма областной администрации, стала водка. Ее было вывезено за год на сумму 9,4 млн долл. США, рост экспорта по отношению к 1996 г. составил 85,5 % [1, л. 97]. Основными потребителями крепкого алкогольного напитка стали США и Австралия.

Значительные объемы экспортных поставок из Иркутской области в середине 1990-х гг. можно объяснить влиянием следующих факторов – высоким спросом на товары регионального экспорта на мировом рынке, спадом спроса на внутреннем рынке, необходимостью привлечения валютных средств предприятиями для последующего технического переоснащения. Отметим, что при анализе отчетных данных Департамента внешнеэкономических, зарубежных связей и туризма областной администрации можно сделать вывод о том, что поставки в СНГ не

составили значительной доли в общем объеме экспорта из региона, что можно объяснить снижением спроса из-за влияния кризисов в экономике на постсоветском пространстве.

В середине 1990-х гг. доля импорта во внешнеторговом обороте региона постепенно снижалась – с 24 % в 1996 г. до 17,6 % в 1997 г. [1, л. 97]. В Иркутскую область импортировалась продукция из 68 стран мира, причем 20,3 % импорта приходилось на страны Азии, 14,1 % – на государства Европы, 14,1 % – на страны Америки, 0,8 % – на страны Африки, 3,9 % – на Австралию [1, л. 97]. Доля государств постсоветского пространства в общем объеме импорта составила 38,7 %. Основными торговыми партнерами региона стали Казахстан (поставка алюминиевых руд, говядины, зерна и муки), КНР (фрукты, продукты питания, нефтяной и пековый кокс, бумага и картон, товары народного потребления), США (алюминиевые руды, машины и оборудование), Индия (алюминиевые руды, товары народного потребления), Украина (железнодорожные и трамвайные вагоны, алюминиевые руды, изделия из черных металлов, электрооборудование, сахар и продукты питания) и Австралия (алюминиевые руды).

В товарной структуре импорта на территории региона преобладало сырье для алюминиевой промышленности – 56,5 % в 1996 г., 53,2 % – в 1997 г. [1, л. 98]. Доля машин и оборудования по состоянию на 1997 г. составила 11 %. Крупные поставки машиннотехнической продукции, представленной различными видами промышленного оборудования, электрическими машинами и оборудованием, осуществлялись в Иркутскую область из Италии, США, Германии, Японии. Продовольствие в регион поставлялось в рамках следующих товарных групп: зерно, мука и сахар ввозились из стран СНГ, мясо – из Китая, Казахстана и Украины, растительное масло – из Индонезии и Казахстана, молоко – из Украины, Казахстана, Молдавии, чай – из Индонезии. Импорт винно-водочных изделий составил 4,5 млн долл. США.

Отметим, что снижение объемов импорта по большей части товарных позиций в 1995–1997 гг. явилось следствием целенаправленной политики государства на ограничение ввоза импортных товаров для защиты российских производителей, выразившейся в повышении ввозных ставок на продукты питания, одежду и обувь.

В рамках привлечения иностранных инвестиций на территорию Иркутской области Администрация Иркутской области

участвовала в разработке Законов Иркутской области «Об областной государственной инвестиционной политике», «О внесении изменений и дополнений в Закон Иркутской области «О ставках и льготах по налогу на имущество предприятий», положений «О порядке предоставления областных государственных гарантий для реализации инвестиционных программ и проектов» и «О порядке проведения конкурсов по предоставлению инвесторам и кредиторам государственной поддержки» [1, л. 101].

Для иностранных инвесторов предприятиями области было разработано около 100 бизнес-проектов в различных сферах экономики – сфере пищепереработки, производства изделий из древесины, реализации инфраструктурных проектов. По состоянию на 01.01.1998 на территории Иркутской области было зарегистрировано 338 предприятий с иностранными инвестициями, организованных совместно с компаниями из 50 стран [1, л. 102]. Основными странами, из которых поступали инвестиции в экономику региона, стали Китай, Казахстан, США, Украина, Великобритания, Япония, ФРГ, Республика Корея и Япония. Основная часть предприятий с иностранными инвестициями организовывалась в сферах заготовки, переработки и продажи древесины, торговли и коммерческой деятельности, приборостроения, производства товаров народного потребления, строительства, разведки и добычи полезных ископаемых. Доля иностранных инвестиций в уставном капитале предприятий составила 52 % в 1996 г. и 46 % в 1997 г.

Однако показатели по привлечению инвестиций оставались весьма низкими вследствие слабого развития инфраструктуры, низкого уровня кооперации с иностранными предприятиями. В документах Государственного архива Иркутской области отмечено, что негативное влияние на привлечение иностранных инвестиций оказывали и такие факторы, как тяжелая экологическая и криминальная ситуация [1, л. 102]. Отмечалось, что значительное снижение внешнеэкономических показателей деятельности предприятий с иностранными инвестициями объясняется существенным падением цен на японском рынке лесопродукции, на который ориентирована основная масса предприятий с иностранными инвестициями в регионе.

Отметим, что в статистическом справочнике «Иркутская область. 1992–1997 гг.», подготовленном специалистами информа-

ционно-аналитического отдела Законодательного собрания Иркутской области и изданном в 1998 г., данные по структуре экспорта товаров в страны дальнего зарубежья из Иркутской области и по внешней торговле с отдельными странами дальнего зарубежья отличаются от сведений, содержащихся в материалах Государственного архива Иркутской области [2, с. 38–39]. Это можно объяснить сверкой и последующим уточнением предварительных данных Департамента внешнеэкономических, зарубежных связей и туризма администрации области с информацией регионального таможенного управления и прочих ведомств.

Таким образом, следует отметить, что предприятия Иркутской области в середине 1990-х гг. весьма активно развивали внешнеэкономические связи с зарубежными контрагентами. Торгово-экономическое взаимодействие с партнерами из стран дальнего зарубежья в некоторой мере компенсировало снижение объема взаимной торговли со странами постсоветского пространства. Изучение материалов Государственного архива Иркутской области по данному вопросу позволяет сделать вывод о том, что в 1996–97 гг. происходит закрепление статуса Иркутской области в качестве экспортера преимущественно сырьевых ресурсов, что определило логику внешнеэкономического сотрудничества на последующий период.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. р-3511 (Администрация Иркутской области). Оп. 1. Ед. хр. № 650.

2. Иркутская область 1992–1997 гг. : статист. справ. / сост. В. П. Гуков, В. Д. Соколов, В. И. Медведев. – Иркутск, 1998. – 42 с.

3. *Олейников И. В.* Международное сотрудничество региона // Современная история Иркутской области: 1992–2012 гг. В 2 т. : учеб. пособие / под ред. Ю. А. Зуляра. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – С. 257–279.

4. Оценка внешнеэкономической деятельности организаций Иркутской области // Федеральная служба государственной статистики. Иркутскстат. – Иркутск : Иркутскстат, 2012. – 36 с.

PARTICIPATION OF THE IRKUTSK REGION IN FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY IN THE MIDDLE OF THE 1990s XX CENTURY (ON MATERIALS GAIO)

I. V. Oleynikov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Based on the analysis of correspondence material with federal authorities and management and organizations on matters of foreign economic and interna-

tional relations of the basic results of the participation of the Irkutsk region in foreign trade activities in the mid-1990s. XX century.

Keywords: Irkutsk region, international cooperation, foreign trade, import, export.

Олейников Илья Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Oleynikov Ilya Vasilievich – Candidate of History Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University 412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

УДК 32.019.52

70-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ: ОСВЕЩЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е. С. ОЛЕНИЦКАЯ

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

Аннотация. Анализируется мнение жителей Ярославской области о 70-летии Победы, выраженное в социальных медиа. Исследуются типичные примеры комментариев, публикуемых в социальных сетях, по отношению к действиям органов власти региона по подготовке к празднованию Победы.

Ключевые слова: Ярославская область, Ярославль, 70-летие Победы, социальные сети, «Вконтакте», «Фейсбук».

Тема 70-летия Победы, широко освещаемая в средствах массовой информации, активно обсуждается и пользователями социальных сетей. При этом, по последним данным, охват аудитории у некоторых социальных сетей шире, чем у значимых федеральных СМИ: так, по данным международной компании TNS, в марте 2015 г. социальная сеть «Вконтакте» обогнала «Первый канал» по численности дневной и недельной аудитории в городах [1]. Социальные медиа, в отличие от традиционных СМИ, имеют при этом ряд важных особенностей: пользователи не только потребляют информацию, но и оценивают, распространяют и создают ее сами. Таким образом, анализ сообщений пользователей социальных сетей на такую значимую тему, как 70-летие Победы, позволяет оценить значимость события для жителей страны и составить некий срез общественного мнения.

В социальной сети «Вконтакте» – первой по аудитории сети в России [2] – создано 584 российских тематических сообщества, посвященных 70-летию Победы; количество подобных групп, зарегистрированных в Ярославле, – 7. Гораздо меньшая активность наблюдается, например, в социальной сети «Фейсбук», где по России создано примерно 70 сообществ, и ни одного – в Ярославском регионе. Количество записей, опубликованных пользователями в «Вконтакте», посвященных теме Победы и Великой Отечественной войны в ярославском контексте, – более 50 тыс. Такой большой объем информации и охват аудитории связаны, возможно, не только с большой аудиторией сети, но и с запуском «Вконтакте» проекта «9 Мая» – на страницах пользователей добавлена новая вкладка, куда автоматически собираются сообщения с официальных страниц ведущих СМИ (телеканалы «Первый» и «360 Подмосковье», «Аргументы и Факты», ИА ТАСС и РИА Новости, «Лента.ру») с хэштегом #Победа70. За первые три дня с момента старта проекта на вкладку перешли около 10 млн пользователей «Вконтакте» [3].

Пользователи социальных сетей делятся не только новостями СМИ, но и публикуют собственные «истории»: посты-мнения о войне, информацию о своих предках, принявших участие в военных действиях; о своем участии в акциях по подготовке к празднованию 70-летия Победы. Публикуемая информация в большинстве своем носит положительный характер. Интересно, что более 2,5 тыс. сообщений ярославских пользователей «Вконтакте» содержат слова благодарности ветеранам ВОВ – «Спасибо деду за Победу!».

С помощью социальных сетей пользователи транслируют и идеи о необходимости уважения символа Победы – георгиевской ленточки. Помимо распространения «официальных» правил ношения ленты, публикуются и негативные комментарии в адрес тех, кто нарушает эти правила: «*Ходишь по Ярославлю, смотришь, люди цепляют георгиевские ленточки на сумки, на волосы, на велосипеды и т. д. А ленточка должна быть на груди, на сердце. А то, что вы цепляете куда попало, это наоборот, знак неуважения*!» [4].

Часть публикуемых негативных сообщений касается не оценки, переосмысления событий войны, а критики органов власти, в том числе за подготовку к празднованию Победы. Так, например, жители Рыбинска Ярославской области отзываются о церемонии зажжения Вечного огня, средства на реконструкцию

которого собирали сами горожане: «*Присутствовал на данном мероприятии, одна городская знать, видимо, для себя и организовали. За ограждения не пускали, ветеранов практически не было. Нагнанные пионеры и лоснящиеся лобызающиеся друг с другом городские сановники. Впечатление мерзкое. Почему не сделать это при всем городе, который и собирал деньги на реконструкцию непонятно...*»; «*Я только сейчас прочитала, уже постфактум. Наверняка, все остальные тоже. Вот так, сделали праздник для самих себя, а на тех же ветеранов с высокой колокольни*»; «*Опять не по-людски!!! Многие на работе!!! Ну можно, наверно, это было бы сделать вечером или в выходные, или опять праздник «одного лица» – губернатора?!!!*» [5].

Негативную оценку в ряде случаев получила и церемония вручения памятных медалей. Вот как описывает событие одна из жительниц Ярославля: «*Сегодня моя мама ходила в сопровождении моего сына за юбилейной медалью «70 лет Победы». Торжественное событие, к которому ветераны готовились заранее, превратилось в ФАРС. Информационное письмо пришло из мэрии Ярославля. И чиновники не нашли свободной комнаты в администрации Дзержинского района, а отправили стариков, которым 86–90 лет, в школу номер 11. Пожилым людям добраться до учебного заведения по корявым тропам оказалось не под силу, а ковылять от остановок до школы около километра. Первым в списке награды вручал представитель мэрии, но быстро убежал. Те, кто опоздал к назначенному времени мероприятия, к 14:00, опять-таки из-за дороги, встали в очередь за юбилейными медалями. Короче говоря, организация мероприятия, а точнее ее отсутствие, вместо приятности доставило ветеранам массу огорчений*» [6]. Церемония вручения памятных медалей вызвала активное обсуждение (более 25 комментариев) в одном из сообществ г. Рыбинска, где один из родственников ветеранов опубликовал критику в адрес городской администрации за организацию торжественного мероприятия: «*...Ни цветочка, ни шоколадки даже... Говорят, денег нет. Так о каких деньгах на дороги идет речь, если этих людей, своими силами защищавших наше Отечество, поздравить достойно не могут...*» [7].

Свою роль в нагнетании негативной обстановки вокруг ситуации с ветеранами часто играют СМИ, сообщения которых также публикуются в социальных сетях. Например, информационное агентство «76.ru» преподнесло информацию о том, что 9 Мая ветераны ВОВ и их сопровождающие смогут воспользоваться общественным транспортном бесплатно, под заголовком «В День

Победы общественный транспорт будет для ветеранов бесплатным». Ссылка на сообщение СМИ, содержащая только текст заголовка, была опубликована в официальной группе информагентства «Вконтакте» и вызвала несколько десятков негативных комментариев, таких как: «*Дак сделайте транспорт бесплатным для ветеранов пожизненно!!! Они же старики, 5–6 раз в месяц-то ездят на общественном транспорте!!! Жаба опять мэрию задушила что ли??? Зажали 200 [рублей]? В месяц на стариков? Позор [и. о. мэра Ярославля] Нечаеву и [губернатору Ярославской области] Ястребову*», «*За что воевали? За капитализм? Дикий…*», «*Они уже лет двадцать должны бесплатно ездить. И так полтора человека осталось*» [8]. Аудитория сообщения составила более 40 тыс. пользователей. При этом в Ярославле постоянное право на бесплатный проезд для ветеранов и инвалидов ВОВ в качестве льготы определено Социальным кодексом.

Пользователи социальных сетей констатируют также изменение трактовки 70-летия Победы. Ярославский независимый журналист П. Стряхилев инициирует на своей странице в соцсети обсуждение: «Я *еще не очень старый, но я помню значение Дня Победы для моих родных. По рассказам старших и еще более старших… никто не любил вспоминать войну. Но все вспоминали 9 мая – День Окончания Кошмара Войны. Это был день надежды на то, что больше никто не погибнет. На то, что все, кто не умер до этой даты – вернутся, может быть, домой. Или просто останутся живы, что тоже хорошо. Прогнали «проклятую орду» со своей земли. И это замечательно. Поэтому и не праздновали Победу – праздновали мир. Пока не отстроились заново. Пока не стали жить нормальной жизнью. Пока не перестали голодать. Пока не начали забывать, как получать на детской кухне американский яичный порошок вместо молока и объяснять детям, что это «тоже молоко»... Да мало ли чего еще перестали вспоминать. 9 мая – это не день военных достижений. Это день окончания войны. И счастье в том, что война окончилась нашей победой, а не победой наших врагов. Вот и все. Нынешняя трактовка праздника сильно отличается от того, что я успел запомнить в детстве от живых еще тогда очевидцев. И это мне совсем не нравится».* В комментариях к этому сообщению участники обсуждения пишут: «*Мне тоже страшно, как будто вместо настоящей Памяти, которая есть у нас, теперь навсегда будет пустота в ярких флажках и полосатых лентах. Жуть*»; «*...Все это превращается в какой-то маскарад*»; «*В детстве на День Победы на официальном уровне был лозунг: "Никто не забыт, ничто не забыто». А сейчас его нет. Забыто...*»; «*Есть разная война. Вой-*

на героев «Летят журавли», «Женя, Женечка и Катюша», «Хроники пикирующего бомбардировщика» и современная трактовка внуков и правнуков, да мы их, всю Европу на болту крутили, да мы их... Получилось так, что за 70 лет после 1945 г. у России не осталось ничего, кроме Победы в войне и старого воспоминания о полете в апреле Юрия Гагарина. По мнению представителей правящего режима, война 1941–45 гг.– это вечная индульгенция, отпущение сегодняшних грехов, сегодняшней несостоятельности государства и власти» [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что в оценке жителей региона, в большинстве своем положительно оценивающих как подготовку и празднование 70-летия Победы, так и роль СССР во Второй мировой войне, смещается акцент в негативную сторону по отношению к функционирующим сегодня органам власти, организующим «пиар» на теме Победы.

Список литературы

1. BBC. – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/ rolling_news/2015/05/150507_rn_vkontakte_tv_audience. (дата обращения 07.05.2015).
2. Brand Analytics. – URL: http://www.slideshare.net/Taylli01/2014-43472028. (Дата обращения 13.01.2015).
3. Журдом. – URL: http://jourdom.ru/news/70292. (дата обращения 21.04.2015).
4. Вконтакте. Сообщество «Подслушано Ярославль». – URL: https://vk.com/wall295833734_615. (дата обращения 07.05.2015).
5. Информационное агентство «Черемуха». Комментарии. – URL: http://cheremuha.com/obshchestvo/5869-vechnyiy-ogon-zazhgli.html. (дата обращения 08.05.2015).
6. Facebook. Клопышкина Т. – URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_ fbid=1445902452367878&id=100008444112070&fref=nf. (дата обращения 13.03.2015).
7. Вконтакте. Сообщество «Подслушано в Рыбинске. – URL: https://vk.com/wall-60965453_114645 (дата обращения 08.05.2015).
8. Информационное агентство «76.ru». Сообщество «76.ru – новости Ярославля». – URL: http://76.ru/text/ newsline/28247425536000.html?utm_source=vk&utm_medium=og&utm_campaign=smm, https://vk.com/wall-29725771_46745. (Дата обращения 29.04.2015).
9. Facebook. П. Стряхилев. Комментарии. – URL: https://www.facebook.com/outdoorconstr/posts/825797820835453?pnref=story. (Дата обращения 06.05.2015).

70th ANNIVERSARY OF VICTORY: LIGHTING IN SOCIAL NETWORKS (ON THE EXAMPLE OF THE YAROSLAVL REGION)

E. S. Olenitskaya
P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl

Abstract. Analyzes the views of the residents of the Yaroslavl region of the 70th anniversary of the Victory, expressed in social media. Analyzes the typical examples of the comments published on social networks, based on the actions of governments in the region to prepare for the celebration of the Victory.

Keywords: Yaroslavl region, Yaroslavl, the 70th anniversary of the Victory, the social network VKontakte, facebook.

Оленицкая Екатерина Сергеевна – магистр, кафедра социально-политической теории, факультет социально-политических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 10 тел.: 8 (4852) 329605, e-mail: olenitskaya_ekaterina@mail.ru

Olenitskaya Ekaterina Sergeevna – Magister, Department of Social and Political Theory, Faculty of Social and Political Sciences, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 10, Sovetskaya st, Yaroslavl, 150003, tel.: 8 (4852) 329605, e-mail: olenitskaya_ekaterina@mail.ru

УДК 32(47)+32(519.5)

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

ПАК ХЭ ДЖА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье приводится сравнительный анализ политических процессов на региональных уровнях в Республике Корея и Российской Федерации и выделяются общие черты и отличия функционирования региональных правительств. Это позволяет системно подойти к анализу и решению поставленной задачи. Подчеркивается необходимость формирования стратегии управления регионами.

Ключевые слова: региональное правительство, региональная власть, политический процесс, самоуправление, демократизация, современная история, Республика Корея, Российская Федерация.

С момента установления дипломатических связей между Кореей и Россией 30 сентября 1990 г., обе страны достигли большого прогресса во всех сферах политики, экономики, культуры и социальных отношений. Вместе с тем обе страны столкнулись с определенными трудностями, вызванными различием в понимании подходов к взаимовыгодному сотрудничеству. В значительной степени это обусловлено различиями политической культуры и управленческой традиции.

Следует осознавать особенности культуры и механизмы внутренней политики обеих стран, чтобы увеличивать степень взаимопонимания и реализовать геополитические и геоэкономические стратегические потенциалы обеих стран. Детально пред-

ставляя механизм внутренней политики и процесс принятия решений, в том числе и на региональном уровне, можно найти пути развития сотрудничества между странами и регионами.

История современной России показывает, что после института президента в стране наиболее значимым во властной архитектуре, а также для общественного мнения является институт губернаторства. Губернатор организует взаимодействие исполнительных органов государственной власти области с федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами, органами местного самоуправления муниципальных образований региона и общественными объединениями [1, с. 65–66]. В Корее большинство исследователей употребляют термин «самоуправление» в смысле региональной политической системы властных отношений. Следует отметить, что иногда использование понятия «региональная структура» отличается в рассматриваемых странах из-за различий политических систем и их функций. Под функцией здесь понимается любое действие, которое способствует сохранению и развитию достигнутого состояния взаимодействия политической системы со средой [2, с. 92].

Существуют и разные подходы к изучению политических систем и процессов в разных странах. В статье сделана попытка сопоставить и сравнить процессы появления, развития и функционирования самоуправления в Республике Корея и Российской Федерации. Исследование данной проблемы предполагает выделение общих черт и особенностей политических процессов на региональных уровнях обеих стран.

Во-первых, механизм и тенденция политических процессов обеих стран на региональных уровнях за последние двадцать пять лет во многом совпадают. Это становится очевидным, когда мы рассматриваем современную историю России и Кореи. В конце XX – начале XXI в. в обеих странах идет бурная борьба за демократизацию и модернизацию, в результате которой происходит радикальный политический и экономический переход государства от авторитарного режима к демократии и рыночной экономике. Одним из итогов этого бурного политического процесса становится закрепление концепции регионального самоуправления в конституциях обеих стран.

Положение о региональном самоуправлении в Российской Федерации в существующей форме было зафиксировано в Главе

8 Конституции 1993 г. Однако, как утверждает А. Е. Балобанов, директор Института стратегического планирования муниципальных образований «Малые города», местное самоуправление в России было чистым «проектом» [3, с. 3]. Понятно, что после распада СССР Россия вынуждена была начать строить «современное государство». Делались попытки «заменить институт государства свободолюбивыми прениями о гражданском обществе, о свободном рынке» [4, с. 204]. В этом контексте идея местного самоуправления зафиксирована как право «обеспечивать самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью» [5].

Что касается регионального самоуправления в Республике Корея, оно восстановилось лишь только в 1995 г. Это удивительно, так как Корея, на первый взгляд, – одна из самых развитых демократических стран Азии. Уже в 1948 г., сразу после Второй мировой войны, в первой корейской конституции было закреплено положение о региональном самоуправлении. Однако Корею ждала нелегкая историческая судьба. В 1950 г. началась Корейская война, а в 1961 г. устанавливается авторитарный режим на основе военной диктатуры. И только в 1987 г. граждане Республики Корея через революцию наконец добыли демократию своими руками [6, с. 55–57]. Поэтому для граждан Кореи «региональное самоуправление» имеет значительно большее значение, чем просто символ демократической страны.

Таким образом, региональная политика и в России, и в Корее не только совпадает по времени установления законов о региональном самоуправлении в ходе движения за демократизацию, но и схожа по процессам развития после установления института регионального управления. Очевидно, что региональная политика, в том числе региональное самоуправление, обеих стран находилась в состоянии непрерывного реформирования в связи с отсутствием исторического опыта участия граждан в региональной политике. Кроме этого, можно отметить, что хотя обе страны провозгласили «региональное самоуправление» одним из приоритетов внутренней политики государства, в действительности термин «самоуправление» использовался как средство оправдания своих политических инициатив.

Во-вторых, учитывая устройство и условия функционирования региональной политики, обе страны пока далеки от той си-

туации, когда политические институты и гражданское общество в регионах эффективно выполняют свои функции. Многие ученые утверждают, что причина этого явления кроется в отсутствии в регионах исторических и культурных основ демократии, таких как европейская демократическая инициатива снизу. Дальнейшее развитие и укоренение демократии предполагает все большую трансформационную активность акторов личностного и инфраструктурного уровней [7, с. 11].

Характерной особенностью политического процесса обеих стран на региональных уровнях является его базирование на фундаменте мировых феноменов – «демократии» и «модернизации». Именно таким образом формировалась система самоуправления в регионах обеих стран. Однако политические процессы в Корее и в России на региональных уровнях зачастую зависят от характера лидеров и структуры власти в регионе.

В-третьих, отсутствие политической системы, которая адекватно отражала бы интересы населения региона, порождает нестабильной баланс между центральной и региональной властью. Обе страны непрерывно стараются найти оптимальный баланс власти и ответственности между центром и регионами. Поскольку региональная власть по своему существу всегда связана с центральной властью, постольку во многих странах, в том числе в России и в Корее, считается, что центральная власть разделяет свои полномочия с властью региональной.

Причем до настоящего времени все региональные реформы в России проводились «сверху» – без участия населения в принятии решений [8]. Если сравнить взаимодействия региональных и центральных органов власти в России и в Корее, то можно сказать, что в Корее социальное движение в поддержку реформ в пределах регионов более активно. Однако ситуация в Корее не так далека от ситуации в российских регионах с точки зрения стремления максимально использовать возникающие выгоды в процессе реформ центра. Особенно это относится к вопросам формирования бюджета регионов, а также разделения ответственности и роли между центром и регионами. Итак, возникающий ряд проблем отражается на непрерывном реформировании региональной политики. В условиях централизованной политической, общественной и налоговой систем центр, обладая большими полномочиями по управлению, в большей степени поддержал инициативы реформ и развития регионов.

Но следует отметить, что существует и другая точка зрения – центр никогда не отрицал необходимости проведения самостоятельного управления регионами и расширения участия граждан, ориентированного на демократические ценности. Многие ученые утверждают, что регионам необходимо самостоятельно улучшать свои позиции путем преобразования системы кадров в региональном правительстве и формирования стратегии укрепления финансовых способностей.

При этом важно подчеркнуть, что перед обеими странами встают задачи развития регионов в правильном направлении. «Развитие регионов – это всеобъемлющий термин совокупности развития экономики, культурных способностей, улучшения блага и уровня жизни населения, расширения демократических ценностей в регионах» [9, с. 271]. Причем в процессе реформирования региональным властям необходимо учитывать принципы демократизации, регионализации, информатизации и глобализации.

В-четвертых, развитие управления и функционирования регионов в Корее и в России во многом ориентировалось на экономическую эффективность страны. Современное состояние мира характеризуется развитием информационных технологий и глобализацией, в основе которых лежат экономические факторы. Поэтому вопросы экономики и эффективности управления всегда являются приоритетными в региональной политике. В связи с этим отношения между правительством и населением и между правительством и рыночной экономикой меняются, что ведет к изменениям в парадигме управления региональным правительством. Например, возникают так называемые открытые правительства.

В последнее время любое региональное правительство стремится стать эффективным правительством, конкурентоспособным в различных сферах – экономической, общественной, культурной и территориальной. Для этого необходимо разрабатывать разные инновационные стратегии и открыто принимать различные мнения представителей разных сфер бизнеса [10, с. 3]. Поэтому стала уже притчей во языцех присказка, что крупный бизнес и представители групп разных интересов не только влияют на экономическую политику региона, но и затрагивают саму структуру власти в регионе. Сам бизнес зачастую становится важным субъектом принятия политических решений.

В-пятых, усиливается конкуренция между регионами в пределах страны. Развертывается серьезная борьба за привлечение инвестиций, активно применяются разные методы маркетинга регионов и новые методы управления, такие как сити-менеджмент и т. д. Регионы стремятся максимально использовать свои преимущества при формировании планов собственного развития, пытаются распространить свое влияние на международном уровне.

Существуют и некоторые отличия в региональной политике двух стран.

Во-первых, вектор баланса власти между центром и регионами в России и в Корее направлен в разные стороны. Например, Россия склонна к централизации процессов самоуправления, и при этом регионы и население поддерживают это стремление Москвы. В Корее же наблюдается другая тенденция: центральная власть поэтапно делегирует свои полномочия регионам, несмотря на то что среди специалистов бытует мнение о том, что регионам требуется еще больше полномочий, чтобы реально управлять и самостоятельно разрабатывать стратегию своего развития [11, с. 184–223].

Во-вторых, факторы, влияющие на выбор главы региона в Корее и в России, различны. Например, в Корее партия, к которой принадлежит губернатор, является одной из самых влиятельных политических сил в регионе. Кандидаты выдвигаются от каждой партии, и избиратели при выборе кандидатуры во многом ориентируются на партию, выдвинувшую своего кандидата. Но в России выбор лидера региона во многом зависит от личных качеств и его отношений с центральной властью.

Таким образом, следует констатировать наличие общих черт и различия в политических процессах и функционировании регионального правительства в Республике Корея и Российской Федерации. Необходимо детально понимать механизм внутренней политики, который позволит улучшить взаимопонимание, искать подходы к взаимовыгодному сотрудничеству.

Список литературы

1. *Зуляр Ю. А.* Восстановление и развитие института губернаторской власти в регионе // Современная история Иркутской области 1992–2012 гг. / Ю. А. Зуляр. В 2 т. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. – 201 с.

2. *Зуляр Ю. А.* Политология : учеб. пособие / Ю. А. Зуляр. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2007. – Т. 1.– 428 с.

3. *Балобанов А. Е.* Местное самоуправление в современной России / А. Е. Балобанов. – М. ; Владимир : Малые города, 2007. – 440 с.

4. *Смолин М.* Б. Русский путь в будущее / М. Б. Смолин. – М. : Фонд ИВ, 2007. – 352 с.

5. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 25 дек. 1993 г. // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

6. Понятие «корейское оегиональное самоуправление». Развитие и состояние / Зин Каунг Со [и др.]. – Сеул : Изд-во Ассоциации регион. самоуправления Кореи Пак Еунг Са, 2013. – 428 с.

7. *Бродовская Е. В.* Демократический транзит на посткоммунистическом пространстве: подходы к определению, модели, этапы. 13 с.

8. *Кучеренко Д. В.* Региональная политика России: концепции, проблемы, решения [Электронный ресурс]. – URL: http://studopedia.ru/1_17655_I-regionalnaya-politika-rossii-kontseptsii-problemi-resheniya.html.

9. *Ан Чонг Си.* Корейское самоуправление и демократия : достижение и задачи / Чонг Си Ан. Сеул : Нанам, 2002. – 309 с.

10. *Кен О Сонг.* Теория реформ регионального правительства / О Сонг Кен. – Сеул : БекСанСоуДанг, 2005. – 351 с.

11. *Цой Вонг Ги.* Укрепление способности самоуправления регионального правительства / Вонг Ги Цой. – Те Гу : Изд-во Ун-та Ге Менг, 2014. – 424 с.

THE DEVELOPMENT OF THE POLITICAL PROCESS AND THE FUNCTIONING OF REGIONAL GOVERNMENTS IN THE REPUBLIC OF KOREA AND THE RUSSIAN FEDERATION AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES

Puk Khe Dzha
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. In the article the comparative analysis of political processes at the regional level in the Republic of Korea and the Russian Federation and highlighted the General features and differences of the functioning of regional governments. This allows a systematic approach to the analysis and solution of the problem in the region. Emphasizes the need to form a strategy in accordance with the requirement to develop management capability in the region.

Keywords: regional government, regional government, political process, governance, democratization, contemporary history, the Republic of Korea, the Russian Federation.

Пак Хэ Джа – аспирант, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: haejpark12@mofa.go.kr

Puk Khe Dzha – Postgraduate Student, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History Irkutsk State University 412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.:8(3952)334372 e-mail: uzulyar@yandex.ru

УДК 323.21

КРАУДСОРСИНГ В ПРОЦЕССАХ ГРАЖДАНСКОЙ КООПЕРАЦИИ[1]

А. В. СОКОЛОВ, О. Е. КОМАРОВ
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

Аннотация. Анализируются возможности гражданской кооперации посредством использования технологии краудсорсинга. Рассматривается сущность и возможные формы реализации краудсорсинговых проектов. Дается характеристика условиям, процедурам и принципам краудсорсинга. Главной его особенностью является наличие новых инструментов для коммуникации между гражданами. Краудсорсинг применяет технологию для развития любых уровней сотрудничества и плодотворных взаимодействий между людьми.

Ключевые слова: краудсорсинг, гражданская активность, кооперация, интернет.

Развитие информационно-коммуникационных технологий предоставило дополнительные возможности для объединения людей и их совместной работы над решением социально значимых проблем. Одним из воплощений кооперации граждан посредством новых технологий стал краудсорсинг, который позволяет объединить большие массы людей в единую систему, с целью поиска необходимых решений существующих проблем.

Понятие толпы, *crowd*, в социологическом словаре означает «бесструктурное скопление людей, лишенных ясно осознаваемой общности целей, но связанных между собой сходством эмоционального состояния и общим элементом внимания» [10]. Наиболее убедительное объяснение феномена толпы имеется в интеракционистском и когнитивистском подходах. Неблагоприятная обстановка, отсутствие возможности разрешить возникающие проблемы порождают определенные защитные механизмы. Наличие общего интереса, общей цели формируют у толпы общее эмоциональное состояние. Объединенная схожими эмоциями группа людей способна оказать достаточно сильное влияние на окружающих, «заражая» мотивацией разрешения существующей проблемы. Таким образом, идея разрешения проблемы лавинообразно распространяется внутри толпы [6]. *Sourcing* – «ряд действий, нацеленных на нахождение, испытание и вовлечение по-

[1] *Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта РГНФ № 14-33-01241.*

ставщиков товаров и услуг» [7]. Термин *Sourcing* содержит в себе относительно небольшое практическое значение, в то же время представляя собой абсолютное теоретическое значение о механизме экономии за счет вовлечения труда активистов. Термин также используется в качестве определения услуги, которая подразумевает поиск необходимого поставщика/предприятия.

В английском толковом словаре Merriam – Webster краудсорсинг обозначен как процесс получения необходимых идей, услуг при помощи просьб о содействии, которые обращены к большому кругу лиц, в частности к онлайн-сообществу [1]. В данном определении область функционирования краудсорсинга ограничена рамками интернет-сообщества, поэтому именно информационно-коммуникационные технологии являются ключевыми инструментами достижения необходимых результатов.

Краудсорсинг представляет собой модель управления информации, основанную на передаче работы одного человека большому кругу лиц, при этом многие из них не обязательно могут быть профессионалами в данной области. Координация и взаимодействие субъектов краудсорсинга происходят в рамках интернета, что позволяет в значительной мере сократить временные и финансовые издержки. При помощи краудсорсинга организация способна получить новые эффективные идеи от абсолютно разного круга лиц. Существует определенное сходство с аутсорсингом, но в отличие от него использование технологий краудсорсинга не предполагает оплаты работы участников либо вознаграждается символическими суммами. Опыт, сотрудничество, признание являются в контексте краудсорсинга наилучшими наградами. Помимо всего, краудсорсинг не предполагает значительных изменений в штатном расписании компании и ее ключевых процессах.

Практика применения краудсорсинга насчитывает достаточно длительный период – еще в 1714 г. английский парламент объявил приз 20 тыс. фунтов тому, кто найдет точный способ определения долготы на море при путешествии к американским колониям. Парламент предложил принять участие всем в разрешении данной проблемы, вместо того чтобы оплачивать работу исследователям. Результатом данного опыта стало изобретение морского хронометра Джоном Хариссоном, столяром и часовщиком-самоучкой [5].

В 2004 г. была опубликована книга «Мудрость толпы» Джеймса Шуровьески [3]. Он сумел оказать влияние на популяризацию идеи краудсорсинга, заявив, в частности, что «при верно заданных условиях поиск решения какой-нибудь трудности с опорой на различные совокупные познания массы людей может стать более действенной методикой, чем применение познаний и опыта некоторого числа из них». Также в ней сказано, что при соблюдении некоторых условий толпа может стать умной: 1) толпа должна быть многообразной, т. е. включать суверенных друг от друга граждан; 2) толпа должна быть децентрализованной и др.

Понятие «краудсорсинг» впервые было употреблено в статье «Восход краудсорсинга» британского редактора и журналиста Джеффа Хау в 2006 г., а затем им же были раскрыты все преимущества новой технологии в книге «Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса» [1]. По мнению британца, краудсорсинг представляет собой передачу некоторых производственных функций большому кругу лиц либо разрешение силами добровольцев общественно значимых проблем в рамках, которые координируются при помощи использования современных информационно-коммуникационных технологий.

Краудсорсинг есть следствие слияния в единое двух принципов – синергетического эффекта и коллективного интеллекта. Синергетический эффект – это процесс слияния, интеграции отдельных частей в единый механизм, систему, которая позволяет максимально увеличить эффективность. Данный эффект позволяет объединить опыт, мнения, информацию, оценки и прогнозы. Помимо этого краудсорсинг базируется на принципе превосходства возможностей коллективного интеллекта над профессионализмом и усилиями отдельного сотрудника. Краудсорсинг является механизмом, при помощи которого знания и таланты смогут найти применение там, где они являются востребованными.

Ключевой принцип, лежащий в основе краудсорсинга, гласит, что у отдельного человека знаний меньше, чем у группы людей. У. Уилер первый предложил концепцию коллективного интеллекта [8]. Он отметил, что кажущиеся порой совершенно независимыми индивиды способны сотрудничать друг с другом так тесно, что они становятся единым организмом. Коллективный интеллект является массовым сотрудничеством и основным инструментом в технологии краудсорсинга. Он представляет собой

способ использования знаний людей для разрешения определенных проблем. Важная задача заключается в том, чтобы создать необходимые условия для реализации данных знаний. Разнообразный и значительный резерв добровольцев способен предложить новые и более эффективные вариации разрешения конфликтов в сравнении с группой штатных специалистов. Человек, больше всего желающий выполнить работу, наиболее мотивирован и эффективен. Применение коллективного интеллекта наиболее эффективно для разрешения рутинных и творческих проблем. Коллектив отлично понимает поставленную задачу, а уже через обсуждение проблемы отдельные участники обычно находят оптимальное и наиболее эффективное решение. Управление же коллективным интеллектом чаще всего происходит при помощи корпоративных информационных систем, которые поддерживают режим совместной деятельности.

Краудсорсинг является перспективной технологией, которая позволяет обеспечить процесс решения проблем новыми идеями при незначительных затратах. Особенно выгодно его использовать в моменты, когда есть потребность в инновационном и творческом подходе для решения задач. Краудсорсинг дает возможность оценки и анализа существующих проблем с различных сторон, при этом сгенерированные в результате идеи способствуют созданию стартовой площадки для разработки инноваций.

Краудсорсинг представляет собой несколько технологий, отличающихся друг от друга по принципу способа участия. Автор термина «краудсорсинг», Джефф Хау, выделил 4 основных типа краудсорсинга. 1. Мудрость «толпы». Представляет собой использование коллективного разума для решения сложных задач, составления прогнозов. Простейшая форма – биржа идей. 2. Творчество «толпы». Привлечение сообщества для создания новых товаров, дизайна логотипов, разработки рекламных кампаний, съемки видеофильмов. 3. Голосование «толпы». Мнение сообщества лежит в основе систематизации значительных объемов информации, анализа огромного потока данных. 4. Краудфандинг. Привлечение сообщества для сбора денежных средств на реализацию какого-либо проекта [7].

Политический краудсорсинг сочетает в себе набор форм и технологий общественного участия граждан, основанный на коллективном производстве социально-политических идей и поли-

тической практики. Таким образом, краудсорсинг облегчает инициирование и внедрение политических инноваций, рассматриваемых в качестве направленного изменения конкретных характеристик политической системы, с целью повышения эффективности деятельности политических институтов и политических процессов. В этом случае процесс краудсорсинга, используя терминологию Т. Р. Гареева, понимается как динамичное взаимодействие между новаторами и внешней политической средой, которое является результатом изменения государственной политики или ее части и преднамеренно осуществляется новатором с применением новых знаний [2]. Российский политический деятель и политолог и А. Ю. Сунгуров считает, что стимуляция краудсорсинга в государственной политике способствует постоянному применению инноваций, которые имеют характеристики общественных благ [9].

Краудсорсинг получил развитие благодаря формированию и последующему развитию социальных сетей, предполагающих взаимодействие людей в сфере онлайн. Ключевая особенность современных социальных сетей заключается в том, что пользователи перестают действовать самостоятельно, образуя целостную систему. Это приводит к возможности объединения людей в крупные группы для решения некоторых задач, используя основные технологии краудсорсинга. Виртуальные сообщества являются основой краудсорсинга, они обеспечивают контекст и структуру, в которой осуществляется деятельность. Технология краудсорсинга не ограничена только решением какой-либо задачи. Благодаря ему каждому человеку предоставлено слово, способное оказать непомерное влияние на политический процесс.

Список литературы

1. Crowdsorcing [Electronics resurs] // An Encyclopedia Britannica Company Merriam-Webster. – URL: http://www.merriam-webster.com/dictionary/ crowdsourcing (дата обращения: 22.12.2006).

2. *Гареев Т. Р.* Кластеры в институциональной проекции: к теории и методологии локального социально-экономического развития // Балтийский регион. – 2012. – Вып. 3 (13). – С. 7–33.

3. *Джеймс Шуровьески*. Мудрость толпы / Д. Шуровьески. – М. : И. Д. Вильямс, 2007. – 304 с.

4. *Джефф Хау*. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса : пер. с англ. / Х. Джефф.– М. : Альпина Паблишер, 2012. – 288 с.

5. *Джон Гаррисон*. Биография [Электронный ресурс] // История изобретений. – URL:http://texno.at.ua/blog/garrison_dzhon/2012-02-14-29 (дата обращения: 14.02.2012).

6. Конфликтология / под ред. А. С. Кармина. – СПб. : Лань,1999. – 448 с.

7. *Никитин И.* Взгляд с позиции специалиста [Электронный ресурс] / И. Никитин, М. Сорсинг Цулая // Business analyst in Russia. – URL: www.bainr.ru/article6.html(дата обращения: 07.11.2014).

8. *Олег Файг.* Гипотезы о кремнийорганической жизни [Электронный ресурс] // Паранормальные новости. – URL: http://paranormal-news.ru/news/gipotezy_o_kremnijorganicheskoj_zhizni/2013-09-10-7657 (дата обращения: 10.09.2013).

9. *Сунгуров, А. Ю.* Инновации в социуме и политике. Аналитический обзор // Филос. науки. – 2013. – № 3. – С. 5–20.

10. Толпа. Социологический журнал [Электронный ресурс] // Энциклопедии и словари. – URL: http://enc-dic.com/sociology/Tolpa-9002/ (дата обращения: 28.04.2015).

CROWDSOURCING IN THE PROCESSES OF CIVIL SOCIETIES

A. V. Sokolov, O. E. Komarov
P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl

Abstract. The possibilities of the civil societies through the use of crowdsourcing technology. Examines the nature and possible forms of implementation of crowdsourcing projects. Describes the conditions, procedures and principles of crowdsourcing. Its main feature is the availability of new tools for communication between citizens. Crowdsourcing uses technology to development at all levels of cooperation and fruitful interactions between people.

Keywords: crowdsourcing, civic engagement, cooperation, Internet.

Соколов Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент, кафедра социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 150000, г. Ярославль, ул. Кирова, д. 8/10, тел.: 8(4852)303210, e-mail: alex8119@mail.ru

Sokolov Aleksandr Bladimirovich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Socio-Political Theories, P. G. Demidov Yaroslavl State Technical University, 8/10, Kirova st., Yaroslavl, 150000 tel.: 8(4852)303210, e-mail: alex8119@mail.ru

Комаров Олег Евгеньевич – магистр, кафедра социально-политической теории, факультет социально-политических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 10 тел.: 8 (4852) 329605, e-mail: oleg93komarov@mail.ru

Komarov Oleg Evgenyevich – Magister, Department of Social and Political Theory, Faculty of Social and Political Sciences, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 10, Sovetskaya st, Yaroslavl, 150003, tel.: 8 (4852) 329605, e-mail:. oleg93komarov@mail.ru

РАЗДЕЛ «СИБИРЬ В XVII–XXI ВЕКАХ: ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ЭКОНОМИКА, ЭКОЛОГИЯ, ПРАВО»

УДК 340.141(571.5)(091)

МАТЕРИАЛЫ ВОЛОСТНОГО СУДА ФОНДА А. А. САВЕЛЬЕВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ ПРИАНГАРСКОЙ ДЕРЕВНИ

Б. Е. АНДЮСЕВ
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск

Аннотация. Наиболее важные стороны крестьянского бытия находят отражение в традициях обычного права. Целью работы явилось изучение локального действия обычного права в приангарской деревне второй половины XIX – начала XX в., зафиксированного в документах личного фонда краеведа-этнографа А. А. Савельева [ГАКК, Ф. 793. Оп. 1. Д. 21]. Предметом исследования является обычное право в отдельных аспектах общинной и семейной жизни сибирской (приангарской) деревни изучаемого периода. Автор записок фиксирует нюансы местного судопроизводства в общинных традициях обычного права. Источники разнородны по степени информативности, содержанию, но они рождены крестьянской средой («так здесь принято», «согласно местным обычаям» и пр.).

Ключевые слова: Приангарская Сибирь, крестьяне-старожилы, традиции, обычаи, обычное право, община-«общество», общинное самоуправление, общинное судопроизводство, семейные традиции, общественно значимые характеристики личности.

Ключевой особенностью повседневности крестьянского традиционного общества было неукоснительное следование предписаниям обычаев и традиций. Они воспроизводились из поколения в поколение, охранялись общественным мнением и содержали широкий комплекс обычно-правовых, нравственных, религиозных и социальных представлений. Нормы стереотипно пропитывали практически все сферы общественной и личной жизни

человека. Наиболее важные стороны межличностного бытия находят свое отражение в традициях обычного права. Замалчивание роли обычного права в народной культуре искажает достижения крестьянской правотворческой деятельности. Многие историки и ученые-правоведы подчеркивают, что даже сейчас, в начале XXI в., «…существуют важные области права, в которых в силу различных причин вообще отсутствует правовое регулирование либо оно ограничивается общей отсылкой или рамочными нормами» [13]. Для современной науки обращение к народным традициям характерно в контексте общего поворота к истории повседневности, микроистории, истории быта, истории ментальностей.

В общем ряду позитивных процессов в современной русской культуре – заметно усилившееся внимание к проблемам научного изучения обычного права. Обзоры литературы доказывают пробуждение интереса к изучению обычного права этносов и их структурных групп – субэтносов и конвиксий. В Сибири, в условиях полиэтничности, локальной замкнутости, относительно большей личной свободы и экономической независимости, обычное право как у этносов-автохтонов, так и у русских-старожилов регулировало отношения вне пространства государственного законотворчества.

Важность роли обычного права в регулировании отношений в среде сибирских крестьян показано в сочинениях второй половины XIX в. В них подробно описан тип крестьянина-старожила, чья жизнь отличалась особенностями обычаев, традиций, норм поведения [1; 3; 7–10; 14; 16]. Авторы едины в признании господства традиций обычного права в отдаленных от губернских центров общинах и селениях.

В советский и постсоветский периоды были наиболее изучены правовые традиции русских крестьян Западной Сибири с анализом влияния обычно-правовых традиций на повседневное поведение крестьян, превалированием обычного права в решении спорных вопросов в семье и общине [4–6; 11; 12; 15]. Но у нас нет развернутого представления о локальных особенностях обычного права в Приенисейской Сибири, особенно тех сферах повседневности, где были слабы или не существовали нормы закона, закрепленные государством.

Поэтому целью нашей работы явилось изучение локального действия обычного права в приангарской деревне второй поло-

вины XIX – начала XX в., зафиксированного в документах личного фонда краеведа-этнографа А. А. Савельева. Предметом нашего исследования является обычное право в отдельных аспектах хозяйственно-бытовой и социальной жизни сибирской (приангарской) деревни изучаемого периода.

В основе традиционного обычного права русских лежит не самоцель применения правовых норм к однородным делам, а принцип справедливости в случае возникновения спорных ситуаций в рамках общины. Решение всех дел «по справедливости» обуславливало примирение сторон на основе обращения к постулату – «так старики велели».

Изучение правовых традиций приенисейских сибиряков в общинном социуме возможно на основе обращения к источникам обычно-правового характера Красноярского государственного архива. Здесь хранится собрание документов личного фонда известного этнографа ИРГО Савельева Антона Александровича[1]. Одна из единиц хранения озаглавлена как «Материалы волостного суда Пинчугской волости Енисейской губернии, собранные Антоном Александровичем Савельевым, бывшим в течение года секретарем волостного суда» [ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21]. Автор записок досконально фиксирует нюансы местного судопроизводства, противоречия между юридическими нормами и традициями обычного права. Источники разнородны по степени информативности, но рождены крестьянской средой («так здесь принято», «согласно местным обычаям» и пр.). Показано, как «общество» разрешало споры, межевало землю, производило расчет повинностей, рассматривало жалобы, прошения, выносило наказания. В документах зафиксированы формулировки просьб, описания обстоятельств дел, условий их возникновения, а решения даны часто со ссылкой на «обычаи в нашем селении и волости». Взятые в совокупности с результатами наших полевых исследований, источники А. А. Савельева позволяют достаточно полно и

[1] Антон Александрович Савельев родился в 1883 г. в семье крестьян Витебской губернии. В период политической ссылки в 1908—1917 гг. в Пинчугской волости Енисейского уезда Енисейской губернии и*м были сделаны з*аписи примет, обычаев, поверий старожилов. Благодаря этнографическим изысканиям он стал активным членом Красноярского подотдела Русского географического общества. Личный фонд А.А. Савельева (Ф. 739) в Государственном архиве Красноярского края насчитывает 33 единицы хранения, из которых нами использованы в основном документы единицы хранения № 21.

объективно изучить вопрос о роли традиций обычного права в среде крестьян-старожилов Енисейского Приангарья.

В практике народного права воплощалось представление о справедливом миропорядке, в котором само крестьянское сообщество решало материальные, социальные, межличностные проблемы. На нормы обычного права в изучаемый период оказывали воздействие как замкнутые семейно-родовые связи «однопородного» превалирования старожильческих родов, так и начавшиеся процессы модернизации [15, с. 165].

Примечательно, что «общество» (община) всегда определяется как «наше», а крестьяне именуют себя «нашего общества государственные крестьяне». В изучаемый период член «общества» предстает в лице налогоплательщика-«бойца», домохозяина, наделенного кругом прав и обязанностей. Особо подчеркивался высокий уровень нравственности старожила: «Мы избегаем порочных людей». В качестве «порочных» источники выделяют «дурное поведение», «ссорливость в обществе», «развратную жизнь», «ленивцев» и «гуляк» [15, с. 171–172].

Одной из форм общинного суда в селах Приенисейского края был суд стариков. Он был распространен практически повсеместно. Суд состоял их трех-четырех крестьян с хорошей репутацией, не моложе 45–55 лет, и старосты. Задача суда состояла в том, чтобы рассудить «по справедливости». Маловажные дела, такие как брань, драки, побои, ссоры, согласно обычаям разбирали и сельские старосты. Требования, «***каким*** человеком должно быть в общине», зафиксированы А. А. Савельевым в характеристиках выборных лиц: «Домохозяин, …семьянин, …нравственного поведения, …законопослушен, …не моложе 30 лет». «Поведения хорошего, под судом и штрафах не бывал» [Д. 2. Л. 9–11]. (Здесь и далее выделения авт. – *Ред.*). Не только запреты и система наказаний за нарушение норм обычного права служили условием воспитания позитивных качеств личности, но и общественно значимые критерии «образцового домохозяина». Важное место занимала самооценка «славутного человека» и стремление защиты от покушения на достоинство и честь, «за обиды, оскорбления» [ГАКК. Ф. 793, Оп. 1. Д. 21].

Мир старожилов Приангарской Сибири взаимодействовал с рядовым общинником на паритетных началах. Когда одному крестьянину в результате неточного наделения землей «была на-

несена обида», он подал иск в волостной суд на сельское общество. Сельское общество признало ошибку: «В будущем 1889 году выдать истцу земли в удвоенном количестве ***в знак*** «***признания вины*** общества» [Д. 21. Л. 70]. Признание равенства юридических прав общины и старожила находим и в других судебных документах. Так, в 1891 г. при потраве посевов крестьянина по вине «общества» («не обеспечило сохранности поскотины вокруг деревни») оно возместило домохозяину нанесенный ущерб [Д. 21. Л. 74].

Мы видим не только стремление «общества» разрешить конфликт «по справедливости», но и публичное признание вины общества перед личностью. «***Истец крестьянин*** деревни Заимской Н. Е. С. и ***ответчик сельское общество*** деревни Заимской. Истец заявил, что ответчик, производя передел земель, обделили его 1/8 десятины. Ответчики объяснили, что обдел произошел по ошибке, потому суд постановил: выдать истцу землю не 1/8 десятины, а 1/4 десятины земли» [Д. 21. Л. 29].

Представления крестьян-старожилов о функциональном предназначении общины базировались на постулате «пользы» при взаимодействии с внешним миром, в разрешении спора между двумя общинами на основе норм обычного права. «Истец ***доверенный от крестьян*** деревни Гольтявиной крестьянин В. Е. К. ***ответчики из других селений в количестве 45 человек*** ввиду того, что самовольно разбили рыболовные ямы Гольтявинцев». Пинчугский волостной суд, имея в виду, что было нарушено не менее семи условий пользования ямами, определил «с поименованных крестьян взыскать 100 руб. в пользу Гольтявинского общества» за моральную и материальную обиду [Д. 21. Л. 17].

Еще более поучительная и неприятная ситуация для истцов видна из другого решения волостного суда. «Истцы крестьяне доверенные Залидьевского сельского общества, ответчики доверенные Клименского сельского общества. Истцы просят взыскать 33 рубля с ответчиков за 33 овцы, потравленных собаками последних…». Здесь издревле заключался словесный договор («выговор») о цепном содержании собак в летнее время, но был нарушен как ответчиками, так и истцами. Поэтому, на основе нормы обычного права, истцы были вынуждены заплатить за «потравленных» овец [Д. 21. Л. 37].

Община в случаях посягательства на права и имущество «своих» строго подходила к притязаниям «чужих» на основе не-

оспоримых доказательств их правоты. «Истец солдатская жена Иркутской губернии Алзамайской волости И. З. П. и ответчик крестьянин Пинчугской волости деревни Березиной П. Д. Н. Истица просит суд взыскать с ответчика 36 руб. за покупку товара». Но истица доказательств и свидетельских показаний не представила, и в просьбе было отказано [Д. 21. Л. 43].

В документах фонда А. А. Савельева есть множество дел и о разбирательстве между «своими». Так, в споре крестьян села Рыбного О. И. С. и И. Л. Т., на основе показаний свидетеля А. Т., суд постановил взыскать с ответчика вместо требуемых 100 руб. всего 50 руб. [Д. 21. Л. 64]. Мы нашли сразу две ситуации на одном листе «савельевских» документов о потраве посевов. Так, истец показал, что лошади ответчика потравили у него ярицу приблизительно на 4 пуда. При дознании оказалось, что лошади прошли через огород ответчика, и что огород был в неисправном виде, поэтому суд постановил взыскать в пользу истца. В другом деле истцы-крестьяне д. Карабульской – показали, что лошади ответчика из села Богучанского потравили хлеба в количестве: ржи – 20 пудов и овса – 5 пудов. Ответчики означенное количество согласились оплатить сполна [Д. 21. Л. 66].

Как пример для наших современных непростых ситуаций в условиях кризиса служит выход, найденный крестьянскими судьями в ситуации затруднений с выплатой долга. В первой ситуации ответчик признал иск правильным, но от уплаты отказался за неимением средств. Волостной суд постановил взыскать с ответчика 47 руб. ***в разные сроки***. В наши дни это называется реструктуризацией долга [Д. 21. Л. 37]. Во втором случае, по иску в 31 рубль, «за неимением средств» было решено ответчика «отдать в работу на 6 месяцев» [Д. 21. Л. 68]. Также для достижения «миролюбивого соглашения» по иску в 60 руб. была дана рассрочка на 3 года [Д. 21. Л. 1].

Среди дел, решаемых Пинчугским волостным судом на основе норм обычного права, есть и два о регулировании работы по найму. По обычаю в ангарских селениях наем на сроковую работу производился «по рукобитию». Но однажды работник разорвал договор и выплатил хозяину «принятую в таких случаях в селении» сумму в 3 руб. [Д. 21. Л. 2-об.].

Весь быт крестьянского населения, сложившийся исторически, объяснял стремление отдельных крестьян подчиниться суду

своих односельчан, часто не имеющему ничего общего с формальным судом, писаным законом, но вполне удовлетворяющему совесть и понятие справедливости. Традиции патриархальной семьи обусловили существование семейных судов или судов родственников. Они рассматривали исключительно проступки, совершенные членами семейства как в домашнем обиходе, так и вне его. Патриархальные обычаи допускали полную власть домохозяина над своими «домочадцами». «Ни один суд не принимал от сына жалобу на отца, а на сына пожалуйста», – отмечает Л. М. Сабурова [1, с. 128–130; 15, с. 170].

Гендерные отношения также можно изучать на основе анализа отдельных выписок А. А. Савельева. Свобода женщины отражалась прежде всего в возможности самой решать судьбу, и зафиксирована в нормах обычного права: «Нельзя силком отдавать замуж. Хуже нет, как не в любви жить». Когда истец с. Богучанского потребовал «вернуть истраченные на смотрины» деньги в сумме 17 руб. 70 коп., то ответчик заявил, что «он согласился на свадьбу дочери без ее согласия». Волостной суд, учитывая «право выбора дочери по ***местным обычаям***», постановил взыскать с нее только 7 руб. [Д. 21. Л. 27-об.].

Оценочные представления об экономическом статусе женщины обеспечивались и ее равным с мужчиной участием в хозяйственной жизни семьи. Выписки из судебных тяжб подробно свидетельствуют о материальной и финансовой формах оценки личной собственности женщины в семье [Д. 21. Л. 19-об.]. В семье мужа приданое продолжало оставаться личной собственностью жены. В другом случае по решению суда мужем умершей дочери были возвращены ее личные вещи [Д. 21. Л. 73]. В противоположной ситуации, согласно распространенным обычаям, «вдова д. Гольтяевской Пинчугской волости О. К. …хозяйство имела свое, так как от мужа унаследовала дом, скот, земли и прочее» [Д. 21. Л. 29]. При разбирательстве тяжбы мужчины и женщины суд исходил из местных традиций, занимая сторону женщины. Так, один из документов А. А. Савельева свидетельствует об оправдании женщины, обвиненной в колдовстве по поводу «порчи» коровы. «Крестьянка А. А. была на моем дворе и что-то делала около коровы, которая после этого стала хиреть и потом пропала» [Д. 21. Л. 24-об.]. Так же поступил Пинчугский волостной суд, когда по иску крестьянки К. С. присудил некого «молодца И. Д.» к

штрафу в размере 5 руб. и требованию публичного искупления вины за «срывание с нее платка и осрамления ее перед людьми». Согласно местному обычаю, И. Д. «опозорил поведением свой род и родителев» [Д. 21. Л. 32–32-об.].

Таким образом, как в общине, так и в патриархальной семье сохранялись и воспроизводились ценностные традиции. Система запретов и пожеланий базировалась на постулатах: «Предки велели», «старики нас учили», «старики на это так смотрели». Крестьянский мир Приенисейского края, и особенно таежных районов Приангарья, на рубеже XIX–XX вв. продолжал сохранять юридические обычаи, выработанные их предками еще в «России» и видоизмененные в Сибири. «Общество», волостной суд, суд стариков вполне соответствовали нормам народной морали, дедовским традициям. Исследованные нами юридические ситуации на основе местных обычаев народного права Пинчугской волости это вполне доказывают.

По мере развития товарно-денежных отношений в селе, возросшей мобильности крестьянского населения, роста грамотности и образованности традиционный уклад сибирской деревни разрушался. На функционирование обычного права оказывало влияние резкое усиление в данный период притока новых российских переселенцев, несущих не только иные традиции, но и рыночные правила, юридические нормы законов Российской империи. Процесс модернизации, участившиеся связи с городом постепенно включали крестьян в правовое пространство, существенно вытесняя из повседневного обихода народные юридические обычаи.

Список литературы

1. *Арефьев В.* В низовьях Ангары // Сиб. сб. – Иркутск, 1900–1901. – Вып. 1–2.

2. *Арефьев В.* В низовьях Ангары // Сибирский сборник. – Иркутск, 1900. – Вып. 1. – С. 128–130.

3. *Виноградов Г.* Поверья и обряды крестьян-сибиряков // Сиб. архив. – Иркутск, 1915. – Кн. 3.

4. *Громыко М. М.* Мир русской деревни / М. М. Громыко. – М., 1991.

5. *Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина X1X в.) / М. М. Громыко. – Новосибирск , 1975.

6. *Зверев В. А.* Дети отцам замена / В. А. Зверев. – Новосибирск, 1989.

7. *Костров Н. А.* Юридические обычаи крестьян старожилов Томской губернии / Н. А. Костров. – Томск, 1876.

8. *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь / М. Ф. Кривошапкин. – СПб., 1865. – 2 т.

9. *Латкин Н. В.* Красноярский округ Енисейской губернии / Н. В. Латкин. – СПб., 1890.

10. *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении / А. А. Макаренко. – СПб., 1913.

11. *Миненко Н. А.* Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX века / Н. А. Миненко. – Новосибирск, 1989.

12. *Миненко Н. А.* Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX в. / Н. А. Миненко. – М., 1991.

13. *Подольская Н. А.* Является ли судебная практика источником российского права? // Журн. рос. права. – 2000. – № 12. – С. 80.

14. *Потанин Г. Н.* Из записной книжки сибиряка / Г. Н. Потанин // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1986.

15. *Сабурова Л. М.* Быт и культура русского населения Приангарья (конец X1X – XX вв.) / Л. М. Сабурова. – Л., 1967.

16. *Щапов А. П.* Собрание сочинений. Дополнительный том / А. П. Щапов. – Иркутск, 1937.

17. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. – СПб., 1882.

MATERIALS THE PARISH COURT FUND A. A. SAVELIEV AS A SOURCE FOR THE STUDY OF LEGAL TRADITIONS ANGARA VILLAGE

B. E. Andyusev
V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogocal University, Krasnoyarsk

Abstract. The most important aspects of peasant life are reflected in the traditions of customary law. The aim of this work was to study the actions of local customary law in the village of Angara in the second half of XIX – early XX centuries, recorded in documents from the personal Fund of the historian-ethnographer A. A. Saveliev [SAKR. F. 793. Op. 1. D. 21]. The subject of research is the customary law in certain aspects of community and family life of the Siberian (Angara) villages of the study period. Author notes-the holidays captures the local nuances of procedure in community traditions of common law. Sources are heterogeneous in the degree of informativeness, content, but they are born of a peasant environment ("so here accepted, according to local customs" etc.).

Keywords: Yenisei Siberia, the peasants-old-timers, traditions, customs, customary law, community-"society", community self-government, community justice, family traditions, socially significant characteristics of the personality.

Андюсев Борис Ермолаевич – кандидат исторических наук, кафедра отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89, тел.: 8(391)2171717, e-mail: andjusev@narod.ru

Andyusev Boris Ermolaevich – Candidate of History Sciences, Subdepartment of History of Russia, V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 660049, 89, Ady Lebedevoy st, Krasnoyarsk, tel.: 8(391)2171717, e-mail: andjusev@narod.ru

УДК 911.2(571.53)

ЭТАПЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ИХ РОЛЬ В ПРЕОБРАЗОВАНИИ ЛАНДШАФТНОЙ СТРУКТУРЫ ЛЕНО-АНГАРСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ[1]

Ж. В. АТУТОВА
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены особенности процесса хозяйственного освоения территории Лено-Ангарского междуречья начиная с конца XIX в. и до наших дней. Для ключевого участка составлена серия картосхем, характеризующих ландшафтную специфику территории в определенные периоды. Проведен сравнительный анализ изменчивости ландшафтной ситуации. Определены количественные показатели естественных и преобразованных геосистем.

Ключевые слова: Лено-Ангарское плато, природопользование, геосистема, преобразование, динамика.

Анализ разновременных особенностей функционирования геосистем Лено-Ангарского междуречья представлен на примере возвышенного одноименного плато, откуда берут начало реки Илга и Куленга (левые притоки р. Лены). Пространственно-временная изменчивость геосистем исследована в пределах ключевого участка, площадь которого составляет 620 км^2. Находится он в юго-западной оконечности Качугского района Иркутской области. Нами обособлены три временных этапа современного природопользования, хозяйственная деятельность во время которых наиболее масштабно отразилась на антропогенной динамике геосистем ключевого участка; это период конца XIX – начала XX в., 20–80-е гг. XX в. и период с 1990-х гг. до настоящего времени.

В конце XIX – начале XX в. основным занятием русского населения было земледелие, кроме этого крестьяне занимались скотоводством, охотой, собирательством, промыслами. До прихода русских территорию населяли эвенки и буряты, первые из которых были кочевниками-охотниками, вторые – кочевниками-скотоводами. В рассматриваемый период буряты жили чересполосно с русскими, занимаясь скотоводством, утужным земледелием, охотой. Благодаря близкому соседству с русским и бурятским населением у качугских эвенков в период с конца XIX – начала

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Иркутской области в рамках научного проекта № 14-45-04002 р_сибирь_а.

XX вв. активно развивался процесс преобразования традиционного промыслово-оленеводческого хозяйства в хозяйство таежного крестьянского типа, совмещающего земледелие и домашнее животноводство с охотой и рыболовством. В целом, для верхоленских районов в конце XIX – начале XX в. характерен долинный тип расселения среди русского и оседлого коренного населения, что связано с благоприятством природных условий для развития земледелия. Ландшафты склонов и верховий долин были подвержены влиянию со стороны традиционных видов природопользования эвенкийского населения – оленеводство, охотничий промысел. В целом о масштабах преобразования геосистем за рассматриваемый период говорит тот факт, что к началу XX в. в пределах исследуемого полигона Лено-Ангарского междуречья на долю естественных комплексов приходилось 425 км². Остальные 195 км² были заняты преобразованными геосистемами (рис. 1).

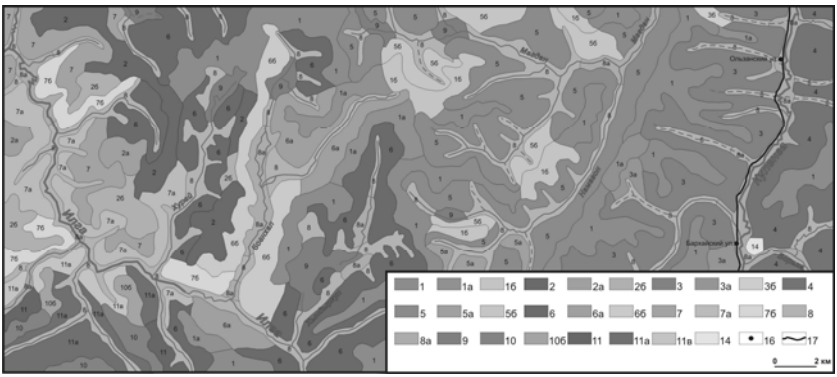

Рис. 1. Ландшафтная схема ключевого участка Лено-Ангарского междуречья (ситуация конца XIX – начала XX в.)

Североазиатские таежные геосистемы горнотаежные байкало-джугджурские геомы Горно-таежный лиственничный класс фаций

1. Водораздельных поверхностей лиственничные с примесью ели и кедра кустарничково-травяно-моховые.

1а. Водораздельных поверхностей березово-елово-лиственничные с единичными экземплярами кедра травяно-кустарничково-моховые.

1б. Водораздельных поверхностей елово-лиственнично-березовые с примесью осины, с кедром и лиственницей в подросте кустарничково-разнотравные, местами травяно-кустарничково-моховые на месте гарей.

2. Водораздельных поверхностей лиственничные с примесью сосны зеленомошно-травяные.

2а. Водораздельных поверхностей лиственнично-сосновые с примесью березы и единичными экземплярами ели травяно-моховые.

2б. Водораздельных поверхностей лиственнично-березовые с примесью сосны и редкой примесью осины травяные на месте гарей.

3. Склоновые (преимущественно восточной экспозиции) елово-лиственничные травяно-кустарничковые.

3а. Склоновые березово-елово-лиственничные с примесью осины травяно-мохово-кустарничковые.

3б. Склоновые осиново-лиственнично-березовые с единичными экземплярами ели кустарничково-травяные на месте гарей.

4. Склоновые лиственничные с примесью ели и кедра кустарничково-травяно-моховые.

4а. Склоновые березово-лиственничные с единичными экземплярами ели кустарничково-травяно-моховые.

4б. Склоновые лиственнично-березовые с примесью ели травяно-кустарничковые на месте гарей.

5. Склоновые кедрово-елово-лиственничные кустарничково-осоково-моховые.

5а. Склоновые елово-лиственничные с примесью березы и единичными экземплярами кедра и осины кустарничково-мохово-травяные.

5б. Склоновые лиственнично-березовые с примесью осины и единичными экземплярами ели мохово-кустарничково-травяные на месте гарей.

6. Склоновые (преимущественно северной и западной экспозиций) елово-лиственничные с примесью кедра, реже пихты осоково-кустарничково-моховые.

6а. Склоновые елово-березово-лиственничные с редкой примесью осины травяно-мохово-кустарничковые.

6б. Склоновые лиственнично-березовые с единичными экземплярами ели кустарничково-травяные на месте гарей.

7. Склоновые сосново-лиственничные кустарничково-травяные.

7а. Склоновые лиственнично-сосновые с примесью березы кустарничково-разнотравные.

7б. Склоновые сосново-лиственнично-березовые разнотравные на месте гарей.

Межгорных понижений и долин таежный лиственничный класс фаций

8. Долинные ерниковые с единичными экземплярами лиственницы и ели осоково-моховые.

8а. Долинные луговые (разнотравно-злаковые).

9. Днищ и пологих склонов долин луговые (осоково-злаковые) сильно заболоченные с ерниковыми зарослями и с единичными экземплярами ели и лиственницы.

Горнотаежные южносибирские геомы

Горно-таежный темнохвойный класс фаций

10. Водораздельных поверхностей кедровые с примесью лиственницы и пихты травяно-кустарничково-моховые.

10а. Водораздельных поверхностей лиственнично-березово-сосновые кустарничково-разнотравно-зеленомошные.

10б. Водораздельных поверхностей сосново-лиственнично-березовые с единичными экземплярами лиственницы кустарничково-разнотравные на месте гарей.

11. Склоновые кедровые с елью, пихтой и лиственницей осоково-кустарничково-зеленомошные.

11а. Склоновые сосново-лиственничные с единичными экземплярами кедра кустарничково-травяно-зеленомошные.

11б. Склоновые березово-лиственнично-сосновые зеленомошно-травяные.

11в. Склоновые лиственнично-березовые с примесью осины и единичными экземплярами кедра кустарничково-разнотравные на месте гарей.

Антропогенно-измененные комплексы

12. Гарь (молодая поросль березы с разнотравными лугами и с единичными экземплярами лиственницы и ели).

13. Вырубки.

Сельскохозяйственные угодья

14. Пашни.

15. Сенокосы.

Селитебные и транспортные объекты

16. Сезонные населенные пункты.

17. Лесные дороги.

В период середины XX в. таежные лесные геосистемы более всего испытывали нагрузку со стороны промысловых мероприятий. Пушной промысел в экономике Качугского района, в пределах которого находится исследуемый участок, имел приоритетное значение. Кроме этого в темнохвойных лесах Приленья производилась заготовка кедровых орехов, поставляемых в пищевую промышленность. В результате развития вышеназванных мероприятий промысловые угодья связала густая сеть лесных дорог. Однако в целом лесные ресурсы исследуемой территории использовались недостаточно ввиду ее слабой заселенности. В границах исследуемой площади для сельскохозяйственных целей в качестве естественных кормовых угодий использовались пойменные луга. Несмотря на кажущуюся «мелкомасштабность» хозяйственных мероприятий, последствия их нашли свое отражение в ландшафтной структуре, которая в середине XX в. складывалась не только из естественных геосистем, доля которых составляла 56 % (345 км^2), но и из преобразованных комплексов, занимавших 44 % (275 км^2) (рис. 2).

Заключительный период природопользования (конец XX – начало XXI в.) характеризуется уменьшением масштабов хозяйственной освоенности территории. Совхоз «Магданский» в 90-е гг. XX в. прекратил свое существование. В настоящее время исследуемая территория принадлежит муниципальному образованию «Белоусовское сельское поселение», сельскохозяйственная специализация которого в пределах ключевого участка направлена на развитие кормовых угодий, находящихся в ведении крестьянских фермерских и личных подсобных хозяйств. Почти треть территории исследуемого полигона находится в границах Магданского комплексного государственного заказника областного значения,

на территории которого установлены ограничения ряда видов деятельности. Вместе с тем к концу XX – началу XXI в. последствием влияния исторически сложившегося комплекса хозяйственных мероприятий на природные комплексы Лено-Ангарского междуречья становится повсеместное распространение природно-антропогенных геосистем, получивших развитие в предыдущие периоды. В третий период на долю естественных комплексов ключевого участка приходится 315 км², или 51 % площади. Остальные 305 км², или 49 %, занято преобразованными геосистемами (рис. 3).

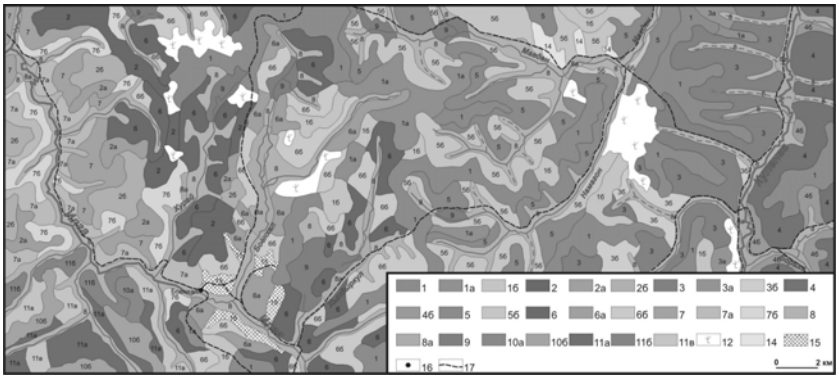

Рис. 2. Ландшафтная схема ключевого участка Лено-Ангарского междуречья (ситуация середины XX в.). Усл. обозн. см. в легенде к рис. 1.

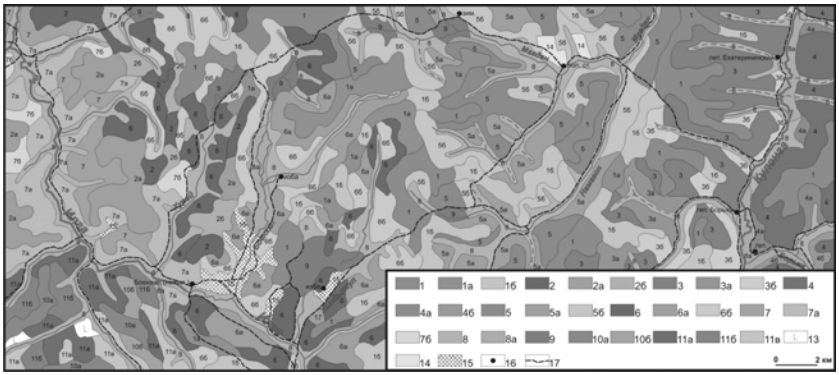

Рис. 3. Ландшафтная схема ключевого участка Лено-Ангарского междуречья (ситуация конца XX – начала XXI в.) Усл. обозн. см. в легенде к рис. 1

В результате проведенного разновременного анализа ландшафтной структуры южных районов Лено-Ангарского междуречья за более чем вековой период выявлено доминирующее развитие в пределах исследуемого полигона горнотаежного лиственничного класса фаций. В бассейнах рек Илга и Куленга распространены лиственничные, елово-лиственничные, местами сосново-лиственничные, в большинстве своем кустарничково-травяно-моховые леса. Большое развитие получили долинные ерниковые осоково-моховые и склоны долин луговые сильно заболоченные группы фаций, составляющие в комплексе таежный лиственничный межгорных понижений и долин класс фаций. Водораздельные пространства Илго-Кудинского междуречья, а также северные склоны верховий р. Илги характеризуются развитием горнотаежного темнохвойного класса фаций, представленного кедровыми травяно-кустарничково-моховыми группами фаций. Суммарное значение всех естественных геосистем в первый из рассматриваемых периодов составляло 425 км^2 (68,5 %) от площади исследуемого полигона, во второй период – 345 км^2 (56 %), в третий – 315 км^2 (51 %).

Трансформации вышеназванных естественных геосистем способствовал комплекс сельскохозяйственных и лесохозяйственных мероприятий, интенсивность развития которых увеличивалась в течение первых двух периодов, и лишь с конца XX в. наблюдается спад производственной деятельности. Таким образом, за более чем столетний период природопользования в пределах исследуемого полигона Лено-Ангарского междуречья площадь естественных геосистем сократилась более чем на четверть, составив к началу XXI в. величину на 25 % меньшую, чем в конце XIX в.

THE STAGES OF RESOURCE EXTRACTION AND THEIR ROLE IN TRANSFORMING THE LANDSCAPE STRUCTURE OF THE LENA-ANGARA INTERFLUVE

Zh. V. Atutova
V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The peculiarities of the process of economic development of the territory of the Lena-Angara interfluve since the late nineteenth century to the present day. For key plot composed of a series of maps that characterize the specifics of the landscaped areas during certain periods. A comparative analysis of the variability of landscape situations. The quantitative indicators of natural and transformed geosystems.

Keywords: Leno-Angarskoe plateau, environmental management, geosystem transformation dynamics.

Атутова Жанна Владимировна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории геоморфологии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: atutova@mail.ru

Atutova Zhanna Vladimirovna – Candidate of Geography Sciences, senior researcher, Laboratory of Geomorphology, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: atutova@mail.ru

УДК 94(470+571)«1941/1945»:658.14

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КРЕДИТОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КРАСНОЯРСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Е. В. БОЛОНКИНА

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Аннотация. Исследуется вопрос о кредитовании промышленных предприятий Красноярска в условиях Великой Отечественной войны. Показана роль Красноярской краевой конторы Госбанка СССР в процессе перестройки промышленного производства на военный лад. Приведены ранее неизвестные показатели финансирования эвакуированных предприятий. Проанализирована кредитно-финансовая, организационная деятельность краевой конторы в военное время.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сибирь, Красноярский край, Красноярск, Красноярская краевая контора Госбанка СССР, ссуда, оборонная промышленность, эвакуированные предприятия, кредит, тыл.

С началом Великой Отечественной войны произошли существенные изменения в экономике страны, связанные с перестройкой промышленного сектора на военный лад, формированием новой хозяйственной структуры. В Сибири, ставшей в условиях военного времени глубоким тылом, концентрировались государственные капиталовложения, которые направлялись на создание оборонных отраслей промышленности. На территории сибирского региона, и Красноярского края в частности, в короткие сроки удалось создать крупнейшую промышленную базу страны.

Война вызвала перестройку в работе всех промышленных предприятий Красноярского края. Неотложной задачей стал перевод предприятий на выпуск оборонной продукции. Предусматривался выпуск артиллерийского, стрелкового оружия, са-

молетов, боеприпасов и т. п. Лозунг «Все для фронта! Все для Победы!» стал основным для тружеников тыла. В этих условиях Красноярской краевой конторе Госбанка СССР предстояло мобилизовать все имеющиеся финансовые и человеческие ресурсы для решения этой важнейшей задачи.

Вопрос о кредитовании предприятий в первые месяцы войны был достаточно сложным. Объем плановых ссуд Госбанка по краю возрос с 542,4 млн руб. до 629,8 млн руб. Это произошло за счет предприятий тяжелой и оборонной промышленности, Наркомцветмета, Наркомясомолпрома, хозяйственных предприятий НКВД. Рост кредитных вложений происходил и за счет эвакуированных предприятий [7, л. 25].

В целях оказания помощи промышленности в деле мобилизации внутренних ресурсов и создания дополнительных источников для финансирования обороны страны по составленным конторой спискам проводилось массовое обследование крупных промышленных предприятий. Был установлен порядок хранения материалов и оборудования, а также мер, принимаемых предприятиями и вышестоящими органами при перераспределении этих ценностей. Всего было обследовано 61 промышленное предприятие [8, л. 37].

В короткие сроки удалось перестроить промышленное производство на выпуск военной продукции. При этом рост производства происходил на фоне катастрофической нехватки станков, материалов, электроэнергии. Преодолевать трудности помогали энтузиазм и инициатива работников. Уже с июля 1941 г. ПВРЗ стал выпускать поезда специального назначения – банно-прачечные, санитарные, танкоремонтные, а также планировалось наладить выпуск боеприпасов. Более 71 % выпускаемой заводом продукции шло на фронт. С целью успешной и бесперебойной работы предприятия Госбанк СССР в 1943–1944 гг. под ссуды выделял ежегодно до 5 млн руб. [3, л. 2, 3-об.; 15; 36; 61-об.; 62; 63; 106-об.].

Красноярский машиностроительный завод еще накануне войны начал выпуск авиабомб и корабельных мин. В декабре 1941 г. на «Красмаш» поступило специальное оборудование из Ленинграда, Коломны, Калуги и Сталинграда, что позволило сформировать новый оборонный завод по выпуску зенитных пушек и минометов, производство которых с весны 1942 г. составляло 500 единиц в месяц [1, с. 411, 412]. Фабрика «Спартак» была

переведена на пошив армейской обуви. На предприятии № 399 (Красноярский судоремонтный завод) начали производить корпуса катеров-тральщиков, катеров-охотников. Отливали корпуса мин и огнеметов. Многие предприятия местной промышленности края получили заказ на изготовление лыж, спецкупорки (ящиков) для транспортировки боеприпасов и т. д.

Серьезным испытанием для красноярцев и сотрудников Красноярской краевой конторы в первые месяцы войны стал прием и размещение эвакуированных предприятий и людей. К тому же Красноярский край стал одним из основных регионов, где происходило размещение перебазированных в тыл заводов. Всего в Сибирь было эвакуировано 400 предприятий, в Красноярском крае было размещено 42. Постановлением Совета по эвакуации в Красноярск было направлено 18 предприятий и около 80 тыс. человек. Первые эшелоны с эвакуированными предприятиями стали прибывать в наш город в конце августа 1941 г. На начало ноября 1941 г. приехали или начали подходить вагоны с оборудованием 23 предприятий из разных районов страны. Для восстановления эвакуированных предприятий в крае было создано 25 новых строительных организаций. Восстановительные работы развернул стройтрест № 26, который должен был создать собственную индустриальную базу [1, с. 415].

В августе 1941 г. в Красноярск из Ленинграда перебазировали завод № 327 и НИИ № 9 (Красноярский радиотехнический завод), из п. Бежецы – завод «Красный Профинтерн» (Сибтяжмаш). Осенью 1941 г. прибыло оборудование завода СК-3 из г. Ефремова, завода № 477 из Тульской области, кинопленочной фабрики № 6 с Украины, Пикалевского цементного завода, Онежского машиностроительного завода из Петрозаводска, а также завода № 580 (химкомбинат «Енисей») и др. В конце 1941 г. начало поступать оборудование Запорожского комбайнового завода «Коммунар» (завод № 703; Красноярский комбайновый завод).

В этих условиях первоочередной задачей в работе Красноярской краевой конторы Госбанка стало оказание содействия эвакуированным предприятиям. С целью укрепления кредитно-финансовых возможностей контор и отделений Госбанка еще до войны были созданы резервные фонды. Так, к апрелю 1941 г. сумма мобпакета Красноярской краевой конторы составляла 10 949 437 руб., Канского отделения – 1 058 056 руб., Ачинского

отделения – 3 040 414 руб., Шушенского отделения – 15 192 604 руб. Сумма мобилизационного фонда составила 8295 тыс. руб. [2, л. 31]. В августе 1941 г. во всех учреждениях Госбанка СССР были открыты специальные счета, что упорядочило прием денежных средств. Допускалось кредитование предприятий при недостатке собственных оборотных средств.

Согласно Постановлению Госбанка СССР от 31.07.1941 г. «О кредитовании и расчетах эвакуированных предприятий и организаций, и о расчетах с предприятиями, находящихся в районах военных действий», предусматривалась отсрочка уплаты долгов по обязательствам перед Госбанком, а также задолженностей по всем видам ссуд. Необеспеченная задолженность переносилась на отдельный ссудный счет и до особых указаний не взыскивалась. Дополнительно в феврале 1942 г. управляющим контор и отделений Госбанка были даны указания об основных условиях кредитных отношений с эвакуированными предприятиями. Оговаривались особенности открытия счетов, порядок перевода остатков по ссудным, расчетным и иным счетам, расчет эвакуированных предприятий с поставщиками и покупателями. Никаких списаний денежных средств с расчетных счетов эвакуированных предприятий на погашение поставщикам, бюджету и банку не производилось. Исключения из этого правила допускались только по специальному распоряжению Правления Государственного банка СССР. Банк финансировал расходы по эвакуации предприятий за счет бюджетных средств, предоставляя рассрочку погашения ранее выданных кредитов, и в течение трех месяцев после эвакуации осуществлялось льготное кредитование [9, л. 35–38].

Все это позволило создать условия для бесперебойной выдачи ссуд эвакуированным предприятиям на территории края. Например, в 1944 г. завод № 327 дополнительно получил в виде срочной ссуды 86 038 руб., а завод № 703 – 290 800 руб. [4, л. 13, 20]. В июле 1944 г. заводу № 703 выдали под образование мобрезервов еще 145 304 руб. [5, л. 4, 18]. К середине 1945 г. заводу № 327 ежегодно выделялось до 105 тыс. руб. [6, л. 1, 23].

Благодаря этому в короткий срок эвакуированные предприятия начали выпуск различной продукции для фронта – радиостанций, радиомаяков, бомб, самолетов, зарядов для пушек и гаубиц, а также мин и ротных минометов, гранат и т. д. Кроме этого, был налажен выпуск зерноуборочных комбайнов, синтети-

ческого каучука, разливочных кранов для предприятий черной металлургии. Валовая продукция только предприятий союзного значения к началу 1945 г. выросла в 4,5 раза по сравнению с 1940 г. Удельный вес всей продукции промышленности края составил 82 % от общего объема производства. Красноярский край стал новым промышленным арсеналом страны. Он занимал шестое место среди краев и областей Сибири по выпуску промышленной продукции.

Таким образом, благодаря деятельности Красноярской краевой конторы Госбанка СССР удалось организовать и наладить работу оборонных промышленных предприятий. Прежде всего деятельность краевой конторы была направлена на мобилизацию и использование денежных ресурсов, планомерное регулирование кредита и денежного обращения, контроль за исполнением кредитных и кассовых планов. Сотрудники конторы внесли весомый и неоценимый вклад в общее дело победы над фашистской Германией.

Список литературы

1. Красноярск: от прошлого к будущему: Очерки истории города. Красноярск: РАСТР, 2013. 640 с.

2. Государственный архив Красноярского края (КГКУ ГАКК). Ф. Р-47. Оп. 7. Д. 3.

3. КГКУ ГАКК. Ф. Р-47. Оп. 9. Д. 47.

4. КГКУ ГАКК. Ф. Р-47. Оп. 9. Д. 64.

5. КГКУ ГАКК. Ф. Р-47. Оп. 9. Д. 66.

6. КГКУ ГАКК. Ф. Р-47. Оп. 10. Д. 27.

7. КГКУ ГАКК. Ф. Р-47. Оп. 14. Д. 15.

8. КГКУ ГАКК. Ф. Р-47. Оп. 15. Д. 18.

9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2324. Оп. 26. Д. 36.

ON THE FEATURES OF LENDING INDUSTRIAL ENTERPRISES OF KRASNOYARSK YEARS GREAT PATRIOTIC WAR

E. V. Bolonkina
Siberian Federal Univtrsity, Krasnoyarsk

Abstract. This article examines the question of crediting of the industrial enterprises of Krasnoyarsk during the great Patriotic war. Shows the role of Krasnoyarsk regional office of the state Bank of the USSR in the process of restructuring of industrial production on a war footing. Given a previously unknown indicators of financing of the evacuated enterprises. Analyzed credit, financial and organizational activities of the regional office in wartime.

Keywords: Great Patriotic war, Siberia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, the Krasnoyarsk regional office of the USSR state Bank, loan, defense industry, evacuated businesses, credit, rear.

Болонкина Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, 660041 г. Красноярск, пр. Свободный 82, тел.: 8(391)2062672 e-mail: larisab77.77@mail.ru

Bolonkina Elena Vladimirovna – Candidate of History Sciences, Associate Professor, Department of Russian history, Institute of Humanities, Siberian Federal University, 660041 Krasnoyarsk, PR. Svobodnyy 82, tel.: 8(391)2062672 e-mail: larisab77.77@mail.ru

УДК 329.78(571.53)

ДЕТСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (1990–2000-е гг.)

М. Г. БУЛГАКОВА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена вопросам деятельности детских общественных объединений в постсоветском пространстве (1990–2000-е гг.) на примере Иркутской области. Речь идет о возникновении и развитии детских общественных объединений региона и проблемах, тормозящих этот процесс. Показано, что в регионе деятельность детских общественных объединений имела разное направление – эстетическое, краеведческое, экологическое, патриотическое и пр. На основе анализа данных был сделан вывод о наличии позитивного практического опыта в формировании детского общественного движения на территории региона.

Ключевые слова: воспитание, общественные институты, детские и молодежные общественные объединения, Федерация детских организаций, демократизация сферы российской политической системы, общественность, общественное участие, экологическое движение, скаутизм, поисковые отряды, патриотическое воспитание.

В период смены политической системы в стране происходила переориентация ценностей. Дальнейшее духовное здоровье нации напрямую зависело от того, какие нравственные ориентиры будут сформированы у подрастающего поколения. Утрата прежней роли комсомольских и пионерских организаций, практически полный отказ от их участия в воспитании школьников были напрямую связаны с изменениями политической системы в России и процессами демократизации в постсоветский период. В это

время возросла роль общественных институтов, усилие которых были направлены на воспитание моральных ценностей подрастающего поколения. Подобную задачу можно было реализовать через создание и развитие детского общественного движения нового формата, с полным отказом от политизированности и ставкой на социализацию детей и подростков.

Период 1990–2000-х гг. представлен обилием созданных на различных уровнях детских общественных объединений, организаций, клубов. Опыт их создания и деятельности постоянно изучается педагогами, общественными деятелями, используется на курсах повышения квалификации, однако в Иркутской области отсутствует комплексное исследование этого вопроса. В целях дальнейшего развития детских общественных объединений на территории региона необходимо проанализировать существующий позитивный опыт.

Ответственность за развитие детского общественного движения по-прежнему принимало на себя Министерство образования РФ, региональные и муниципальные органы управления образованием и те общественные структуры, которые сотрудничали с органами государственной власти в области воспитания школьников.

Смена политических ориентиров в России в 1990–2000-х гг. привела к изменению принципов деятельности детских организаций, произошел отказ от массовости, идей борьбы. Основой для формирования и развития этих объединений становились такие ценности, как толерантность, добровольность, демократизация, гражданственность, патриотизм. Детские общественные объединения отличаются от других общественных организаций тем, что, как правило, инициатором, руководителем подобных объединений является взрослый [13].

При формировании новых детских и молодежных общественных организаций организаторы столкнулись с целым рядом проблем – нехватка кадров, недостаток финансирования, отсутствие инициативности у школьников.

Фактическим правопреемником Всесоюзной пионерской организации стала созданная на X Всесоюзном слете пионеров (01.10.1991 г.) новая организация – Союз пионерских организаций – Федерация детских организаций (СПО – ФДО), являвшаяся международным союзом детских объединений после распада СССР [13].

В Иркутской области в 1991 г. появилось региональное отделение ФДО (председатель совета ФДО Е. В. Поликутина). ФДО в регионе сыграла значительную роль в организации общественного движения среди школьников. В ряде муниципалитетов – г. Нижнеудинске, Нижнеудинском, Балаганском, Нижнеилимском, Казачинско-Ленском, Усольском районах – были созданы отделения ФДО. При тесном сотрудничестве ГлавУОиПО, ИПКРО, ФДО и комитета по делам молодежи администрации Иркутской области проблема нехватки кадров решалась через курсы повышения квалификации организаторов детских общественных объединений, путем реализации программ ФДО «Коллеги», «4+3», «Древо жизни» и пр. [3, л. 10–14]. По программе «Коллеги» были организованы общественные курсы старших вожатых, руководителей детских общественных объединений, «Школа лидеров детских общественных объединений» [4, л. 113], семинар по теме «Инновационные технологии воспитательной деятельности», конкурс видеосюжетов о руководителях детских объединений «Люди, которые делают завтра», Байкальский фестиваль детских общественных объединений [4, л. 13]. ФДО была образована лига малой прессы «Свой голос», которая объединяла в указанный период времени детские теле– и радиостудии, газеты, издававшиеся при активном участии детей области [6, л. 1]. Знаменательным событием становится II областной фестиваль детской прессы, проводившийся по инициативе ФДО [6, л. 1]. В Иркутске с 21 ноября по 4 декабря 1993 г. проходил II областной сбор организаторов детских организаций, организованный ФДО для работников учреждений дополнительного образования [7, л. 76].

Основным принципом, на котором строилась работа ФДО, было создание условий для социализации детей и подростков, их социальной адаптации. Создавались возможности формирования у школьников практических умений и навыков социальной направленности для участия в общественной деятельности.

Вопросам развития детского общественного движения было посвящено заседание Коллегии ГУОиПО в декабре 1999 г., на котором были приведены некоторые статистические данные. В регионе существовали разнообразные неполитизированные детские и молодежные общественные организации, действующие в 28 городах и районах области [3, л. 10–14]. Общее количество детских общественных организаций, работающих под руководством

школьных педагогов, насчитывало 99 организаций. В области отделом юстиции было зарегистрировано 50 организаций, в 22 территориях эти организации поддерживались органами управления образованием, в детских и молодежных организациях состояло 10 548 человек, что составляло 2,6 % от общего количества учащихся области [8, л. 131–133].

Деятельность детских организаций и объединений в регионе имела разные направления – экологическое, краеведческое, спортивное, эстетическое, патриотическое и др. [5, л. 14–16].

Примером организаций эстетической направленности было общественное объединение «Детская студия телевидения». Деятельность этой студии была нацелена на нравственно-эстетическое воспитание детей и подростков через программу «Детское телевизионное вещание в г. Иркутске и Иркутской области». Главными задачами этой программы являлись распространение эстетической информации и прочих знаний, формирование высоких морально-нравственных и эстетических ценностей посредством передач, а также объединение и консолидация усилий детских, молодежных, государственных и общественных организаций, занимающихся проблемами детства, посредством сбора, накопления и распространения информации об их деятельности. Организаторы студии предполагали объединение разрозненных структур, занимающихся проблемами воспитания и досуга детей, а также обучение детей созданию и выпуску детских программ различных жанров. Это объединение поддерживалось ГлавУНО и комитетом по культуре администрации области [9, л. 1–8].

Значительное место среди организаций области занимали туристические организации и организации спортивной направленности. К таким относились научно-туристическое объединение «Гея» г. Ангарска, Иркутская школа выживания и Иркутский молодежный спортивный клуб энтузиастов-подводников «СКЭП», «Веселый юнга» г. Саянска, молодежное объединение «Школа безопасности» г. Усть-Илимска, Оборонно-спортивный клуб «Маяк» пос. Ук Нижнеудинского района [5, л. 14–16].

Активно в регионе проявляли себя детские объединения экологической направленности – общественное детское молодежное объединение «Байкал» (г. Ангарск), детское экологическое объединение «Юные друзья природы» (Слюдянский район), «Байка-

лята» и «Лесовички» (г. Усолье-Сибирское) [5, л. 14–16]. Городская общественная организация «Усть-Кутский экологический клуб» была зарегистрирована в 2001 г. и свою работу осуществляла через различные акции, конкурсы, проекты [14].

Сохранить духовно-нравственную основу любого общества возможно через обращение к чувству патриотизма, гражданственности. Несмотря на сложные политические изменения, когда менялись ценности, педагогам области удалось сохранить лучшие традиции патриотического воспитания молодежи. Поэтому одной из значимых составляющих детского общественного движения в Иркутской области являлись объединения патриотической направленности.

Краеведческие и патриотические организации были созданы в городах Зиме (Клуб туристов-краеведов и скаутов), Ангарске (общественное детское молодежное объединение «Байкал»), Иркутске (детская организация «Соболь»), в Саянске и Усть-Илимске («Сибирячок»). К их числу нужно также отнести Иркутский областной центр детско-юношеского туризма и краеведения, Иркутскую городскую детскую общественную организацию «Ассоциация краеведов» [5, л. 14–16; 10, л. 7].

Особую роль в этом направлении играли поисковые отряды. В Шелеховском районе участники группы «Поиск–42» в 1999 г. установили памятные знаки 700 воинам 42-й дивизии в Белоруссии. Шелеховский туристско-краеведческий экспедиционный клуб «Наследники» восстановил историю сибирской дивизии Н. Бурлова [11].

Иркутский поисковый отряд «Наследие» возник в 1999 г. Он был организован руководителем областного поискового объединения «Дань памяти» А. Т. Яскиным и военруками школ № 19 и № 5 В. Л. Нечаевым, Г. В. Купряковым. Первые шаги этого отряда начинались с «Вахты памяти» в Ленинградской области. В 2002 г. руководителями отряда была разработана программа «Те, кто слышит эхо минувшей войны…», ставшая лауреатом конкурса «Губернское собрание Иркутской области». За 11 лет работы отряда совершены 12 экспедиций в Ленинградскую область, где было поднято 295 останков советских воинов [12]. Важным событием был состоявшийся в Нижнеудинске (май 2004 г.) областной слет поисковых отрядов Иркутской области, организаторами которого выступили областная общественная организация «Дань

памяти» и Губернское общественное собрание. Участниками слета были представители семи районов – Нижнеудинского и г. Нижнеудинска, Тулунского и г. Тулуна, Тайшетского, городов Иркутска и Шелехова, которые в течение трех лет занимались изучением истории АЛСИБА [1].

Несмотря на явное отторжение такой организации, как пионерская, в некоторых муниципалитетах региона педагоги предпочли сохранить эти организации, убрав из принципов их деятельности политизированность и массовость. Примером деятельности этих организаций могут послужить пионерские организации в Куйтунском, Усть-Кутском, Нижнеудинском, Тайшетском районах [5, л. 14–16]. Пионерская организация «Сибирячки» Куйтунского района начала работать с 2001 г. и основной целью в своей деятельности называла гражданственность и патриотизм. На сегодня эта организация насчитывает 1126 человек из 19 образовательных организаций района [15].

Отдельным блоком следует выделить такое движение на территории области как скаутинг, организаторы которого возрождали существовавшее в России до 1923 г. скаутское движение. Основными ориентирами деятельности скаутов в Иркутской области были экологическое, туристическое направление, возрождение дворовых игр, благотворительная помощь. На территории региона в 1992 г. возникла ассоциация «Байкальский скаут». На протяжении 15 лет организация работает не только со скаутами, но и с детьми, не участвующими в скаутском движении. В настоящее время эта ассоциация носит название «Иркутская областная общественная организация детей и молодежи "Байкальский скаут"», включает 30 отрядов и насчитывает около 2 тыс. человек. География скаутских отрядов очень обширна – от Иркутска до северных районов. Организации скаутов появляются в Иркутске, Черемхове, Шелехове, Тулуне, Ангарске, Братске, Черемховском и Бодайбинском районах [5, л. 14–16; 15].

Несмотря на разнообразные направления детских общественных объединений, организаций, клубов в Прибайкалье и их активную деятельность, по некоторым косвенным данным можно сделать некоторые выводы – вовлечение школьников в общественные объединения не носило массового характера; не хватало финансирования для поддержки подобного движения; инициаторами ряда объединений выступали отдельные общественники,

но их было немного; большинство организаций было создано при школах и домах творчества; из 37 муниципалитетов Иркутской области и 5 муниципалитетов Усть-Ордынского Бурятского автономного округа только 28 территорий проявляли активность в поддержке подобных объединений; подготовка кадров осуществлялась в недостаточном объеме.

Формирование личности подростка происходит под влиянием нескольких, порой не взаимосвязанных, социальных факторов – семья, школа, общество сверстников, детские и молодежные организации и объединения, неформальные группы и сообщества, СМИ. Органам власти и общественным структурам необходимо усилить внимание к созданию и деятельности детского общественного движения в регионе, так как существующий опыт носит положительный практический характер.

Список литературы

1. АЛСИБ – Трасса мужества. Областной слет поисковых отрядов Иркутской области (Нижнеудинск, май 2004). – Иркутск, 2004. – 23 с.

2. Байкальский скаут [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – URL: http://baikalscout.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=147&Itemid=93 (дата обращения: 14.03.2015).

3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1948 Л. 79, 125.

4. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 2002. Л. 10, 46–47, 133, 113.

5. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1953. Л. 13, 14–16.

6. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1805. Л. 1, 2–3.

7. ГАИО, Ф. Р-1929. Оп. 1, Д. 1645. Л. 66, 76.

8. ГАИО, Ф. Р-1929. Оп. 3. д. 1949. Л. 4, Л. 131–133.

9. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1696. Л. 11, 1–8.

10. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1856. Л. 1–2, 7, 9, 11–12, 15, 17–18.

11. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1730. Л. 1, 7, 123–126.

12. Объединение поисковых отрядов Дань памяти, официальный сайт [Электронный ресурс] // сайт. – URL: http://www.pribaikal.ru/homage-article/article/16529.html (дата обращения: 14.03.2015).

13. *Поликутина Е. В.* Особенности социализации личности ребенка в детских общественных объединениях // Вопросы педагогического образования : межвуз. сб. ст. – Иркутск, 2002. – Вып. 13.

14. Управление Губернатора по связям с общественностью и национальным отношениям, официальный сайт [Электронный ресурс] // сайт. – URL: http://mirsud.irkobl.ru/sites/ngo/baza_dannykh_nko_irkutskoy_oblasti/detail.php?ID=46011 (дата обращения: 23.07.2014).

15. Центр профилактики наркомании : ОГКУ [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – URL: http://narkostop.irkutsk.ru/youth/leisure/sib/ (дата обращения: 14.03.2015).

CHILDREN'S PUBLIC ASSOCIATIONS OF THE IRKUTSK REGION IN TERMS OF DEMOCRATIZATION OF THE RUSSIAN POLITICAL SYSTEM POST-SOVIET PERIOD (1990–2000)

M. G. Bulgakova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to the activities of children's public associations in the former Soviet Union (1990–2000) by the example of Irkutsk region. In this article we are talking about the origin and development of children's public associations of the region and the problems hindering this process. It is shown that in the region the activities of children's public associations had a different direction and aesthetic, lore, ecological, Patriotic, etc. based On the analysis of data it was concluded about the presence of positive practical experience in the formation of children's social movement in the region.

Keywords: education, public institutions, children's and youth associations, the Federation of children's organizations, the democratization of the sphere of Russia's political system, the public, public participation, environmental movement, scoutism, search teams, Patriotic education.

Булгакова Марина Геннадьевна – соискатель кафедры политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса 1, 412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: marina.bulgakova.1969@mail.ru

Bulgakova Marina Gennadyevna – Candidate for the Degree, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History Irkutsk State University, K. Marx st.1,412, Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952) 334372 e-mail: marina.bulgakova.1969@mail.ru

УДК 008(47-17)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РУССКИЕ КУЛЬТУРЫ

А. Б. БУШЕВ
Тверской государственный университет, г. Тверь

Аннотация. Статья посвящена источникам суждения о творчестве быта народов Севера России как субэтноса и источникам традиционной русской культуры в древнем русском городе. Книга, религия и природа рассматриваются как составляющие народной культуры.

Ключевые слова: творчество, этничность, культура, интерпретация, русская усадьба.

Этнографические музеи… Желание зафиксировать, сохранить, схватить самое важное, характерное для уходящей вглубь веков, стремительно исчезающей народной культуры. Стоит вспомнить один только стокгольмский музей Скансен под откры-

тым небом, карельские Кижи или новгородские Витославицы. Стремление дать артефакты этнокультуры как свидетельства жизни…

Здесь надо вспомнить и музей тверского быта, и тверской Василевский комплекс со знаменитыми мостами архитектора Львова, которого называли русским Леонардо… С таким настроением я ехал в Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» – созданный еще в 1980-е гг. крупнейший российский музей под открытым небом, где находятся свидетельства культуры Русского Севера. И увиденное не заставило разочароваться.

То, что называется «Русским Севером», – понятие собирательное. Это и Карельская, и Вологодская, и Архангельская земля, и Ингерманландия. Меняется природа – последним поселением на Севере, где еще вольготно жил русский человек, были знаменитые ломоносовские Холмогоры – дальше климат резко меняется. Жил человек несуетно, мало занимаясь сельским хозяйством, а больше добывая в тайге свой хлеб насущный, – охотясь, рыбача на море, собирая грибы и ягоды, добывая из недр земли ее богатства; мастеря, молясь и торгуя. Особые условия Русского Севера – терпимость к инакомыслию (старообрядчеству), суровая природа, отсутствие крепостничества, морские походы, значимая роль монастырей – первых русских университетов грамотности – создавали особого человека здешних мест. Да и дальше не сошлют, а уж если сожгут – так это только тех четверых, что за веру, что в Пустозерске. Был человек этот предприимчив, а поморские женщины – верные помощницы мужчин в их начинаниях – отличались особой, присущей поморкам самостоятельностью. Нехотя отпускали детей в русские университеты – вспомним, что отец Ломоносова, владелец одного из лучших рыболовецких судов, противился уходу Ломоносова в столицу, вот и отправился Михайло в лаптях. Из этих же мест, кстати, и пронзительный по своему дарованию лирик Николай Рубцов, потерявший на войне отца, мать, оказавшийся в детдоме. Отсюда прозаик Федор Абрамов, первым оставивший тексты об уроженцах этих мест, о русской истории, совершавшей здесь свою поступь, о расколе. Восхищение этими местами есть в прозе нашего современника Личутина – тоже уроженца этих мест.

Музейщики в Малых Корелах пытались убедить меня, что каргопольско-онежский быт отличается от двинского, а пинеж-

ский – от мезенского. А какие, кстати, очевидно финно-угорские, названия: Няндома, Пинега… Где-то самый Север, где-то есть море, где-то до моря далеко, и это создает особые условия. Но музей «Малые Корелы» захватывает не различиями, а самой демонстрацией быта. Здесь собраны избы, часовни, церкви, рубленные из дерева; показан труд гончара, кузнеца, плотника; здесь можно посетить избу охотника-промысловика, рыбака, корабела. А еще колодцы, амбары, баньки, мельницы. А еще поразительная действующая деревянная церковь, которая стоит на своем родном месте, которую не потребовалось никуда перевозить. Вокруг – холмы и болота, ручьи и овраги, и деревья ярко-красной хорошо уродившейся в этом году рябины. Избы, как водится, называются по именам хозяев, и милые работницы музея – все в местных костюмах – так и говорят тебе про эти избы: «А вот к Федотовым еще зайдите! У Ширяевых-то не были в деревенском трактире? К Пуховым загляните, это зажиточные люди…» Многие «окают», говорят с диалектными особенностями («хватат» вместо «хватает» и т. п., в их устах милое).

Море кормило людей, живших по берегам. Оно было коварным: могло стать и могилой. Во время вынужденного ожидания добычи возникали промыслы, например резьба по дереву. Прялки, вальки, рубели, детали ткацких станков, грабилки для сбора ягод, игрушки детям. Резали деревянную посуду, удочки для подледного лова наваги, ковши, чаши, скобкари, полотухи, блюда-кары. Они неброские, сумрачные, но красивые, в них говорит язык геометрии, солярных мотивов, они представляют собой самобытные произведения искусства. Искусство хранит опыт мастеров Поморья; опыт поколений рыболовов и зверобоев сказался в поразительных одухотворенных произведениях, обогативших культуру Русского Севера.

А возьмите народный костюм! Одежда была тесно связана с обычаями и традициями деревни. Неписаными законами было установлено, какую одежды носить в будни, в престольные праздники, на свадьбу, по случаю траура. Рубахи, сарафаны из льняного полотна, пестряди, набойки, позже их вытеснил ситец… А каковы были украшенные речным жемчугом кокошники, повязки! Вышивка, магические знаки, заключенные в рисунках орнамента, усиливали, по мнению предков, обережную роль одежды.

В домах северных крестьян можно посмотреть летнюю и зимнюю избы (как правило, обе с печами-кормилицами), сени, поветь (так называлось помещение над двором для хранения сена), двор, можно оценить постройку пятистенка и шестистенка, осмотреть сельский транспорт. Отдельного внимания заслуживают поморский карбас (традиционная конструкция зверобойной лодки, конкурирующая и поныне с современными катерами), зверобойная лодка ледянка, днище которой было выдолблено из осиновой колоды.

В музеях бывают необычные, словно уготованные тебе кем-то встречи. Вот одна из них. Некоторые лодки, детали охотничьего и рыболовного снаряжения переданы в музей современными крестьянами. На лодке 1980-х гг. написано, в каком районе и кем изготовлена. В нее садится мальчишка. Его бабушка с гордостью говорит мне, что эту лодку создал его прадед. Папа мальчика берет в руке весло, задумчиво гладит его. «Ну вот, тоскуешь по морю?» – говорит бабушка. Она рассказывает мне, что жив рыболовецкий промысел еще в отдаленных деревнях, живы поморы.

Наступающую глобализацию, обезличивание среды прекрасно показал Эльдар Рязанов со своей «Третьей Улицей Строителей». Ничего нет интересного в Орехове-Борисове, в Южном Бутове… Старые исторические города также уступают нещадному воздействию глобализма – многое перестраивается, многое безвозвратно утрачивается. Бродим как по чужому городу. Давно нет деревянной Москвы, уступившей молоху и молоту сталинской индустриализации, никогда не было деревянного Петербурга, но сохранились деревянные города. Тобольск, например, или Иркутск. Насколько экологичен, красив такой город, насколько талантлива эта среда, отличающаяся от безликих каменных «термитников»! Показать исторический облик старых городов, запечатлеть пока сохранившееся, пусть и обветшавшее, на ладан дышащее, неказистое, «но с лица необщим выражением». Вот наша историческая задача – запечатлеть деревянную сказку, эти солярные знаки, эти обереги.

Вспоминается в связи с этим и проект «Возрождение тверской усадьбы» Этим занимаются и федеральные власти, и меценаты, и новые владельцы. Есть также экзотические организации типа «Американские друзья русской усадьбы» или «Ассоциация садовников Нидерландов», или фонд «Сельская церковь».

Разговор идет о львовских усадьбах на тверской земле, о Волосове-Степановском – имении князей Куракиных, кувшиновском имении Прямухино – родовом гнезде семьи Бакуниных, об усадьбах Удомельского района, связанных с Милюковыми, Венециановым, Сорокой. Более благополучно имение, связанное с пребыванием в нем Пушкина, – Берново. Сохраняется усадебный слепневский дом Гумилева и Ахматовой, который музеефицирован. Разрушается растреллиевский дворец Полторацких в Грузинах, разрушается скромное гнездо всесильного некогда Аракчеева Гарусово, имение Поддубье А. Г. Венецианова. Многое уже не восстановишь [1]. Усадьбы начали ветшать уже в первой трети XX в. Главы районов лихо подписывают договоры и передают усадьбы нуворишам – в аренду, в собственность. Только возьмите. В отдаленных усадьбах вокруг все деревни вымерли, все дороги разрушены. Культурной, просветительской деятельностью занимаются энтузиасты. Проводят летние лагеря, пленэры, праздники, играют в когда-то богатых усадьбах в серсо и крокет.

Львов – русский Леонардо, гений вкуса. Памятны тверские выставки его архитектурных проектов, конференции о его литературном наследии, музыкальные фестивали с его «Ямщиками на подставе», и самое главное – материальные свидетельства гения – Арпачево с его русским аналогом Пизанской башни, Никольское-Черенчицы, Митино, Василево, Знаменское-Раек…

Не всем нравится и то, в каком состоянии находится белокаменный Успенский монастырь! Денег не хватает даже на консервацию, не то что на реставрацию. Грантов хватает на буклеты, на конференции, на покраску пеньков в парках.

«Храмы Новоторжской земли» – эту книгу представлял автор П. Иванов [2]. Где-то сохранилась усадебная роспись, где-то иконостас белокаменный, где-то сад уцелел и радует антоновскими яблоками. По порогам бежит река. Раскинули кроны старые деревья… Энтузиасты приходят на руины. Экономисты рассчитывают рентабельность вложений. Школы закрываются. Поселения вымирают. Пустеют глазницами окон бывшие больницы. Церкви взорваны с сорок первого года, стоят в руинах. Бурьян… Безрадостная картина.

Жительница Райка – председатель совета общины местной церкви – интересно рассказывала, как встретила в этом имении внука последнего священника из Знаменского-Райка, захоронен-

ного у алтаря. Ее жизнь вообще полна мистических встреч: на могиле владельцев усадьбы Глебовых в Донском монастыре она вдруг встретила человека, который спросил ее, интересует ли ее Н. А. Львов, и показал памятник в Донском монастыре на могиле Голицына – пирамиду работы Львова. Пятая львовская пирамида… Как сохраним это все для потомков?!

Список литературы

1. *Глушков С. В.* Былой России острова / С. В. Глушков. – Тверь : АЛЬБА, 2001. – 175 с.

2. *Иванов П.* Храмы Новоторжской земли / П. Иванов. – Тверь : Твер. фабрика печати, 2010. – 127 с.

REGIONAL RUSSIAN CULTURES

A. B. Bouchev
Tver State University, Tver

Abstract. The paper deals with sources of creativity in the Russian traditional culture, considering North a specific subregion giving birth to subethnic group of Russian people. The paper regards nature as the genuine source of traditional culture alongside with books and religion.

Keywords: creativity, ethnicity, culture, interpretation, Russian estate.

Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук, профессор, кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тверской государственный университет, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33, tel.: 8(4822)342452, e-mail: alex.bouchev@list.ru

Bushev Aleksandr Borisovich – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Subdepartment of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University, 33, Zhel'abova st., Tver, 170100, tel.: 8(4822)342452, e-mail: alex.bouchev@list.ru

УДК 913.1/913.8»451»(571)

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА СИБИРИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Т. И. ЗАБОРЦЕВА
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск
О. В. СЫСОЕВА
Иркутский научный центр СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрено пространственное развитие банковского сектора Сибири. Отражены факторы, повлиявшие на его формирование. Проанализирована роль кредитных учреждений в экономике страны. Выделены особенности развития банковской системы СССР. Продемонстрирована социально-экономическая роль сберкасс в военное и послевоенное время.

Ключевые слова: территориальная организация, банковский сектор, СССР, Сибирь, плановая экономика, сберегательные кассы.

Банковский сектор СССР после Гражданской войны и образования нового государства фактически не имел вектора развития, его реорганизация в первое послевоенное десятилетие проходила в определенной степени под воздействием рыночных факторов. Однако взятый политический курс страны внес свои коррективы в функционирование кредитных учреждений, которые в дальнейшем перешли в государственную собственность и развивались по другим, нерыночным законам. Цель данной работы – выявление основных факторов, повлиявших на становление банковской системы СССР, выделение особенностей территориальной организации сибирского банковского сектора, а также пространственно-содержательных характеристик развития кредитных учреждений как элементов территориальной системы хозяйства страны.

Ключевыми характеристиками советского этапа развития банковского сектора являются его централизация и функционирование на принципах командно-административного управления, что было в целом свойственно периоду плановой экономики. Становление банковской сферы Сибири в годы советской власти не имеет ярко выраженной специфики и повторяет черты, присущие банковской системе СССР, поэтому рассмотрение функционирования кредитных учреждений на территории СФО может быть сведено к анализу принципов построения банковской системы страны в целом.

Национализация всех банковских организаций была осуществлена на основе Декрета ВЦИК «О национализации банков» от 14 (27) декабря 1917 г. За исключением некоторых регионов Сибири (как и на Юге России) кредитные учреждения продолжали свое функционирование до 1919 г. (до разгрома армии Колчака). Таким образом, 1919 г. можно считать началом *советского,* второго этапа развития банковского сектора[1], в котором уже Москва, а не Петроград, стала играть ведущую роль в банковской системе нового государства.

В 20-е гг. XX в. с развертыванием новой экономической политики (НЭП) произошел виток активизации коммерческо-банковской деятельности. Коммерческий кредит и вексельное обращение являлись важнейшими чертами хозяйственной жизни страны [2]. К 1925 г. сформировалась развитая система кредитных учреждений, состоявшая из Госбанка и его отделений (459 ед.), акционерных (121), кооперативных (114), коммунальных банков (153) и других кредитных организаций (более 4000 ед.) [1]. При этом организационно-управленческая деятельность некоторых банков осуществлялась по территориальному признаку – Дальневосточный, Среднеазиатский банки и др. В создании ряда банков участвовал иностранный капитал. К примеру, в состав учредителей Российского коммерческого банка входили представители Швеции [1]. Деятельность банковских организаций носила конкурентный, коммерческий характер: банки самостоятельно устанавливали процентные ставки по вкладам, искали ссудополучателей и регулировали другие параметры своей работы. Однако развитие по такой траектории продолжалось всего несколько лет.

Экономическая ситуация в стране стала ухудшаться ко второй половине 20-х гг. Импульсы, данные НЭПом, перестали работать. Одновременно происходила централизация управления кредитными потоками. Изменения были связаны и с установлением процентных ставок, и с распределением кредитов: эти показатели стали строго регламентироваться. Таким образом, была вымыта сущность коммерческих основ кредита. В дальнейшем (в конце 20-х – начале 30-х гг.) в СССР была проведена кредитная реформа, коммерческий кредит был окончательно упразднен. Все операции по кредитованию стали осуществляться через кон-

[1] Первым этапом развития банковского сектора можно считать период с момента возникновения в Российской империи в 1754 г. первого банка до 1919 г.

торы и отделения Госбанка СССР и отделения банков долгосрочных вложений (Промбанк, Сельхозбанк, Всекобанк и Цекомбанк). Основные задачи функционирования Госбанка страны были сформированы в соответствии с принципами советской плановой экономики: в его руках сосредоточились все вопросы, связанные с движением денежно-кредитных средств, перераспределением капитала внутри экономики. На последующие 60 лет Госбанк СССР стал единым эмиссионным, расчетно-кассовым центром, центром кредитования отраслей народного хозяйства и международных расчетов.

Взятый курс на индустриализацию изменил характер ссудных операций. Если в период НЭПа преобладали краткосрочные займы, то ввод в строй за период 1928–1940 гг. около 9 тыс. крупных промышленных предприятий требовал, в первую очередь, значительных долгосрочных ресурсов. Нужды капитального строительства удовлетворялись в значительной степени с помощью государственных займов, т. е. за счет средств населения. Необходимость в аккумуляции денежных ресурсов привела к развитию сети сберегательных учреждений в сельской местности. Несмотря на то что хранение сбережений в этих отделениях было официально добровольным, в реальности жителей принудительно заставляли сдавать деньги, а работникам сберкасс ставили огромные планы. Число сберегательных касс стремительно увеличивалось: если к концу 1926 г. их количество достигало 14,5 тыс., то в 1941 г. функционировало порядка 42,8 тыс. подразделений, включая 32,1 тыс. в сельской местности [3]. Особую роль сберкассы сыграли в военное время. Объединенное общей целью победы над врагом, население уже добровольно финансировало государство через покупку государственных облигаций военных займов.

В послевоенное время за счет банковских кредитов и государственных капитальных вложений по стране в целом и в Сибири в частности было построено и введено в эксплуатацию множество предприятий в различных отраслях хозяйства, которые заложили основы современных, постсоветских, экономик регионов. Финансирование крупнейших строек гидро- и теплоэнергетики, транспорта, машиностроения, черной и цветной металлургии, легкой и пищевой промышленности и других отраслей осуществлялось через региональные отделения Стройбанка и Госбанка [4].

Промышленное освоение Сибири способствовало урбанизационному росту. В советский период появились Норильск, Саянск, Шелехов, Усть-Илимск, Ангарск, Железногорск, Стрежевой, Саяногорск, Северобайкальск, Селенгинск, Борзя и другие населенные пункты. С увеличением численности населения росло и количество сберкасс. В период 1953–1975 гг. их количество возросло примерно в два раза: с 42,3 тыс. подразделений до 79,9 тыс. [3]. Передача сети сберкасс в управление Госбанка СССР в 1962 г. сделала главный банк страны самым крупным в мире по размеру активов.

Банковский сектор СССР функционировал в условиях плановой экономики, соответственно Госбанк и его отраслевые ветви также являлись частью этой структуры с высокой степенью централизации. Во время Великой Отечественной войны этот механизм работы способствовал решению стоящих перед страной задач, однако в целом такой тип хозяйствования оказался непригодным для гибкого перераспределения капитала внутри государства между его субъектами различных отраслей и сфер экономики. Советская банковская система перестала способствовать научно-техническому прогрессу, модернизации производства, выполняя в большей степени функции надзорного органа. Новый курс экономики, направленный на интенсивный путь развития, потребовал от правительства реализации реформ банковского сектора.

Таким образом, в развитии банковского сектора СССР можно выделить несколько ключевых особенностей. Во-первых, денежное обслуживание населения осуществлялось через сберкассы. Массовое вовлечение в процесс сберегательного дела способствовало увеличению количества отделений, в том числе в небольших населенных пунктах. Существенно повысился показатель обеспеченности банковскими офисами. При общем низком уровне жизни в стране аккумуляция средств физических лиц и их трансформация в инвестиции сыграли весомую роль в осуществлении планов по ускоренному наращиванию промышленного потенциала. Во-вторых, становление банковской системы полностью зависело от направлений развития народного хозяйства. Работа с предприятиями выстраивалась через региональные конторы Госбанка, его районные и городские отделения, а также через отраслевые банки. Основное отличие территориальной организации банковского сектора страны на данном этапе от террито-

риальной организации банковского сектора досоветского, начального, периода состояло в плановом, административном характере ее формирования. Принятие решения об открытии очередного подразделения исходило из финансового центра – Москвы. До 1919 г. по особенностям размещения кредитных организаций можно было косвенно судить об общем уровне социально-экономического развития регионов. С 30-х гг. XX в. концентрация банковских отделений, осуществлявших финансирование отдельных отраслей экономики, предопределялась «сверху» и не являлась следствием конкурентных административных, финансовых или социально-экономических преимуществ данной территории, хотя и была связана с необходимостью реализации планов по индустриализации. Территориальное устройство банковской системы сибирского макрорегиона было всецело обусловлено его промышленным освоением.

Список литературы

1. *Елизарова Е. Ю.* Какими были банки России? // ЭКО. – 1998. – № 4. – С. 162–165.

2. *Маневич В. Е.* Ликвидация НЭПа и дальнейшая эволюция кредитно-финансовой системы // ЭКО. – 1988. – № 10. –– С. 142–156.

3. *Петров Ю. А.* История сбербанка России (1884–1991) [Электронный ресурс] / Ю. А. Петров, С. В. Калмыков, Ю. М. Голанд ; под ред. А. И. Казьмина. – URL: http://www.sberbank-history.ru. (Дата обращения: 18.03.2015).

4. Государственный банк СССР [Электронный ресурс] // Центральный Банк Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: http://www.cbr.ru/today/?PrtId=gbsssr. (дата обращения: 18.03.2015).

FEATURES OF THE TERRITORIAL ORGANIZATION THE BANKING SECTOR OF SIBERIA IN THE SOVIET PERIOD

T. I. Zabortseva
V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk
O. V. Sysoeva
Irkutsk scientific centre SB RAS, Irkutsk

Abstract. Reviewed spatial development of the banking sector of Siberia. Reflected the factors that influenced its formation. Analyzes the role of credit institutions in the economy. The features of development of Bank system of the USSR. Demonstrated socio-economic role of savings banks in the war and postwar period.

Keywords: territorial organization, the banking sector, the Soviet Union, Siberia, the planned economy, the savings banks.

Заборцева Татьяна Ивановна – доктор географических наук, зав. лабораторией экономической и социальной географии Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: zabti@irigs.irk.ru

Zabortseva Tatyana Ivanovna – Doctor of Geographical Sciences, Head of the laboratory of economic and social geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: zabti@irigs.irk.ru

Сысоева Ольга Вячеславовна – кандидат географических наук, младший научный сотрудник, отдел региональных экономических и социальных проблем, Иркутский научный центр СО РАН, 664003, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 134, 117, тел.: 8(3952) 453183, e-mail: st-olya@mail.ru

Sysoeva Ol'ga Vyacheslavovna – Candidate of Geographical Sciences, Junior researcher, Department of regional economic and social problems, Irkutsk scientific center SB RAS, 664003, Irkutsk, Lermontov str., 134, 117, 8(3952) 453183, e-mail: st-olya@mail.ru

УДК 334.742:639.1(571.5)(091)

ОХОТНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ В БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Ю. А. ЗУЛЯР

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализ процессов взаимодействия природы и общества в Байкальском регионе на рубеже XIX–XX вв. в разрезе организации охотничьего промысла позволил выявить ряд ключевых проблем темы. Прежде всего, в данный период актуализировалась деятельность правительства Российской империи и администрации Иркутской губернии, развернулось создание и деятельность охотничьих обществ. На исследуемой территории одновременно трансформировались два типа охотничьих культур: традиционный промысел аборигенных народов и русский старожильский и новосельский промысел. К традиционным способам охоты относились: ружейная охота и охота с собакой, использование ловушек и приспособлений, манковая охота, охота скрадом, сторожевая охота, охота с солью и на солончаках, загонная и облавные охоты. Происходившие в стране и регионе процессы по-разному влияли на количество охотников и географию их проживания. Развитие оружейного дела и промыслового снаряжения оказывало принципиальное воздействие на снаряжение охотников, виды и формы охоты и сам охотничий промысел. В рассматриваемый период основным являлся пушной промысел, включавший в себя охоту на соболя и белку, на других мелких пушных зверей, добычу медведя и борьбу с волком, а также промысел нерпы. Попутно или целенаправленно велась охота на копытных, глухаря и добыча лекарственного сырья животного происхождения. Страшны вред природе и охотничьим богатствам региона наносило хищничество (браконьерство) и лесные пожары. Активно развивалась при снижении ее эффективности пушная торговля. Появилась и начала активно развиваться промысловая и сбытовая кооперация.

Ключевые слова: промысловая охота, Байкальская Сибирь, дореволюционное российское законодательство, общества охотников, пушная торговля, промысловая кооперация.

Проблема взаимодействия общества с природой существовала всегда и зависела от местности, стихийных, климатических, а впоследствии от социально-экономических и политических, а также других условий и обстоятельств. Охотничья деятельность – древнейшее занятие человечества, ей посвящено огромное количество литературы и исследований во все времена и у всех народов. Вместе с тем можно констатировать, что в XXI в. интерес к этой теме ослабел. Однако попытки осмысления данного феномена и переосмысления его истории продолжаются и навряд ли когда прекратятся.

В частности, в работе «Культурное наследие бурят, эвенков и семейских» (2015 г.) О. А. Шагланова и С. Сасаки выделяют три разновидности охоты: средство для существования (или самообеспечения); коммерческая (или рыночная) деятельность и царская охота [38, с. 128].

Целью данного исследования является анализ охотничьего промысла на территории Байкальской Сибири на рубеже XIX–XX вв. Период ознаменовался качественными изменениями в российской экономике и социальной сфере, отразившимися на сибирской экономике. Возрастали масштабы переселения, создававшие в некогда казавшейся безграничной Сибири проблему относительной земельной и промысловой «тесноты». В 1890-х гг. началась землеустроительная реформа, непосредственно коснувшаяся туземного населения. Строительство Транссибирской железной дороги, связавшей Сибирь с европейской частью страны, меняло и условия жизни, и режим природопользования.

Это исторический период, когда на смену традиционному промыслу туземных народов региона и комбинированным подходам пришлого, славянского, населения, сформировавшимся в период изобилия животного мира, пришло время открытого, повсеместного хищничества, бездумной погони за прибылью, и через это его обнищания. В то же время состояние бездумного уничтожения животного мира, варварства уходящей эпохи стало заменяться формирующейся государственной политикой цивилизованного промысла и массовым общественным движением охотников и патриотов страны и региона, направленным на спасение этих богатств и восстановление уникальной сибирской природы.

Деятельность правительства страны и администрации региона

Человек начинает охранять растения и животных только тогда, когда их становится недостаточно для удовлетворения его потребностей. Именно осознание возможности утраты каких-либо ресурсов ведет к развитию законодательной базы для их охраны и восстановления. Однако опыт показывает, что регулирование эксплуатации природных ресурсов, основанное только на законах, не решает всех проблем. Анализ истории российского природоохранного законодательства – яркое свидетельство этого тезиса.

Например, 10 июня 1763 г. был издан царский указ, запрещавший «с 1 марта до Петрова дня во всем... государстве ловить и стрелять зверей и птиц, кроме хищных». Но в связи с жалобами инородцев Сибири на то, что они лишались источника продовольствия, сибирский губернатор Д. И. Чичерин вошел в правительство «с представлением о дозволении промысла весною птиц и зверей по Сибири», что было удовлетворено указом от 29 января 1764 г. [45].

Охотничье законодательство в дореволюционной России достаточно широко понимало категорию вредных животных и относило к ним мелких куньих, ряд других представителей отряда хищных и даже белку как «зверька, препятствующего возобновлению лесов и поедающего яйца и птенцов». Запреты не распространялись на Сибирь, некоторые промысловые губернии и уезды европейской части России.

А ведь именно там охота была важной статьей доходов для большинства крестьян. В ряде мест охотничьи угодья были перенасыщены охотниками, основную массу которых составляли промысловики и полупромысловики, общее количество которых определялось в 2 млн человек [52].

На рубеже XIX–XX вв. начало меняться отношение правящего класса страны к эксплуатации животных богатств Сибири. Их кризисное состояние вызвало активизацию зоологов, охотников, ряда чиновников и купцов, посылавших «челобитные» в правительственные инстанции. В ответ царское правительство издавало указы и законы, защищавшие права туземцев на родовые охотничьи угодья, запрещавшие стихийное охотопользование и сжигание лесов. Был принят ряд законодательных актов по рационализации охотопользования. Но особого воздействия на практику

хищнической эксплуатации животных богатств сибирского макрорегиона они не оказали.

И вообще практически до конца XIX в. в России отсутствовал закон об охоте. Первый его проект был разработан в 1858 г. МВД. Впоследствии в Госсовет было внесено еще девять проектов закона: проект правил об охоте в Остзейских губерниях (1861 г.); Проект правил о весенней охоте графа Валуева (1867 г.); Проект правил об охоте, исправленный по замечаниям Министерства (1868 г.); Проект закона о весенней охоте (1869 г.); Проект общего закона об охоте Министерства внутренних дел (1871 г.); Правила об охоте для губерний Привислянских; Проект барона Ливена и Управляющего Морским министерством Краббе (1872 г.): Проект временных правил об охоте (1874 г.); Правила об охоте для губернии Курляндской (1877 г.) [45].

В конечном счете закон «Об охоте» был принят 3 февраля 1892 г. Но он регулировал отношения только в области любительской охоты. Целью закона объявлялось «прекращение того чрезвычайного истребления дичи, которое лишало до сих пор охоту всякого производительного значения для народного хозяйства». Сущность принятых новым законом мер заключалась, с одной стороны, в повсеместном запрещении ловли дичи какими-то бы то ни было истребительными способами, а с другой – в усилении средств надзора за сохранением зверей и птиц, признаваемых полезными.

В предисловии указывалось, что ловля дичи истребительными способами, даже на севере и северо-востоке России, при крайне редком населении и громадных лесных пространствах, привела к тому, что охотничий промысел давал не более 1/5 части прежнего заработка и что около половины добываемой дичи пропадало совершенно непроизводительно, делаясь добычею хищников и погибая целыми выводками в поставленных и настороженных[1] орудиях ловли.

Также в законе говорилось, что ввиду чрезвычайного разнообразия климатических условий обширного отечества и соответствующего этому различия во времени прилета и вывода дичи, целесообразно воздержаться от узаконения неизменных и общих

[1] Переведенные в рабочее состояние.

для всей империи сроков охоты, предоставив ближайшее их определение сообразно особенностям местных условий.

Наблюдение за исполнением правил охоты и обнаружение нарушений возлагалось на полицию, чинов лесного ведомства, казенной лесной стражи, должностных лиц, заведующих лесами удельного ведомства и членов корпуса лесничих, заведовавших частными лесами, – в пределах вверенных их ведению или надзору участков, и лесных, полевых и охотничьих сторожей – в дачах, вверенных их надзору. Кроме того, «начальникам губерний и областей предоставлялось уполномочивать известных им лиц с их на то согласия на обнаружение нарушений правил об охоте, с указанием района действий этих лиц» (ст. 29) [67, с. 17].

Естественным образом, первый законодательный акт об охоте был, по мнению В. В. Дежкина, несовершенным. Разрешенные им сроки добычи массовых видов дичи не имели научного обоснования, отсутствовали строгие ограничения норм добычи, допускались способы охоты, наносившие большой ущерб охотничьим ресурсам [23, с. 7].

В соответствии с законом «Об охоте» 1892 г. были приняты Правила об охоте. Статьей первой Правил разрешались все виды охоты (ружейная, псовая и т. д.) во всех губерниях, но не дозволялось охотиться без именного охотничьего свидетельства, выданного надлежащей властью [8, с. 84]. Право охоты было обложено трехрублевым налогом в год, полиция выдавала охотничье свидетельство сроком на 1 год.

Недостатки первого закона об охоте, в том числе и разрешение весенней охоты, всколыхнули охотничье сообщество, и уже через пять лет под давлением охотничьей общественности при Министерстве земледелия была создана специальная комиссия по выработке изменений к действующему закону. Одним из главных изменений, по мнению охотников, должно было стать «безусловное воспрещение всякой весенней охоты». Об этом в 1897–1898 гг. в «Охотничьей газете» и журнале «Природа и охота» писали многие известные охотники, в том числе и выдающийся российский охотовед С. А. Бутурлин. В следующее десятилетие против весенней охоты на птиц выступили охотничьи издания: «Псовая и ружейная охота», «Наша охота», «Природа и охота», «Семья охотников», «Охота», «Охотничий вестник» и др. Как показала дискуссия, большинство читателей изданий высказывались против весенней охоты.

Жаркая полемика о весенней охоте развернулась и на Втором съезде охотников, проходившем в Москве в ноябре 1909 г. На нем обсуждался новый законопроект об охоте, который допускал весеннюю охоту. Против этого активно выступали ведущие съезда профессор Г. А. Кожевников и С. А. Бутурлин. Съезд разделился по вопросу о полном запрете весенней охоты почти поровну. В поисках компромисса было предложено разрешить охоту на токах глухарей и тетеревов в тяге для членов охотничьих объединений. Принятая резолюция запрещала весеннюю стрельбу и ловлю птиц, но в исключение из этого правила разрешала для северной и средней полосы России охоту на самцов глухарей и тетеревов, но только членам организованных охотничьих обществ, определив срок для таковой временем с 10 апреля по 1 мая [66, с. 1–48]. На практике в начале XX в. некоторые русские охотничьи общества «правильной» охоты самостоятельно вводили в свои уставы ограничения на весеннюю охоту.

Действие закона «Об охоте» не распространялось на Сибирь. Звериные промыслы в Сибири провозглашались не подлежащими «никакому ограничению в отношении ко времени года» (ст. 204). «Полицейское начальство должно наблюдать, чтобы станичные казаки под видом права на местные промыслы не стесняли коренных жителей присвоением себе участков им принадлежащих. В тех же местах, где коренные жители без всякого разделения участков пользуются равным правом промысла», казакам предоставлялось разделять это право с ними [45].

Вследствие нераспространения закона на Сибирь Иркутский генерал-губернатор направил в начале 1893 г. в Министерство государственных имуществ проект «Правил об охоте и звериных промыслах в Иркутском генерал-губернаторстве». В объяснительной записке к этому проекту говорилось о хищнических способах промысла, таких как выкормочное звероловство – выслеживание нор лисиц, песцов, ловля детенышей для домашнего выкармливания, а также о другом хищническом способе, касающемся водяной и лесной дичи: «Жители еще до выхода птенцов разоряют гнезда птиц, чтобы воспользоваться пухом их, а яйца употребляют в пищу». Осуждалось и «безрассудное истребление диких коз и изюбрей весною, когда они проваливаются на снежно-ледяной корке». Однако «Правила об охоте и звериных промыслах в Иркутском генерал-губернаторстве» не были утвержде-

ны, и хищнические способы промысла зверей и птиц не были запрещены [57, л. 9; 52].

В Сибири лишь в 1900 г. были запрещены отлов диких копытных животных ловчими ямами, а также весенне-летняя промысловая охота на них. К тому времени численность многих видов охотничьих животных оказалась на низком уровне, а наиболее ценные находились на грани полного истребления.

В связи с катастрофическим сокращением поголовья пушных зверей, в особенности соболей, общественное охотничье движение неоднократно в различных формах выражало возмущение и протест против равнодушия царского правительства к такому важному вопросу. Даже купцы-меховщики выражали тревогу за состояние пушного хозяйства империи. В Министерство торговли и промышленности стали обращаться пушные фирмы с заявлениями об ухудшавшемся положении охотничьих промыслов и с просьбами о принятии мер по восстановлению пушного хозяйства страны. Купцов поддержали Ирбитский ярмарочный комитет и даже русский консул в Лейпциге, куда экспортировалась большая часть мехов из России [63].

Под давлением общественности и собственных должностных лиц царское правительство было вынуждено обратить на это внимание и 9 июня 1912 г. приняло закон «Об установлении ограничительных по охоте на соболя мер», по которому охота на соболей в Прибайкалье запрещалась на три года (с 1 февраля 1913 г. по 15 сентября 1916 г.). Закон стал фактически единственной мерой защиты зверей в дореволюционной Сибири [52].

На период после прекращения действия закона устанавливался ежегодный запретный для охоты срок с 1 февраля по 15 октября – на период размножения зверей и роста детенышей. Лица, замеченные в хранении, продаже, покупке и вывозе за границу соболиных шкурок, штрафовались в размере 300 руб. или арестовывались на срок от 1 до 3 месяцев, причем шкурки соболей изымались в пользу казны. Штраф за убой соболей ограничивался 100 руб. [63].

Об этом законе в печати тех лет писалось: «Вопрос имеет солидный возраст. Еще в 1895 г. была создана особая комиссия для выработки законопроекта, который и был через пять лет написан и десять лет ходил на заключении разных чинов, учреждений, совещаний и т. п., и только в 1911 г. законопроект одобрен Советом министров и внесен в Государственную Думу» [60]. Между

тем отсутствие какого-либо надзора за соблюдением изданных законодательных актов делало практически невозможным их исполнение [46, с. 292].

В реальности пушной промысел начал сокращаться уже с конца XVIII в. И связано это было не только с тем, что охотники постепенно переквалифицировались в земледельцев, но и с сокращением количества зверя. В начале XX в. пушнины добывалось почти на 30 % меньше, чем в середине XIX в.

Государство пыталось заставить профессиональных охотников беречь природу, но из этих попыток ничего не выходило. Долгое время муссировалась идея законодательно запретить применение ловушек и капканов: попавший в ловушку зверь чаще оказывался добычей хищника, чем охотника. Законодатели не учли лишь того, что ружей в России было почти в 30 раз меньше, чем охотников, поэтому заменить ловушки было просто нечем [41].

Исследовательские партии, направленные в Байкальский регион, отмечали, что «хищническая добыча соболя в прибайкальских речках в промышленный сезон 1913–1914 гг., тем не менее, производилась в широких размерах» [11, л. 89]. Подчеркивалось, что при помощи ловушек соболей можно выловить поголовно в короткие сроки. Охота на соболя, несмотря на запрещение, почти не сократилась.

Правительство страны не ограничилось принятием ограничительного закона и правил. В 1911 г. «стол по охоте», созданный в Департаменте земледелия в конце XIX в., был реорганизован в «Отдел рыболовства и охоты», который с помощью приглашенных специалистов охотничьего дела начал вести научно-исследовательскую работу. 16 апреля 1912 г. царское правительство признало необходимым подыскать соответствующую территорию для соболиных заповедников.

Во исполнение этого решения Департамент земледелия и Академия наук в 1914–1915 гг. командировали две экспедиции (Баргузинскую и Саянскую) для выявления районов обитания соболей, количеств и методов добычи их и выделения наилучшей территории для организации соболиных заповедников. Первая экспедиция под руководством Д. К. Соловьева работала в Восточных Саянах, где наметила создание Саянского заповедника на площади свыше 500 тыс. га, и Казыр-Сукского промыслово-охотничьего хозяйства на территории около 250 тыс. га.

Вторая экспедиция под руководством Г. Г. Доппельмаира прибыла в г. Баргузин 22 июня 1914 г. В состав экспедиции входили научные работники Д. Н. Александров, А. Д. Батурин, К. А. Забелин и З. Ф. Сватош. Она работала на северо-восточном берегу озера Байкал с целью исследования тайги в Баргузинском округе, где намечено было создать Баргузинский заповедник на площади в 200 тыс. га. Хотя царское правительство еще 16 апреля 1912 г., по докладу иркутского генерал-губернатора приняло решение о создании заповедников, их окончательная организация была проведена только при Советской власти.

На основе предложений экспедиции и рекомендации Русского географического общества 30 октября 1916 г. Совмин принял постановление «Об установлении правил об охотничьих заповедниках», по которому право «образовывать на землях единственного владения казны заповедники для сбережения охотничьих и промысловых зверей и птиц» предоставлялось министру земледелия, а ведение охотничьего и лесного хозяйства на землях заповедников определялось инструкциями Министерства земледелия. За охоту в заповедниках виновные лица подвергались штрафу в сумме от 20 до 300 руб. или аресту от 15 дней до 3 месяцев [63].

В 1916 г. по результатам экспедиции был создан первый в России Баргузинский заповедник, а также выделены Саянский охотничий заповедник и Казыр-Сукское промыслово-охотничье хозяйство [31].

Администрацией Иркутской губернии также принимались различные проекты правил об охоте и промыслах. В них обсуждались вопросы охраны зверей и птиц в казенных лесах, правила охоты. С различных мест поступали предложения о правилах охоты и описывалось ее состояние. В частности, в 1908 г. «Общество сибирских охотников» сообщало: «Факт прогрессивного и повсеместного исчезновения всякой дичи очень заметен в Иркутской губернии и касается не только мелкой дичи, но и крупного зверя. Причем такого явления много, среди них есть такие, против которых борьба почти невозможна. Это заселение мест, даже в глухой тайге, рубка леса и проведение железной дороги. В окрестностях Иркута от Тибельти до Монды количество зверя значительно уменьшилось за последние 5–6 лет из-за усиленной рубки леса и заселения. Если так будет продолжаться, то зверь уйдет

значительно дальше». Требовали даже уголовного наказания за истребление зверей.

В 1911 г. были изданы «Правила о побочных пользованиях в казенных лесах Иркутской губернии и Забайкальской области». Однако предлагаемые меры носили половинчатый характер и даже более того. Например, в п. 4 написано: «Истреблять хищных зверей и хищных птиц, птенцов и их гнезда, а также убивать на полях и в лесах бродячих кошек и собак дозволяется в течение года и всякими способами, кроме отравы и самострелов» [16, л. 28, 88]. К хищным зверям причислялись: медведь, волк, лиса, барсук, хорек, ласка, выдра, горностай, куница, колонок, росомаха, рысь и дикая кошка. Хищными птицами признавались: орел и сокол, кречет и все ястребы, сорока, ворона, ворон, сойка, кедровка, филин и совы.

Фактически было разрешено полное истребление почти всех животных и птиц – «санитаров леса» и ценных пород зверьков. Принятые сроки охоты на дичь не соответствовали срокам, о которых просило Общество сибирских охотников, т. е. срокам, в которые можно было охотиться без нанесения вреда животным. Ничего не говорилось о запрещении палов, хищнической расчистке земли под пашни, а именно эти действия наносили самый ощутимый урон [46, с. 292].

Таким образом, на рубеже веков российская общественность проявила внимание к охотничьему хозяйству страны, которое давало заработок и кормило огромную массу населения России. Охотничье общественное движение главным образом через печать подталкивало правительство к проведению чрезвычайных мероприятий в области охотничье-пушного хозяйства.

Но правительственные меры фактически свелись к закону о трехгодичном запрете охоты на соболей и к проекту выделения заповедников для этих зверей. Эти меры были недостаточными и не могли обеспечить восстановление и умножение поголовья пушных зверей. Охотничье-пушное хозяйство страны хирело. До 1920-х гг. в Сибири не было специального органа по руководству охотничьим хозяйством и контролю за соблюдением правил и сроков охоты. Дикие звери истреблялись круглогодично и неограниченно [32; 63].

Создание и деятельность российских охотничьих обществ

Во второй половине XIX в. в России создание кружков и обществ стало массовым. Одновременно, по мере развития ружей-

ной охоты, во многих губерниях создавались охотничьи общества, и в 1860 г. был утвержден устав Московского общества охоты. Это было собрание богатых: в 1881–1884 гг. сумма членских взносов доходила до 35 руб. – деньги по тем временам огромные. Сюда следует добавить штрафы, которые промахнувшиеся стрелки платили в кассу общества – 1 руб. за каждый промах.

Создание московского общества вызвало шквал критики, поэтому его организаторы провозгласили своей целью введение в стране традиции правильной охоты, т. е. не подрывающей ресурсы животного мира. Наиболее действенной формой пропаганды такой охоты стала организация истребления волков, наносивших огромный вред хозяйству крестьян. По официальным данным, в 1896–1897 гг. волки съели 1400 человек и 15 тыс. лошадей и жеребят. С волками боролись всеми доступными способами. Ради этой благородной задачи объединились даже вечные соперники – псовые и ружейные охотники. Так как волков было намного больше, чем членов общества охоты, охотникам пришлось воспользоваться химическим оружием, разбрасывая в лесах ядовитую приманку.

Государственная политика и общая обстановка в России конца XIX – начала XX в. были исключительно благоприятными для организованных охотников и рыболовов. Охотничьи и рыболовные общества были полностью освобождены от каких-либо налогов, в том числе от налогов с коммерческой и издательской деятельности; они освобождались от таможенных пошлин за ввоз в Россию охотничьего оружия и орудий промысла; при проведении кинологических выставок соответствующий провоз собак и проезд сопровождающих их лиц железной дорогой были бесплатными [41; 63].

Важным событием в истории охотничьего движения стал Второй Всероссийский съезд охотников (ноябрь 1909 г.), собравший 300 делегатов (его проведение полностью финансировалось государством) и рассмотревший два вопроса: о новом Законе об охоте и об образовании Всероссийского союза охотников. Движение быстро развивалось, и в 1911 г. в Российской империи насчитывалось уже 311 обществ охотников, в том числе 291 спортивно-охотничье, 13 – военных, 6 – специальных и 1 – натуралистическо-охотничье [4]. В 1916 г. было также организовано «Общество изучения и упорядочения охотничьего дела в России».

Таким образом, в XX в. русское охотничье общественное движение, ориентированное на рационализацию природопользования, начало разрастаться и вширь и вглубь. Правительственные учреждения вынуждены были поддержать это общественное начинание. Министр земледелия А. С. Ермолов был избран первым председателем природоохранительной комиссии, созданной в 1912 г. при Русском географическом обществе [63]. Однако дореволюционному охотничьему движению был отпущен малый срок, и ему не удалось продвинуть новый охотничий закон и создать Всероссийский союз – отчасти этому помешала Первая мировая война 1914–1918 гг.

Общественная жизнь Байкальского региона во второй половине XIX – начале XX в. также активизировалась, в том числе и в области организованного охотничьего движения. В 1871 г. в Иркутске было образовано Общество сибирских охотников, устав которого был утвержден 13 июля и опубликован в «Иркутских губернских ведомостях». Общество начало действовать с 1872 г. Это было третье в России общество охотников после Московского (1862) и Казанского (1868).

Общество учредили военный губернатор Иркутска К. Н. Шелашников и потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии, ученый, общественный деятель и писатель И. Г. Шведов (автор книги «Записки сибирского немврода». СПб., 1880). Он и стал первым правителем дел Общества. Общество содействовало изучению нужд и обычаев зверопромышленности, развитию правильной охоты, борьбы с нарушителями правил и сроков охоты, заботы о разведении породистых собак (гончих, легавых, зверовых), уничтожения вредных животных и т. д. [49].

В 1874 г. председателем Общества был избран только что назначенный на должность генерал-губернатора Восточной Сибири К. Н. Шелашников, а правителем дел – М. А. Митропольский. Многие из городского и губернского начальства состояли в руководстве Общества или же были попечителями иркутских охотников. В него входили такие известные в Иркутске люди, как В. П. Сукачев, В. А. Белоголовый, А. А. Белоголовый, Г. В. Розен, С. Н. Родионов [40, с. 223]. 29 апреля 1916 г. Общество сибирских охотников в лице его председателя В. И. Балыкина обратилось к генерал-губернатору А. И. Пильцу с просьбой принять на себя звание попечителя Общества, на которую тот согласился.

Общество сибирских охотников являлось одним из самых многочисленным иркутских объединений. Если у истоков его было всего не более десятка энтузиастов, то уже к началу 1905 г. одних только действительных членов насчитывалось 166 человек, а также 8 почетных членов и 2 члена-соревнователя. При утверждении нового устава (6 июня 1911 г.) в Обществе насчитывалось 300 членов. А к началу 1916 г. в нем состояло 383 действительных члена и 3 почетных [48].

В его уставе были сформулированы такие цели деятельности, как: «...а) ведение правильной в дозволенное время охоты, б) охранение дичи через содействие местным властям в преследовании охоты, как в недозволенное время, так и запрещенными способами, в) распространение в народе понятий о правильной охоте, а также о вредных и полезных животных, г) истребление хищных зверей и птиц, д) улучшение способа охоты и в особенности улучшение пород охотничьих собак, е) изучение местной дичи, ее образа жизни, нравов и привычек, описание характера местности в крае, где она преимущественно держится» [40, с. 222].

Общество охотников уделяло внимание не только регламентации и упорядочению охоты, но и пропаганде правильной охоты, просветительской деятельности. Об этом свидетельствуют данные отчетов правления Общества сибирских охотников, констатирующие факт существования библиотеки, доступной для членов общества, получение периодических изданий («Псовая и ружейная охота», «Природа и охота», «Охота», «Охотничий вестник»).

Общество использовало земельные площади с правом охоты в них и обязанностью охранять полезную дичь от истребления, а леса от порубок и пожаров. С 1872 г. оно пользовалось исключительным правом бесплатной охоты в окрестностях Иркутска. С 1874 г. в ведении общества находилась казенная дача Ангарского лесничества площадью 22 449 десятин. В 1911 г. общество ходатайствовало об увеличении охотничьих угодий за счет Ключевской (11 221 десятин) и Шаманской (28 118 десятин) дач. В этом прошении ему было отказано, так как при проверке выяснилось, что уменьшение дичи – результат ее варварского истребления [13, л. 12].

Для соблюдения порядка в арендованных лесах общество нанимало сторожей, проживающих на территории этих лесов в специально построенных зимовьях. В 1891 г. земли Общества си-

бирских охотников охраняли 3 конных объездчика и 2 сторожа. Сторожа обязаны были оказывать содействие чинам и страже лесного ведомства при преследовании нарушителей Лесного устава, а также вести пропаганду правильной охоты среди местного населения. Для этих целей Общество сибирских охотников в 1909 г. отпечатало 150 экз. правил с установленными сроками охоты для казенных угодий, и разослало их по деревням. Созданная в лесах Общества сибирских охотников система охраны доказала свою эффективность. В отчетах общества за 1894 и 1895 гг. отмечалось отсутствие в лесах общества пожаров, самовольных порубок, браконьерских охот.

Общество сибирских охотников являлось инициатором разработки правил, упорядочивающих охотничий промысел. Оно стояло у истоков «Правил о побочных пользованиях в лесных и других дачах г. Иркутска» 1895 г. и «Правил о побочных пользованиях в казенных лесах Иркутской губернии, изъятых из свободного пользования» 1896 г. В 1894 г. членом Общества сибирских охотников В. А. Вериго был поднят вопрос об ограничении в окрестностях Иркутска охоты на пернатую дичь. Положение усугублялось, по мнению Общества, отсутствием в Восточной Сибири ограничительных законов по организации охоты. В 1916 г. Иркутский генерал-губернатор, признав вопрос существенным и имеющим государственное значение, предложил выработать такой законопроект. В этом же году при непосредственном участии членов Общества сибирских охотников был разработан проект «Правил об охоте в Иркутской губернии» [40, с. 223].

Данное Общество не было единственным в регионе, в частности, в 1914 г. в столице Приангарья было создано Общество иркутских охотников. Председателем правления был избран М. Д. Огневский [53].

Традиционная модель охотничьего промысла

Добыча диких животных в регионе имеет глубокие исторические корни. Длительный период она составляла основу материальной культуры жителей Байкальской Сибири – эвенков, тофаларов, сойотов. Коренные народы до прихода русских соблюдали традиции в охотничье-промысловой сфере, ограничивающие отстрел и отлов. Охота была основным видом хозяйственной деятельности для эвенков, тофаларов и сойотов, которые делили охотничьи участки, передаваемые по наследству по мужской ли-

нии между родами и семьями. Право на участок накладывало обязанности, в частности сохранение поголовья промысловых животных.

К началу XX в. пушной промысел перестал быть ведущей отраслью комплексного хозяйства эвенков – доход от него составлял до 30 %. Численность охотничьих животных сильно снизилась к этому времени в результате неумеренного хищнического промысла. В дальнейшем рост населения, развитие товарно-денежных отношений привели к дифференциации хозяйственного уклада населения Прибайкалья. Основной капитал охотничьего хозяйства – промысловые животные. К началу XX в. численность основных видов охотничьих животных была сильно подорвана [2, с. 73].

Охотпромысел был важнейшей отраслью хозяйства саянских оленеводов, служившей источником их существования. Охота давала пушнину для уплаты ясака и закупки разных продуктов и мясо для основного питания. Обучение охотничьему искусству начиналось еще в раннем детстве, и дети участвовали в промысле. Пушную подать казне, ясак, тофалары-мужчины с 16 до 60 лет ежегодно платили соболиными шкурками. Часто проводились переписи населения для контроля числа платежеспособных охотников. Нередко бывало, что люди погибали, но за родом числилось определенное когда-то переписью число охотников, за которое род должен платить подать. Это приводило к разорению родов, ибо платить приходилось за тех, кого уже не было. В сборах податей казна была неумолима. Так как вся земля тофаларов была разбита меж родами, а каждый род скитался и охотился в определенных местах, то и семьи имели свои охотничьи угодья. В случае неурожая в тайге просились к соседям.

К пушным животным, на которые осуществлялась основная охота, относились в Тофаларии соболь и белка, шкурки которых давали основной доход и являлись товарной продукцией охотопромысла. Также добывали (но уже попутно) колонка и горностая, изредка – рысь и росомаху. На всех пушных животных охотились главным образом с собакой [54, с. 23–27; 56, с. 106].

Тунгусские народы были лесными жителями, вели охоту пешком, на лыжах и верхом на олене (эвенки). Буряты ездили верхом на лошади в степной и лесостепной зонах и использовали конную охоту. Они в процессе освоения Байкальской Сибири

заимствовали часть традиций, в том числе охотничьих, у аборигенных народов региона. По А. Б. Иметхенову, среди бурят было распространено три основных хозяйственных уклада: охотничье-рыболовный, многоотраслевой (охота, рыболовство, собирательство, пастушество и земледелие) и кочевое скотоводство [30, с. 100; 38, с. 93].

Знание образа жизни животных позволяло избирать нужные сроки охоты, объемы и масштабы, не истощая естественных запасов. В выборе объекта охоты бурятами наблюдалось стремление к сохранению репродуктивных животных, не промышляли самок. Это также способствовало сохранению эффективности охотничьих угодий. Уровень развития традиционной охоты бурят регулировался экологическими лимитами. Традиционные формы остались вплоть до начала XX в. Они оказались наиболее приспособленными для успешного использования человеком окружающей среды, обеспечивая экологическое равновесие в природе, и содействовали сохранению животных популяций.

Культурные традиции охотников тесно связаны с территорией проживания и традиционными верованиями. До проникновения в Сибирь русских местное население охотилось для обеспечения себя пищей. Под влиянием товарно-денежных отношений хозяйственно-культурная модель коренных народов начала трансформироваться. До взаимодействия с русскими в культуре эвенков в охоте на животных-тотемов существовали ограничения. Вторжение русских и бурят в северные районы тайги заставило карагасов начинать промысел, не дожидаясь срока спелости пушного зверя; массовым уничтожением бобров сопровождался приход в Сибирь русских и коми; до этого добыча бобра искусственно ограничивалась [3, с. 36; 22, с. 162].

Немаловажным фактором в соблюдении экологических норм промысловой деятельности были идеологические представления бурят, которые составляли особый охотничий культ. Их этическая направленность способствовала сохранению равновесия в природе. По представлениям бурятских охотников, успех на охоте зависел от воли Хангая – хозяина тайги, который воплощал образ природных сил. Установление связей с ним, стремление не разгневать его, не преступить меру дозволенного напрасной добычей и другими действиями, приносящими вред окружающей среде, позволяли контролировать поведение охотника и сохранять резерв животных [1, с. 223; 25, с. 78].

В основном буряты охотились на соболя, бобра, козу, изюбря, лису. Крупных зверей убивали рогатинами, более мелких – стрелами. С развитием скотоводства охота из источника существования превратилась в подсобный промысел. Когда буряты перешли преимущественно в стадию производящей цивилизации, охота стала играть вспомогательную роль. Тем не менее они постоянно занимались охотничьим промыслом, степень развитости которого зависела от уровня номадного животноводства, определявшегося природно-климатическими условиями среды обитания.

В XIX в. охота среди забайкальских бурят, по словам Е. М. Залкинда, «исключая некоторые районы в Закаменском и Баргузинском ведомствах, превращалась в сугубо второстепенное занятие». Вместе с тем там, где буряты были оттеснены от степных долин крупных речных артерий и отодвинуты вглубь междуречных пространств, ближе к лесу, и там, где буряты по какимлибо обстоятельствам вообще оказались близки к тайге, они оказывались зверопромысловиками-охотниками и создавали скотоводческо-зверопромышленные хозяйства [27, с. 64; 59, с. 54].

Традиционное использование природы народом, обитающим в приграничной зоне леса и степи, предполагало полное освоение естественных ресурсов. Так, закаменские буряты располагали осенники вблизи охотничьих угодий, съезжали с них на зимники по окончании пушной охоты. Некоторые семьи или целые группы бурят удовлетворяли все жизненно необходимые потребности продуктами охоты. Так жили в начале XX в. немногочисленные нижнеудинские и шарагольджинские буряты Селенгинского округа (так называемые удунгинские буряты, кочевавшие по рекам Темник и Удунга).

М. Н. Хангалов писал, что места обитания нижнеудинских бурят в конце XIX в. были таежные и болотные, без питательных трав, поэтому скотоводство и земледелие не были развиты. Основным занятием была охота. Скот кололи тогда, когда плохо ловились зверь и рыба [13, с. 256]. По мнению А. С. Балдановой, в условиях расселения этой группы бурят охота являлась наиболее выгодным занятием, а встречающееся высказывание об отсталости нижнеудинских бурят несостоятельно. Именно сочетание развитой охоты с небольшим скотоводством представляло собой своеобразный, обусловленный конкретными условиями хозяйственно-культурный тип в этом регионе [3, с. 34; 68, с. 312].

Особенности хозяйственного уклада бурятских племен Прибайкалья и Забайкалья обусловлены различиями природно-климатических условий и имеют исторические корни. Эти зональные особенности, несмотря на их близкие связи и контакты начиная с эпохи неолита, формировались самостоятельно. Так, в Прибайкалье преимущественно развивалась охота на таежного зверя, а в Забайкалье охота проводилась в основном на степных пространствах, что было обусловлено большими трудностями, чем промысел зверя в тайге.

Если облавная охота на диких копытных животных носила у большинства бурят характер смены образа жизни, приобретая обрядовый культ, то добыча пушных зверей являлась более серьезным видом хозяйственной деятельности. Пушнина долгое время служила предметом оплаты ясака, жертвоприношений, подарочных преподношений, являла собой символ могущества и богатства, постепенно превращаясь в своеобразный эквивалент при обмене продукции. Несмотря на значительную ценность пушного сырья, в силу огромного влияния буддизма у бурят пушной промысел все же не является основным видом их трудовой деятельности [32].

Таким образом, в результате усиления товарно-денежных отношений, огромного спроса и возможности получать ощутимые доходы от добычи шкур, пантов и другого сырья возрастает товарное направление охотничьего промысла, призванного поставлять не только необходимые продукты питания и быта, но также продукцию на продажу. Это привело к образованию новых форм организации охотничьего промысла, хищническому использованию орудий, методов, позволявших получать добычу в короткие сроки, в широком объеме, что обусловливало сокращение численности зверей и их воспроизводство, подрывало экологические основы охоты.

Состояние добывающих промыслов у бурят на рубеже XIX–XX вв. претерпело существенные изменения. Уменьшилась добыча зверей и рыб в результате сокращения численности их поголовья. Статистические и архивные документы отмечают упадок промыслов по сравнению с предыдущими годами. Основными причинами этого явления являются факторы социально-экономического характера: хищнические методы охоты в широких масштабах и количествах для сбыта продукции на рынок и

получения большего дохода, вырубки лесов и загрязнение водоемов, разрушавших территории обитания промысловых животных, строительство Сибирской железной дороги, расчистки, палы леса и т. д. [3, с. 40].

Отрицательная трансформация экологических методов природопользования начала широко распространяться с начала XX в., когда добыча животных приобрела торгово-промышленный характер.

Переселенческая модель охотничьего промысла

Русские, украинские и, в меньшей мере, белорусские крестьяне, переселившиеся в разное время в таежную Сибирь, быстро усвоили, что земледелие здесь малопродуктивно или рискованно. Они переняли у местного населения навыки добычи пушнины и копытных или ценного лекарственного сырья (панты, каборжиная струя, медвежья желчь и т. п.), которые приносили гораздо более высокий и устойчивый доход. Уже через несколько лет после переселения крестьянская молодежь превращалась в квалифицированных промысловиков, но не теряла и связи с полеводством.

Захватив лучшие охотничьи угодья этого края, переселенцы закрепили их за собой и «законодательским» путем. Особенно больших успехов в охотничьем деле добились старообрядцы, которые, проникнув в регион, создали ряд русских поселений. Богатая ежегодная добыча «мягкой рухляди», и в первую очередь соболя, а также постоянный сбыт пушной продукции китайским и русским торговцам позволили русским окрепнуть материально и поставить свои хозяйства на высокую ступень экономического развития [62, с. 16].

Русские колонисты селились на территориях исконного проживания аборигенных этносов. Не только русская культура в результате взаимодействий внедрялась в сознание коренных жителей края, но и русские брали и внедряли в свой быт то рациональное, что было присуще традиционным культурам аборигенов. Это относится прежде всего к орудиям рыболовных и охотничьих промыслов, к одежде, приспособленной к определенным климатическим условиям, к пище, характерной для того или иного региона Сибири. Русских охотников эвенки научили ходить в унтах, мастерить чехлы для ружья и ходить на камусных лыжах в лес. У эвенков русские переняли привычку ходить на охоту с понягой – деревянной дощечкой с лямками, на которую вешали утварь и мелкую добычу, например белку.

В зависимости от сфер контактирования культура русских переселенцев вбирала в себя отдельные разнородные элементы, синтезировала их в единое целое и в дальнейшем, видимо, складывалась подобно культуре русского населения Приангарья: «укреплялись отдельные традиционные черты и под влиянием местных условий вырабатывались новые особенности, они дополняли традиционные и сочетались с ними различным образом» [65; 70, с. 16].

Основу этих типов хозяйствования составляло посемейное прикрепление угодий. На участках, принадлежащих семьям, строилось необходимое число зимовий и система линий стационарных ловушек на пушных зверей. Эти ловушки делались из леса, служили подолгу. Изготовление их было делом трудоемким, перед началом сезона охоты их ремонтировали.

В сложившихся промысловых общинах, так же как и у аборигенов, имелись неписаные, но обычно строго соблюдаемые ограничения на охоту (например, запрет отстрела самок копытных и т. п.), имелись и «заповедные места», где охота запрещалась. У туземного населения эти запреты были связаны с древними религиозными традициями, а у русских они принимались из рациональных соображений чаще всего решением сельского схода. Естественно, у первых эти традиции были сильнее.

В условиях таежных морозов, чаще всего на лыжах, охотник ежедневно обходил линии ловушек, причем непогода нередко заставляла его ночевать в тайге. После сильных снегопадов чаще всего приходилось очищать ловушки от снега. При встрече следа соболя начиналось преследование, длившееся часто по нескольку суток, когда охотник ночевал в тайге у костра.

Важную роль в хозяйстве играла собака, за хорошую давали высокую цену. Но отношение к ней было по-крестьянски потребительским – собаку хорошо кормили в период промысла, но летом на нее практически не обращали внимания. Основным транспортным животным у русских была вьючная лошадь, летом широко использовались (где это возможно) лодки [65].

В Иркутской губернии охота велась одиночно или артелями по 3–10 чел., иногда до 20 чел. Чем дальше находилось место пушного промысла, тем больше была артель [6, с. 207]. Поскольку пушной промысел требовал знаний природных условий и географических особенностей каждой конкретной местности, то и

свое наибольшее распространение он получил у местного старожильческого населения.

Количество охотников и места их проживания

Степень распространения охоты в разнотипной экологической среде была неодинаковой. Охота была более развита в таежной зоне, здесь существовали разные ее направления, в основном пушное. Степная охота была более трудной, объектами ее становились степная лиса, волк, тарбаган и т. п. Обычно в этом ландшафте охота была менее развита, и охотничья добыча составляла небольшой дополнительный источник дохода. В Иркутской губернии эвенки (тунгусы) рассеянно проживали на территориях четырех из пяти округов – Киренского, Верхоленского, Иркутского и Балаганского. Тофы (карагасы) проживали компактно на юго-западе губернии, на территории Нижнеудинского округа (уезда). Они кочевали на площади около 120 тыс. кв. верст, доходя иногда до Тункинского края. Их численность в 1888 г. составляла 431 чел. Проживание в условиях высокогорной тайги обусловило их ориентацию на охотничий промысел и оленеводство. Олени в основном использовались в качестве транспортного средства, обслуживающего охотничий промысел. К началу 1890-х гг. у тофов появились лошади, также использовавшиеся при перекочевках на охоте [39, с. 137; 42, с. 180].

Бурят, главным источником существования которых являлись рыболовство и охота, перепись 1897 г. зарегистрировала только 1645 душ обоего пола, в том числе 1563 человека в Иркутской губернии и 82 – в Забайкальской области. Число бурят, причастных вообще к этим двум промыслам, являлось, несомненно, большим.

В Иркутской губернии охотничий промысел имел бóльшее распространение, чем в Забайкальской области, и здесь буряты больше занимались этим промыслом, чем русские. В 1887–89 гг., например, в трех уездах Иркутской губернии – Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском – было причастно к охоте и звероловству 1909 бурятских хозяйств и 2139 лиц. Охотничьим промыслом в этих уездах занималась почти десятая часть всех мужчин-бурят рабочего возраста, а из числа мужчин, занимавшихся вообще неземледельческими промыслами, свыше половины таковых (54 %). Наибольшее распространение охотничий промысел имел здесь в указанные годы в ведомстве Нижнеудинской землицы, а затем в

Тункинском, Балаганском и Аларском ведомствах, т. е. на территориях, близко соприкасавшихся с зверопромышленными районами трех южных уездов губернии. В конце XIX в. охотой была занята треть промыслового населения Нижнеудинского округа, отличающегося обилием водных ресурсов и лесных массивов.

В Верхоленском уезде охотничьи районы располагались по обоим склонам Байкальского хребта, в вершинах рек Лены, Анги, Куленги, Илги и др. Здесь охотою и зверопромышленностью в значительных размерах занимались буряты Агинского, Верхнекудинского и Хоготовского ведомств, где эти промыслы привлекали более 4/5 всех лиц, занятых неземледельческими промыслами. Сравнительно много охотников было и у бурят Кланцинского и Кутульского ведомств [44, с. 219; 59, с. 57, 149].

Наиболее высокий процент занимавшихся промыслами бурятских хозяйств был в Нижнеудинской землице – 96,5 %, в Тункинском ведомстве – 56 %, Китойском – 43 %, Аларском – 33,4 %, а также свыше 25 % – в Кудинском, Балаганском и Молькинском ведомствах. Из них процент занимавшихся охотой и рыболовством наиболее высок у нижнеудинских – 69 %, тункинских – 40,6 %, китойских – 17,4 % бурят, т. е. в тех местностях, которые по природно-климатическим условиям наиболее подходили для занятий этими промыслами в связи с наличием охотничьих угодий.

Значение охоты в отдельных ведомствах определялось также степенью развития производящих видов хозяйства – интенсивного скотоводства и земледелия, что следует из архивных документов. В частности, в отчете Верхоленской степной думы за 1888 г. сообщается, что в ведомстве насчитывается до 219 охотников. У кутульцев и еланцинцев охота на нерпу составляла половину дохода от всей добычи, а рыболовство являлось одним из основных занятий, т. е. доля промыслов в ведомстве была достаточно велика [3, с. 34; 19, л. 36].

Окинские буряты Иркутского уезда охотились в вершинах рек Урик, Китой, Холба, Ока и Хойток, часто в 4–8 днях хода от места проживанья. За пушным зверем охотились преимущественно зимою, с октября по январь включительно, а за изюбрем и сохатым – летом, приблизительно с 10 мая по 20 июля, и в сентябре. Голоустинские буряты Иркутского уезда охотились по хребту Онот и рекам Голоустная и Кочергат.

Агинцы и хоринцы занимались охотой мало ввиду отсутствия благоприятных природных условий для промыслов. Тем не менее в архивных документах встречаются сообщения о продаже охотничьей добычи. Например, за 1886 г. агинские буряты продали на ярмарке: шкур белки – 1919, лисы – 97, волков – 50, хорьков – 100, корсаков – 150, соболей – 25, тарбаганов – 1000 штук [20, л. 143; 59, с. 118].

В Иркутской губернии охотой на пушных зверей более всего занимались в Киренском, Верхоленском и Иркутском уездах. Главным предметом промысла была белка; промышляли также соболей, лисиц, зайцев, хорей, горностаев, рысей, росомах, волков, выдр, медведей.

Для туземцев Тункинского края звериный промысел являлся средством к существованию, особенно там, где земледелие было плохо развито или неразвито в силу климатических и почвенных условий. Население жило, главным образом, пушным промыслом и добычей орехов, поэтому сбыт пушнины имел для населения существенное значение. Охотников насчитывалось более 2 тыс. человек. В Забайкальской области в 1897 г. было причастно к звероловству и охоте до 1754 хозяйств, или 6,7 % всех наличных хозяйств бурятских ведомств и управ этой области. Таким образом, охотничий промысел здесь у бурят был более распространен, чем рыболовство. Из этого числа исключительно охотничьим промыслом занималось 931 хозяйство, а 823 хозяйства соединяли его с другими подсобными промыслами. Наибольшее распространение здесь имела зверопромышленность у бурят и обурятившихся тунгусов Армакской и Закаменской волостей Селенгинского уезда, промышляющих зверя по верховьям рек Джида и Темник и в местностях к югу от Байкала. Среди этих бурят в 1897 г. до 40 % наличных хозяйств занимались охотою и звероловством, причем для некоторых хозяйств охотничий промысел имел первенствующее значение [15, л. 36; 59, с. 149].

По данным материалов комиссии Куломзина, в 1897 г. в Забайкальской области в Закаменской инородной управе охотой занимались 47,2 %, в Армакской инородной управе – 42,6 %, в Акшинском округе – 53,2 % хозяйств. В Баргузинском ведомстве из 2364 хозяйств охотой занимались 162 хозяйства, в Хоринском из 9803 – 573, в Агинском из 5593 – 19, в Закаменской инородной управе из 1537 – 724, в Селенгинском из 5969 – 192 хозяйства. Всего

из 35 656 бурятских хозяйств охотой занимались 2425. В Баргузинском округе охотой занимались в основном тунгусы, которые охотились на северо-восточном берегу Байкала, где добывали лучших соболей. В Цакирской станице Троицкосавского округа 36,1 % хозяйств были охотничьими [7, с. 96, 413].

В Забайкалье в начале XX в. охотничьим промыслом занимались 650 эвенков (21,7 % кочевого населения), 1000 казаков (5,6 % общего числа), 1400 бурят (1,4 % всего населения) и 1800 тунгусов (5,1 % населения) [51].

В 1902 г. в Иркутской губернии насчитывалось 9500 охотников, а их заработок составил 177 тыс. руб., в следующем 1903 г. охотой занимались 14 000 человек, но, несмотря на увеличение количества промысловиков, заработок их составил 157 тыс. руб. К 1913 г. в Иркутской губернии охота являлась главным занятием для 14 тыс. чел., а у 78 % тунгусов этот промысел был преобладающим. Для некоторых местностей Киренского района (р. Тунгуска) пушной промысел являлся единственным занятием населения (у 73 %), для некоторых других он имел значение подсобного [37, с. 37; 63].

Снаряжение туземных охотников

Согласно результатам исследований С. Жамбаловой, охотничье снаряжение у бурят включало в себя лук, стрелы, копье, плеть, нож, ружье, самострелы, петли, кулемку и кулем, пасть, плашки, манок-свисток на изюбра и манок-свисток для косули и кабарги. Хотя традиционным оружием бурятских охотников были лук и стрелы, некоторые снаряжения для верховой езды и для разведения скота также использовались во время охоты в степной зоне. Например, палка 2–2,5 м в длину изготавливалась из сухой березы, иногда использовалась береза с комлем на конце. Плеть и специальная палка применялись для загонной охоты на волка и лису. Их было удобно использовать в облавных и загонных типах охоты верхом на лошадях [26, с. 110; 38, с. 89].

Тункинские буряты в дореволюционное время приобретали принадлежности для охоты коллективно. Каждый род или улус до наступления охотничьего сезона составлял список необходимых для охоты предметов, главным образом пороха, для приобретения их в иркутском казенном артиллерийском складе. Просимые предметы склад отпускал в кредит до реализации продук-

тов охоты. Затем обязанности по снабжению сельского населения порохом перешли к губернским кооперативным учреждениям.

Повсеместно орудиями промысла у бурят, как и вообще у местного населения, служили ружье (кремневка, иногда берданка), а затем разного рода снаряды и ловушки, приспособленные к местным условиям и к роду того зверя, которого промышляли [59, с. 149].

Ружья у саянских охотников встречались самые разнообразные, но преобладали шомпольные одноствольные дробовики, от 12 до 24 калибров, тульской и ижевской работы. Изредка попадались шомпольные двустволки и дробовые патронные берданки, а еще реже – патронные двустволки. Боеприпасы охотники покупали у местных торговцев, выбор у которых часто был ограниченным. Так, для некоторых ружей не всегда можно было купить гильзы и пистоны или дробь мелких номеров. Некоторые охотники имели шомпольные дробовики и винтовки, переделанные из старинных китайских и русских кремневых и фитильных ружей. В качестве холодного оружия на охоте применялись ножи, переделанные самими охотниками из кухонных ножей [63].

Накануне Первой мировой войны в Баргузинском округе охотники предпочитали промышлять пушных зверей с четырехлинейными берданками и дробовиками центрального боя с затвором Бердана калибров 32, 28, 20, в то время как ранее охотились с шомпольными малокалиберными пистонными винтовками и шомпольными одноствольными дробовиками.

Оснащенность охотников Забайкальской области орудиями промысла в начале XX в. была высокой, у них имелось до 25 тыс. ружей, а ежегодный расход пороха составлял более 720 пудов (11,52 т) [51].

Виды и формы охоты

Кроме традиционных пеших видов охоты у эвенков существовала также конная охота и охота верхом на оленях, использовался и гон зверя на лыжах. Таким способом велась охота на лося и дикого оленя, требовавшая большой выносливости и сноровки. Зачастую преследовать зверя приходилось не одни сутки на длинных нешироких лыжах, подбитых камусом или с меховыми чехлами. По насту охотник преследовал зверя на лыжах-голицах, а чтобы они не скользили, к ним пришивали костяные пластины [64].

Хотя основными производительными видами деятельности бурят были животноводство и сельское хозяйство, они активно

участвовали в облавной коллективной или индивидуальной формах охоты. С древнейших времен на этнической территории бурят развивались два вида охоты – активная, предусматривающая преследование и добычу зверя при помощи орудий, и пассивная – добыча животных с использованием ловушек.

Целевая дифференциация охоты раскрывала различные стороны этого занятия, характер, направленность, указывала на ее роль в общей системе материального производства бурят. Виды, формы, способы и приемы охотничьего промысла отражали наиболее характерные, исторически устойчивые элементы, выработанные в результате длительного хозяйственного освоения среды обитания. Они были производными существования бурят в двух экологических зонах – лесу и степи: лесная – больше в Предбайкалье, степная – в Забайкалье. Это обусловило различие методов и приемов, а также видов и форм промысла.

Как пишет С. Г. Жамбалова, охота верхом предоставляла дополнительные преимущества через использование иных способов и методов. Буряты степной зоны добывали зверей на открытых пространствах, поэтому здесь была развита коллективная охота. Коллективная охота велась двумя способами – облавой и загоном, различавшимися принципами организации, структурой и количеством охотников. В первом случае в организации охоты принципиальным было образование охотниками круга с целью окружить зверя, а затем сузить круг до требуемого размера. При загонной охоте, напротив, участники охоты (обычно 15–20 чел.) делились на группы стрелков и загонщиков, из которых первых было большинство. Стрелки занимали заранее оговоренные позиции, а загонщики создавали шум и гнали зверей в направлении стрелков. Индивидуальная охота носила мясо-пушной характер, была представлена смешением активной и пассивной форм, преимущественно была распространена в Предбайкалье и в таежных местах Забайкалья [25, с. 93; 26, с. 109].

Пассивная форма охоты (заманивание зверя в ловушку) превосходила активную по безопасности охотника и, в некоторых случаях, по качеству добычи. В частности, в охоте на пушных зверей этот тип охоты считался более продуктивным и эффективным, потому что оставлял меньше повреждений на драгоценном меху. Некоторые искусные охотники, которые могли поймать много соболей, сохранив мех в высоком качестве в течение сезона,

получали высокую оценку и репутацию в обществе. В то время как активная охота требует от охотника больших физических усилий и превосходного оружия, чтобы метко выстрелить в зверя, пассивная охота требует от него больше знаний о характере зверя, его привычках, чтобы предугадать его действия [38, с. 64, 93].

Охота у бурят дифференцировалась также на охоту на мясного зверя, добычу пушнины, промысел морского зверя (нерпа), получение лекарственного сырья животного происхождения. Охота на мясного зверя имела целью добычу продуктов питания и шкур крупных зверей для домашнего производства. В большей степени она была развита в лесотаежной зоне. Основной ассортимент пушной охоты (белка, соболь, горностай, хорек) менялся, что происходило из-за исчезновения в некоторых районах соболя.

В традиционном хозяйстве существовала естественная специализация охоты, и ее формы, в том числе смешение активной и пассивной форм, оказались наиболее приспособленными для успешного сбалансированного эксплуатирования человеком окружающей среды. Кажущаяся архаичность способов и приемов обеспечивала экологическое равновесие в природе. Для успешной охоты необходимо было знать образ жизни, повадки животных, места лежбищ, водопоев, звериные тропы. Способы и приемы добычи зависели от вида животных, сезона, индивидуальных особенностей охотника. Так, при охоте на изюбря летом больше охотились скрадом или устраивали засады на солонцах, а осенью, во время брачного периода, самцов подзывали при помощи специальных манков, зимой преследовали по снежному насту [3, с. 36].

Наиболее распространенным являлся промысел белки. Из других пушных зверей добывались хорек, соболь, горностай, лисица, рысь и росомаха. Охотились также за козами, лосем, изюбрем (маралом), кабаргою и медведем [59, с. 150].

Способы охоты

Собаки у тофаларов относились к породе восточносибирских лаек. По собственной специализации они делились на зверовых, соболятниц и собак по белке. Из-за такой узкой специализации тофалары обязаны были держать много собак. Зато они могли добывать на промысле в осеннее и зимнее время не только белок и соболей, но и медведей, изюбров, сохатых, кабаргу. Кормили собак в основном болтушкой из ржаной муки, специально привозимой в места промысла.

Собака обеспечивала результат промысла, поэтому хороших собак высоко ценили и не продавали. Карагасские собаки жили в тесном общении с человеком. Они бегали по двору, свободно заходили в чум и ложились там, где им захочется, для них не было запретов. Щенки были лучшими друзьями детей. Учили собак промышлять обычно на втором году жизни. Но учили преимущественно белковать, так как юная собака, увидев белку, просто сидела и глядела на нее. Охотник убивал белку, здесь же обдирал и давал собаке тушку, чтобы та ощутила вкус беличьего мяса, которым ее будут кормить на промысле. Обнаружив и съев вторую и третью белку, собака обычно понимала, что от нее желает хозяин, и позже, обнаружив белку, начинала ее облаивать. С этого момента считалось, что обучение собаки состоялось. Когда находили след соболя, то молодую собаку науськивали на этот след. Если она по природе соболятница, то сразу шла по этому следу, игнорируя беличьи следы. Такая собака оставалась на всю жизнь только соболятницей. Бывали собаки, отлично работавшие как по белке, так и по соболю. Такую собаку очень ценили. Но чаще собака не признавала соболиного либо другого следа и оставалась только бельчатницей. С такими собаками высылали на беличий промысел подростков для обучения [56, с. 107].

Основными охотничьими орудиями эвенков были сложный и простой луки, самострелы, кулемы, черканы и плашки, также использовалась сеть. Принцип действия у всех черканов одинаков. В различных промысловых районах они отличались лишь формой давящего приспособления и деталями насторожки. В деревянной рамке по направляющим прорезям передвигались сверху вниз Т-образный давящий стержень под действием силы натянутого лука или стальной многовитковой цилиндрической пружины. Сторожок с насторожкой взаимодействовали при помощи веревочной тяги. Лук – основная деталь в черкане. От его упругости зависит надежность работы самолова. Лук делали из хорошо высушенной древесины бересклета, жимолости или из мелкослойного ствола лиственницы. Из кедра или ели получались более слабые луки. Деревянный лук иногда заменяли стальным прутом, иногда не одним толстым, а несколькими тонкими, связанными вместе. Тетиву делали веревочной, а иногда из сухожилий копытных животных.

Тофалары не использовали самоловы типа черканов. В их традиции также не было ловчих ям, но они широко пользовались

разными петлями для добывания маленьких животных и птиц. Нередко тофы использовали разные ловушки, плашки там, где невозможно было охотиться даже пешком. В таких недоступных местах, в особенности если они изобиловали пушными животными либо кабаргой, непременно устанавливали плашки. При этом их ставили летом, чтоб, во-первых, выветрился человечий запах, а во-вторых, чтоб животные привыкли к этим плашкам, будто бы они часть обычного элемента этого места. Осенью и зимой эти плашки настораживали с приманкой и ловили зверьков [56, с. 106].

Ловушки бурятских охотников можно разделить на пять видов в зависимости от механизма захвата зверя: ямы-ловушки, западни, силки-петли, капканы и самострелы. Зверь попадал в глубокую яму-ловушку, и во многих случаях охотники устанавливали несколько деревянных палок на дне, чтобы ограничить движение животного и не позволить ему выбраться из ямы. Охотники использовали такой тип ловушек для добычи крупного зверя, таких как лось и олень. Ловушка в виде клетки или коробки использовалась для поимки зверей тем же способом, т. е., предназначалась для ограничения движения добычи, попавшей в маленькое пространство. Механизм поимки зверя с помощью западни заключался в сдавливании туши зверя или удара по голове или шее тяжелыми предметами. Такой же механизм срабатывания был в других ловушках – кулеме и кулемке, пасти, плашки.

В лесной зоне бурятские охотники устанавливали на звериных тропах и в других узких местах различные ловушки: ловчие ямы, петли, самострелы, ловушки-западни, засеки и плашки для соболя. Яма-ловушка изготавливалась до 2 м в глубину и до 1,5 м – в диаметре. Сверху, вокруг отверстия ямы так, чтобы ее края не осыпались, охотники устанавливали деревянную рамку. Яма была покрыта ветками, листьями и снегом.

Охота с помощью установленных ограждений или засек также была популярна среди бурят. Для добычи лося, изюбря и косули они строили засеки в 200–300 м длиной на звериных тропах и оставляли лазейки для зверей, проходя которые, звери попадали в установленные капканы, ямы или самострелы; для кабарги устанавливали петли.

Западня-ловушка представляет собой в основном конструкцию, состоящую из тяжелого бревна (ствол или ветка дерева), которое висело над или поддерживалось специальным устройством,

срабатывающим от легкого прикосновения зверя. Во многих случаях это может убить дикое животное одним тяжелым ударом и почти без повреждений. Поэтому ловушки этого типа часто используются во время охоты на пушных зверей. Не было для охотников необходимости готовить специальные материалы для сооружения таких ловушек, поскольку они могли быть сконструированы из того, что имелось в окружающей местности.

Петли или силки также были широко распространенными ловушками. Петли и силки использовались при охоте на многих зверей от небольших пушных – горностаи и белки, до крупных млекопитающих – лоси и изюбры, рыси. Они изготавливались из разнообразных материалов, но конский волос из лошадиного хвоста был лучшим материалом для изготовления силков [26, с. 108; 38, с. 44].

Низкая цена шкурок белок объяснялась и небольшими затратами на их добычу. Во многих районах ни о каких охотниках, для сохранения шкурки бьющих белку прямо в глаз, до революции не слыхивали. Идеи тратить порох на белок крестьянину в голову не приходило. С октября до середины ноября таежные крестьяне расставляли метрах в ста одна от другой до тысячи плашек, представлявших собой две скрепленные доски с рыбой-приманкой, между которыми устанавливалась палка. Белка задевала палку, и доска прибивала ее. Один раз в неделю охотник выходил на сбор «урожая». Выше всего ценилась восточносибирская, темная белка. В Нерчинском крае добывали особую белку – с голубовато-темным мехом. В отчетах о ярмарочной торговле встречается до 15 наименований этого зверя (по месту промысла) [72].

На кабаргу, оленя, медведя летом эвенки охотились при помощи деревянного или берестяного манка, издававшего звуки, похожие на рев зверя. Подманив его, охотник стрелял из ружья. Осенью, когда начинался брачный сезон у изюбря, бурятские охотники использовали длинный свисток для имитации рева. Свист охотника олень воспринимал за «рев» другого соперника и приближался к месту, где предполагал бороться с ним. В это время охотник, ожидавший оленя в засаде, стрелял в свою жертву.

Охота эвенков скрадом предполагала приманивание диких оленей с помощью домашнего. Охотник подкарауливал зверя в засаде и стрелял из лука или ружья. Отдельные группы эвенков для охоты на диких оленей использовали домашнего оленя-«манщика», на рога которого надевали аркан и на длинном по-

воде отпускали в табун диких оленей. Во время возникшей драки с чужаком рога самцов сцеплялись, и тогда охотники убивали зверя [9, с. 80; 26, с. 111; 64]. Эвенки также охотились на лося и изюбря с помощью выслеживания, подползаний, а также – подкарауливания у водопоя, у переправы.

Бурятские охотники во время охоты на изюбря приманивали его солью, посыпанной на поваленное дерево. Когда олень подходил полакомиться солью, охотник, ждавший его на лабазе, построенном рядом с приманкой, стрелял в него [9, с. 80].

Эвенки также охотились гоном с собакой, загоном в ямы. Но особенно распространена была загонно-облавная охота у бурят. Описывая облавную охоту у хоринских бурят, И. Вамбацыренов [5] отмечал, что она была для родоначальников и почетных богачей забавой, в то же время для простонародной массы составляла важное средство жизнеобеспечения; мясо добытых на облаве зверей употреблялось в пищу, дорогие меха шли на уплату ясака, а из добротных шкур изготовляли предметы домашнего обихода и одежду.

Коллективная облавная охота бурят является значимым памятником традиционной культуры. Она была тесно связана с общественными институтами, военным делом, общим развитием бурятской мифологии. К. В. Вяткина приводит пример облавной охоты у хори-бурят. Охота обычно организовывалась в зимний период, в декабре или январе, и продолжалась в течение 1,5–2 месяцев. За один раз собиралось для участия в ней до тысячи человек. Охотники сооружали несколько лагерей. Все охотники были разделены на две группы – так называемых шарагалзутов и нагатайцев, а в каждой охотничьей группе выбирались лидеры. Самые главные лидеры («тубучи») давали инструкцию охотникам, откуда и как начать охоту и где заканчивать охотничий круг. Другие лидеры-проводники («газарчи») указывали позиции на местности, где должны были находиться стрелки во время охоты. Когда звери, в том числе волки, лисы, лоси и медведи, выбегали из леса в местность, окруженную охотниками, последние, пришпорив лошадей, начинали охоту. Охотники имели право преследовать зверей до следующего стрелка. Когда происходил конфликт между участниками, по правилам охоты специальные лица, «засагулу», выступали посредниками в его разрешении. Когда охота была завершена, крупная добыча поровну распределялась между членами одного лагеря [9, с. 77].

Коллективная облавная охота наносила огромный урон поголовью копытных. Весной, в годы глубокоснежья и настов, косуль массами загоняли до изнеможения и били палками [69]. Н. В. Кириллов писал, что в Забайкалье на косуль охотятся круглый год [36].

Русские, освоив Сибирь, переняли и местные способы добычи диких животных. Остались достоверные сведения об истребительных бойнях по насту, когда в XIX в. «резать коз» и все остальное выходили деревнями, добычей становились сотни и тысячи голов копытных, после чего угодья пустели на годы и десятилетия. В результате этой варварской охоты население наиболее освоенной примагистральной части Сибири получило возможность оценить последствия своих действий и сделать выводы.

В XX в. массовые бойни по насту в регионе прекратились, а тех, кто весной ходил в тайгу за мясом, общественное мнение осуждало. Но – только на юге Сибири. В малозаселенной глубинке традиция охоты по насту держалась дольше. Но и там эта резня традиционно ограничивалась сроками не более 1-2 дней за весну. Добывали по 2-3 косули на каждую семью, затем собак вновь сажали на цепи и косуль, зимующих у поселка, не беспокоили [65].

С ружьями тофалары познакомились после вхождения их края в состав Российской империи. Казна снабжала их порохом и свинцом. До революции у них были различные ружья: шомпольные пистонные, шомпольные кремневые и современные винтовки, охотничьи дробовики. Бурятские охотники до начала XX в. использовали кремневые ружья с подставкой-сошкой, которая придавала устойчивость при прицеливании [26, с. 111; 56, с. 106].

Организация охотничьего промысла

Первый период развития охотопользования в Байкальском регионе – «ясачно-истощительный» – начался с приходом сюда, по царскому указу, енисейских казаков. Он продолжался с 1628 по 1897 г. В его рамках велось активное строительство острогов, которые, по существу, были государственными пунктами по заготовке пушнины. Пушнина стала важным товаром русского сбыта в Китай. Приграничное местоположение региона способствовало развитию торговли с соседними странами Востока.

С 1898 г. начался второй период охотопользования – «скрыто-истощительный», в котором выделяют два этапа: царско-революционный (до 1920 г.) и советский (1920–1935 гг.). Кризис-

ное состояние охотничьих ресурсов в этот период вызвало активизацию зоологов, охотников и мыслящих государственных чиновников. Отличительными чертами периода являлось принятие ряда законодательных актов по рационализации охотопользования, более активное решение государственной властью проблем сохранения охотничьих ресурсов, начало широкой подготовки научных и производственных охотоведческих кадров, формирование основ научного охотоведения, охотоустройство и закрепление охотничьих угодий за конкретными пользователями, развитие охотничьей кооперации, акклиматизация и реакклиматизация охотничьих животных [32].

Сокращение численности промыслового зверя снизило и интенсивность производственного процесса, фактическую выработку и число охотников. Одновременно с уменьшением их числа сократились сроки охоты, упало значение некоторых способов промысла диких зверей, ухудшилось оснащение транспортными средствами. Результатом всего этого стало неравномерное освоение охотничьих угодий и уменьшение интенсивности охотничьего хозяйства. Охота проводилась главным образом в близлежащих участках тайги с интенсивным использованием поголовья охотничьих животных, отдельные же участки тайги осваивались чрезвычайно слабо [62, с. 13].

По данным Саянской экспедиции, работавшей в 1914–1916 гг. под руководством Д. К. Соловьева, охотничий промысел в Саянах давал дохода от 1 млн до 1,5 млн руб. в год, в том числе пушной – от 600 тыс. до 800 тыс. руб., только соболиный – от 300 тыс. до 400 тыс. руб. Охотники, участвовавшие в промысле, постоянно были заняты им (в среднем от 75 до 210 дней в год), в том числе русские – от 75 до 100 дней, оседлые охотники других национальностей – от 90 до 120 дней и кочевники – от 2–10 до 165 дней. Те, кто выходил на охоту нерегулярно, были заняты промыслом от 45 до 90 дней в году. Осенний промысел в Саянах начинался с 15 сентября –1 октября и продолжался до 15 ноября, зимний – с начала декабря по 15 февраля – 1 марта. Некоторые охотники участвовали в летнем промысле на маралов.

На промысел обычно выходили артелями в количестве 3–7, а иногда 10 охотников. При охоте на соболя артели увеличивались, причем охотники иногда не брали с собой в тайгу ружей, широко применяя капканы, обметы и кулемы. Некоторые охотники ухо-

дили в тайгу на длительное время и на дальние расстояния. Например, саянские охотники добирались до охотничьих угодий в тайге, используя различные средства передвижения. Осенью, до установления санного пути, они плыли на лодках или ехали верхом на лошадях, ведя на поводу вьючных коней. После выпадения снега охотники становились на лыжи, впрягаясь одновременно в нарты, нагруженные продовольствием и капканами, или впрягали в сани-розвальни лошадей. Иногда передвигались на оленях. В отдельных случаях саянцы ходили на охоту пешком. Постоянные охотничьи угодья находились обычно от места жительства саянских промышленников на расстоянии от 30 до 300 км и изредка до 400–500 км.

В тайге охотники сооружали в сухом, укрытом месте, поблизости от речки, зимовье из бревен размером примерно 2,5 на 4 м. Для утепления щели конопатили мохом, а чердак засыпали слоем земли. Избушка строилась с дверью и 1-2 небольшими окнами. Вдоль стен сколачивались нары, используемые для отдыха, а между ними ставился столик. На стенах прибивались полки и крючки для личных вещей охотников. В зимовье устанавливалась железная печка или складывалась плита из глины. Продовольствие хранилось в сарайчике, построенном на высоких деревянных сваях, чтобы звери не растащили продукты. Иногда охотники жили в юртах или палатках.

Охотники, уходя в тайгу на 2 месяца, брали с собой на каждого человека ружье, 1-2 собаки, капканы, топор, 800–1200 г пороху, 4–5 кг дроби, 1-2 коробки пистонов, запасную одежду и шапку, подметки для обуви, полотенце и мыло, а из продуктов – около 50 кг сухарей, полкирпича чая, 1-2 кг сахара, 4–8 кг крупы, 800–1200 г соли, 2 кг масла сливочного, 1-2 пачки спичек, 1200–1600 г табака и 1-2 бутылки спирта; для первых дней брали также по 4–6 кг мяса.

Капканами различных размеров ловили соболей, выдр, медведей, зайцев, колонков, горностаев и белок. Наряду с капканами саянские охотники для ловли зверей использовали кулемы и плашки, а для соболей – обметы, изготовленные из льняных, пеньковых или хлопчатобумажных ниток. Ямы для добычи зверей в Саянском районе не делали, считая, что для их приготовления требуется слишком много труда [63].

Туземцами Тункинского края ежегодно добывалось примерно: соболей – 800 шт. по 40 руб., белок – 100 тыс. шт. по 30 коп.,

хорьков – 1500 шт. по 1 руб., горностаев – 1 тыс. шт. по 1 руб. 50 коп., рыси – 30 шт. по 20 руб., лисиц – 150 шт. по 12 руб., волков – 300 шт. по 5 руб., изюбриных рогов – 250 шт. по 40 руб. Зверь промышлялся преимущественно, за исключением изюбря, осенью и зимой, начиная с 1 октября и кончая в феврале. Изюбрей добывали весною, в апреле-мае. Соболя ловили «кулемками», били из ружья, капканами, во время случки, когда он начинал «тропить», т. е. гоняться за самками. Белку били из ружей, горностаев и хорьков ловили ловушками [15, л. 2–4].

Баргузинские охотники-соболятники обычно уходили в тайгу на пять месяцев (с октября по март). Каждый соболятник брал с собой более 150 кг печеного хлеба и сухарей, немного соли, чая, сахара, муки, мяса и других продуктов.

В 1914 г. в Баргузинском уезде насчитывалось 30 684 жителя, в том числе 15 530 мужчин, многие из которых были охотниками. Но не все баргузинские охотники имели от пушного промысла достаточный для существования заработок. Так, 215 промышленников Читканской волости получили в 1912 г. от продажи охотничьей добычи 14 791 руб., или в среднем по 68 руб. 79 коп. на человека (низший заработок 10 руб., высший – 127 руб. 77 коп.). 72 охотника-тунгуса Бодонского сельского общества заработали в 1912 г. на охотничьем промысле 3170 руб., или по 44 руб. 02 коп. на человека (низший – 28 руб. 50 коп, высший – 84 руб. 28 коп.). 239 охотников-бурят Баргузино-бурятской волости получили в 1912 г. от охоты 7776 руб., или по 32 руб. 53 коп. на человека (низший заработок 11 руб., высший – 65 руб.) [63].

Пушной промысел

Пушной промысел являлся традиционным занятием местного населения Байкальской Сибири. Обилие леса и в особенности кедровника на территории региона делало его наиболее распространенным. Объектами охотников в первую очередь становились белка, которая исчислялась миллионами, соболь, заяц, горностай, хорек и др. В прибайкальских районах к этому списку присоединялась нерпа. Для некоторых местностей Киренского района (р. Тунгуска) пушной промысел являлся единственным занятием населения (у 73 %), а для других он имел значение подсобного [37, с. 37].

Новые социально-экономические процессы на рубеже XIX–XX вв. отразились на характере традиционной охоты бурят. Ве-

дущей в этот период стала пушная охота, так как сибирские меха не имели себе равных как на внутренних, так и внешних рынках [3, с. 36].

В конце XIX – начале XX в. в пушном промысле Сибири стало широко применяться огнестрельное оружие, стабилизировавшее результаты охоты и сделавшее ее более эффективной. В связи с активным переселением из Европейской России и дальнейшим земледельческим освоением Сибири районы добычи зверя все дальше смещались на север и северо-восток, увеличилась нагрузка на пушные ресурсы региона. В сочетании с усилением спроса на меха и ростом цен на них на мировом рынке это привело к сокращению добычи наиболее ценных видов меха (прежде всего соболя). Увеличилась добыча «невыходной» пушнины (молодых, незрелых особей), что поставило под угрозу воспроизводство пушного зверя [34].

Хищническая охота привела к сокращению запасов пушного зверя. Основной урон понесли популяции соболя – самого ценного в мире пушного зверя. Почти 100-процентный удельный вес в середине XVII в. упал через 200 лет до 11 %. Это вызвало повышение удельного веса добычи менее ценных зверей – белки, лисы, песца, популяции которых также сокращались из-за хищнических методов охоты. Увеличение добычи медведя и волка в середине XIX в. объясняется, вероятно, охотой на медведя из-за шкур и для лекарственных нужд. Уменьшение удельного веса других ценных зверей − горностая и речного бобра – с 10,3 % и 5,5 % в конце XVII в. до 3,9 % и 2 % соответственно в XIX в. также отражает рост промысловой охоты на этих животных и применение хищнических методов добычи.

Уменьшение количества пушного зверя, пользовавшегося огромным спросом, приводило к увеличению выбиваемой доли популяции. Туземные охотники – одни из главных промысловиков – были поставлены в кабальные условия. Цены на шкурки были непостоянными. Они занижались скупщиками в два раза ниже рыночной. Охотники покупали снаряжение за счет будущей добычи, пушнина при такой покупке оценивалась ниже настоящей стоимости. Скупщики обманывали и спаивали коренное население.

Из-за резкого снижения количества основных пушных зверей России – куницы и соболя – их добыча с 1896 по 1913 г. резко снизилась: соболя – со 100 до 35 тыс., куницы – с 80 до 30 тыс. [3, с. 37; 53].

К этому надо прибавить, что коренные жители Севера и Сибири потребляли для своих нужд несколько миллионов штук зверя, плюс, минуя русские рынки, через границу в Китай уходили соболиные, беличьи и заячьи шкуры, и наконец, из устьев Оби, Енисея и Лены бесконтрольно уходило в Америку неизвестное, но, несомненно, значительное количество пушнины.

И все же в начале XX в., как показала всемирная охотничья выставка в Вене в 1910 г., Сибирь являлась первой в мире по добыче пушнины. Согласно таблице, демонстрировавшейся на выставке, из 126 млн руб. мировой стоимости добытой пушнины 55 млн приходилось на Сибирь. По русским ценам сбор пушнины в Сибири оценивался до войны в 18–20 млн руб., по мировым – в 55 млн руб. [55]. Значительные объемы давала Байкальская Сибирь, в отдельные годы в Иркутской губернии добывалось 500–800 тыс. белок, 10–12 тыс. зайцев и много других пушных зверей. В Забайкалье кроме соболя добывались белка, колонок, горностай, в лесостепных и степных районах – лисица, корсак, тарбаган (монгольский сурок). Накануне Первой мировой войны здесь добывалось в среднем в год 300–400 тыс. белок, 5–6 тыс. лисиц (в 1910 г.– 1636 шт.), 1,5 тыс. волков, 18 тыс. тарбаганов, 0,5 тыс. медведей и некоторое количество соболей, горностаев и колонков [63].

В начале века охотничий промысел в Сибири значительно сократился. Так, судя по цифрам привоза на Ирбитскую ярмарку, количество добычи белки за 1901–1910 гг. убыло на 40 %, песца – с 64 тыс. до 40 тыс., лисицы – с 263 тыс. до 132 тыс. и т. д. Вывоз пушнины из четырех губерний – Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской, равный в 1913 г. 100 тыс. пудов, упал к 1916 г. до 17 тыс. пудов – более чем в шесть раз.

Пушному промыслу мешали частые лесные пожары, от которых часть пушных зверей гибла, остальные уходили прочь на далекие расстояния. Бороться с истреблением молодняка какими бы то ни было запретами не удавалось. Царское правительство запрещало бить соболей и переросших песцов, но из этих запретов ничего не выходило, потому что уследить за выполнением закона в безбрежной тайге не было никакой возможности [55].

Во время Первой мировой войны охотничий промысел упал из-за прекращения экспорта за границу и запрещения продажи огнестрельных припасов. В конце 1917 г. в Сибири за счет увеличения числа охотников, вернувшихся с войны, промысел незначительно оживился. Но уже в 1918 г. положение изменилось. Гражданская война и разруха коснулись самых отдаленных уголков региона. В связи с практикой изъятия у местного населения огнестрельного оружья и боеприпасов добыча пушнины в 1918–1919 гг. практически свелась к нулю.

Средняя величина популяции соболя в Сибири в начале XVII в. составляла 869 тыс., из них 722 тыс. были восточносибирскими. Без ущерба можно было добывать 261 тыс. шкурок, а добывали 341 тыс., т. е. на 30 % выше нормы [24, с. 78]. Из-за этого произошло резкое сокращение популяции зверя.

Соболя тофы добывали разными методами, исходя из обстановки и типа местности. Охоту начинали в октябре и охотились на него всю зимнюю пору, обычно до 1 марта. Охотились с собакой, которая искала соболя по следу и загоняла его на дерево. Охотник стрелял в него из ружья, стараясь попасть в голову, чтобы не испортить шкурку. Если соболь, убегая от собаки, скрывался в каменной россыпи, то охотник привязывал собаку за слабенький сухой сучок к дереву, а сам раскладывал в той щели, куда залез соболь, костер, а позже, когда ветки сгорали, насыпал на угли опавшей хвои, для дыма. Тогда охотник снимал свою куртку и махал ею над дымящим костром так, чтоб дым шел вовнутрь в расщелину. Соболь, не переносящий дыма, стремительно выскакивал из укрытия. Собака, увидев зверька, рвалась за ним, отламывая сучок, и догоняла соболя. Если она ловила зверька, охотник незамедлительно его отнимал. Когда она загоняла соболя на дерево, требовалось срочно стрелять, чтобы он не скрылся вновь. Если соболь залезал в дупло дерева, то дупло затыкали, а дерево срубали и выгоняли соболя дымом.

Сети для ловли соболей тофалары не применяли. В недоступных местах, где зимой не пройти, они делали ловушки, собранные из двух толстых жердей длиной более 2,5 м. Их клали на землю друг на друга, а с боков вбивали колья так, чтоб жерди не болтались. С боковой стороны около нижней жерди устраивали нечто наподобие будочки из кольев, которые вбивали в землю впритирку друг к другу, чтоб меж ними не было щелей, иначе соболь через эти щели вынимал приманку с боковой стороны.

Сверху это сооружение чем-либо плотно запиралось и придавливалось, чтобы соболь не вынул приманку. Ловушка устраивалась так, чтобы соболь, стремясь достать приманку в виде мяса глухаря, рябчика, жеребца, рыбы, лез за ней с боковой стороны через жердь. Поднятая верхняя жердь с одного конца подымалась и настораживалась особым сторожком, закрепленным веткой дерева. Когда соболь лез за приманкой, то он страгивал ветку, а сторожок в этот момент падал и высвобождал верхнюю жердь, которая его придавливала. Для тяжести на эту верхнюю жердь сверху поперек клали еще одну тяжелую жердь, чтоб пойманный соболь не вырвался [56, с. 109].

Саянские охотники больше всего времени уделяли добыче соболей, других зверей добывали попутно. Охота на соболей требовала большого терпения; часто за три и более недель охотник добывал только одного зверя.

Охота на соболя производилась с ружьем и капканами. Чтобы капканы не имели запахов, их кипятили в воде вместе с пихтовыми или кедровыми щепками и корой. Ставили капканы на соболей у нор под деревьями, у лаза под хворостом, под соболиной тропинкой, а во время спаривания на следу самки. Для приманки подкладывали рябчиков, зайцев и т. д. Осматривались капканы ежедневно, иначе хищники или мыши сгрызали соболей.

Съемку соболиных шкурок с тушек саянские охотники производили в тайге. После возвращения домой промышленники просматривали все шкурки, порванные искусно штопали или зашивали тонкой иглой, а затем мягчили с помощью волосяного кольца мездру и, наконец, правили на пялках. Для того чтобы волос был пышный, мездру во время правки мочили теплой водой. Правка соболиных шкурок у русских охотников была широкая (растянутая), у охотников других национальностей – узкая. Скупщики не любили шкурки узкой правки, отдавая их переделывать под широкую правку за плату в 50–70 коп. за шкурку.

Некоторые охотники, пытаясь сбыть шкурки соболей дороже, темнили мех путем дымления волоса. Дымление производилось над дымком горящей бересты или в банях с дымящимися печами, где шкурки вешали в стороне от печки. Изредка соболиные шкурки светлых оттенков затемнялись домашним способом при помощи свинца, свиного сала и йода. Но редким охотникам удавалось провести скупщиков, которые обычно протирали белоснежным платком все темные шкурки соболей и по грязным пятнам выявляли, дымленые или подкрашенные шкурки.

С уменьшением поголовья и добычи соболей в Саянах цены, по которым охотники продавали соболиные шкурки скупщикам, повышались. Средняя цена за шкурку саянских соболей составляла в 1903 г. около 15 руб., а в 1913 г. – 40 руб. Высшая цена, по которой продавались отдельные соболиные шкурки, составляла 200–300 руб., но таких попадалось 3–5 шт. на 5 000 шкурок. С 1908 по 1912 г. были проданы две отличных шкурки соболя за 300 руб. и 280 руб. Лучшие шкурки поступали из Канско-Нижнеудинского района; минусинские соболиные шкурки ценились на 15–20 % ниже их. Шкурки летние и поздневесенние иногда продавались только по 20 коп. за штуку; у таких шкурок ценился главным образом хвост [63].

У бурят пушное направление промысла было основным, а добыча соболя давала половину дохода. Соболь являлся одним из важнейших объектов охотничьего промысла Забайкалья, его добывали кулемами (деревянными самоловами), денгурами (луками-самострелами) и волосяными петлями. Русские промышленники привезли с собой не только огнестрельное оружие, но и новые способы лова соболей – обметами (сетями), ловушками, а позднее капканами. Интенсивный промысел сказался на численности соболя. В начале XX в. он сохранился единично в отдельных труднодоступных местах в верховьях рек Чикой и Ингода. В середине XIX в. по Чикою добывали до 2 тыс. соболей за сезон, к концу столетия – около 500, а в 1910 г. был добыт всего 1 соболь [3, с. 34; 51].

Сокращение добычи соболя тревожило всех. Согласно заявлению ярмарочных и биржевых комитетов и мелких торговцев, количество поступающих на рынок соболиных шкурок в начале века уменьшилось в 5–6 раз. По сведению Ирбитского ярмарочного комитета, с 1879 г. наибольший привоз соболя был в 1899 г. – 61 тыс. шкурок, но к 1910 г. он упал до 10 275 шкурок.

Перепромысел привел к тому, что соболя – короля мехов – в России почти не осталось. Кстати, баргузинскую его разновидность так и называли – «коронный мех», потому что он предназначался в основном для членов императорской семьи. Этот и без того дорогой мех взлетел в цене: лучшие шкурки баргузинского соболя продавались перед Первой мировой войной по 2 тыс. руб. за штуку [11, л. 1; 72].

Как писали исследователи, «можно проехать 200 верст и не увидеть ни одного соболиного следа там, где лет 10 назад соболь

добывался десятками. Соболь сохранился оазисами. На одной речке есть несколько штук, а в десяти других той же системы, лежащих поблизости, нет ни одного. По словам промысловиков, особенно резкое уменьшение соболей произошло, когда промышленники стали переходить к ловле зверя капканами и кулемками» [11, л. 89]. При этом много соболя пропадало зря, так как росомахи часто вытаскивали пойманных животных из ловушек.

К прибытию экспедиции Г. Г. Доппельмаира в баргузинскую тайгу соболей там осталось очень мало. В 1908–1912 гг. в Подлеморье (так назывался Баргузинский район) в год добывалось в среднем не более 240 соболей. Так, в лесах по р. Кудалды на одном километре пути работников обитал 1 соболь, по р. Бударман на 10 км – 6 соболей (обе реки находятся на северо-восток от г. Баргузина). В 1911 г. охотники добыли в районе р. Таркулик 7 соболей, в 1914 г. там было отловлено только 2 соболя. В зиму 1911/12 г. на протяжении 12 км вдоль р. Кермы четыре охотника добыли только 5 соболей, причем в ловле зверьков использовали обмет, капканы и кулемы.

На территории Баргузинского уезда соболи водились по западному склону Баргузинского горного хребта в горах бассейна р. Верхней Ангары, в лесах левых притоков р. Баргузин и в верховьях рек Турка и Хаим. Кроме того, соболи встречались в небольшом количестве на Муйских горных хребтах и Витимском нагорье.

Наиболее ценились среди баргузинских соболей зверьки, добываемые в долине р. Кудалды. Высокие по качеству волоса к цвету соболи водились также в лесах по рекам Большой и Малой Черемшанкам. За ними охотились особенно рьяно. В районе р. Сосновки и на север от нее обитали зверьки с опушением более светлого цвета, хотя попадались и темные соболи, так же как и в тайге по рекам Томпе, Шангнанды и Кабаньей. Баргузинские охотники и скупщики полагали, что самые лучшие по качеству меха и окраске волосяного покрова соболи заселяли леса вдоль рек южной части Баргузинского района [63].

В Забайкальской области охотники в погоне за шкурками особо ценных баргузинских соболей не считались с сезонным временем охоты и ставили на соболей ловушки в любое время года; такой хищнический промысел грозил полным уничтожением наиболее ценных соболей. Помимо использования для добычи соболей обметов и ловушек, баргузинские промысловики охотились

на соболей также с ружьями. Для того чтобы промышлять соболя, охотники проходили на тунгусских лыжах ежедневно по 35–40 км.

До середины ноября промысловики охотились на соболей с собаками. Когда на землю ложился глубокий снег, охотники начинали добывать соболей при помощи ловушек. На рыбу соболь не шел; попадались только горностаи и колонки. Яд при добыче соболей не применялся. В тех случаях, когда соболь забирался в дупло и долго не выходил оттуда, соболятники просовывали в дупло длинный, неломающийся и расщепленный на конце прут, дотрагивались им до соболя и начинали вертеть прутом, пытаясь накрутить на него соболиный волос, а иногда вместе с ним и кожу. Если этот способ удавался, соболя вытягивали из дупла. Наиболее удачными местами для ловушек баргузинские соболятники считали частые кедровые леса с подлесками из кедровых стлаников, росшие по берегу реки, куда по овражкам текли ручейки. Соболи, бегавшие по овражкам к реке, обычно проходили мимо кулемы, если она была поставлена на скрещении соболиных тропинок у реки. Обметами соболей выходили ловить с конца января, когда морозы ослабевали.

На эту охоту баргузинские соболятники выходили вдвоем или втроем, она считалась наиболее трудной и тяжелой. По следам соболя охотники шли до каменных россыпей, куда обычно зверек скрывался, обнаружив погоню. Убежище соболя окружалось сетью. Если соболь долго не появлялся, его выкуривали, но дым портил шкурку, поэтому терпеливые охотники предпочитали караулить зверька, пока он не выходил добровольно. В отдельных случаях баргузинские соболятники ожидали выхода зверька по 9–10 суток. Если соболь выскакивал из укрытия ночью, колокольчики, привязанные к обмету, подавали сигнал. Соболи иногда пробирались за обмет на волю под снегом, некоторые зверьки прокусывали сети и выбирались на свободу, не задев колокольчиков [63].

Белка по значимости являлась вторым после соболя пушным зверем. Ее тофы тоже добывали преимущественно с собакой и ружьем. Для белки использовали специальные плашки, устанавливаемые в недоступных местах. Для изготовления плашки на белку брали толстую чурку длиной 1–1,5 м. Раскалывали ее повдоль, на две половинки. Их укладывали на землю и закрепляли с боков кольями, вбитыми прочно в землю, чтоб верхняя часть

плашки не двигалась в сторону, а ложилась точно на нижнюю. Для насторожки приподнимали один конец верхней части расколотой чурки и подпирали ее особым срезом. Этот сторожок фиксировался поперечной палочкой с вырезом, в который вставлялось соединение сторожка. На эту палочку накалывалась приманка, если это было мясо, также употребляемое белками. Если в качестве приманки использовались кедровые орешки, то вместо заостренной палочки, скрепляющей место соединения частей сторожка, применяли ветку, а вокруг плашки и в ней самой рассыпали орешки. Когда белка тянула мясо с палочки либо собирала орешки, она страгивала с места сторожок, и ее сверху придавливала чурка. А чтоб все сооружение было устойчивее, на верхнюю часть плашки поперек укладывали толстую сырую жердь. Беличью плашку тоже устраивали летом и держали ее, прочно подпертую, раскрытой, чтоб зверьки привыкли к ней и бегали внутри. Время от времени туда и летом подсыпали орешки, чтоб приучить белок к плашке. В некоторых местах охотники белку добывали в большей степени плашками [56, с. 109].

Участник Саянской экспедиции К. П. Лавров опросил 400 охотников о результатах их промысла и выявил, что 300 человек занимались охотой постоянно, а 100 человек – нерегулярно. В зиму 1909/10 гг. из охотников первой категории до 50 белок добыли 53 человека, от 50 до 100–215, свыше 100 белок – 32 человека; из второй категории, т. е. из нерегулярных охотников, до 50 белок – 28 человек, от 50 до 100 белок – 66 человек, свыше 100 белок – 6 человек. В зиму 1911/12 гг. из охотников первой категории добыли до 50 белок 56 человек, от 50 до 100 белок – 226 человек, свыше 100 белок – 18 человек; из второй категории до 50 белок добыли 26 человек, от 50 до 100 – 67 человек, свыше 100 белок – 7 человек. Все 400 охотников добывали в среднем за сезон на каждого человека по 60–70 белок, а максимальная добыча достигала 300–400 шт.

Баргузинские промысловики, охотясь на соболей, попутно добывали и других зверьков. За зиму артель соболятников промышляла несколько сотен белок, около 10 горностаев и примерно такое же количество колонков.

Охотились на белок в Баргузинском районе только с ружьем и собакой. Белок начинали промышлять в октябре, а отдельные охотники – даже в конце сентября. Вблизи Байкала охотиться позже октября мешал глубокий снег. В верховьях Баргузинской

долины и по Иненскому хребту промысел белок продолжался весь ноябрь. В другие месяцы и даже летом на белок охотились, на мясо, только буряты. В 1915 г. было получено 670 разрешений на охотничий промысел на белок в лесах бассейна р. Баргузин, а в 1916 г. – 674. Поскольку эти годы были военными, можно предполагать, что в мирное время насчитывалось большее количество охотников на белок. В числе охотников в 1916 г. бурят было 393, тунгусов – 171 и русских – 110. Количество белок, добытых за сезон одним охотником, редко превышало 500 шт. Всего в Баргузинском уезде промышлялось до 300 тыс. белок в год. Цены на шкурки белок, по которым торговцы скупали их у охотников, часто менялись. Зимой 1914/1915 гг. цена держалась на уровне 25 коп. за шт., но в феврале 1915 г. повысилась до 40–45 коп., так как в уезд прибыли скупщики-китайцы [63].

Добывалась белка и в европейской части России, но восточносибирская, темная ценилась выше. В Нерчинском крае добывали особую белку – с голубовато-темным мехом. В отчетах о ярмарочной торговле встречается до 15 наименований этого зверя (по месту промысла) [72].

Выдру тофалары обычно добывали попутно, если встречали ее следы. Тогда ее караулили около той полыньи, куда она ныряла. При появлении выдры ее били из ружья. Мех ее очень ценился, потому что шел на отделку воротников тофаларских зимних меховых кафтанов, а также на оторочку шапок и отличался необыкновенной носкостью.

Рысь тоже являлась первоклассной добычей, промышляемой попутно во время зимней охоты. Собаки обычно загоняли рысь на дерево, где ее и находил охотник. Ловушек на рысь не делали.

Росомаха была очень распространена в Тофаларии. Так как этот зверек таскал у охотников добычу из ловушек, разорял их припасы на лабазах, то его убивали, когда встречали. Существовали даже особые плашки на росомаху. В принципе, ее устройство напоминало конструкцию беличьей плашки, только нижние и верхние элементы состояли из нескольких бревнышек средней толщины, соединенных особыми клиньями. Их тоже устанавливали один на другой, а с боков укрепляли кольями, чтоб не двигались вбок. При настораживании этой плашки поднимали один конец верхней части и подпирали сторожком. Сторожок фиксировали специальной заостренной палочкой, на которую накалывали приманку в виде мяса. Когда росомаха входила внутрь ло-

вушки и тащила приманку, то сторожок срабатывал и плашка захлопывалась. Сверху на нее укладывали поперек маленькое бревнышко для тяжести, чтоб пойманная росомаха не выкарабкалась.

На лису (в горной тайге она большая редкость) и зайца тофы специально не охотились, добывали попутно. Колонка и горностая тоже добывали случайно, если их отыщет собака и загонит на дерево. Время от времени они попадали в плашки, расставленные на соболя либо на белку. Специальной охоты на них тофалары не устраивали [56, с. 109].

Из 200 опрошенных саянских промысловиков в сезон 1911/12 г. 22 человека не добыли ни одного горностая, до 20 зверьков добыли 167 человек и свыше 20 горностаев –11 человек. Средняя добыча горностаев на каждого охотника в отдельные сезоны составляла от 4 до 7 зверьков. Из 100 саянских охотников 65 человек забивали в среднем за сезон от 3 до 5 колонков и 55 человек – от 3 до 4 хорей.

Баргузинские охотники горностаев и колонков добывали черканами, кулемами и капканами. Выдр добывали ружьем и капканами. На тарбаганов охотились с ружьем, настораживали на них луки и ловили их в капканы и плашки. Умелый охотник добывал с ружьем в день до 10 тарбаганов, стреляя в них на расстоянии 25–50 м. Тарбаганьи шкурки охотники сбывали по очень низкой цене – 20–30 коп. за штуку, но в 1914–1915 гг. цена повысилась до 60–70 коп. за I сорт и до 30 коп. за шкурку худшего качества. Лучшие шкурки в отдельные годы продавались по 1 руб. за штуку [63].

На медведя и волка тоже существовали разные методы охоты. Например, тофалары на медведя охотились весной, его караулили на южных безлесных склонах гор, рано покрывавшихся молодой травой, за которой приходили изюбри. Медведи скрадывали изюбрей. Хотя весной мясо медведя нежирное, но необыкновенную ценность для охотников представляли шкура и медвежья желчь, служившая ценным лекарством. Шкуру и желчь охотники обычно продавали. Медвежья желчь пользовалась особенным спросом у окинских бурят. С ними у тофаларов были тесные торговые связи. Летом медведей добывали в белогорье, где они паслись у гольцовых ручьев. Находили их и там, где много муравейников.

Самым же распространенным методом была добыча в берлоге, куда медведь залегал в конце октября. Когда кто-либо находил

берлогу, то собирал артель из 5-6 человек. Вдвоем на берлогу обычно не шли. Объясняли это тем, что ружья ненадежны. Артель подходила к берлоге и делала сразу заграду из жердей, которой блокировали вход в берлогу. Позже один из охотников длинной жердью начинал шуровать в берлоге через отверстие, чтоб разбудить медведя. Когда медведь начинал выталкивать эту жердь либо тянуть ее к себе, то самый смелый охотник подходил к входу в берлогу и стрелял вовнутрь, перевернув ружье затвором вниз. Так он попадал в зверя, при необходимости повторяя выстрел. Если же затычка из жердей оказывалась слабой и раненый медведь вырывался наружу, то его останавливали собаки, и все охотники стреляли. Убитого медведя выволакивали веревками из берлоги и укладывали вверх лапами на подстилке из кедровых веток. Перед тем, как убивали медведя, все присутствовавшие кричали: «Киик! Киик! Киик!». Этим они имитировали вопль ворона и вроде бы сообщали духу медведя, что уничтожили его не они, а люди ворона. Самый старший из охотников обычно произносил молитву владельцу тайги, в которой благодарил за добычу. Убитого медведя обколачивали веником из кедровых веток. Считалось, что охотники выколачивали вшей из его «шубы». Затем снимали шкуру, разрубали тушу на части и везли в стойбище. Шкуру получал охотник, нашедший берлогу. Когда тофалары снимали медвежью шкуру, то когти никогда не оставляли на шкуре. Они оставались на подошве лап, затем их сушили и вешали над входом в чум. Считалось, что медвежья лапа с когтями является талисманом-оберегом [56, с. 108].

Баргузинские охотники били медведей из ружей, а весной, когда звери были голодные и легко шли на наживу (сильно пахнущие рыбьи кишки или жир нерпы), их добывали кулемами. Шкуры медведей Баргузинского уезда были крупного размера, и цены на них достигали иногда 30 руб. за штуку, шкуры средней величины продавались по 12–15 руб. Из желчных пузырей медведей, оцениваемых в 2-3 руб., изготовлялся медицинский препарат для лечения ревматизма [3, с. 37].

Охота на волков в регионе разрешалась и даже поощрялась администрацией как борьба с хищниками. Но у тофаларов волк был на особом положении. В речи его наименование табуировали и называли «кудуруктух» – «хвостатый». При появлении вол-

ков около оленьего стада их не убивали. Видимо, это отголоски какого-то старого запрета [56, с. 108; 63].

Уникальным явлением для кочевников-скотоводов была охота на морского зверя (нерпу), существовавшая у ольхонских бурят на Байкале. Продукты данной охоты (жир, мясо, шкуры) находили применение в личном хозяйстве и поступали на рынок. Ольхонцы поставляли столько жира нерпы, что его хватало на всю кожевенную промышленность Прибайкалья. Вероятно, охота на нерпу была древним занятием данного населения. Об этом свидетельствуют бурятские названия орудий лова, рациональные методы и способы охоты, которые могли быть выработаны только в условиях длительного освоения среды.

Буряты алагуевские, еланцинские и кутульские также промышляли байкальского тюленя-нерпу. Например, в 1895 г. здесь было зарегистрировано 320 бурят-нерпопромысловиков. Орудиями промысла нерпы обычно служили ружье, реже сети для подледного лова. Продуктами промысла для продажи являлись нерпичьи шкурки и жир [59, с. 201].

Важное экономическое значение нерпичьего промысла для местного населения видно из следующего архивного источника. В Кутульской инородной управе за 1896 г. добыли и продали: изюбрей – 5 штук на 100 руб., нерп – 830 штук на 3780 руб., медведей – 3 штуки на 21 руб., белок – 1600 на 2380 руб., хорьков – 100 штук на 50 руб. Всего на сумму – 6291 руб. [21, л. 4–5]. Основной доход принесла охота на нерпу, которая составила свыше 60 % всех поступлений.

Охота на другие виды промысловых зверей

Объектами охотничьего промысла в Забайкалье являлись также копытные – лось, изюбрь, косуля, кабан, кабарга, дикий северный олень, дзерен, численность которых на территории Забайкалья долгое время оставалась значительной. Особую роль играл промысел косули. По сведениям А. А. Черкасова, дикие козы водились в таком огромном количестве, что заменяли местным жителям овец. Охота на косуль велась круглый год. Зимой они во множестве добывались облавами (загонами), весной на увалах во время отела – на «пикульку» (манок из бересты), летом – на солонцах и осенью – во время гона. Устраивались «ловчие дворы» и всевозможные самоловы. Кроме вкусного и питательного мяса от косуль получали шкуры, из которых ши-

ли шубы, обувь и шапки. Из летних шкур изготавливали брюки, куртки, шили наволочки для подушек и рукавицы. Из рогов делали черенки для ножей и кухонную утварь.

Другой важный объект промысла – изюбрь. Местные жители знали о большой лекарственной ценности пантов – молодых рогов этого оленя. Продавали их в Китай. У добытых изюбрей брали также хвосты, жилы, пенисы и »выпоротки» (зародыши). Из шкур шили одежду и обувь. Добывали круглый год: весной на увалах и солонцах, в гон – «на трубу», зимой с собаками на отстоях и загонами на лошадях. Резкое снижение запасов изюбря в начале XVIII в. и значительный рост цен на панты привели к зарождению в Забайкалье изюбреводства [51].

Глухари являлись объектами спортивной и местами промысловой охоты. Весной охотились только на самцов глухаря, во время токования, начинающегося с конца марта и продолжающегося до первых чисел мая. При этом охота основывалась на том, что токующая птица во время скирканья (вторая часть глухариной песни, первая же называется щелканьем), закинув голову, закатив глаза, надув перья, развернув хвост и полуопустив крылья, лишается обычной остроты зрения и чуткости. Пользуясь этим обстоятельством, охотники, услышав поющего глухаря, во время его скирканья, продолжающегося 3-4 секунды, делали по направлению к нему несколько больших прыжков. Затем оставались неподвижными до следующего скирканья, во время которого снова прыгали, и так продолжали до тех пор, пока не приближались к дереву, на котором токовал глухарь, на расстояние 30–50 шагов, смотря по местности. При этом прицеливались в глухаря и спускали курок обязательно во время нового скирканья, так как нередко случалось, что после промаха глухарь, не расслышав выстрела, не слетал с дерева, и тогда удавалось выстрелить вторично.

Летом, в июле, охотились на глухариные выводки, разыскивая их в лесных ягодниках (на чернике, голубике и т. п.) с легавой собакой. Осенью стрельба глухаря производилась из шалашей и землянок на овсяных жнивьях и озимях, куда глухари слетались кормиться, а также с подхода в осиновых и лиственничных лесах, куда они привлекались вкусом завядшего осинового листа или побитой морозами иглы лиственницы. Зимою никакой охоты на глухаря с ружьем не производилось, и их добывали, равно как и

осенью, особыми ловушками – капканами, силками, слопцами, давушками, пружками, очипками и др. Старых глухарей стреляли крупной дробью, молодых – более мелкой. На основании правил, утвержденных царским правительством 3 февраля 1892 г., охота на самок глухаря воспрещалась с 1 марта по 15 июля, а на самцов – с 15 мая по 15 июля. Ловля их какими бы то ни было способами была воспрещена в течение всего года [50].

Одной из особенностей охоты в регионе в XIX – начала XX в. являлась ее ориентация на добычу лекарственного сырья животного происхождения. Добывали струю кабарги (мускус), панты изюбря, лося, медвежий жир и желчь, экскременты и содержимое прямой кишки кабана. Все это сырье имело лечебное свойство и использовалось в народной медицине. Охотники от ее продажи получали немалый доход. Однако этот вид охоты имел и негативный характер, поскольку часто для получения отдельных частей и органов уничтожали нескольких животных, а туши оставляли [3, с. 35].

Хищничество и браконьерство

Стихийный характер использования охотничьих ресурсов в исследуемом периоде, особенно диких копытных животных, был чреват их истреблением. Вместе с тем более опасным явлением, чем неконтролируемый промысел, были для животного мира региона хищничество и лесные пожары. Их число возрастало пропорционально заселению региона русскими переселенцами.

Прежде всего это относилось к соболю. Если раньше традиционным методом охоты на соболя было выслеживание зверька в течение нескольких дней, то теперь использование ловушек, капканов, ядов позволяло выловить их значительно быстрее. Применение огнестрельного оружия как основного средства охоты да еще в запрещенные сроки приводило к несоразмерным масштабам добычи [3, с. 37]. При осеннем промысле самки и самцы добывались в равных частях, весенняя же охота на 10 добытых соболей давала 2 самцов и 8 самок, т. е. была убыточной. Да и шкурки их в это время не представляли ценности.

Не менее хищническим было отношение к копытным животным. Ежегодно по насту в марте-апреле, в пору отела маток, добывали 1200–2000 лосей. За неимением возможности вывезти мясо из тайги брали только одну шкуру, которая стоила 1,5–3 руб. Губительной была охота весной по насту на коз и ло-

сей, большинство которых истребляли ради потехи, мясо отдавали собакам, а весенняя шкура ничего не стоила.

Ввиду большого снежного покрова в тайге стада коз выходили на поиски пищи к людям, где их безжалостно истребляли. Северные олени, лоси, маралы, косули и кабарги уничтожались «с ужасающей быстротой» в течение всего года [61, с. 64].

Выше уже описан способ уничтожения животных, используемый русскими и бурятами, – весенние облавы по оледеневшему насту, который выдерживает охотника и собак, но не оленей и лосей. По воспоминаниям В. А. Обручева, в основном гибли стельные самки, иногда – тысячами, а так как транспортировка такой массы дичи до ближайшего города была по большей части совершенно невозможна, то с животных снимались только шкуры, немного мяса, а остальное оставлялось в лесу.

Как отмечалось в архивных документах, «некоторые охотники из казенных земель загоняют дичь на крестьянские земли и "законно" убивают их. Без особых усилий убивают и загоняют самок, которые в этот период находятся на последних сроках беременности» [16, л. 13; 47, с. 262].

Огромный вред наносило варварское истребление дичи, невежество крестьян, их охота с помощью петель, силков, ям, охота по насту. Известно, что даже казенные объездчики производили охоту в недозволенное время, били самок или же охотились в местах, отведенных исключительно Обществу сибирских охотников [16, л. 30].

По мнению современников, первопричиной перепромысла был торговец, при этом он старался так обмануть инородца-охотника, чтобы тот, отдавши торговцу всю свою пушнину, остался бы у него в долгу за забранный товар. Долговая петля, из которой инородец старался выпутаться во чтобы то ни стало, заставляла его не щадить ни взрослых зверей, ни звериный молодняк, раз он ему попадается на ружье или самострел. Дело в том, что главное достояние инородцев было не в пушнине, а в оленьих стадах. Потерявший свое оленье стадо инородец погибал без пищи, одежды, жилища, или обращается в последнего нищего или бездомного батрака. А когда инородец залезал в неоплатные долги, торговец отбирал у него стадо, которое перепродавал богатому родичу охотника. По этой причине инородцы не только

убивали без разбора зверей всякого возраста, истребляя звериное богатство, но и сами вырождались, нищали и вымирали [55].

Ф. Ф. Шиллингер, сравнивая охотничье хозяйство Западной Европы и Восточной Сибири, отмечал, что причины столь малой численности зверей кроются, главным образом, в несоблюдении элементарных правил охоты. Лесничество, полустанки и волостные учреждения были не в силах осуществить надежную охрану охотничьих животных [71].

Огромное негативное влияние на состояние охотничьего промысла оказало сведение лесов и загрязнение водоемов. Вырубки лесных массивов приводили к обмелению рек, нарушению жизненно важных процессов, изменению экологического баланса водной и прибрежной территории. Уничтожение лесов путем хищнических заготовок, пожарами и палами, расчисткой под пашню и халатным, небрежным отношением к нему местных жителей и переселенцев нанесло самый большой урон экологической ситуации в Сибири, в том числе на территории Предбайкалья и Забайкалья [3, с. 39].

Страшным бедствием для животного мира региона являлись лесные пожары. Охотники специально поджигали тайгу, чтобы выманить оттуда марала. В. А. Обручев в 1891 г. писал, что чаще всего причиной пожаров было небрежное обращение охотников, контрабандистов, пастухов и крестьян с огнем [47, с. 262]. Нерачительное отношение пришлого населения к богатствам Сибири, скорее всего, исходило из понятия о неисчерпаемости природных ресурсов края, нерационального отношения и неумения задуматься о будущем.

Массовое сведение лесов началось именно на рубеже XIX–XX вв. Сильный толчок заготовкам древесины дало строительство Сибирской железной дороги. Для ее сооружения требовались ценные породы деревьев: лиственница, сосна, кедр в огромных количествах. В основном заготовка шла за счет лесов Предбайкалья и Забайкалья. Так, в июне 1905 г. материальная служба Управления Сибирской железной дороги запросила для строительства железной дороги от Управления государственным имуществом Иркутской губернии следующие лесные материалы: шпалы – 1100 тыс. штук, дрова – 11 тыс. куб. саженей, бревна строевые – 120 тыс. штук, брусья пиловочные – 20 тыс. штук, столбы телеграфные – 17 тыс. штук, брусья переводные – 1500 комплектов, брусья мос-

товые – 45 тыс. куб. футов, доски разных размеров – 500 тыс. штук [12, л. 1].

Строительство железной дороги вне Иркутской губернии также производилось за счет иркутского сырья. Управление Сибирской железной дороги в том же месяце запросило еще сверх того 800 тыс. шпал, 10 тыс. куб. дров, 25 тыс. бревен, 10 тыс. телеграфных столбов [12, л. 4]. В 1914 г. для Сибирской железной дороги из Предбайкалья и Забайкалья были заготовлены: шпалы – 2 млн штук, дрова – 60 тыс. куб. саженей, бревна – 150 тыс. шт. [14, л. 9].

Заготовка лесных материалов велась не только для строительства железной дороги, но и для нужд города, фабрик и заводов, военных, переселенцев, горнодобывающей и золотодобывающей промышленности, для школ, мостов, пароходов, Кругобайкальской железной дороги и т. д. В отчете Иркутскому генерал-губернатору в июне 1906 г. Управление государственным имуществом Иркутской губернии сообщало: «Хозяйственная заготовка разного рода лесных материалов производится, главным образом, для Сибирской железной дороги, для нужд г. Иркутска, для углепромышленников Черемховского района, для военных нужд ("Красного Креста", госпиталей, хлебопечения, войск)» [12, л. 70].

Было образовано шесть лесничеств, где велись заготовки. В состав лесных дач, заказников, различных лесничеств Иркутской губернии входили почти все земли бурятских ведомств. С одной стороны, заготовка лесных материалов служила для развития промышленности, экономики, но с другой стороны, сведение лесов в таких масштабах отрицательно сказалось на экологической ситуации в регионе [3, с. 38].

Пушная торговля

Россия всегда продавала меха, а после присоединения Сибири пушнина стала важной статьей отечественного экспорта. Государство смотрело на Сибирь как на неисчерпаемый источник «мягкой рухляди» (так в официальных документах называли меха), поэтому охотничьи народы оказались под особым покровительством центра [41].

Обычно российские власти всячески поощряли ассимиляцию жителей окраин, но традиции охотничьих племен государство охраняло как могло, опасаясь, что ассимилировавшиеся охотники перестанут добывать пушнину. Их земли тщательно оберегали от переселенцев из Центральной России. В 1775 г. Екатерина II отменила налог со звериных и птичьих промыслов. С этого времени

начался период свободной торговли пушниной. В каждом из промысловых районов образовались «потомственные династии» купцов, которые держали промыслово-охотничье население в экономической зависимости. Почти вся скупленная у охотников пушнина концентрировалась на крупных ярмарках.

В первой половине XIX в. окончательно сложилась система пушной торговли, которая обеспечивала продвижение пушнины от производителей на крупнейшие российские ярмарки – Ирбитскую и Нижегородскую. Самыми значительными промежуточными пунктами, где собирались крупные партии пушного товара, в Восточной Сибири выступали Анюйская и Якутская ярмарки [33, с. 589; 34].

Сбывалась пушнина, как правило, на местах проживания промысловиков за наличные или в обмен на охотничьи припасы. Русская пушнина пользовалась широким спросом на аукционах Америки и Европы, а на внутреннем сибирском рынке она ценилась гораздо ниже, что делало ее экспорт очень выгодным.

Во второй половине XIX в. основными потребителями сибирской пушнины стали страны Западной Европы. В 1861–65 гг. вывоз мехов в Европу составил 60,9 %, в 1871–1875 гг. – 79,4 %, в 1881–1885 гг. – 91,7 %, в 1891–1893 – 94,2 % всего российского экспорта. Крупнейшими центрами мировой пушной торговли стали Лейпциг и Лондон. Лондонский пушной аукцион устанавливал мировые цены на разные виды пушного товара; здесь действовали коммерсанты с крупными капиталами. В Лейпциге меха продавались более мелкими партиями, здесь велась кредитная торговля. Выдвижению Лейпцига на первые роли в мировой пушной торговле способствовало превращение его в крупнейший центр выделки и окраски мехов. Отечественные технологии обработки мехов уступали западноевропейским. Из-за этого Россия, являясь крупнейшим мировым экспортером пушнины, в значительной степени зависела от западноевропейских пушных рынков, которые устанавливали мировые цены [6, с. 207; 34].

С конца XIX в. в Сибирь усиленно стали проникать иностранные фирмы, которые почти полностью захватили торговлю пушниной. Вывоз пушно-мехового сырья из России в Западную Европу возрос с 2 млн руб. в 1880 г. до 20,7 млн руб. в 1911–1913 гг. Объем реализации пушнины увеличился не столько в результате роста интенсивности промысла, сколько значительного повышения цен на шкурки [29, с. 82; 46, с. 287].

В пушной торговле выработались определенные стандарты, и они не допускали обезличивания товара. Меха имели столько переходов в оттенках и пушистости, что каждая партия товара являлась индивидуальной. Продажа мехов по образцам, в отличие от других ярмарочных товаров, оказывалась невозможной. В начале XX в. через Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки проходило не менее трех четвертей всей добываемой в Сибири пушнины. Сюда приезжали покупатели из Европейской России и стран Западной Европы (Германии, Англии, Австрии и др.), которые закупали крупные оптовые партии пушнины для последующей обработки и продажи. Постоянными участниками Ирбитской ярмарки стали представители крупнейших московских пушноторговых фирм «Сибирский торговый дом А. М. Михайлов», «Павел Сорокоумовский с сыновьями», «И. М. Калин и Ко», петербургский торговый дом «Ф. Ляховский и Ко», западноевропейские коммерсанты Г. Шпигель, Б. Рейхенштейн, Ю. Ариович, С. Ленцер, представители фирмы «Зингер и Ласкер» (Берлин и Лондон).

Как узловые распределительные центры, Нижегородская и Ирбитская ярмарки различались ассортиментом пушных товаров. Сырой беличий мех шел на Ирбитскую ярмарку, а выделанная белка продавалась преимущественно в Нижнем Новгороде. Сюда же доставлялись каракуль и мерлушка, присутствовавшие в Ирбите в ограниченном количестве. Для сибирских мехов важнейшее значение имела Ирбитская ярмарка, пушные обороты которой постоянно возрастали. В 1895 г. стоимость пушнины, привезенной в Ирбит, составила 2750 тыс. руб. (5,7 % общего привоза на ярмарку); в 1900 г. соответственно, 4828,1 и 12,5 %; в 1905 г. – 4538,4 и 15,3 %; в 1910 г. – 8353 и 29,5 %; в 1912 г. – 8022,5 тыс. руб. и 31,8 %. Несмотря на возросшую в начале XX в. Отпра ку пушного товара из Сибири непосредственно в Москву, Ирбитская ярмарка до 1917 г. продолжала играть роль важнейшего в России рынка сырой пушнины.

Главным видом экспорта русской пушнины в Китай была белка, только из одного Верхнеудинского района ежегодно вывозили в эту страну до 400 тыс. шкурок. В Кяхте в 1768–1785 гг. ежегодно продавалось белки от 2 до 4 млн штук, а в 1781 г. – даже 6 млн шт., после чего последовали три года падения сбыта этого товара. К примеру, в 1784 г. он составлял всего лишь 1,2 млн штук. После белки устойчивую позицию в экспорте пушного сы-

рья занимал горностай. В 1768–1785 гг. в Кяхте ежегодно променивалось от 140 до 400 тыс. штук горностаев [32; 34].

Пушная торговля являлась важным источником накопления капитала. Во второй половине XIX – начале XX в. в Сибири сложилась группа крупных пушноторговцев-оптовиков, обороты которых составляли сотни тысяч рублей. В 1913 г. капиталы, вложенные в сибирский пушной промысел, оценивались в 13 млн руб. К числу наиболее влиятельных торговцев пушниной относились А. М. Кушнарев (Якутск), братья Тонконоговы (Енисейск), фирма «А. И. Громов с сыновьями» (Иркутск), торговый дом «А. В. Швецов и сыновья» (Кяхта). Многие сибирские купцы сочетали торговлю пушниной с другими видами предпринимательства. Вместе с тем пушная торговля приносила высокие прибыли, но ее зависимость от «урожая» зверя, колебаний моды на тот или иной мех в России и Западной Европе делали этот вид предпринимательства весьма рискованным. Во время так называемого суркового кризиса 1910 г., когда спрос на этот вид меха в Западной Европе резко упал, бийские купцы потерпели убытки в размере не менее 1 млн руб. По официальным данным, средняя норма прибыли от пушной торговли в середине 1890-х гг. составляла 9,8 % (от хлебной торговли – 7,8 %, мануфактурной торговли – 9,7 %, виноторговли – 9,7 %).

Первая мировая война отрицательно сказалась на объемах пушной торговли; экспорт российской пушнины сократился с 17 052 тыс. руб. в 1913 г. до 4072 тыс. руб. в 1915 г. В годы революции и Гражданской войны централизованные заготовки пушнины уменьшились. На северо-востоке Сибири более активно стали действовать иностранные скупщики меха, особенно американцы [34].

Принципиальной характеристикой русского пушного хозяйства являлась его убыточность, ценность вывоза была ниже стоимости импорта: в 1903–1910-е гг. было вывезено пушных товаров на 41 585 тыс. руб., а ввезено на 59 024 тыс. руб. т. е. на 17,5 млн руб. больше. Это являлось следствием трех главных причин: во-первых, качественного и количественного падения промысла в XX в., во-вторых, неправильной и вредной для народного хозяйства постановки внешней торговли пушниной [55]. Но главной причиной такого соотношения являлось состояние русской кожевенной промышленности, неспособной обеспечить требуемого качества выделки шкур.

Промысловая кооперация

Вместе с тем существовавшей системе организации пушной торговли появилась альтернатива в виде промысловой кооперации. Особенно масштабную работу в этом направлении развернули кооперативы Иркутской губернии. В первые десятилетия XX в. здесь были хорошо развиты кредитная и потребительская формы кооперации, которые на первых порах развивались за счет экономической стабильности и высокой товарности зажиточных хозяйств. Быстрый рост кооперации в Иркутской губернии был связан с вызванной Первой мировой войной дороговизной. Местная кооперация в области пушных операций была сосредоточена в Иркутском союзе потребительских кооперативов (Ирсоюз), в Иркутском союзе кредитных и ссудо-сберегательных товариществ (Кредитсоюз) и в Ленском союзе кооперативов (Ленсоюз), охватывавших территорию Иркутской губернии и часть Вилюйского уезда Якутской области. Особую роль кооперация играла в Киренском уезде и части Якутии, территорию которых обслуживал Ленсоюз. Он вывозил сырье из края и обеспечивал население продуктами питания. Для эффективного и быстрого снабжения Ленский союз имел закупочные и транспортные конторы в Иркутске и пос. Качуг. В начале своей деятельности союз ставил задачей закуп товаров для своих членов. Позднее приступил к пушным заготовкам через общества потребителей на комиссионных началах. Возник Ленсоюз как самостоятельная организация, став затем отделением Иргубсоюза. На первых порах все эти кооперативные союзы объединяли свои действия в обследовании рынка, закупе и сбыте пушнины на потребительских началах с ассигнованием капитала [17, л. 31; 18, л. 207].

В октябре 1918 г. в целях рациональной организации закупа и сбыта пушнины Кредитсоюз и Ирсоюз объединились на паритетных началах в Пушное бюро. Позднее к ним присоединились Лензолото и Приленсоюз, благодаря чему увеличилось количество кооперативов на местах и, следовательно, прием пушнины от населения. В состав Пушного бюро с согласия Ирсоюза и Кредитсоюза также входили представители других кооперативных союзов.

Бюро имело штат служащих для сбыта и закупа пушнины. Ее сборщиками на местах являлись потребительские общества, кредитные товарищества и специальные агенты от Пушного бюро (частные лица и учреждения). Скупка пушнины производилась

на комиссионных началах с выдачей ссуд. Авансы могли быть денежными и товарными. Комиссионные вознаграждения за сданную пушнину составляли 5 % от общей суммы равно как для потребительских обществ, так и для частных лиц [17, л. 68].

При обесцененных бумажных деньгах пушнина являлась тем сырьем, за которое легче всего было получить за границей товары. Поэтому каждый охотник был заинтересован в том, чтобы сдать свой товар по высокой цене и получить в обмен по низкой цене нужные ему товары. Гарантировать это ему могла только кооперация. Размеры авансов, предлагаемых Пушным бюро в 1918 г., должны были привлечь массу охотников, которые до этого сбывали продукты своей охоты частному лицу.

Успех пушных операций зависел от снабжения населения припасами охотничьего промысла, получаемыми из Западной Сибири, Владивостока, Читы. Особенно тяжелым для пушных заготовок был 1918/19 операционный год. Из-за экономической и политической нестабильности, изменений курса рубля кооператоры испытывали трудности с поставками пушнины, снабжением населения охотничьими припасами.

Отсутствие пороха на местных рынках заставляло делать экстренные запросы в Томск, Владивосток, Нижнеудинск, Усолье, Качуг, Мариинск и другие населенные пункты. Перебои со снабжением населения порохом вызывали острые кризисы пушного промысла и разорение охотничьих поселков губернии [58, с. 151].

Рассматриваемый период включил в себя процессы ухода на второй план ранее существовавшей модели охотничьего промысла и появления новой модели, базирующейся на бедных охотничьих ресурсах и рациональной государственной политике, а также формирующейся промыслово-потребительской кооперации.

Список литературы

1. *Арзуманов И. А.* Ламаизм: К вопросу о практике вероисповедальной политики России имперского периода в Байкальском регионе (по материалам НАРБ) // Изв. Иркутю гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2011. – Т. 7. – № 2. – С. 216–224.

2. Байкал: природа и люди : энциклопедический справочник / Байкальский институт природопользования СО РАН ; [отв. ред. А. К. Тулохонов]. – Улан-Удэ : ЭКОС : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 608 с.

3. *Балданова А. С.* Экологическое состояние охотничьего промысла бурят в конце XIX – начале XX вв. // Гуманит. вектор. Сер. История. Политология. – 2013. – № 3. – С. 33–40.

4. *Бендерский Э. В.* Полувековой путь Росохотрыболовсоюза // Охота и охотничье хозяйство. – 2008. – № 11/12.

5. *Вамбоцыренов И.* Аба хайдак, облава у хоринских бурят // Изв. ВСОРГО. – 1890. – Т. 21. – № 2. – С. 29–34.

6. *Винокуров М. А.* Кустарная промышленность и промыслы дореволюционной Сибири / М. А. Винокуров, А. П. Суходолов // ЭКО. –1996. – № 9. – С. 203–213.

7. Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря А. Н. Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкалье. В 16 т. – СПб. : Гос. тип., 1898. – Т. 14. – 286 с.

8. *Выстóробец Е. А.* Охота и право: мир, Россия, Алтае-Саянский экорегион / Е. А. Выстóробец ; МИРмпОС ; [предисл. Ю. Е. Винокурова]. – М. ; Красноярск : День Серебра, 2007. – 165 с.

9. *Вяткина К. В.* Очерки культуры и быта бурят / К. В. Вяткина. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 220 с.

10. *Вяткина К. В.* Очерки культуры и быта бурят / К. В. Вяткина. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 220 с.

11. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 171. Оп. 2. Д. 32.

12. ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1128.

13. ГАИО. Ф. 176. Оп. 3. Д. 1756.

14. ГАИО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 104.

15. ГАИО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 53.

16. ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 43.

17. ГАИО. Ф. Р-1422. Оп. 2. Д. 35.

18. ГАИО. Ф. Р-1422. Оп. 2. Д. 40.

19. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1908.

20. ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2611.

21. ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 82.

22. *Головнев А. В.* Историческая типология хозяйств народов Северо-Западной Сибири / А. В. Головнев. – Новосибирск : НГУ, 1993. – 204 с.

23. *Дежкин В. В.* Развитие и становление охотничьего хозяйства РСФСР /В. В. Дежкин // Охотничье хозяйство РСФСР / под ред. В. В. Дежкина. – М. : Лесн. пром-сть, 1978. – 256 с.

24. *Дулов А. В.* Географическая среда и история России конца XV – середины XIX вв. / А. В. Дулов. – М. : Наука, 1983. – 257 с.

25. *Жамбалова С. Г.* Традиционная охота бурят / С. Г. Жамбалова. – Новосибирск : Наука, 1991. – 172 с.

26. *Жамбалова С. Г.* Охота // Буряты / отв. ред. Абаева, Л. Л., Жуковская Н. Л. – М. : Наука, 2004. – 633 с. С. 105–114.

27. *Залкинд Е. М.* Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века / Е. М. Залкинд. – М. : Наука, 1970. – 398 с.

28. *Зуляр Р. Ю.* История Русской Православной церкви на страницах «Иркутского историко-экономического ежегодника» // Иркут. ист.-экон. ежегодник. – Иркутск, 2008. – С. 561–565.

29. *Зуляр Ю. А.* Основные этапы охотничье-промыслового освоения Байкальской Сибири в XX веке // Изв. ИГЭА. – 2003. – № 1. – С. 82–90.

30. *Иметхенов А. Б.* Природа переходной зоны на примере Байкальского региона / А. Б. Иметхенов. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1997. – 232 с.

31. История законодательной деятельности в области охраны и использования объектов живой природы [Электронный ресурс]. – URL:

http://biodat.ru/vart/doc/gef/GEF_A/A11/A1_1_242.html (дата обращения: 19.05.2015).

32. История развития системы охотничьего хозяйства и охраны животных в Бурятии [Электронный ресурс]. – URL: http://www.baikal-center.ru/books/element.php?ID=1148 (дата обращения: 04.12.2015).

33. *Казарин В. Н.* Промыслы, торговля и предпринимательство в Байкальской Сибири: История и современность // Иркут. ист.-экон. ежегодник. – Иркутск, 2014.

34. *Кириллов А. К.* Пушная торговля [Электронный ресурс] / А. К. Кириллов, А. В. Старцев. – URL: http://irkipedia.ru/content/pushnaya_torgovlya_ istoricheskaya_enciklopediya _sibiri_2009 (дата обращения: 05.07.2015).

35. *Кирилов Н. В.* Охотничье хозяйство в Забайкальской области / Н. В. Кирилов // Природа и охота. – 1901. – № 8, 9; 1902. – № 1, 2, 3, 6, 7, 9, 10, 11, 12.

36. *Кирилов Н. В.* Охотничье хозяйство в Забайкалье // Природа и охота. – 1901–1903. – № 14–24.

37. *Кулагин Н. А.* Богатства России: Русский пушной промысел / Н. А. Кулагин. – Пг. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1923. – 57 с.

38. Культурное наследие бурят, эвенков и семейских. Предметы материальной и духовной из коллекции Этнографического музея народов Забайкалья (Республика Бурятия, Россия) / ред.: О. А. Шагланова, Сасаки Сиро. – Osaka : Nat. Mus. of Ethnol., 2015. – 176 с.

39. *Курышов А. М.* Изменение способа природопользования у тофов в конце XIX – начале XX вв. как направление модернизации традиционного хозяйства // Иркут. ист.-экон. ежегодник. – Иркутск, 2014. – С. 136–145.

40. *Курышова И. В.* Природоохранный аспект деятельности Иркутского общества сибирских охотников в конце XIX – начале XX в. // Актуальные проблемы истории и культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. Б. Б. Батуева и 60-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Улан-Удэ, 26 апр. 2005 г.). – Улан-Удэ, 2005. – С. 221–225.

41. *Малахов А.* Животные страсти [Электронный ресурс] / А. Малахов. – URL: http://www.sojuzpushnina.ru/ru/c/34/zhiwotnye_strasti.html (дата обращения: 04.08.2015).

42. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. – М., 1890. – Т. 2, вып. 2. – 343 с.

43. Материалы по исследованию землепользования и хозяйства быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. – М. : [б. и.], 1890. – Т. 2, вып. 4. – 422 с.

44. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. – М. : [б. и.], 1892. – Т. 2, Вып. 6. – 504 с.

45. *Молчанов Б.* Законодательство России об охоте, звериных и рыбных промыслах [Электронный ресурс] / Б. Молчанов, Ж. Иванова. – URL: http://litterref.ru/yfsotrrnamerrnaotr.html (дата обращения: 03.05.2015).

46. *Носков В. Т.* Перспективы развития охотничье-промыслового хозяйства // Бурятия: концептуальные основы стратегии устойчивого развития / под ред. Л. В. Потапова, К. Ш. Шагжиева, А. А. Варламова. – М., 2000. – С. 286–299.

47. *Обручев В. А.* В старой Сибири: Сб. статей, воспоминаний и писем 1888–1955 гг. / В. А. Обручев. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1958. – 296 с.

48. Общество Сибирских охотников до 1917 г. [Электронный ресурс]. – URL: // http://irkipedia.ru/content/obshchestvo_sibirskih_ohotnikov_do_1917_g (дата обращения: 05.06.2015).

49. Общество сибирских охотников: энциклопедическая справка [Электронный ресурс]. – URL: http://irkipedia.ru/content/obshchestvo_sibirskih_ohotnikov (дата обращения: 05.06.2015).

50. Охота на глухаря [Электронный ресурс]. – URL: http://uoor.org.ru/hunt/capercaillie.htm (дата обращения: 03.06.2015).

51. Охотничий промысел [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. – URL: http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=2877.

52. Охотничье законодательство в дореволюционной России [Электронный ресурс]. – URL: http://bio-fire.ru/755.html (дата обращения: 04.05.2015).

53. Охотничья империя [Электронный ресурс]. – URL: http://sportmarket.irkutsk.ru/art/iooooir.html (дата обращения: 05.06.2015).

54. *Петри Б. Э.* Охотничьи угодья и расселение карагас / Б. Э. Петри. – Иркутск : Власть труда, 1927. – 32 с.

55. Пушной промысел [Электронный ресурс]. – URL: http://istmat.info/node/24899 (дата обращения: 25.06.2015).

56. *Рассадин И. В.* Трансформация классической пушной охоты у саянских оленеводов тофаларов // Вестн. Бурят. ун-та. – 2013. – № 7. – С. 104–110.

57. Российский государственный исторический архив. Ф. 398. Оп. 61. Д. 19236. Л. 9.

58. *Семина С. А.* Роль кооперации в развитии пушного промысла Иркутской губернии в годы Первой мировой войны // Иркут. ист.-экон. ежегодник. – Иркутск, 2012.

59. *Серебренников И. И.* Буряты, их хозяйственный быт и землепользование / И. И. Серебренников. – Т. 1. – Верхнеудинск : Бурят-Монгол. изд-во, 1925. – 226 с.

60. Сибирь (Иркутск). – 1911. – 7 апр. (№ 81).

61. *Смирнов М. Н.* К проблеме восстановления диких копытных животных в степях юга Сибири // Акклиматизация охотничьих животных в СССР : тез. докл. Третьего Всесоюз. семинара-совещания по акклиматизации и реакклиматизации животных. – Минск, 1978. – С. 63–65.

62. *Соколов Г. А.* Охотничье хозяйство в кедровых лесах / Г. А. Соколов. – М. : Наука, 1966. – 108 с.

63. Состояние охотничьего промысла в России накануне Великой октябрьской социалистической революции [Электронный ресурс]. – URL: http://survinat.ru/ 2011/05/sostoyanie-oxotnichego-promysla-v-rossii-nakanune /#axzz3oi6SWTpz (дата обращения: 04.06.2015).

64. Способы охоты [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ethnomuseum.ru/taezhnye-ohotniki-i-olenevody-sibiri (дата обращения: 05.06.2015).

65. *Степаненко В. Н.* Традиции природопользования во времени / Степаненко В. Н. [Электронный ресурс]. – URL: http://baikal-1.ru/services/ekoturizm/ (дата обращения: 06.07.2015).

66. *Туркин Н. В.* 2-й Всероссийский съезд охотников в Москве / Н. В. Туркин // Природа и охота. – 1910. – № 1. – С. 1–48.

67. *Туркин Н. В.* Законы об охоте. Критическое исследование русских охотничьих законоположений / Н. В. Туркин. – М. : Природа и охота, 1889. – 219 с.

68. *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3 т. / М. Н. Хангалов / под ред. Г. Н. Румянцева. – Улан-Удэ : Республ. тип., 2004. – Т. 1. – 508 с.

69. *Хангалов М. Н.* Зэгэтэ-аба, облава на зверей у древних бурят // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. – Иркутск, 1888. – Т. 19, № 3.

70. *Шелегина О. Н.* Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири : (Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.) / О. Н. Шелегина. – М. : Логос, 2001. – 183 с. – Вып.1 :

71. *Шиллингер Ф. Ф.* Современное состояние охотничьего хозяйства в Восточной Сибири и способы улучшения его // Семья охотников. – 1914. – № 6/7.

72. Шубки в сторону [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kommersant.ru/doc/730979 (дата обращения: 15.06.2015).

HUNTING IN THE BAIKAL SIBERIA AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES: STATE AND PROBLEMS

Yu. A. Zulyar
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Analysis of the processes of interaction between nature and society in the Baikal region in XIX–XX centuries in the context of the organization of hunting revealed a number of key problems of the topic. First of all, in this period, the actualized activity of the Government of the Russian Empire and the administration of Irkutsk province, at the same time turned around the establishment and activities of hunting societies. In the study area at the same time transformed two types of hunting cultures: traditional craft of indigenous peoples and Russian Staroselsky Novosel and fishing. Traditional methods of hunting included – rifle hunting and hunting with dogs, traps and fixtures, mancova hunting, hunting from a blind, guard, hunt with salt and on the salt marshes, driven and battue hunting. Taking place in the country and the region have a different impact on the number of hunters and the geography of their stay. The development of arms and hunting gear had a fundamental impact on the equipment of hunters, the types and forms of hunting and hunting itself. In the period under review, the main was the fur industry, which included a hunt for sable and squirrel, other small fur-bearing animals, the prey of a bear and the fight with the wolf, as well as fish for seals. Along the way, or was carried out deliberately hunting for ungulates, grouse and production of medicinal raw materials of animal origin. Terrible damage to nature and hunting resources of the region caused predation (poaching) and forest fires. Actively developed while reducing its effectiveness fur trade. Appeared nenasala to actively develop commercial and sales cooperation.

Keywords: hunting, Baikal Siberia, a Russian pre-revolutionary legislation, of the society of hunters, fur trade, trade cooperation.

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения, декан исторического факультета, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса 1, 412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: uazulyar@yandex.ru

Zulyar Yuriy Anatolievich – Doctor of History Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Dean of the Faculty of History Irkutsk State University, K. Marx st.1,412, Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372 e-mail: uzulyar@yandex.ru

УДК 930.85

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРКУТСКОГО РАДИОКОМИТЕТА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ[1]

И. А. КОЛОКОЛЬНИКОВ
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье впервые предпринята попытка всестороннего рассмотрения многогранной деятельности Иркутского радиокомитета в 1941–1945 гг. Необходимо отметить, что в 1930–1950-е гг. данная организация, являвшаяся не только средством массовой информации, но и крупнейшим культурным очагом, играла огромную роль в жизни иркутян и жителей других населенных пунктов региона. В военные годы ее работа была особенно востребована, поскольку данный период показал крайнюю значимость как информационного, так и художественного контента, который доводил до слушателей радиокомитет. В ходе настоящего исследования использовались документы ГАИО, ГАНИИО, звукового и кадрового архива ИГТРК, а также материалы иркутской периодической печати 1941–1945 гг.

Ключевые слова: радиокомитет, редакция, диктор, журналист, музыка, солисты.

В период Великой Отечественной войны Иркутск находился в глубоком тылу, однако его жители старались по мере сил вносить посильный вклад в дело Победы. Между тем до сих пор существуют сферы жизни города данного периода, которые еще не изучались исследователями. Хорошо известно, какую важную роль в годы войны сыграли газеты и радио, однако работа иркутских средств массовой информации в годы войны изучена недостаточно. Что же касается работы такой крупной организации, как Иркутский радиокомитет, то исследований, касающихся его работы в 1941–1945 гг., до сегодняшнего дня не возникало. Данная статья призвана восполнить столь существенный пробел в освещении культурной истории Иркутска.

Стоит отметить, что советское радиовещание 1930–1950-х гг., в том числе радиовещание военных лет, необходимо рассматривать прежде всего в социологическом и культурологическом ключе. В предвоенное и военное время, а также в первое послевоенное десятилетие радио играло огромную роль в жизни страны, поскольку являлось средством быстрейшего информирования граждан о важных событиях, а также эффективным средством

[1] *Исследования поддержаны грантом ИГУ № 091-14-215.*

пропаганды марксистско-ленинских идей. Но не менее важной была возложенная на радио миссия пропаганды произведений литературы, театрального и музыкального искусства. Большое количество произведений музыкальной и литературной классики, прозвучавших в эфире радио, воспитало художественный вкус не одного поколения советских граждан. Что касается Иркутского (до 1937 г. – Восточно-Сибирского) радиокомитета, то основные принципы его работы совпадали с принципами работы всех областных и краевых радиокомитетов страны. Однако радиокомитет Иркутска стал в своем регионе, прежде всего, крупнейшим культурным очагом, что удавалось далеко не каждому местному радиокомитету. Далеко не случайно многим людям, жившим в Иркутске в 1930–1950-е гг., радиокомитет запомнился в первую очередь как центр музыкальной культуры города, поскольку в его штате собралось немалое количество настоящих энтузиастов музыкального просветительства. При радиокомитете существовали крупнейшие в регионе профессиональные музыкальные коллективы: симфонический оркестр, камерный хор, оркестр народных инструментов, группа вокалистов и концертмейстеров. Количество участников музыкальных коллективов значительно превосходило число остальных работников радиокомитета. Кроме того, особенно важно подчеркнуть, что в 1930–1950-е гг. Иркутский радиокомитет во многом выполнял функции филармонии, поскольку творческие коллективы радио регулярно выступали не только в эфире, но и на различных концертных площадках. Наряду с коллективом театра музыкальной комедии, образованного весной 1941 г., творческие формирования радиокомитета были главными исполнительскими силами в музыкальной жизни города.

Нападение фашистов было для большинства советских граждан полной неожиданностью. Интересные воспоминания о том, как пришло известие о начале войны в Иркутский радиокомитет, оставила В. Г. Мизандронцева, которая в довоенные годы работала в литературно-драматическом коллективе радио как артистка, а затем выступала в качестве диктора, корреспондента и машинистки. Вот что она рассказывала: «*Был солнечный, даже чересчур жаркий для сибирского лета день. Мы сидели в садике на улице Горького, ожидая очередной радиопередачи, обмахивались платками, газетами, кляли жару. Время выстукивало последние минуты. Поднялись лениво.*

И вдруг на крыльцо вышла выпускающая Ольга Баталова и сообщила: "Не состоится ваша передача, товарищи. Будет транслироваться важное правительственное сообщение. Кто желает послушать, пожалуйста". Пожелали, конечно, все. И вот мы в студии. Тяжело падают в эфир, громом отдаваясь в ушах, слова: «гитлеровская Германия», "без объявления войны", "вероломно", "идут тяжелые бои"… Выходим молча. Идем, забыв, кому куда» [1].

Начало войны было грандиозным испытанием духа советских людей. Радиокомитет являлся организацией, перед которой помимо информирования граждан о текущих событиях стояли прежде всего пропагандистские и творческие задачи. Поэтому в годы войны все редакции проделали огромную работу, направленную в первую очередь на поднятие морального духа слушателей. Воспоминания работников радио свидетельствуют о том, что все его сотрудники ясно понимали, что передачи, звучащие в эфире, должны оказывать моральную поддержку всем, кто их слушает. Серьезную значимость имела пропаганда образцов русской классики, а также произведений литературы и искусства, родившихся в дни войны. Ведь эта пропаганда помогала поднятию национального самосознания и в целом духа граждан. Однако отнюдь не меньшую значимость имела военно-шефская работа, которую вели музыкальные коллективы радио и их отдельные участники. Они выступали на мобилизационных пунктах, вокзале, откуда уходили на фронт составы с пополнением, выезжали в воинские части, приходили выступать в госпиталях. Иркутск стал первым городом, где был проведен День культурного обслуживания раненого бойца, когда в госпитали города приходили драматические артисты, певцы, музыканты-инструменталисты, часто устраивая концерты непосредственно в палатах. Впоследствии такие дни стали проводиться и в других городах страны [2]. Пресса военных лет свидетельствует, что вокалисты радиокомитета активно участвовали в проведении таких дней.

Информационных передач радио в годы войны ждали с особым трепетом. В связи с масштабными сокращениями в штате радиокомитета, прошедшими летом 1941 г., была сокращена и редакция «Последних известий». Поэтому по воспоминаниям иркутской писательницы В. И. Мариной, с довоенного времени работавшей на радио, был период, когда она осталась единственным штатным автором в данной редакции [3]. Впрочем, стоит

отметить, что передачи информационного плана не сводились только лишь к блокам «известий». Приоритетным направлением работы корреспондентов было создание крупных передач оборонной тематики. За годы войны Иркутский радиокомитет ежедневно отводил большую часть времени для передач подобного плана. Их можно подразделить на две группы: программы о ходе событий на фронтах Великой Отечественной войны и о сибиряках, участвующих в боевых действиях, а также передачи о тружениках тыла. К последней разновидности относилась развернутая передача «Слушай, трудовой фронт», выходившая 3 раза в неделю уже летом 1941 г. [4]. Еще с довоенного времени существовала группа уполномоченных радиокомитета по различным районам области. Связь радио с районными радиоузлами и корреспондентами продолжала бесперебойно действовать и в дни войны. Жители отдаленных поселений региона знали, что радио обязательно уделит внимание наиболее крупным достижениям «трудового фронта».

Надо заметить, что в годы войны в деле подготовки радиопередач радиокомитету оказывали помощь многие одаренные журналисты, как штатные, так и нештатные авторы. В их числе был способный иркутский журналист К. А. Гайдук, более известный как шахматист. Также стоит отметить, что в 1942 г. непродолжительное время должность председателя радиокомитета занимал другой известный иркутянам журналист – С. М. Бройдо, однако, находясь на ответственном посту, творческой деятельностью в данном случае он не занимался. Что же касается журналистских материалов, то надо пояснить, что в эти годы авторы лишь писали тексты радиопередач. В эфир эти тексты, как и «Последние известия», начитывали дикторы. Иркутяне хорошо запомнили сводки военных лет, читавшиеся диктором А. А. Морецкой [3].

Особо важно то, что в годы войны, как и в мирное время, радио не забывало о своей важной воспитательной роли в деле подготовки программ для детей и юношества. В 1930–1950-х гг. радиопередачи оказывали большое влияние на граждан; слово, сказанное в эфире, воспринималось как непреложная истина, и слушали радио люди всех возрастов. Поэтому детские передачи также находили живой отклик у слушателей. Октябрята, пионеры и даже дошкольники писали на радио немало писем. Эта связь не прекращалась и в годы войны. Значимым разделом дет-

ского радиовещания была «Жизнь школы». О тематике передач, выходивших в этом разделе, можно судить по отчету о деятельности радиокомитета за 1-е полугодие 1944 г. В нем сообщается о цикле передач «Зарисовки и очерки из жизни иркутских школьников». Также по отчету можно убедиться, что в этот период выходило немало детских передач образовательного плана: циклы радиобесед «Математический радиокружок» и «Изучай жизнь великих людей», ряд передач «О писателях и поэтах», «Три беседы о языке» (профессора К. А. Копержинского) и т. д. [5].

Штат работников литературного сектора в дни войны был также сокращен. Однако литературно-драматическое вещание продолжало оставаться одной из важнейших составляющих того контента, который представлял слушателям Иркутский радиокомитет. Продолжали выдаваться в эфир произведения русской классической литературы и творения советских авторов. Особо важно отметить, что сотрудники радиокомитета стремились представить слушателям целиком или фрагментами новейшие произведения советских прозаиков и поэтов. Документы военных лет свидетельствуют, что в том или ином виде в эфире Иркутского радиокомитета находили отражение лучшие литературные произведения, созданные в годы войны: «Взятие Великошумска» Л. М. Леонова, «Волоколамское шоссе» А. А. Бека и др. Также отражались события литературной жизни региона. Военная тематика занимала основное место во всех тематических разделах радиовещания, в том числе и литературном. Об этом свидетельствует тот факт, что из 205 литературных передач, вышедших в эфир во 2-м полугодии 1944 г., 122 были связаны с Великой Отечественной войной [6].

Музыкальная деятельность Иркутского радиокомитета, как и в довоенные годы, имела огромнейшее культурное значение в жизни региона. Как уже было отмечено, с первых дней войны наряду с эфирными и открытыми концертами музыкальные коллективы радио вели большую шефскую работу. Организацией военно-шефских выступлений занималась Областная военно-шефская комиссия работников искусств, председателем которой был директор Иркутского драматического театра О. А. Волин [7]. Работники радиокомитета играли важную роль в этих выступлениях. Также в сентябре 1941 г. силами хора, симфонического оркестра и солистов радио была подготовлена постановка оперы

Г. С. Брука и Д. С. Васильева-Буглая «Родина зовет», прошедшая на сцене драматического театра. Среди исполнителей особо выделялся обладатель красивого баса А. А. Авдеев, который приехал в Иркутский радиокомитет осенью 1940 г. в командировку сроком на год, однако оставался в Иркутске до расформирования музыкальных объединений радио в 1953 г. Современники характеризовали его как незаурядного вокалиста, обладавшего также яркими артистическими способностями [8]. Вполне вероятно, что решение остаться в городе Авдеев принял именно в связи с началом войны. Говоря о вокалистах радио, нельзя не отметить также тот факт, что в качестве солисток Иркутского радиокомитета в годы войны работали эвакуированные певицы М. Ф. Снага-Паторжинская (Киев) и В. П. Чекулаева (Ленинград) [8].

Симфонический оркестр и хор радио испытывали в военные годы большие сложности, поскольку многие хористы и оркестранты ушли на фронт. Особенно остро ощущалась нехватка квалифицированных музыкантов в оркестре. Тем не менее, эту сложную проблему удалось решить путем привлечения к его работе музыкантов из театров города, а также Харьковского и Киевского театров оперы и балета, которые в полном составе прибыли в Иркутск в 1942 г. Таким образом, оркестр радио смог, как и раньше, исполнять симфонические произведения крупных форм. Например, в эфирных концертах военного времени звучали симфонии Л. Бетховена (5-я), П. И. Чайковского (1-я и 5-я) и В. С. Калинникова (1-я). Наиболее крупной работой хора в военные годы была оратория М. В. Коваля «Народная священная война» (в обработке композитора Л. С. Гурова, эвакуированного в Иркутск) [8]. Запомнились иркутянам и два ярких скрипача, работавших в это время на радио. Речь идет о Л. Ю. Решетейне и В. Н. Пронине. Последний был эвакуирован из Одессы, где в 1941 г. окончил консерваторию по классу знаменитейшего педагога П. С. Столярского [9].

Работой музыкальных коллективов Иркутского радиокомитета управляли сотрудники музыкальной редакции. Важно отметить, что в годы войны ее работой руководил эвакуированный из Одессы музыковед А. В. Абрамович, большой специалист в области истории и теории музыки, а также яркий лектор. Кроме того, он принимал заметное участие в общественной жизни и был одним из активнейших участников партийных собраний ра-

диокомитета. Абрамович был грамотным специалистом, и под его художественным руководством коллективы радио работали успешно. Помимо исполнения произведений русских и западноевропейских классиков, а также сочинений советских композиторов, в годы войны они стали пропагандистами произведений местных авторов, чему способствовало образование в 1943 г. Иркутского отделения Союза советских композиторов. Как уже было отмечено, в Иркутск были эвакуированы оперные театры из Харькова и Киева. Они проработали в городе до мая 1944 г., выступая как единый коллектив, который в афишах и прессе именовался «Киевским театром». Ярчайшие вокалисты, которые находились в его составе, периодически выступали по радио. Известно об эфирных выступлениях таких певцов, как И. С. Паторжинский, М. И. Литвиненко-Вольгемут, З. М. Гайдай, А. А. Иванов (впоследствии работавший в Большом театре), М. П. Бем, К. Н. Лаптев (впоследствии работавший в Ленинградском театре оперы и балета им. С. М. Кирова, т. е. Мариинском театре), М. Д. Роменский и мн. др. [10].

Необходимо отметить одну важную деталь. Вещание военных лет, подобно довоенному, было ориентировано прежде всего не на использование фонограмм, а на живые выступления дикторов, музыкальных коллективов или гостей радио у микрофона. Таким образом, выступление по радио было делом в высшей степени ответственным. Учитывая тот факт, что запись практически отсутствовала, остро стоял вопрос, как сделать так, чтобы выступающие, в частности участники исполнительских коллективов радио, повышали степень самоконтроля. Не случайно на одном из собраний работников радиокомитета в 1944 г. А. А. Авдеев отмечал: «*Большое значение для певца имеет то, что он себя слышит, когда поет у микрофона. Я предлагаю петь с наушниками, также больше использовать шоринофон…*» [11].

Запись в военные годы еще практически не применялась, хотя потенциально она уже существовала. По воспоминаниям ветеранов радио, некоторые важные передачи записывались. Носителями были гибкие пластинки, записывавшиеся при помощи шоринофона, а также тонфильмы, для записи и воспроизведения которых также служили отдельные аппараты [12]. К сожалению, ни одна из немногочисленных записей данного периода не сохранилась до наших дней, поскольку при переходе на использо-

вание магнитных лент никто не догадался сохранить документальную звуковую хронику жизни региона, поэтому тонфильмы и пластинки были попросту утилизированы.

Работа Иркутского радиокомитета в дни войны показывает, с каким энтузиазмом его сотрудники старались выполнять важнейшие задачи, поставленные перед ними суровым временем. К сожалению, сценарных планов передач данного периода до нас практически не дошло. Однако документы государственных и частных архивов, касающиеся работы Иркутского радиокомитета и его отдельных сотрудников, показывают, что организация работала весьма интенсивно и успешно. И если работу областного радио с 1953 г. по настоящее время можно рассматривать прежде всего как работу средства массовой информации, то деятельность Иркутского радиокомитета в 1930–1950 гг. наглядно демонстрирует, что он был в первую очередь крупнейшим культурным центром.

Список литературы

1. Фонотека ИГТРК. И-Ф 132. Передача «И на длинной, и на средней, и на самой короткой волне». 17.07.1979.

2. *Ефимов О.* Музы не молчали // Сов. молодежь. – 1985. – 7 мая. – С. 4.

3. Фонотека ИГТРК. И-Ф 133. Передача «И на длинной, и на средней, и на самой короткой волне». 21.10.1979.

4. Архив ИГТРК. Ф. Иркутского радиокомитета. Оп. 1. Д. 7. Л. 189.

5. ГАИО. Ф. 2451. Д. 37. Л. 4.

6. ГАИО. Ф. 2451. Д. 38. Л. 5.

7. *Волин О.* Работники искусств – шефы Красной Армии // Вост.-Сиб. правда. – 1943. – 5 марта. – С. 2.

8. *Колокольников И. А.* Музыкальная жизнь Иркутска в период Великой Отечественной войны // Музыка и время. – 2015. – № 3. – С. 41–45.

9. Архив ИГТРК. Л/д № 573. Л. 4.

10. ГАИО. Ф. 2451. Д. 32. Л. 9.

11. ГАНИИО. Ф. 3446. Оп. 1. Д. 9. Л. 73-об.

12. Фонотека ИГТРК. И-Ф 144. Передача «Говорит Иркутск». 07.05.1984.

THE WORK OF IRKUTSK RADIO COMMITTEE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

I. A. Kolokolnikov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. In this article, the first attempt a comprehensive review of the multifaceted activities of the Irkutsk radio Committee in 1941–1945 it Should be noted that in 1930–1950 this organization, which was not only a mass medium but also a major cultural hearth, played a huge role in life of inhabitants of Irkutsk and inhabitants of other settlements of the region. During the war her work was particularly in demand, as this

period showed the extreme importance of both informational and artistic content, which brought to the listeners of the radio. The present study used documents, GAIO, GANIIO, sound and personnel files, HTRK, and the materials of Irkutsk periodicals, 1941–1945.

Keywords: radio, editorial staff, announcer, journalist, music, soloists.

Колокольников Иван Арсеньевич – аспирант, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: ivan-ars_k@mail.ru

Kolokolnikov Ivan Arsenievich – Postgraduate Student, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History Irkutsk State University, 412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: ivan-ars_k@mail.ru

УДК 281.93(571.1/.5)(=957)(091)

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ КОРЕЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.)

А. А. КРУЖАЛИНА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье рассматриваются особенности процесса христианизации корейских переселенцев на Востоке России, описывается роль Русской православной церкви в просвещении переселенцев. Особое внимание уделено анализу материалов периодической печати по обозначенной проблеме.

Ключевые слова: переселенцы, корейцы, православная церковь, Сибирь, газеты, XIX в.

С середины XIX столетия население Кореи стало проявлять все более активный интерес к переселению на Дальний Восток и в Сибирь. За исследуемый период количество переселенцев возросло с 1 тыс. человек в 1864 г. до 100 с лишним тысяч в 1917 г., т. е. за 53 года был рост в 100 раз. По данным Всероссийской переписи населения, корейский язык считали родным – 25 996 человек.

Перед корейскими переселенцами возникли большие трудности в связи с незнанием русского языка, законов и обычаев чужой страны. Чтобы стать полноправными членами Российского государства, а главное, получить земельные наделы, им необходимо было принять русское подданство, оформить свой правовой статус. Несмотря на сложности, экономическое положение большинства корейских иммигрантов было лучше, чем на родине. К

тому же местные власти, заинтересованные в скорейшем обрусении туземцев, открывали школы для корейских детей, в которых их учили русскому языку. Заметный прогресс в народном образовании достигался благодаря деятельности православных миссионеров в корейских селах, а также лояльному отношению властей к открытию частных школ на деньги самих корейцев.

Уже в первые годы появления корейского населения в Приамурье было обращено активное внимание на необходимость распространения среди них православной христианской веры. Большинство корейцев считали крещение актом вступления в русское подданство и поэтому охотно соглашались на этот обряд. Священник воспринимался ими не меньшим начальником, чем кто-либо другой из представителей областной администрации. В силу чего они были готовы выполнять любую его просьбу, которая воспринималась как приказ. Наличие крещеных корейцев отмечено в известной книге Н. М. Пржевальского Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. [10]. Вместе с тем он отмечал, что христианизация корейских переселенцев шла довольно трудно. Одной из причин этого он считал личные качества двух миссионеров, которые в его бытность работали среди корейцев. Н. М. Пржевальский сообщает: «Доколе личности, подобные настоящим, будут вести там православную пропаганду, дотоле успех ее будет более чем сомнителен, особенно среди таких грубых и закоснелых в невежестве народов, каковы корейцы и китайцы» [Там же].

Известен также факт, что в 1870 г. власти Южно-Уссурийского края убедили генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова в том, что корейцы охотно примут православную веру, если светское и духовное руководство обратит на это надлежащее внимание. Сразу же после этого Корсаков поинтересовался у Преосвященного Амурского епископа Вениамина, «не признает ли он своевременным приступить к обращению в христианство тех корейцев, которые изъявят на то согласие». В то же время Приморскому губернатору было предписано оказывать духовным лицам всяческое содействие в этом благородном деле.

Епископ Вениамин послал в места компактного проживания корейцев двух священников, в обязанность которых входила подготовка корейцев к принятию святого крещения и дальнейшее удовлетворение их религиозных потребностей. Однако одному священнику было уже 70 лет, а другой должен был заниматься

своим приходом, а также являлся благочинным, т. е. находился в церковном управлении на административной должности по заведованию несколькими церквями вместе с их приходами. В этой связи епископ Вениамин решил выписать специально для работы среди корейцев священника из Забайкальской области, где у РПЦ был уже большой опыт миссионерской деятельности.

И все же, несмотря на подобные трудности, которые замедляли процесс, обращение корейцев в православие шло довольно быстрыми темпами. Особенно было много крещено детей у корейских переселенцев в 1869–1870 гг. вследствие того что многие, не имея достаточных средств к существованию, отдавали своих детей в русские семьи на воспитание. Всего за 1871 г. крестились 363 чел. корейской национальности [2]. При этом многим корейцам было отказано в крещении на том основании, что они еще не успели обзавестись хозяйством и не могли представить данных о точном месте их жительства. Вторая причина снижения темпов христианизации корейцев заключалась в том, что для крещения банально не хватало сорочек и крестов.

После того как корейские крестьяне окрепли, они начали забирать своих детей от русских, что было совершенно понятно. Некоторые из последних в свою очередь не пожелали отдавать детей, т. е. расставаться с дополнительными рабочими руками и т. п. В результате этого возник ряд острых ситуаций, разрешить которые взялась администрация области, пояснив, что в России нет такого закона, по которому можно было бы разлучать крещеных детей с некрещеными родителями.

Однако известны и исключительно положительные примеры проживания корейских детей у русских. Так, в журнале «Миссионер» за 1877 г. сообщалось о судьбе корейского мальчика, усыновленного солдатом. Издание сообщало, что он научился читать и писать по-русски и получил также представление о «едином Боге» и о необходимости «обращаться к нему в горести и радости». В 1872 г. этот мальчик попал в Москву, где был крещен по разрешению митрополита Московского Иннокентия и приобрел юридические права русского гражданина [9].

Корейцы всегда с большой готовностью соглашались на крещение своих детей, потому что они понимали необходимость перехода детей в христианскую веру и принятия русского образа жизни. Когда открывалась церковно-приходская школа, корей-

ские родители сразу отправляли в нее своих детей. Желание корейцев перенять русскую веру в этот ранний период было чрезвычайно сильным: корейцы сами строили церкви, школы, сами вызывались креститься и т. д. [3]. Следует, однако, подчеркнуть, что этот интерес был зачастую вызван не желанием понять веру, а все-таки тем, что корейцы, как и большинство новокрещеных инородцев региона, не делали различия между русским подданством и христианством и считали, что принятие христианства поможет им приобрести и другие преимущества.

Церкви в корейских селах Приморской и Амурской областей стали строиться вскоре после того, как численность их жителей возросла, а хозяйство сельчан более или менее окрепло. Лишь в с. Благословенном Амурской области, история которого особая, церковь была заложена почти одновременно с постройкой жилищ и школы. Сначала эту церковь предполагалось освятить во имя Николая Чудотворца, но по распоряжению местных властей она была освящена во имя князя Александра Невского. В с. Корсаковка сначала в 1870 г. была построена часовня в честь Иннокентия Иркутского чудотворца. Она просуществовала до 1887 г., когда была построена новая церковь в честь того же святого. В следующем году появилась часовня в с. Кроуновка. В 1889 г. была сооружена церковь в с. Пуциловка, освященная, правда, только 2 января 1891 г. во имя святого Иоанна Предтечи. К этому же 1889 г. относится появление церкви в с. Синельниково во имя святого Николая Чудотворца. В начале XX в. в корейских селениях на Дальнем Востоке России насчитывалось около 10 церквей, построенных в основном на средства самих корейцев [8].

Дореволюционная общественность региона неоднократно высказывалась очень критично по поводу подлинной религиозности новокрещеных из числа бурят, китайцев, якутов и корейцев. Так, например, много говорилось о том, что последние нерелигиозны и неспособны к восприятию православной веры; что они лишь из корыстных целей крестились, а крестившись, вновь исполняли все обряды буддизма или конфуцианства.

В ответ на подобные суждения епископ Павел писал: «Еще до поездки своей в Корею мы интересовались вопросом о религиозности корейцев и о подготовленности их к принятию христианства. Мы спрашивали по этому поводу служебных лиц, которые близко стояли к корейцам, в особенности Уссурийского края, и

получили почти единодушный ответ: корейцы не религиозны. Корейцы не подготовлены к принятию христианства. Не скроем, что такие отзывы опечаливали нас, но, к счастью, мы оказались жертвою и своей неопытности и неопытности лиц, которые так решительны были в суждении по очень сложным вопросам. Теперь, ознакомившись с положением дела на месте, в Корее, и из фактов, занесенных в печать, мы должны прийти к заключению, как трудно судить о религиозности отдельных лиц, и по преимуществу целого народа, и как легко, в данном случае, может сложиться ошибочное мнение у людей, быстрых в своих суждениях» [5].

24 июня 1912 г. в Казанском соборе Санкт-Петербурга была совершена хиротония архимандрита Павла во епископа Никольск-Уссурийского, после чего Владивостокская и Сеульская православные миссии были объединены. Епископ Павел много сделал для того, чтобы православная вера воспринималась корейцами осмысленно, через сердце. При этом он утверждал, что православию чужды идеи политиков о русификации и т. д. Так, на журнале № 8 Иркутского миссионерского съезда от 6 июня 1913 г. он записал: «Обрусение 76 инородцев не есть прямая цель или задача наших миссионеров». Правда, далее он замечал: «Но тем не менее – обрусение есть естественный и неизбежный результат разумной и ревностной работы миссионеров, особенно “у себя дома”».

Эту же мысль подчеркивал он и позднее, когда писал, что для православной миссии «не только излишне обременительны, но и чужды задачи гражданских деятелей, имеющих в виду обрусение (русификаторство), ассимиляцию и др. Христианство никого не обезличивает, и каждый народ должен вносить в церковную сокровищницу свои национальные черты, вложенные в него Раздаятелем даров Господом Богом» [7].

На рубеже веков церковные власти изменили отношение к миссионерской деятельности среди корейцев. Первоочередная задача теперь заключалась не в формальном численном увеличении крещеных корейцев, а в развитии их уровня религиозности через образование. Школа стала заботой первой важности православной миссии, ибо «школа есть преддверие церкви». В 1900 г. во Владивостокской и Благовещенской епархиях, где проживала основная масса корейских переселенцев, действовали 26 церковно-приходских школ. К этому времени церковные власти приняли

решение исключить из своих школ использование корейского языка и перейти полностью на русский язык обучения [4].

Вместе с тем православные епархии не могли воспрепятствовать распространению корейских школ, но пытались привлечь корейских детей в церковноприходские школы. В программу обучения церковно-приходских школ входило 5 предметов: Закон Божий, церковнославянский и русский языки, математика, церковные песнопения, история и география [6]. На практике эта программа полностью проводилась только в нескольких наиболее крупных поселениях, таких как Корсаково и Янчиха. В большинстве случаев из этой программы опускались древний церковнославянский язык, история и география. Неотъемлемой частью обучения, конечно, была утренняя молитва, а в школах-интернатах и вечерняя.

Длительность обучения была очень разной и во многом зависела от внешних обстоятельств. В то время существовали школы двух основных типов: церковно-приходские и школы грамоты. Средняя продолжительность учебы в церковно-приходских школах составляла 3-4 года. До 1899 г. период обучения в миссионерских церковно-приходских школах был установлен в 3 года, на год больше чем в обычных церковно-приходских школах. Позже был добавлен еще один год для тех школ, в которых занимались главным образом нерусские дети, так что официально рекомендовавшаяся длительность обучения стала составлять 4 года [1].

Обычно церковные школы рассчитывали на взносы родителей, но даже русские не проявляли желания платить за образование своих детей. Корейцы представляли собой исключение в деле содержания своих школ. Вероятно, такое отношение было следствием глубоко укорененного в их сознании уважения к образованию, что было отличительной чертой корейского общества. Во всех корейских школах-интернатах расходы делили корейская община и родители. Когда требовались большие капиталы для постройки здания новой школы, в большинстве случаев их полностью предоставляла корейская община. Таким образом, Русская православная церковь нашла возможности ведения пропаганды среди корейцев в школах, которые требовали очень мало расходов со стороны церкви. Школьная сеть почти полностью содержала себя сама и не зависела от денежных поступлений извне, а это было очень выгодно для православной церкви.

Такая просветительская политика церкви не замедлила дать хорошие результаты как и по общему числу крещеных корейцев, так и по их участию в церковных обрядах. К 1903 г. доля крещеных корейцев колебалась в различных деревнях от 60 до 90 %, а участие крещеных корейцев мужского пола в причастии достигало от 40–85 %, что является свидетельством чрезвычайного успеха. К сожалению, Русско-японская война положила конец этому положительному развитию, с одной стороны, во многом сократив финансовую поддержку извне, с другой стороны, лишив в глазах корейцев Россию статуса великой державы. И хотя после войны наблюдалось некоторое улучшение положения, показатели никогда не смогли достигнуть довоенного уровня.

В заключение следует отметить, многие черты характера, образ жизни, традиции корейцев импонировали русскому населению, особенно такие, как трудолюбие, дисциплинированность и лояльность. Русскоподданные корейцы рассматривали Россию как новое приобретенное отечество, в жизнь которого они охотно встраивались, принимая православие, изучая русский язык и культуру. Вместе с тем они не забывали и о сохранении в своих семьях конфуцианско-буддистских религиозных традиций и родного языка, всех достоинств своего этноса.

Православная церковь сыграла положительную роль в деле приобщения корейцев к новой жизни на Дальнем Востоке. Священнослужители и миссионеры стали первыми преподавателями русского языка среди корейцев. Естественно, что основная задача их деятельности заключалась в христианизации корейцев и воспитании верноподданнических чувств царскому самодержавию, с чем они вполне справились.

Наряду с успехами распространения православия среди корейцев существовало немало трудностей усвоения ими этой религии. Они исходили прежде всего из общих существенных различий корейской и русской культур. Существенной преградой на этом пути было незнание корейцами русского языка, а священниками – корейского. Вплоть до начала XX в. не было никаких пособий на корейском языке для того, чтобы корейцы могли полностью понимать значение тех или иных обрядов, смысл молитв и т. д. Тем не менее историческая ситуация в регионе, международные проблемы, от которых страдали корейцы на родине, – все это в совокупности обеспечило существенные успехи распространения православия среди корейцев, особенно на Дальнем Востоке России.

Список литературы

1. *Белов М. В.* Просветительская деятельность Русской православной церкви среди корейских иммигрантов в дореволюционной России // Актуальные проблемы российского востоковедения. – М., 1994. – С. 82

2. *Вагин В. И.* Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей стран. – СПб., 1875–1876. – Т. 1. – С. 19.

3. Вениамин, Епископ Камчатский. Отчет о состоянии и деятельности миссии Камчатской епархии за 1872 г. : тр. православ. миссий Вост. Сибири. – Иркутск, 1873. – Т. 1. – С. 559–560.

4. Миссионерское дело в Корее и в Уссурийском крае; частное письмо из Сеула // Церков. ведомости. – СПб., 1912. – №. 6. – С. 203–206.

5. *Недачин С. В.* Корейцы-колонисты. (К вопросу о сближении корейцев с Россией) // Воен. сб. : изд. Рус. ориенталистов. – СПб., 1913. – Кн. 1. – С. 192–193.

6. Отчет Камчатского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты в Камчатской епархии за 1893/1894 учебный год // Камчат. епархиал. ведомости. – 1895. – № 10. – С. 69–70.

7. *Петров А. И.* Школа культуры и нравственности. Русская православная миссия в Корее 1897–1917 гг. // Россия и АТР. – Владивосток, 1995. – № 4. – С. 79.

8. Православный благовестник. – М., 1906. – Кн. 2. – С. 164.

9. Судьба корейского мальчика // Миссионер. – 1877. – №. 17. – С. 136–138.

10. *Пржевальский Н. М.* Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М. : ОГИЗ, 1947. – 77 с.

THE CHRISTIANIZATION OF THE KOREAN SETTLERS IN SIBERIA (ON MATERIALS OF PERIODICALS THE SECOND HALF OF XIX CENTURY)

A. A. Kruzhalina
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article discusses the features of the process of Christianization of Korean immigrants in the East of Russia, describes the role and influence of the Russian Orthodox Church in the education of immigrants. Special attention is paid to the analysis of periodical materials on problem identified.

Keywords: immigrants, Koreans, the Orthodox Church, Siberia, Newspapers, nineteenth century.

Кружалина Анастасия Алексеевна – кандидат исторических наук, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, 412, тел.: 8(3952)24-38-75, e-mail: kliokru@gmail.com

Kruzhalina Anastasia Alekseevna – Candidate of History Sciences, Department of Political Science, History and Regional Studies, Historical Faculty, Irkutsk State University, K. Marx 1 st., 412, Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)24-38-75, e-mail: kliokru@gmail.com

УДК 9(С)15

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТОРГОВОГО ДОМА «КОКОВИН И БАСОВ» В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ОСВОЕНИИ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX В.

М. Д. КУШНАРЕВА
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье на основании ранее не исследованной купеческой переписки предпринята попытка выявить особенности освоения отдаленных территорий Северо-Восточной Сибири представителями фирмы «Коковин и Басов». Автор пришел к выводу о том, что приказчик фирмы в суровых северных условиях за короткий срок смог наладить бесперебойные поставки чая и других товаров из портов Охотского моря в центральные районы Якутской области, Чукотки и Камчатки, организовал сухопутные грузоперевозки, разработку золотых месторождений и новых ресурсов для лесной торговли.

Ключевые слова: Северо-Восточная Сибирь, торговый дом, пушная торговля, чайная торговля, приказчик, освоение территории, грузоперевозки, разработка золота.

Основная цель данной статьи – выявление особенностей освоения отдаленных территорий Северо-Восточной Сибири представителями торгового дома «Коковин и Басов» на основе изучения ранее не введенных в научный оборот материалов торговой переписки.

В начале XX в. на территории Северо-Восточной Сибири усиливается конкуренция среди фирм с крупным капиталом. Торговые дома создали собственную торговую инфраструктуру, начали оптовые поставки продуктов питания и товаров потребления коренному населению края. Это привело к тому, что у фирмы «Коковин и Басов» появилась необходимость расширения районов торговых операций и реорганизации уже существовавших отделений [4, с. 94]. Одним из таких стратегических пунктов, деятельность которого было необходимо привести в соответствие с изменившимися условиями ведения торгового дела на северо-востоке Сибири, являлся Аян. Здесь сосредотачивались склады всех крупных фирм, осуществлялась доставка грузов морским путем, происходило дальнейшее распределение товаров потребления по территории Якутской области и Камчатского края, отправка крупных партий пушнины на заграничные рынки [7]. В начале XX в. скорость оборота капитала торгового дома прежде всего зависела от бесперебойной работы отделений в Ая-

не. На службу в Аянское отделение фирмы «Коковин и Басов» в 1908 г. был назначен В. И. Фефелов, ранее занимавшийся разъездной меновой торговлей в северных округах Якутской области. Фефелов был хорошо знаком с местными условиями жизни, знал традиции и обычаи коренного населения, а также отличался деловой хваткой и активностью. По данным архивных источников, Владимир Иннокентьевич Фефелов являлся уроженцем Якутской области. Начал свою карьеру в качестве приказчика торгового дома «Коковин и Басов» в 1880-х гг. в Колымском округе Якутской области. В период 1890–1905 гг. занимался разъездной меновой торговлей с коренным населением Колымского округа, Камчатки и Чукотки. Ежемесячный оборот Фефелова от сделок с пушниной в Колымском отделении фирмы составлял от 40 до 70 тыс. руб. [5, д. 3, л. 18]. Фефелов производил торговлю товарами потребления из магазина фирмы «Коковин и Басов» [5, д. 3, л. 34].

С 1905 г. В. И. Фефелов был назначен доверенным лицом фирмы «Коковин и Басов» в Охотске. Чайная торговля, организованная им в Охотске, приносила торговому дому ежемесячную прибыль от 2800 руб. до 6000 руб. [5, д. 3, л. 44]. Под руководством Фефелова транспортировалось из Охотска в Якутск по сухопутным путям от 1 до 3 тыс. коробок чая на сумму от 30 тыс. до 90 тыс. руб. [5, д. 3, л. 5]. Следует также отметить, что приказчик вел четкий учет всех купленных и отправленных по отделениям торгового дома партий пушнины, проданного и принятого на доставку чая, имел тесные торговые и деловые контакты с представителями фирм Северо-Восточной Сибири. По отзывам современников, отличался «стратегическим мышлением, достоинством и четкостью ведения любых дел. Благодаря Владимиру Фефелову северное дело Коковиных избежало упадка» [6, д. 3, л. 136].

В 1906 г. В. И. Фефелов получил купеческое свидетельство 2-й гильдии и продолжил свою работу в качестве доверенного лица фирмы, развивая северные отделения [5, д. 9, л. 34]. Ежегодно участвовал в Якутской, Анюйской, Нижегородской и других пушных ярмарках, прекрасно разбирался в пушной, чайной и лесной торговле, горнорудном деле.

В период с 1908 по 1917 г. В. И. Фефелов являлся доверенным лицом торгового дома «Коковин и Басов» в Аяне и Нелькане. Дальнейшая судьба талантливого якутского купца 2-й гильдии и доверенного торгового дома «Коковин и Басов» нам не известна.

Итак, Фефелов впервые прибыл в Аян из Якутска и Нелькана 8 сентября 1908 г. В своем письме в Якутское отделение торгового дома «Коковин и Басов» Фефелов описывал трудности перехода: «В пути с Нелькана нас преследовали снега и дожди. Всего находились в пути 11 суток и ¾ пути прошли пешком. Перевалили за хребет и встретили полную зелень, как летом. Первый снег в Аяне выпал 15 октября» [5, д. 6, л. 8]. По прибытии в Аян Фефелов занялся приемкой чаев и товаров. Работа приказчика по упорядочиванию дел фирмы в Аянском отделении проходила в условиях суровой зимы. «Метели здесь бывают по несколько дней. В это время нет возможности выйти во двор. Дом заносит снегом по самые окна. В углах дома сильная сырость, плесень и все продувается ветрами. Помещение лавки с низким потолком и кривыми окнами. Сама лавка поставлена в противоположную сторону от бухты. В лавке нет погреба и амбара. Торговать в лавке довольно трудно, так как часть товаров на улице заносит снегом. Мороз доходит до 50 градусов при сильном северном ветре» [5, д. 6, л. 10–11]. С целью строительства нового здания лавки, амбаров и жилого дома в Аяне Фефелов нанимает новопокровских крестьян, которые заготовили 150 бревен и доставили их на Аян весной 1909 г. Кроме того, с теми же крестьянами был заключен контракт на доставку чаев из Аяна в Нелькан летом на лошадях, зимой на оленях. Фефелов в своем письме в Якутское отделение фирмы «Коковин и Басов» высказал предположение о необходимости заключить договор с торговым домом «Наследники А. И. Громовой» на доставку товаров конным транспортом до рек Мая и Алдан, далее пароходами Громовой в навигационный период до Якутска и других населенных пунктов Якутской области. В случае организации самостоятельных конных перевозок грузов, по мнению Фефелова, «придется выписывать прессованное сено, которое зафрахтованный пароход может возить в Аян с чаями» [5, д. 6, л. 14]. Для дальнейшего функционирования отделения в Аяне Фефелов выписал из Якутска 20 штук рогатого скота, 150 пудов овса [5, д. 6, л. 13].

В качестве одного из направлений торговой деятельности в Аяне Фефелов начал добычу леса [5, д. 6, л. 13-об.]. «Лесу строевого здесь очень много. Можно до пяти миллионов свободно вырубить, а по р. Алдоме в 30 верстах от устья растут мачтовые леса. Можно рубить и плавить. В тихое время леса может подносить к

борту парохода» [5, д. 6, л. 14]. В результате освоения прилегающей к Аяну местности Фефеловым было найдено уникальное озеро, в которое мог зайти пароход из устья р. Алдомы для погрузки леса. Но главным открытием Фефелова было то, что вблизи озера в долине р. Алдомы были расположены золотые россыпи, свободные для разработки. При этом необходимые материалы и техника для освоения россыпей могли быть привезены туда пароходом. Фефелов писал, что «устье Алдомы представляет удобную пристань для выгрузки чаев. От ветров защищена, пароход останавливается в губе за большими горами. Поэтому при свирепствующих здесь в Охотском море ветрах пароход защищен горами полуострова Нурки. Пароход останавливается от устья Алдомы не далее одной или пяти верст, почти так же, как в Охотске, но здесь несравненно лучше Охотска. В Охотске открытое море и бьет волна, а здесь волн не бывает. Около устья Алдомы есть покосные места. Покосов окажется достаточно и трава хорошая» [5, д. 6, л. 20 об.]. 14 ноября 1909 г. другим доверенным лицом фирмы «Коковин и Басов» А. Ф. Поповым в Горное управление были поданы заявки на разработку золотых россыпей, расположенных по течению р. Алдомы [5, д. 6, л. 14]. В том же 1909 г. В. И. Фефеловым была составлена подробная карта Алдомы, Аянской бухты с промерами и якорными стоянками для пароходов [5, д. 6, л. 22].

Следует отметить, что все работы, связанные с созданием инфраструктуры торгового дела в Аяне, Фефелов выполнял лично. По летним путям объезжал леса, где проводилась вырубка и сенокосы. Приказчик по зимним дорогам контролировал регулярную доставку чая в Якутск и поступление партий пушнины. Часто поездки были связаны с риском для жизни. Приведем цитату из письма В. И. Фефелова в Якутское отделение торгового дома «Коковин и Басов» от 7 декабря 1908 г. «С партией чая поехал я в Улькан. Не мог никак добраться до устья. Такой сильный ветер, что тунгуса с оленями роняет с ног. Я три раза пытался идти пешком, но сваливался с ног. Нет никакой возможности добраться до устья. Мой тунгус умолял меня вернуться, говорил, что замерзну. Алдомские тунгусы мне говорят, что ветер не пустит, а по самой реке на 40 верст вперед будет дуть еще сильнее» [5, д. 6, л. 21].

Несмотря на тяжелые условия труда и жизни, за период 1908–1909 гг. Фефеловым было заключено более 20 контрактов с

подрядчиками на перевозку грузов, скупку пушнины, столярные и плотницкие работы и мн. др. Кроме пушнины Фефелов принимал от местного населения золото, занимался торговлей спиртом. При этом Фефелов писал в Якутское отделение торгового дома «Коковин и Басов» о необходимости увеличения поставок спирта в Аян. «Для привлечения обязательно надо 10 ведер спирта ежемесячно. Здесь обычай такой. Чтобы привлечь подрядчика, надо его угостить и при заключении с ним условия дать одну бутылку водки на дорогу. Все так действуют. А нам приторговывать этим необходимо» [5, д. 6, л. 16].

Таким образом, кроме торгового дела, В. Фефелов, находясь на службе у торгового дома «Коковин и Басов» в Аяне, занимался созданием собственной торговой инфраструктуры, искал наиболее подходящие пути для разгрузки и перевозки товаров, участвовал в разведке золотых месторождений, осваивал лесные и сенокосные угодья, составлял подробные карты местности.

Далее выявим основные результаты экономической деятельности доверенного фирмы «Коковин и Басов» В. Фефелова в период 1908–1910 гг. на Аяне.

Итак, из промысловых округов, расположенных вблизи Аяна и Нелькана, в Московское и Якутское отделение торгового дома ежемесячно высылалась пушнина в среднем на сумму 4 тыс. руб. Партии пушнины состояли из ценных сортов темной белки, красной и черно-бурой лисицы, песца и горностая [5, д. 3, л. 12]. За промысловый период 1908–1909 гг. собрано в партии и отправлено на имя торгового дома «Коковин и Басов» пушнины на общую сумму 50 тыс. руб. За период 1909–1910 гг. – на сумму 60 тыс. руб. [5, д. 3, л. 13, 16, 29, 30, 35, 36, 48]. Ежемесячная выручка магазина в Аяне составляла 5300 руб. [5, д. 3, л. 4]. В 1910 г. в Аяне под руководством В. И. Фефелова были построены 2 деревянных амбара для хранения разного рода товаров, теплый дом с кладовыми и сенями, магазин и разного рода дворовые хозяйственные постройки.

С 1909 г. фирмой «Коковин и Басов» в долине р. Алдомы велись разработки золота, обнаруженного В. И. Фефеловым. Паровые баркасы с целью ускорения оборота капитала и доставки грузов в центральные районы Якутской области в соответствии с картой Фефелова перевозили товары из Охотского моря в устье р. Алдомы. Приказчиком были организованы регулярные конные

перевозки грузов до Нелькана, заключены контракты с пароходовладельцами.

В заключение отметим, что благодаря работе в Аянском отделении фирмы «Коковин и Басов» такого опытного приказчика, как В. И. Фефелов, пушное дело приобрело новых клиентов, увеличилась ежемесячная выручка от продажи товаров, выросли обороты чайной торговли. Основной особенностью хозяйственного освоения отдаленных территорий Северо-Восточной Сибири представителями торговых фирм в исследуемый период являлось то, что в условиях сурового климата в короткие сроки происходило не только развитие торгового дела, но и разработка таких природных ресурсов, как золото и лес, строительство жилых и служебных помещений, поиск новых, более удобных путей сообщения.

Список литературы

1. *Дамешек И. Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек. – Иркутск, 2009.

2. *Зиновьев В. П.* К вопросу о промышленной колонизации Сибири в XIX – начале XX в. // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в. : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. И. В. Островского. – Новосибирск, 2006. – С. 41–48.

3. *Комлева Е. В.* Вклад купечества в исследование и освоение северных территорий России (конец XVIII – начало XX вв.) // Государственная политика в Арктике: Стратегия и практика освоения в XVIII–XXI вв. – Новосибирск, 2012. – С. 73–89.

4. *Кушнарева М. Д.* Роль представителей торгового дома «Коковин и Басов» в освоении северо-востока Сибири в начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2014. – № 4. – С. 23–27.

5. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). Ф. 414 (торговый дом «Коковин и Басов»). Оп. 1.

6. НАРС (Я). Ф. 511 (торговый дом «Наследники А. М. Кушнарева»). Оп. 1

7. *Сафронов Ф. Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. / Ф. Г. Сафронов. – М., 1978.

THE VALUE OF THE TRADING HOUSE OF REPRESENTATIVES «KOKOVIN AND BASOV» IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE NORTH-EAST SIBERIA IN THE EARLY XX CENTURY

M. D. Kushnareva
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. In the article on the basis of previously unexplored merchant correspondence attempted to identify features of the development of remote areas of North-Eastern Siberia representatives of the firm «Kokovin and Basov». The author concluded that the clerk of the company in the harsh conditions of the North in a short time was able to establish an uninterrupted supply of tea and other goods from the ports of the Sea of Okhotsk in the central regions of Yakutsk region, of Chukotka and Kamchatka.

Fefelov organized land transportation, the development of gold deposits and new resources for timber trade.

Keywords: North-Eastern Siberia, the trading house, the fur trade, the tea trade, the clerk, the development of the territory, transportation, development of gold.

Кушнарева Маргарита Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра сервиса и сервисных технологий, докторант, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(395)426417, e-mail: rita270880@mail.ru

Kushnareva Margarita Dmitrievna – Candidate of History Sciences, Associate Professor, the Department of Service and Service Technologies, Doctoral Candidate at the Sub department of Russian History, Department of History, Irkutsk State University, K. Marks 1 st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(395)426417, e-mail: rita270880@mail.ru

УДК 338.45:94(571.54/55)

ИСТОРИЯ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАБАЙКАЛЬЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1938–1941 гг.)

В. А. МАРУЕВ

Забайкальский государственный университет, г. Чита

Аннотация. Анализируется состояние золотодобывающего сектора экономики Забайкалья в 1938–1941 гг. Отмечена определяющая роль государственного аппарата Советской России в капитальном развитии отрасли. Отражен рост показателей добычи золота в Читинской области и выход в 1941 г. к плановым требованиям, что было достигнуто благодаря жесткому регулированию экономики, плановым детерминантам и организации, в том числе социалистических соревнований. Отмечается также низкая оснащенность золотодобычи Читинской области, а равно и всей цветной промышленности механизацией, что значительно снижало выработку.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Читинская область, золото, экономика, Балейзолото, Дарасунзолото, Забайкалзолото, Верхамурзолото и Амурзолото, трест, промышленность, индустриализация, социалистическое соревнование, мобилизация, XVIII партконференция, Восточное Забайкалье.

Накануне 70-летия Великой Победы приобретает особую актуальность изучение экономической составляющей этой победы. Такое исследование несет практическую нагрузку, поскольку отражает те моменты военной модернизации, которые проявили себя в крайне нелегкие военные годы и которые должны быть подвержены подробному анализу с целью определения минусов и плюсов проводимой тогда экономической политики. Последнее объективно способствует пониманию сущности экономики воен-

ного времени, а также тому, какой должна быть экономика страны для обеспечения фронта в случае войны.

Основу экономики Читинской области накануне войны составляла добыча индустриальными методами дефицитных в стране металлов, которыми традиционно было богато Восточное Забайкалье [4, с. 172]. Промышленность Читинской области занимала большой удельный вес в системе народного хозяйства Советского Союза. На 1940 год по добыче золота область занимала второе место по Союзу [2, л. 23]. Золотая промышленность была представлена пятью золотодобывающими трестами: «Балейзолото», «Дарасунзолото», «Забайкалзолото», «Верхамурзолото» и «Амурзолото». «Балейзолото» и «Дарасунзолото» являлись крупнейшими предприятиями союзного значения, оснащенными передовыми механизмами. На остальных предприятиях уровень механизации был очень низок, в большинстве преобладал примитивный старательский труд [1, л. 8].

Развитие темпов добычи цветных металлов в Читинской области сопрягалось с рядом трудностей. Забайкальская индустрия в предвоенные годы находилась в стадии становления, еще слишком отчетливо были видны черты экономики аграрного общества. Промышленность была преимущественно добывающая, большинство предприятий имели республиканское подчинение.

На протяжении ряда лет предприятия цветной металлургии работали неудовлетворительно, многие несли значительные убытки, государственные планы не выполнялись. За 1938 и 1939 гг. ни один трест, ни одно приисковое управление золотой промышленности не выполнили плана [2, л. 24]. Только по четырем золотодобывающим трестам: «Балейзолото», «Дарасунзолото», «Забайкалзолото», «Верхамурзолото» – за 1939 г. убыток составил 33 млн 642 тыс. руб.

О сильном отставании предприятий цветной металлургии можно судить по следующим данным: трест «Забайкалзолото» с начала своего существования с 1933 г. за 7 лет ни разу не выполнил годового плана. Трест «Верхамурзолото» не выполняли плана в течение 5 лет. Трест «Балейзолото» имел проблемы с выполнением плана с 1937 г. по первый квартал 1940 г. То же самое можно сказать и о тресте «Дарасунзолото».

За 1939 г. план по добыче золота по области был выполнен на 61,5 %. В 1939 г. ни одна из отраслей цветной металлургии не вы-

полнила годовой план. В первом квартале 1940 г. предприятия цветной металлургии также работали неудовлетворительно. Начиная со второго квартала 1940 г., в цветной металлургии произошли значительные сдвиги: все решающие отрасли промышленности выполнили свои годовые планы. Связано это с Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 27 апреля 1940 г. «О работе золотоплатиновой промышленности», а также с изданием указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня и 10 июля. С этого времени предприятия цветной металлургии стали работать значительно лучше. В этом эпизоде прослеживаются сильные стороны административно-командной системы, благодаря которым удалось мобилизовать все ресурсы страны во время войны. Наглядно динамику роста темпов выработки предприятиями золотодобычи, а также их рентабельность можно проследить по табл. 1.

Таблица 1 [2, л. 46]

Наименование предприятий	Выполнение плана в %			Убытки	Прибыль	Дата окончания выполнения годового плана
	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1939 г., тыс. руб.	11 мес. 1940 г., в тыс. руб.	
«Балейзолото»	60	55,4	125	12 666	22 488	20/X
«Амурзолото»	-	77,1	109,5		8666	1/XII
«Верхамурзолото»	75,4	59,1	101,3	11 600	5820	10/XII
«Забайкалзолото»	78,1	63,2	101,3	4390	3880	24/XII
«Дарасунзолото»	82	50,4	100,01	4986	9921	31/XII
По золоту в целом	-	61,5	110,2	33 642	50 775	1/XII

Если в 1939 г. только по четырем трестам золотой промышленности были убытки в размере 33 млн 642 тыс. руб., то в 1940 г. за 11 месяцев предприятия золотой и оловянной промышленности дали прибыли порядка 60 млн руб. [2, л. 24].

В 1940 г. все решающие отрасли цветной металлургии области работали хорошо и досрочно закончили выполнение годовых планов. По добыче золота годовой план был выполнен 1 декабря.

Работа предприятий в первом полугодии 1941 г. проходила в обстановке огромного подъема социалистического соревнования, развернувшегося перед конференцией и после ее окончания. На основе решений конференции и специальных постановлений ЦК партии и правительства по черной, оловянной промышленности и промышленности редких металлов происходит перестройка

управления промышленностью [3, л. 56]. В результате улучшается работа предприятий, что в свою очередь благотворно влияет на выполнение производственных программ. Благодаря этому предприятия в первом полугодии имели хорошее финансовое состояние, за исключением предприятий мышьяковой промышленности, где по причине задержки с отправкой продукции имелись перебои с деньгами и задержка в выплате зарплаты.

В первом полугодии хорошо работала золотая промышленность. Все 5 трестов досрочно выполнили полугодовой план. В целом по области предприятия выполнили программу по золоту на 125,7 %, а по отношению к первому полугодию 1940 г. добыча первого полугодия 1941 г. составила 147,2 %. Значительно увеличилась старательская добыча золота. Из фактически добытого металла по области за первое полугодие 1941 г. 59 % составляет старательская добыча [3, л. 58].

В целом из архивных данных следует, что в первом полугодии 1941 г. все основные предприятия цветной металлургии справились со своими производственными программами, увеличив показатели выпуска в сравнении с аналогичным периодом 1940 г. Большую роль в этом сыграли мобилизационные усилия партийных органов, позволившие в кратчайшие сроки подготовить добывающую промышленность к приближающейся войне. Только командно-административное регулирование и жесткая централизация плановой экономики позволили создать экономическую базу для ведения войны.

В предвоенные годы наблюдается значительный индустриальный рост Читинской области. В мировом сообществе назревает напряженность, все явственнее проглядывается перспектива скорой войны. Имеют место значительные капиталовложения со стороны государства в добывающую отрасль области. Причем падает значение добычи золота, на первое место по значению выходят олово, молибден, вольфрам. Это значительно повлияло на показатели производства на предприятиях цветной металлургии: если в течение 1937–1939 гг. практически ни одно предприятие не справлялось с выполнением плана, то уже в 1940 г., первом полугодии 1941 г. практически все предприятия перестроили свою работу в соответствии с постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б), показав качественный рост производства в сравнении с предыдущими годами. В этом была сила административно-

командной системы, благодаря которой удалось перестроить в сжатые сроки промышленность и сельское хозяйство на обеспечение нужд войны.

Но наряду с успехами прослеживаются негативные, тормозящие развитие факторы. Одним из этих факторов является устойчивый недокомплект рабочей силы, с которым область была знакома еще до войны. Для форсирования развития промышленного производства требовалось увеличивать базу производства электроэнергии. Большим тормозом в развитии промышленного и гражданского строительства было слабое развитие промышленности стройматериалов, которые область вынуждена была завозить из соседних областей, загружая транспорт. Эти и многие другие вопросы решались уже в ходе войны.

Список литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 280. 80 л.

2. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 649. 58 л.

3. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 934. 83 л.

4. Мерцалов В. И. Читинская область в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. : сб. док. и материалов. – Чита : Экспресс-изд-во, 2005. – 660 с.

HISTORY OF GOLD MINING ON THE EVE OF ZABAIKALIA THE GREAT PATRIOTIC WAR (1938–1941)

V. A. Maruev
Zabaikalsky State University, Chita

Abstract. Examines the state of the gold mining sector of economy of Zabaikalia in 1938–1941 prewar years. It highlights the decisive role in capital development of the industry of the state apparatus of Soviet Russia. Reflected the growth of gold mining in the Chita region and the output in 1941 to the planned requirements, which was achieved due to the rigid regulation of the economy, determinants of planned and organizations, including the socialist competition. It is also noted the low capacity in the metals & mining Chita region, as well as the entire non-ferrous industry mechanization, which greatly reduced the production.

Keywords: Great Patriotic war, the Chita oblast, gold, Economics, Bulatlat, Dracunculua, Zabaykalzoloto, Bergamotto and Amorsolo, trust, industry, industrialization, socialist competition, mobilization, XVIII party conference, Eastern Zabaikalia.

Маруев Владимир Александрович – аспирант, Забайкальский государственный университет ул. Александро-Заводская, д. 30, тел.: 89245758176, e-mail: vamaruev@mail.ru

Maruev Vladimir Aleksandrovich – Postgraduate, Zabaikalsky State University, 30, Alexandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, tel.: 89245758176, e-mail: vamaruev@mail.ru

УДК 329.15(47)

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСКОРПОРАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В СССР В 1945–1953 ГГ.

Л. Н. МЕТЁЛКИНА
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов циркуляции региональных политических элит – экскорпорации, и анализу различных вариантов этого процесса, свойственных периоду 1945–1953 гг. К наиболее характерным их особенностям в этот период относится освобождение от должности с сохранением карьерных перспектив: отзыв на работу или в распоряжение ЦК ВКП(б), командирование на учебу в высшие партийные учебные заведения. Вопреки представлениям об этом периоде как о времени многочисленных «региональных» дел, даже снятия с должности первых секретарей регионов, сопровождавшихся обвинениями в неэффективности и злоупотреблениях, в большинстве случаев уже не приводили к арестам. Таким образом, экскорпорация представителей региональных элит в послевоенный период перестала быть безусловно необратимым процессом, что было характерно для конца 1930-х гг.

Ключевые слова: региональные политические элиты, первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик СССР, экскорпорации, циркуляция элит, отзыв в распоряжение ЦК ВКП(б), Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), «региональные» дела.

Несмотря на возрастание в последние годы интереса к проблемам формирования, функционирования, циркуляции региональных политических элит советского периода, до сих пор ряд аспектов остается вне поля зрения исследователей. В частности, это вопросы нисходящей мобильности, или экскорпорации, политических элит, т. е. выхода из состава элитных сообществ, выявления основных причин, организации самого процесса, его последствий, которые пока не стали самостоятельным предметом изучения. Исключение составляют исследования О. Крыштановской, однако в круг интересов этого автора входят преимущественно проблемы, связанные с экскорпорацией высших политических элит позднесоветского и постсоветского периода [1, с. 174–216]. Предшествующие же периоды, в частности 1945–1953 гг., так называемый апогей сталинизма, остаются за пределами этого круга.

Между тем именно анализ перемещений в составе региональных политических элит, т. е. слоя лидеров, занимавших наивысшие позиции в регионах в своей сфере деятельности и обладавших правом представлять интересы элиты регионов как перед массами, так и перед элитами центра, предоставляет самые ши-

рокие возможности для исследования этих процессов. Поскольку региональные элиты являлись наиболее массовым сегментом советского политического класса, в данной статье остановимся на рассмотрении вопросов, связанных с экскорпорацией лишь одного, однако наиболее значимого его элемента – первых секретарей региональных (республиканских, краевых, областных) комитетов партии.

Представляется, что для всех периодов и групп политических элит более или менее универсальными являются следующие характеристики процесса экскорпорации, сформулированные О. Крыштановской

1. Отставки членов элиты часто имеют политический смысл, а не являются признаком профессиональной или физической недееспособности – политики отправляются в отставку не только по негативным причинам личного характера, но и по естественно-политическим причинам: окончание сроков полномочий, уход в отставку главы элитной «обоймы», немилость вышестоящего лица и проч.

2. Отставки в элитной среде таят потенциальную опасность для власти – резкое отстранение от власти больших групп инсайдеров рождает контрэлиту, которая становится лидером оппозиции, действуя внутри самого политического класса.

3. Экскорпорация для элиты означает не просто формальное увольнение, но и попытку лишить члена элиты его капиталов и властных ресурсов. Члена элиты не всегда можно просто уволить, так как у него есть ресурсы власти, которые он применяет для противодействия тем силам, которые хотят от него избавиться.

4.Экскорпорация редко бывает добровольной еще и потому, что она сопровождается экскарцерацией, т. е. выходом из замкнутого политического пространства, что требует обратной социализации и часто превращается в болезненный адаптационный кризис.

При этом экскорпорация может быть полной или частичной. *Полная экскорпорация* предполагает вытеснение лица с элитных позиций, связанное не только с утратой официальной должности, но и с лишением ресурсов власти, приводящее к перемещению в неэлиту. Обычно полная экскорпорация реализуется в форме выхода на пенсию, перехода в материнскую профессию или же – в качестве крайней негативной формы – применения репрессий в отношении представителя элиты.

Частичная экскорпорация означает утрату лишь части элитного статуса. Она может быть связана с:

деформализацией – лишением члена элиты формальной должности при сохранении некоторого объема властных ресурсов и капиталов, приобретенных в ходе элитной деятельности, что позволяет продолжать оставаться влиятельной персоной;

декапитализацией – лишением члена элиты политического капитала или возможности им оперировать. При этом, несмотря на сохранение формально элитного статуса, никаким реальным влиянием данное лицо уже не обладает;

резервацией – сохранением за человеком формального элитного статуса и/или помещением его в «резервации» – экс-элитные зоны, из которых он может быть востребован со временем. Однако во всех случаях для бывшего представителя элиты это сопровождается снижением и реального статуса, и объема власти [1, с. 174–177].

Представленные варианты экскорпорации обладают универсальностью, однако их применение к процессам, характерным именно для региональных элит советского времени, требует существенных корректировок и адаптации к реалиям рассматриваемого периода.

В частности, необходимо учитывать, что элитные перемещения вообще и связанные с выходом из элитных корпораций в частности не могут быть описаны как жестко «вертикальные» или «горизонтальные». Перемещения не строго «сверху вниз», не по «горизонтали», а по определенной властной, должностной *диагонали* – из одной вертикали власти в другую, с одного властного горизонта на другой, из одной сферы деятельности в другую – для советского времени картина достаточно обычная. Именно благодаря таким перемещениям создавался универсализм работников, готовых на любом месте выполнять директивы центра, но одновременно и формировались широкие взаимосвязи между работниками различных уровней и сфер деятельности [2, с. 66].

Что касается возможностей применения характеристик полной и частичной экскорпорации к реалиям 1945–1953 гг., то можно сделать вывод о том, что в этот период происходит постепенное вытеснение полной экскорпорации в ее крайней форме, связанной с применением репрессий, различными вариантами экскорпорации частичной.

При этом под *деформализацией* для этого периода можно понимать ситуацию перевода первого секретаря на должность председателя исполнительного комитета совета депутата трудящихся в том же регионе. С одной стороны, это свидетельствует о лишении члена элиты формальной должности, с другой – о возможности сохранения некоторого объема властных ресурсов и капиталов, приобретенных в ходе предшествующей деятельности, что позволяет в дальнейшем продолжать оставаться достаточно влиятельной персоной. Более полным вариантом деформализации является вариант сохранения статуса члена выборных партийных или советских органов после лишения должности руководителя местной партийной организации.

К *декапитализации*, на наш взгляд, приводит в этот период перемещение лица в другой регион с одновременным понижением статуса – будь то утверждение в должности второго секретаря или заместителя председателя исполкома, что в значительной степени лишает члена элиты ранее наработанного политического капитала или возможности им оперировать, либо перевод на номенклатурные должности в хозяйственной сфере. При этом, несмотря на сохранение формально элитного статуса, ранее имевшимися возможностями влияния данное лицо уже не обладает.

Резервация в советский период чаще всего была связана с «отзывом в распоряжение ЦК ВКП(б) (КПСС)» или направлением на учебу – в Высшую партийную школу при ЦК или на курсы переподготовки первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик при ЦК ВКП(б). Следует отметить при этом, что подобного рода «отзывы» и «направления» могли быть порождены диаметрально противоположными причинами – и как способ поощрения перспективного работника, и как способ изъятия «проштрафившегося» регионала из привычной для него среды. Однако вне зависимости от причин на время нахождения в резервациях сохранялся формальный элитный статус лица и перспектива востребованности в дальнейшем.

Следует отметить еще и такую особенность экскорпорации именно из региональных элит. Исключение из региональной элиты далеко не всегда проявление нисходящей мобильности. Выход из региональной элиты может осуществляться и как вариант восходящей мобильности, например в результате перехода на работу в ЦК партии, и как вариант горизонтальной мобильно-

сти – при переводе на работу в аналогичной должности в другом регионе. При этом процесс экскорпорации не является абсолютно необратимым ни в случае восходящей, ни в случае горизонтальной мобильности.

Период 1945–1953 гг. вызывает особый интерес тем, что именно тогда начинают формироваться механизмы экскорпорации, достигшие известной степени завершенности в позднесоветский период. В довоенный период проблема выхода (исключения) из состава элитных групп зачастую разрешалась либо смертью, либо снятием лица с должности с последующим применением к нему репрессивных мер партийного или уголовного характера. По сути, сложившуюся в этом отношении практику весьма точно характеризует приписываемая И. В. Сталину фраза: «Нет человека – нет проблемы».

Ситуация начала меняться в послевоенный период. Хотя регулярные кадровые перестановки не прекратились, но они приобрели новый характер (табл. 1).

Во-первых, значительная часть руководителей перебрасывалась из региона в регион или на работу в Москву и вновь в регионы.

В течение 1946–1952 гг. на работу или в распоряжение ЦК ВКП(б) – КПСС было отозвано 48 первых секретарей (31,8 % всех экскорпораций). Из них:

5 утверждены в должности секретарей ЦК ВКП(б) – КПСС (2 – в 1946 г., 3 – в 1952 г.);

3 – в качестве членов Оргкомитета ЦК ВКП(б);

9 – инспекторами ЦК ВКП(б) – КПСС;

1 – инструктором ЦК КПСС;

3 – зам. начальников управлений ЦК ВКП(б);

2 – зам. зав. секторами.

При этом 5 человек, проработавших в течение 1–2 лет в ЦК, преимущественно в качестве инспекторов, были впоследствии направлены на работу в регионы в качестве первых секретарей.

Пятеро человек из числа первых секретарей, отозванных в распоряжение ЦК ВКП(б), непосредственно получили назначения на аналогичные должности, но в другие регионы: 1 – в качестве председателя облисполкома, 4 – заместителей председателей облисполкомов. Еще 5 человек были направлены в ВПШ при ЦК ВКП(б) и на курсы переподготовки.

Таблица 1

Динамика процесса экскорпорации первых секретарей из региональных элит в 1946–1952 гг.

Год		1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	Итого
Перевод на работу в … (восходящая мобильность)	ЦК ВКП(б) – КПСС	10	1			1	2	10	24
	Сов. Мин. СССР		1			1	1		3
	ЦК союзн. республики				1				1
	Сов. Мин. союзн. республики	1	2						3
Отзыв в распоряжение ЦК КПСС		2	3	2	3	2	6	6	24
Направление на учебу ….	в ВПШ при ЦК ВКП(б) – КПСС	2		1					3
	на курсы переподготовки… при ЦК ВКП(б)			15	7	7	11	14*	54
Перевод на … (горизон./ниж.)	аналогич. должность		2					1	3
	партийную работу (регион.)	1	1						2
Освобождение от должности	без указания причин		1	1		7	4		13
	по компрометирующим основаниям		4	2	2	2		2	12
	по состоянию здоровья					2			2
	снятие			1	3			1	4
Исключение из ВКП(б)				1	1				2
Смерть		1							1
Итого		17	15	23	17	22	24	34	151

«Отзыв в распоряжение ЦК» далеко не всегда означал признание лица перспективным работником. Так, не менее 7 человек были отозваны в распоряжение ЦК в связи с освобождением их от ранее занимаемой должности по различным компрометирующим основаниям. Однако теперь это уже не означало, как в 1937–1938 гг., практически обязательного ареста отозванного из своего региона первого секретаря: 2 из отозванных были направлены на учебу в ВПШ, 1 – на хозяйственную работу, 1 – директором Московского юридического института, 1 – начальником цеха. И только 1 был привлечен к уголовной ответственности (см. табл. 2, Карело-Финская ССР).

Во-вторых, широкое распространение получил такой способ ротации, как командирование на учебу в высшие партийные учебные заведения, преимущественно Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) и на специально созданные в Москве курсы переподготовки областных, краевых и республиканских руководителей, которые в рассматриваемый период составляют 35,8 % всех экскорпораций.

Пожалуй, впервые именно в этот период начинают связывать недостатки в работе руководителей регионов с «отсутствием необходимой общеобразовательной подготовки», что являлось, с одной стороны, основанием для освобождения от должности, с другой – предоставлением шанса остаться в составе элиты для лиц, успешно освоивших учебный курс.

Годичные курсы переподготовки первых секретарей обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик, председателей советов министров союзных и автономных республик были созданы постановлением Политбюро от 25 октября 1948 г. Еще до конца года на них было направлено 15 человек, что свидетельствует об острой необходимости повышения образовательного уровня руководителей регионов. При этом, согласно вышеназванному постановлению, с одной стороны, в связи с зачислением на курсы слушатели освобождались от ранее занимаемых должностей, с другой – за ними сохранялась получаемая ими (по прежнему месту работы) заработная плата, денежное довольствие в прежнем объеме, а за их семьями сохранялась ранее занимаемая жилплощадь [6, с. 135].

Анализ биографических справок на 51 из 54 человек, в течение 1946–1952 гг. направленных на учебу в ВПШ или на курсы

переподготовки, позволяет сделать определенные выводы относительно значения высшего партийного образования, получаемого в специальных учебных заведениях при ЦК ВКП(б), для дальнейшего карьерного роста [6, с. 385–466].

Так, по окончании курса обучения 16 человек, отозванных на учебу с должностей первых секретарей обкомов, крайкомов, ЦК союзных и автономных республик, «ушли на повышение» – либо в аппарат ЦК ВКП(б) – КПСС, либо в аппарат Совета Министров СССР или РСФСР, и в дальнейшем уже не работали в регионах;

5 человек в течение 1–2 лет работали в аппарате ЦК, после чего вновь направлялись на должности первых секретарей региональных комитетов партии;

15 человек были непосредственно направлены на работу в качестве первых секретарей обкомов и крайкомов. При этом общим правилом было командирование на должность, аналогичную ранее занимаемой, но в другой регион. Только в двух случаях – в отношении первых секретарей Свердловского и Тувинского обкомов – имело место не освобождение от должности (в связи с утверждением слушателем), а командирование первого секретаря на учебу, с назначением исполняющим обязанности на этот период второго секретаря;

3 человека по окончании обучения получили назначение на советскую работу – на должности председателей исполкомов областных советов депутатов трудящихся;

6 человек были направлены на партийную, советскую или иную работу в регионы с некоторым понижением, из них 1 в дальнейшем вновь занял должность первого секретаря обкома, а еще 3 были выдвинуты на работу в аппарате ЦК или Совета Министров СССР.

Примечательно, что два первых секретаря за это период дважды прошли обучение на таких курсах, причем по окончании первого срока обучения были вновь отправлены на работу в качестве первых секретарей, а после прохождения повторного курса были оставлены для работы в Москве.

Еще двум первым секретарям, освобожденным от должности в связи с направлением на учебу, тем не менее курс обучения (по крайней мере, по очной форме) пройти не удалось, поскольку вместо возможности повышения своего образовательного уровня

они тут же получили назначение на аналогичные должности, но в другие регионы.

В-третьих, даже снятия партийных руководителей, сопровождавшиеся обвинениями в неэффективности и злоупотреблениях, во многих случаях не просто не заканчивались арестами, но даже и не приводили к полной утрате карьерных перспектив.

Так, например, 1949 г. считается высшей точкой послевоенных чисток в корпусе региональных руководителей [6, с. 8]. Между тем анализ хроники постановлений Политбюро о перемещениях первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик [6, с. 385–405] не позволяет выделить 1949 г. в качестве года, на который приходится максимум перемещений (табл. 1). Напротив, именно в этом году фиксируется абсолютный минимум экскорпораций первых секретарей обкомов-крайкомов в пределах рассматриваемого периода.

При этом 1949 г. не является отправным даже в инициировании достаточно многочисленных «региональных дел», приведших к значительной чистке в составе регионального руководства. Причем в большинстве случаев эти чистки не имели какой-либо политической мотивации (табл. 2). Достаточно многочисленные «региональные» дела этого периода возникали в результате таких ставших распространенными в среде партийных работников в послевоенные годы явлений, как «нарушение советских законов, извращение директив партии и правительства, пьянство и бытовое разложение, самоснабжение, обман государства, очковтирательство» [5, л. 122–124]. Так, именно этими причинами было вызвано «ульяновское дело», в результате которого секретарь обкома был снят за пьянство и расхищение спирта. Сходными причинами было вызвано «карельское дело» – развал работы, пьянство, растраты; «челябинское» – развал работы, блат, пьянство, бытовое разложение и ряд других [4, с. 263].

Особняком в ряду «региональных» дел стоит «ленинградское» дело, которое, с одной стороны, уже традиционно рассматривается как следствие острой борьбы различных групп в Политбюро ЦК ВКП(б) за влияние на И. В. Сталина, с другой – как реакция последнего на распространение обычных для системы должностного протекционизма, круговой поруки чиновников, патрон-клиентских отношений между московскими и региональными руководителями в обход официальных структур.

Таблица 2

«Региональные» дела конца 1940-х гг. и их влияние на карьеру первых секретарей соответствующих регионов

Год, регион	Основание процесса ротации	Основание освобождения (снятия) с должности 1-го секретаря	Решение, принятое в отношении 1-го секретаря	Дальнейшая карьера	Применение уголовных санкций
1947, Владимирская обл.	Записка секретарей ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова и Н. С. Патоличева о первых секретарях Владимирского и Ивановского обкомов ВКП(б)	«подменил партийную принципиальность в работе приятельскими отношениями», «оказался политически гнилым, а в бытовом отношении – морально разложившимся»	освободить, отозвав в распоряжение ЦК ВКП(б)	на хоз. работе	
1947, Ивановская обл.		«как необеспечивающего руководство хозяйством области и партийно-политической работой»	освободить, отозвав в распоряжение ЦК ВКП(б)	неизвестно	
1948, Рязанская обл.	Постановление Политбюро о неудовлетворительном руководстве Рязанского обкома ВКП(б) сельским хозяйством	«оказался неспособным повернуть внимание… на преодоление трудностей сельского хозяйства…, не проявил большевистской требовательности за строжайшее соблюдение всеми работниками партийной и государственной дисциплины»	освободить	неизвестно	

Продолжение табл. 2

Год, регион	Основание процесса ротации	Основание освобождения (снятия) с должности 1-го секретаря	Решение, принятое в отношении 1-го секретаря	Дальнейшая карьера	Применение уголовных санкций
1949, Ульяновская обл.	Постановление Политбюро о фактах разложения руководящих работников в Ульяновской обл. парторганизации	«первый секретарь, будучи сам замешан в получении спирта, не принимал мер к разоблачению расхитителей спирта, хлебопродуктов и не вел борьбы с элементами разложения партийного и советского аппарата области»	Снять, исключить из ВКП(б)	1949 – мастер СУ, г. Куйбышев С 1954 – нач. базы оборудования, нач. отдела тех. снабжения, зам. директора нефтеперерабат. завода	1949–1953 – в заключении, в 1953 – амнистирован
1949, Московская обл.	Постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе тов. Попова Г. М.»	«не обеспечивает развитие критики и самокритики», «порочные методы руководства, проявление зазнайства и самодовольства», «неправильное отношение к кадрам»	«освободить и направить на другую работу, обязав… изжить неправильные методы в его дальнейшей деятельности	1949–1951 –министр городского стр-ва СССР, 1951 г. – министр сельскохоз. машиностроения СССР, 1951–1953 – директор авиазавода, 1953–1954 – посол СССР в Польше, далее – на хоз. работе	
1950, Карело-Финская ССР	Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о работе ЦК КП (б) Карело-Финской ССР	«не справился с руководством партийной организации и допустил крупные ошибки в своей работе и поведении»	освободить, отозвав в распоряжение ЦК ВКП(б)	1957–1959 – директор музея «Дворцы-музеи и парки», с 1959 – на пенсии	1950–1956 – в заключении, в 1957 – дело пересмотрено

Окончание табл. 2

Год, регион	Основание процесса ротации	Основание освобождения (снятия) с должности 1-го секретаря	Решение, принятое в отношении 1-го секретаря	Дальнейшая карьера	Применение уголовных санкций
1950, Челябинская обл. Челябинская обл.	Постановление Политбюро о неудовлетворительной работе Челябинского обкома ВКП(б)	зажим критики и самокритики, «серьезные нарушения большевистских принципов подбора и выдвижения кадров»	освободить	1950–1952 – зав. Калининским обл. отделом коммун. хозяйства, 1952–1956 – нач. Калининского обл. управления с/х-ва, с 1956 – директор обл. опытной станции	
1950, Курская обл.	Постановление ЦК ВКП(б) о недостатках и ошибках в работе Курского обкома партии	бюрократический стиль руководства, зажим критики и самокритики, порочная практика подбора и выдвижения кадров, ошибки в организации труда в колхозах	освободить	1950–1959 – 1-й секретарь Брянского ГК ВКП(б) – КПСС, 1959 – нач. топливно-энергетического управления СНХ Брянского эконом. админ. района	

В постановлении Политбюро от 15 февраля 1949 г. по «ленинградскому делу» говорилось, что «Попков не информирует ЦК партии о положении дел в Ленинграде и вместо того, чтобы вносить вопросы и предложения непосредственно в ЦК ВКП(б), встает на путь обхода ЦК партии, на путь закулисных, а иногда и рваческих комбинаций, проводимых через различных самозваных "шефов" Ленинграда вроде тт. Кузнецова, Родионова и других… Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что такие непартийные методы должны быть пресечены в корне, ибо они являются выражением антипартийной групповщины…» [6, с. 7]. В постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) от 23 марта 1949 г. «О работе Горьковского обкома ВКП(б)», явившемся основанием освобождения от должности первого секретаря обкома, особо отмечалось, «что Совет Министров РСФСР и его бывший председатель т. Родионов допустили вредную практику опеки над Горьковской областью, своими неправильными действиями приучали некоторых руководителей партийных и советских органов области к иждивенчеству» [6, с. 8].

Хотя стоит отметить, что в значительной степени предпосылки возникновения подобной ситуации также были созданы уже в послевоенный период – достаточно массовыми инкорпорациями представителей региональных элит в состав высшей политической элиты. Так, основные фигуранты по «ленинградскому делу» – М. И. Родионов и А. А. Кузнецов – только в 1946 г. были освобождены от должностей первых секретарей соответственно Горьковского и Ленинградского обкомов ВКП(б) в связи с утверждением и избранием на должности председателя Совета Министров РСФСР и секретаря ЦК ВКП(б). Однако, и оказавшись на новых должностях, они не разорвали связей с ранее руководимыми ими регионами. В конечном счете именно это стало причиной арестов с последующим расстрелом или осуждением на значительные сроки заключения большой группы московских и региональных руководителей, связанных в разное время совместной работой, преимущественно в Ленинграде, или иными неформальными отношениями. Вместе с членом Политбюро, заместителем председателя Совета Министров СССР Н. А. Вознесенским, секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецовым, председателем Совета Министров РСФСР М. И. Родионовым и большой группой ленинградских руководителей во главе с первым секре-

тарем Ленинградского обкома ВКП(б) П. С. Попковым под удар попали: 1-й секретарь Крымского обкома ВКП(б), в 1938–1946 гг. председатель Ленинградского облисполкома; 1-й секретарь Ярославского обкома ВКП(б), в 1944–1945 гг. второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б); 1-й секретарь Горьковского обкома ВКП(б), работал совместно с М. И. Родионовым в качестве второго секретаря Горьковского обкома; 1-й секретарь ЦК компартии Карело-Финской ССР; 1-й секретарь Новгородского обкома и ряд других.

Обращает на себя внимание тот факт, что никто из них не был снят с должности с указанием на истинную причину отставки. В ряде случаев привлечению по «ленинградскому делу» предшествовала частичная экскорпорация – отзыв в распоряжение ЦК ВКП(б), направление на учебу, на должность зам. председателя облисполкома в другой регион или даже освобождение от должности по состоянию здоровья. Реже встречающиеся варианты полной экскорпорации, в результате которой в недавнем прошлом первый секретарь обкома оказывался, например, в должности начальника цеха в другом регионе, оказывались меньшим из возможных зол, поскольку резкое падение социального статуса при этом компенсировалось сохранением не только жизни, но и свободы.

Уже 30 апреля 1954 г. Верховный Суд СССР реабилитировал лиц, проходивших по «ленинградскому делу», и 3 мая 1954 г. Президиумом ЦК КПСС было принято постановление, обязывающее Н. С. Хрущева довести принятые решения до сведения актива Ленинградской партийной организации. Примечательно, что Н. С. Хрущев в своем выступлении перед активом предпринял попытку, по крайней мере частично, деполитизировать это «дело», низведя его до причин, типичных для большинства «региональных» дел конца 40-х гг.: «Известно, что тов. Кузнецов и другие допускали разные излишества, выпивки допускались, и расходование средств государственных не по назначению допускалось, и бахвальство, и некоторое зазнайство…» [4, с. 263].

И. В. Сталин, до конца своих дней проводивший политику достаточно частой смены руководящих кадров, пытался тем самым воспрепятствовать формированию прочных связей между партработниками-регионалами и возможному их сговору. Однако перемещения руководящих работников имели свои ограниче-

ния: невозможно было настолько обновлять состав руководящих работников, чтобы каждый раз в результате очередного цикла обновления к руководству приходили бы совершенно новые люди. Кроме того, не так уж много было толковых работников, способных справиться с руководством области, края или республики. В силу этих обстоятельств в регионах уже при Сталине сложился и существовал достаточно устойчивый корпус элиты [2, с. 67].

К марту 1950 г., согласно справке, представленной Г. М. Маленковым И. В. Сталину, из 106 секретарей обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик 31 был выдвинут на свои должности в 1949 г. – начале 1950 г. [6, с. 8], т. е. произошла замена 29,2 % секретарского состава. Такая ситуация – по сравнению с 1930-ми гг. – выглядела относительно стабильной: к марту 1950 г. 52 % секретарей находились на занимаемых должностях не менее двух лет. В целом ни «ленинградское дело», ни другие кампании, направленные на корректировку состава секретарского корпуса на местах, несмотря на их достаточно широкий размах, не привели к возвращению политики массовых чисток 30-х гг. [6, с. 8].

В совокупности все эти факторы создавали предпосылки для постепенного формирования достаточно устойчивого слоя номенклатурных работников, осознающих свое особое, элитарное положение, в рамках которого преимущественно и осуществлялись кадровые перемещения. Не рассчитывая долго просидеть в одном и том же служебном кресле, секретари региональных партийных комитетов уже могли надеяться на относительную прочность своего положения в рамках номенклатуры в целом.

Поэтому из возможных вариантов экскорпораций, характерных для представителей региональных элит, преобладающим являлся вариант, в дальнейшем как минимум позволявший сохранять ранее приобретенный социальный статус – за счет получения назначения на аналогичные должности в других регионах. И еще до 30 % экскорпораций связано с переходом на более высокий, как правило союзный, уровень, хотя далеко не всегда это означало возможность инкорпорации в состав соответствующей политической элиты. При этом достаточно невысокой в общей массе оказывается доля полных экскорпораций, в составе которых в рассматриваемый период совершенно отсутствует такой их вариант, как освобождение от должности в связи с переходом на пенсию.

Список литературы

1. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты / О. Крыштановская. – М. : Захаров, 2005.

2. *Мохов В. П.* Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит / В. П. Мохов. – Пермь, 2000.

3. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. – М. : РОССПЭН, 2002.

4. *Прудникова Е. А.* 1953. Роковой год советской истории. – М. : Яуза, Экспо, 2008.

5. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 122. Д. 130.

6. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. – М. : РОССПЭН, 2004.

TO THE QUESTION OF EXCORPORATION REGIONAL POLITICAL ELITES IN THE USSR IN 1945–1953

L. N. Metelkina
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to one aspect of the circulation of regional political elite of excorporation, and the analysis of various variants of this process, typical for the period 1945–1953 gg. By their most characteristic features of this period include the dismissal of a conservation career perspectives: feedback on work or at the disposal of the Central Committee of the CPSU (b), secondment to study at the higher party educational institutions. Contrary to the views of this period as a time of numerous «regional» cases, even dismissal of the first secretaries of regions, accompanied by accusations of inefficiency and mismanagement, in most cases have not led to arrests. Thus, excorporate representatives of regional elites in the post-war period ceased to be of course an irreversible process that was typical of the late 1930-ies.

Keywords: regional political elites, first secretaries of regional committees, territorial committees and the Central Committee of the Communist parties of the Union republics of the USSR, excorporation, circulation of elites, opinion in the Central Committee of the CPSU (b), Higher party school under the Central Committee of the CPSU (b), the «regional» business.

Метелкина Лариса Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, оф. 412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: larisa.metelkina2014@yandex.ru

Metelkina Larisa Nikolaevna – Candidate of History Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1, of. 412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: larisa.metelkina2014@yandex.ru

УДК 94(571.53)+140.8

«ИРКУТСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА СИБИРЯКОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

Е. А. ОГОРОДНИКОВА
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению издания «Иркутские епархиальные ведомости» как документального источника для изучения картины мира сибирских жителей в начале XX в.

Ключевые слова: картина мира, сибиряки, «Иркутские епархиальные ведомости», сибирская периодическая печать, Иркутск, XX в.

В начале XX в. на российском печатном рынке появилось много новых изданий разной тематики, но круг особенно востребованных газет и журналов остался неизменным. Те же процессы происходили и в Сибири. «Иркутск в начале XX в. можно назвать самым газетным городом Восточной Сибири» [7, с. 188]. Однако наиболее стабильными в нашем городе по-прежнему были официальные печатные органы: «Иркутские губернские ведомости» и «Иркутские епархиальные ведомости».

«Иркутские епархиальные ведомости» выходили в Иркутске с 1863 по 1918 год. Это официальный журнал иркутского духовенства, печатный орган Иркутской епархии. «Именно на их страницах увидели свет богатейшие материалы по истории культуры Восточной Сибири, которые продолжают оставаться актуальными и в настоящее время. "Иркутские епархиальные ведомости" по праву можно назвать ценнейшим историческим источником для современных исследователей» [5, с. 93]. В журнале печаталось немало публикаций, освещающих ключевые проблемы региона и взгляды сибирской интеллигенции, по которым можно судить о картине мира сибиряков.

«Иркутские епархиальные ведомости» состояли из двух частей: официальной и неофициальной. В официальной части печатались манифесты, указы, определения Святого Синода, распоряжения епархиального начальства. Неофициальная часть имела исторический, проповеднический, библиографический и стихотворный отделы. В ней публиковались материалы, касающиеся событий местной жизни, исторические хроники, литературные произведения, тексты образцовых проповедей, биобиб-

лиографические справки и исследования о жизни церковных деятелей, корреспонденции из жизни сибирских епархий и православных миссий на Востоке.

В данном исследовании мы рассмотрели материалы, входящие в неофициальную часть журнала, которая называлась «Прибавления к «Иркутским епархиальным ведомостям».

Наиболее обширная группа материалов – исторические. Это статьи и заметки, посвященные истории нашего города, Иркутской епархии, церквей, монастырей, училищ, церковно-приходских школ, жизни иркутских и российских святителей. Особый интерес вызывают публикации об Иркутске: в № 18 за 1903 год читатели знакомятся с кратким содержанием книги «Первое столетие Иркутска», в то время только что вышедшей в свет; в № 4 за тот же год узнаем о прошлом Иркутской духовной семинарии. В журнале за 1908 год священник В. Флоренсов в серии статей рассказывает об истории переводческого дела в Иркутской епархии [4, 1908, № 2, 6, 8-9, 12–15]. Встречаются материалы, посвященные российской истории, например «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова» автора А. Демьяновича [4, 1913, № 5, № 10]. Очевидно, что публикации на исторические темы интересовали читателей. Этот факт подтверждают исследователи «Иркутских епархиальных ведомостей»: «Научная значимость “Епархиальных ведомостей” была отмечена еще в конце XIX – начале XX вв., когда в российском обществе наблюдался значительный интерес к историческим и этнографическим исследованиям, создавались различного рода научные общества, изучавшие местную старину» [1, с. 26].

Исторические материалы не всегда касались только прошедших событий. Обращение к истории затрагивало острые проблемы современности, чаще всего это была тема образования. Опубликованные воспоминания «Из прошлого» [4, 1903, № 20, с. 150] автора под псевдонимом «Питомец» вызвали живой отклик в одном из следующих номеров у автора, подписавшегося «Сельский священник», в заметке «Из прошлого» [4, 1903, № 23, с. 542–548]. Обе заметки посвящены постановке воспитательного дела в Иркутском духовном училище. Автор первой заметки «Из прошлого» винит преподавателей во всех училищных беспорядках, и он искренне надеется, что с переездом училища в новое здание изменится совершенно и его внутренняя жизнь [4, 1903, № 20,

с. 150]. «Сельский священник», напротив, убежден, что «единичные гуманные начинания преподавателей тонут в бурсацкой атмосфере училища» [4, 1903, № 23, с. 544]. В недостатке воспитания «виновато во всем само духовенство, так как не заботится завести в училище достаточное число воспитателей» [4, 1903, № 23, с. 545]. На тот момент воспитателей-надзирателей в училище было 4, автор предлагает увеличить их число вдвое. Он считает, что расход на воспитателей окупится: «Даже если бы этот расход и не окупился, та нравственная польза, которую получат наши дети, во всяком случае, стоит этого расхода» [4, 1903, № 23, с. 547].

Тема грамотности, образованности местного населения не оставляла равнодушной ни корреспондентов «Ведомостей», ни читателей. К примеру, материал «Народная школа как средство в борьбе с бедностью» [4, 1902, № 7, с. 118–126]. Автор статьи рассуждает о причинах бедности народа в России: «Едва ли кто станет отрицать, что Россия беднее других культурных стран» [4, 1902, № 7, с. 118]. И далее: «Бедность народная является одним из главных условий дурного состояния общественного здоровья России» [4, 1902, № 7, с. 119]. Причиной всех «темных явлений народной жизни» автор видит бедность. Он делает предположение, что бороться с бедностью надо с помощью повышения грамотности, образованности и культурности общества: «Есть немало причин, тормозящих развитие русского народного хозяйства, но в числе их мы на самом видном месте должны поставить ту почти повальную безграмотность, которая резко отличает наше отечество от всех сколько-нибудь культурных стран. <...> Единственный способ для борьбы с бедностью заключается в производительности труда, для чего важнейший путь – знание и образование» [4, 1902, № 7, с. 126].

Еще одна злободневная публикация об образовании за 1911 г. – «Об отношении сельского населения к церковной школе и об условиях, неблагоприятствующих развитию последней» автора П. Ф. [4, 1911, № 4]. Автор снова возвращает нас к проблеме безграмотности большинства сибиряков. Из статьи узнаем, что сельское население видело смысл в образовании, только если они могли применить его плоды в ежедневной практике, т. е. людям было достаточно научиться механически читать, писать, считать. Кроме этого препятствия, стоящего на пути развития образования, в материале изобличается бюрократизм и вольнодумство начальственных лиц, от которых зависело открытие церковных школ в селах.

Кроме таких острых публикаций на эту тему писали обзоры о сибирских школах в целом, о реорганизации образовательной системы, о народных школах в городах и селах, о развитии педагогического дела, о курсах для учителей и учительниц церковно-приходских школ Иркутской епархии.

Таким образом, изобилие статей, посвященных культуре и образованию народа, красноречиво свидетельствует о том, что было немало небезразличных людей, которые пытались всячески содействовать изменению этого неблагополучного положения простого народа.

Общественные потрясения также находили отражение в «Иркутских епархиальных ведомостях». В частности, первая революция в России особенно заинтересовала корреспондентов журнала. Об этом говорят названия таких материалов, как «Заметка о революционном психозе» [4, 1907, № 6], «Христианство и коммунизм» [4, 1907, № 10-11], «Нравственная трагедия социализма» автора М. Тареева [4, 1907, № 23], «Был ли Иисус Христос революционером» [4, 1908, № 7].

В условиях мощного освободительного действия первой русской революции и, как следствие, уменьшения роли религии в жизни общества, урезания прав церкви в государстве корреспонденты «Ведомостей» помещали в журнале материалы, касающиеся секуляризации церковных земель, взаимоотношений светского общества и духовенства, интеллигенции и духовенства. Это публикации: «К вопросу об ограждении церковных земель от захватов» [4, 1901, № 16], «Земельный надел и ружное довольствие» священника В. Григорьева [4, 1902, № 17], «К вопросу об отношении духовенства к религиозному движению среди русского современного общества» священника Ант. Гриневича [2, 1909, № 10], «К вопросу о взаимоотношениях светского общества и духовенства» [4, 1906, № 6], «Неиспользованные силы (К вопросу о сближении церкви и интеллигенции)» священника В. П. [4, 1910, № 5]. Кроме того, в «Иркутских епархиальных ведомостях» можно найти статьи о точках соприкосновения религии и политики: «Духовенство и политика» [4, 1906, № 6], «Христианство и политика» [4, 1906, № 23].

Останавливает на себе внимание материал «Неиспользованная сила» автора Идинского [4, 1911, № 4]. Автор бичует духовенство за то, что оно, имея свой епархиальный печатный орган,

терпит притеснения от крестьянского начальства на местах, от представителей других религий и сект, но молчит. Однако не все молчали. Некоторых священнослужителей заботили мысли о том, как приспособиться к новым изменяющимся условиям, о чем свидетельствует заметка под названием «Может ли в настоящее время иметь успех общественная деятельность духовенства» [4, 1906, № 13/14].

Обзорно коснемся других значимых тем, которым нашлось место на страницах «Иркутских епархиальных ведомостей». Корреспонденты журнала много внимания уделяли социальным проблемам, больше всего – широкому распространению алкоголизма и самоубийствам среди молодежи. Сельская жизнь и положение сельских жителей также нередко рассматривались в «Ведомостях». Из епархиального журнала можно было узнать и о литературных новинках и событиях в литературной жизни страны. Кроме того, печатались обширные научные статьи, посвященные бурятам и монголам, которые могли быть полезны ученым-этнографам. В этих статьях коренные народы рассматривались только с этнографической точки зрения. Практически каждый номер издания сопровождался материалом о сектантстве и сектах, распространенных в Восточной Сибири. Не обошли корреспонденты стороной и женский вопрос. Набиравшая обороты эмансипация женщин в начале XX в. отразилась в таких статьях: «К вопросу о миссии приходских матушек» [4, 1908, № 24], «Женское равноправие» протоиерея И. Восторгова [4, 1910, № 20], «Чем может женщина послужить церкви» автора М. В. [4, 1911, № 22].

Подведем итоги. В результате исследования была выявлена картина мира сибиряков начала XX в. по публикациям «Иркутских епархиальных ведомостей». В журнале не раз было отмечено трудолюбие и упорство сибиряков, их тяга к искусству, литературе, истории, науке и заинтересованность происходящими в России и мире событиями. Однако более глубокое прочтение материалов указывает на серьезное социальное напряжение в обществе в этот период. Школ и учителей не хватало, методика преподавания была несовершенна и не отвечала практическим запросам населения. Народ беден и малограмотен, нужда и безысходность подталкивали его к пьянству и самоубийствам. И все это на фоне снижающегося авторитета православной церкви, распространения сектантства и социального неравноправия мужчин и

женщин, русских и коренных народов. В Сибири был достаточно большой слой мыслящих, неравнодушных людей, которые видели эти препятствия, тормозящие развитие региона, и пытались найти способы их преодоления. Судя по публикациям в «Ведомостях», выход корреспонденты видели в повышении грамотности, образованности и общей культуры населения. Только так, по их мнению, произойдет рост благосостояния всех членов сибирского общества.

Полученные результаты подтверждают, что «Иркутские епархиальные ведомости» остаются незаменимым источником в изучении истории культуры края и картины мира сибирских жителей.

Список литературы

1. *Акулич О. А.* Иркутские епархиальные ведомости как краеведческий источник // Четвертые Романовские чтения : материалы науч.-практ. конф. (Иркутск, октябрь 2007 г.). – Иркутск, 2008. – С. 25–30.

2. Газета «Иркутские епархиальные ведомости» // Иркутские повествования, 1661–1917 гг. В 2 т. / авт.-сост. А. К. Чернигов. – Иркутск : Оттиск, 2003. – Т. 2. – С. 98–99.

3. Иркутские епархиальные ведомости // Иркутск : энцикл. словарь / ред. В. В. Якубовский [и др.]. – Иркутск : [б. и.], 2006. – С. 141.

4. Иркутские епархиальные ведомости. – Иркутск, 1901–1915.

5. *Кокоуров А. М.* «Иркутские епархиальные ведомости» как источник по истории Восточносибирского региона / А. М. Кокоуров // Культура. Наука. Образование. – 2013. – № 2. – С. 91–95.

6. *Романов Н. С.* Периодическая печать города Иркутска с 1856 по 1917 г. // Сиб. летопись. – 1916. – № 9/10. – С. 424.

7. *Шинкарева А. П.* Многообразие местной печати Иркутска начала XX в. как фактор консолидации общественности региона // Проблемы социальной и административной консолидации Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 8–9 дек. 2010 г.). – Иркутск, 2011. – С. 188–196.

«IRKUTSK EPARCHY NEWS» AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE WORLD PICTURE OF THE SIBERIANS OF THE EARLY XX CENTURY

E. A. Ogorodnikova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to consideration of «Irkutsk diocesan statements» as a documentary source for the study of the world picture Siberian inhabitants in the early twentieth century.

Keywords: world picture, the Siberians, «Irkutsk eparchy news», Siberian periodicals, Irkutsk, XX century.

Огородникова Екатерина Андреевна – соискатель кафедры истории России, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, тел.: 8(3952)240522, e-mail: ogorodnikova-e@inbox.ru

Ogorodnikova Ekaterina Andreevna – Candidate for the Degree, Department of Russian History, Faculty of History Irkutsk State University, 2, Chkalova st., Irkutsk, 664003, 8(3952)240522, e-mail: ogorodnikova-e@inbox.ru

УДК 314.93

ЧЕМ ЖИВЕТ СОВРЕМЕННАЯ СИБИРСКАЯ ДЕРЕВНЯ (ИСТОЧНИКИ СРЕДСТВ К СУЩЕСТВОВАНИЮ СЕЛЬЧАН ПО ИТОГАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2010 г.)

Л. Н. СЛАВИНА
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск

Аннотация. В статье анализируются источники средств к существованию населения современной деревни на примере сельских жителей Красноярского края. Анализ проводится на основе итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. Определены основные и дополнительные источники доходов, характер и факторы их эволюции в постсоветский период. Дана оценка структуры источников средств к существованию сельчан, выявлены ее особенности в сравнении с аналогичной структурой горожан. Результаты сравнения показывают, что уровень жизни в деревнях края значительно ниже, чем в городах и в целом по селам России. Обоснована необходимость развернутого изучения поднятой проблемы, выделены значимые вопросы, указаны основные направления их исследования.

Ключевые слова: современное сельское население, источники средств к существованию, Красноярский край, Всероссийская перепись населения 2010 г.

В науке, а тем более в обществе, нет ясного представления о том, чем живет современная российская деревня. Известно, что социально-экономические преобразования в постсоветский период вызвали радикальные изменения в источниках средств к существованию сельчан. Но ход и результаты этого процесса практически не изучены ни в масштабах регионов, Сибири в том числе, ни России в целом. Между тем источники доходов людей – очень информативный показатель, их учет необходим при анализе любой из сторон жизни общества. Исходя из этого, первостепенную задачу данной работы мы видим в том, чтобы обратить внимание на необходимость развернутого исследования этой проблемы. Пока она ставилась в литературе лишь в самом общем виде [2, с. 184–225].

Цель данной работы – показать, за счет чего живут современные сельчане-сибиряки, на примере сельского населения Красноярского края. Изложенная в статье информация позволяет углубить представление о сибирской деревне, лучше осознать причины многих ее проблем. Источниковую базу исследования составили итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Все цифровые показатели в работе приводятся по этим данным [1].

Во время переписи были учтены (как и при переписи 2002 г.) двенадцать видов источников доходов и определен – впервые – основной из них. Полученная информация представлена в итоговых публикациях Росстата Рматериалов в половозрастном и территориальном разрезах. Это позволяет исследователям проблемы проводить необходимые сравнения по широкому кругу параметров в демографическом, социальном, территориальном ракурсах.

На вопрос, где они берут средства к существованию, ответили 666,3 тыс. чел. из 670,5 тыс. жителей деревень Красноярского края – 99,4 %. Поскольку при проведении переписи собирались сведения обо всех имеющихся у людей источниках средств для жизни, их количество в полтора раза превысило численность сельского населения. Менее половины сельчан – 49,0 % – указали единственный источник дохода, 46,7 % – два, 4,1 % – три, 0,2 % – четыре и более. Множественность источников свидетельствует не о высоком уровне жизни в деревне, а, напротив, о низком. Доказано: чем больше в обществе доля лиц, имеющих единственный источник средств существования, тем выше его благосостояние. По этому показателю сельчане-красноярцы очень отстают от жителей своих городов (76,7 %) и значительно – от сельчан России в целом (58,0 %). А все вместе красноярцы отстают от среднестатистических россиян: в деревнях края на каждые 100 человек приходится в среднем по 155 источников, в городах – по 125, тогда как в РФ – 144 и 121 соответственно.

Сельчане отличаются от горожан не только бóльшим числом источников доходов, но и их структурой. Приведенная ниже таблица показывает, что из учтенных переписью двенадцати видов источников значительную роль в жизни сельчан играют пять. Сужение в постсоветский период сельского рынка труда и сокращение совокупного спроса на рабочую силу вследствие деградации аграрной сферы и спада производства в остальных отраслях сельской экономики привели к тому, что ныне лишь 39,7 % источников дохода приходится на трудовую деятельность вне домашнего хозяйства. В том числе для 37,2 % сельчан она является основным, часто единственным, источником средств существования. Этот показатель резко контрастирует с аналогичным в последние советские десятилетия. Тогда удельный вес доходов от трудовой деятельности абсолютно преобладал над всеми прочими и имел тенденцию к росту и у мужчин, и у женщин.

Таблица 1

Структура источников средств к существованию сельских жителей Красноярского края по переписи 2010 г.

Источники средств к существованию	В % ко всему населению, указавшему	
	все источники	основной источник
Трудовая деятельность (в том числе по совместительству)	39,7	37,2
Личное подсобное хозяйство	36,5	5,4
Стипендия	0,8	0,2
Пенсия (кроме пенсии по инвалидности)	24,8	21,5
Пенсия по инвалидности	4,3	3,6
Пособие (кроме пособий по безработице)	15,5	3,0
Пособие по безработице	1,8	1,3
Другой вид гособеспечения	2,5	1,5
Сбережения, дивиденды	0,3	0,1
Доход от сдачи в наем имущества	0,1	0,02
Иждивение, алименты, помощь др. лиц	28,8	26,1
Иной источник	0,1	0,1
Всего	–	100,0

Низкий уровень трудовых доходов при высоком удельном весе в населении лиц рабочего возраста (59,4 %) свидетельствует о широком распространении в деревне занятости в неформальном секторе, т. е. о расширении трудовой деятельности, которая таковой официально не признается статистикой, но которая все чаще становится источником дохода сельчан. Это прежде всего работа в личных подсобных хозяйствах. Теперь доход от них является вторым по распространенности, но не по значимости, источником средств к существованию в деревне. Из ЛПХ получают доход 36,5 % сельчан, но лишь для 5,3 % он является основным, а для остальных – дополнительным.

Третье место по распространению (28,8 %) занимают иждивение, алименты, помощь других лиц, четвертое – пенсии (по старости, потере кормильца и т. п.), которые вместе с пенсиями по инвалидности составляют 29,1 % источников. Ряд самых важных для сельчан источников замыкают пособия всех видов, в том числе по безработице, вместе составляющие 17,3 %.

Остальные 7 видов источников играют в деревне несравнимо меньшую роль. Среди них выделяется лишь «другой вид гособеспечения» (2,5 %), который имеют лица, содержащиеся в интернатах для детей или стариков, заключенные и прочие подоб-

ные категории. Остальные источники, в том числе появившиеся в постсоветский период, редко встречаются в деревне. Ничтожно малую роль играют сбережения, дивиденды (0,3 %) и доходы от сдачи в аренду имущества (0,1 %). Еще меньшее значение, чем в советское время, имеют стипендии (0,8 %), являющиеся дополнительным источником из-за малых размеров.

При оценке всей совокупности источников средств к существованию видно, что сельские жители отличаются от городских как большим числом самых значимых доходов, так и их иерархией. Горожанам абсолютное большинство доходов приносят три источника (трудовая деятельность (51,6 %), иждивение (28,6 %) и пенсии (22,4 %), сельчанам – пять. По сравнению с городами в деревнях ниже доля доходов от трудовой деятельности, но выше – от пенсий, так как население там старше. Среди сельчан вдвое выше доля имеющих «другие виды гособеспечения», в том числе пособия по безработице. Одинаково малый доход везде дают сбережения и сдача в аренду имущества. Обращает на себя внимание и требует отдельного анализа такой источник, как «иждивение». Он везде имеет одинаковые размеры (28,6–28,8 %), несмотря на большую разницу между сельчанами и горожанами во всех отношениях.

Что касается основного источника средств существования населения деревни, то его структура принципиально не отличается от аналогичной у горожан. Он представлен той же «триадой» (трудовая деятельность, иждивения и пенсии), которая аккумулирует 84,8 % основных источников в деревне и 94,3 % – в городах.

Мужчины и женщины различаются структурой источников средств к существованию, но не настолько, как можно было ожидать, учитывая их разные социальные роли. Среди мужчин выше доля лиц, имеющих доход от трудовой деятельности (44,6 % против 35,1 %), пенсий по инвалидности (5,3 и 3,4 %) и «другого вида гособеспечения» (4,2 и 1,0 %). Среди женщин больше получающих пенсию (кроме пенсии по инвалидности) (32,0 и 17,2 % соответственно) и пособия (17,5 и 13,5 %), имеющих ЛПХ (37,9 и 35,0 %). Удельный вес получателей пособия по безработице одинаков у обоих полов (1,8 %), как и стипендиатов (0,7–0,8 %), живущих на сбережения (0,3–0,4 %) и сдачу в аренду имущества (0,1 %). Не различается даже удельный вес иждивенцев – они составляют 28,9 % мужской части населения деревни и 28,7 % – женской.

Состав источников средств к существованию тесно связан с возрастом сельчан. Указанные выше три самых распространенных источника соответствуют фазам жизненного цикла людей: у детей до 16 лет главным средством жизнеобеспечения является иждивение, в рабочем возрасте – трудовая деятельность вне дома, в пенсионном – пенсии. У горожан эта зависимость прослеживается четко, у сельчан она «размывается» большим числом дополнительных источников. Каждые 100 человек моложе трудоспособного возраста в городах имеют по 120 источников дохода, в деревнях – по 157, в рабочем возрасте – соответственно по 121 и 152, в пенсионном – 143 и 162. В городах получают пособия 18,8 % детей моложе 16 лет, а в деревнях – 57,0 %, что говорит о наличии там большого числа малообеспеченных семей. Подсобные хозяйства (дачи и т. п.) являются источником дохода у 8,2 % трудоспособных горожан, но у 44,7 % сельчан, соответственно у 14,1 и 35,0 % лиц пенсионного возраста.

Итак, социально-экономические преобразования в постсоветский период вызвали качественные изменения в источниках средств к существованию сельских жителей. Замена принципа всеобщего обязательного труда в народном хозяйстве свободной занятостью вызвала переток рабочей силы из государственного сектора в частный, расширение масштабов неформальной занятости и самозанятости, появление безработицы, превысившей в деревне критический уровень даже по официальным оценкам, явно заниженным, способствовала исчезновению ряда «старых, советских» и появлению новых источников доходов, а в целом к падению уровня благосостояния деревни. Невозможность для большинства населения прожить на один источник дохода заставила сельчан осваивать нетрадиционные формы занятости, обращаться к неформальным каналам получения доходов, добыче средств для жизни из всех возможных источников.

Сравнение итогов переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. показывает, что радикальные трансформации произошли в 1990-х гг. Перепись 2010 г. не выявила качественных отличий по сравнению с 2002 г., отметив лишь небольшие количественные изменения основных показателей. На 2–3 % выросла доля доходов от трудовой деятельности и пенсий, соответственно снизилась роль «конкурирующих» источников.

Изложенная в данной работе информация дает лишь самое общее представление о поставленной проблеме. Повторимся: необходимо углубленное изучение ее во всех аспектах. Актуальность и практическая значимость такой работы очевидна.

Список литературы

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 5. Источники средств к существованию [Электронный ресурс]. – М., 2013. – 745 с. – URL: http://www.gsk.ru.

2. Население России 2010–2011: восемнадцатый – девятнадцатый ежегодный демографический доклад [Электронный ресурс] / отв. ред. А. Г. Вишневский. – М. : ИД ВШЭ, 2013. – 530 с. – URL: http://demoscope.ru//weekly/knigi/ns_r10.

LIFE IN A MODERN SIBERIAN VILLAGE (THE LIVELIHOODS OF THE VILLAGERS ACCORDING TO THE RESULTS OF THE NATIONAL CENSUS 2010)

L. N. Slavina
V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogocal University, Krasnoyarsk

Abstract. The paper analyzes the livelihood of the population of the modern village, for example, rural residents of the Krasnoyarsk territory. The analysis is performed on the basis of the results of the national census 2010, the basic and additional sources of income, the nature and factors of their evolution in the post-Soviet period. The estimation of the structure of sources of livelihood of the villagers, identified its features in comparison with the similar structure of the townspeople. The results of the comparison show that the standard of living in the villages of the region is much lower than in the cities and in the whole villages of Russia. The necessity of the expanded study of the issues raised, highlighted significant issues indicate the main directions of their research.

Keywords: modern agriculture, population, livelihoods, Krasnoyarsk Krai, all-Russian population census 2010.

Славина Людмила Николаевна – доктор исторических наук, кафедра отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89, тел.: 8(391)2171717, e-mail: 200146@mail.ru

Slavina Lyudmila Nikolaevna – Doctor of History Sciences, Department of History of Russia, V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 660049, 89, Ady Lebedevoy st., Krasnoyarsk, tel.: 8(391)2171717, e-mail: 200146@mail.ru

УДК 94(47).084.8

ВЛАСТЬ И НАСЕЛЕНИЕ НА УРАЛЕ В СЕРЕДИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А. В. ТРОФИМОВ
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Аннотация. Рассмотрены проблемы взаимодействия власти и населения на Урале в послевоенные годы. Показано влияние мобилизационной системы, уральской идентичности на специфику моделей взаимоотношения власти и жителей региона. Выявлены исторические сюжеты, характеризующие результативность деятельности власти по решению проблем развития оборонного комплекса, демилитаризации, отмены карточной системы, денежной реформы, политического контроля.

Ключевые слова: Урал, власть, население, модели взаимодействия.

Модели взаимодействия власти и населения в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания на Урале были производными от мобилизационной парадигмы, в русле которой жила тогда вся советская страна. После окончания войны для региональной партийно-государственной элиты важно было выполнять указания вышестоящих инстанций, решать сложные экономические задачи перехода от войны к миру в диапазоне от конверсии военных производств, при одновременном развитии Уральского оборонно-промышленного комплекса (атомный проект, ракетно-ядерный комплекс, танковое производство и т. п.), до обеспечения восстановления и дальнейшего развития ослабленной войной социальной инфраструктуры. В мирных условиях необходимо было скорректировать параметры функционирования мобилизационной системы, в рамках которой коммуникации между властью и населением строились не только на административно-правовом принуждении, но и на авторитете власти, основанном на доверии и лояльности граждан. С точки зрения осмысления пределов, возможностей и результатов советской модели мобилизационного типа развития и «мобилизационной экономики» [3] сегодня очевидно, что мобилизационные стратегии имели определенный потенциал роста эффективности и производительности труда, однако в исторической перспективе не содержали потенциала саморазвития. Одобряемые властью аскетические, ригористские модели поведения все чаще в глазах граждан (по мере нарастания исторической дистанции от военного

лихолетья) вступали в противоречие с эмпирическим опытом, свидетельствующим о наличии значительного социально-экономического расслоения.

Модели взаимоотношений населения с властными структурами определялись также региональной уральской идентичностью [1, с. 94–114], базовым концептом которой была миссия служения России, обусловившая формирование «уральского характера», т. е. ценностно-поведенческого комплекса, определяющего установки и поведение значительной части уральского населения, ставшего генетически и культурно-исторически выработанным феноменом, закрепленным поколениями людей в условиях специфической среды. «Уральцу» присущи: невозмутимое спокойствие и долготерпение в отношении тягот жизни; сдержанность, доходящая до суровости; выносливость; общинная взаимовыручка и взаимопомощь, «чувство локтя» и коллективизм; трудолюбие; религиозное «нестяжательство»; особая приверженность старине и традициям, консервативность взглядов; характерная сметливость, решительность, способность к самостоятельным решениям; свободолюбие; готовность к трудовому подвигу; патриотизм, «оборонное сознание»; осмысление благополучия своей судьбы только в контексте благополучия Родины и т. д. Уральцами в середине XX в. были потомки рабочих и мастеров, в том числе многочисленные трудовые династии, чьи корни уходили во времена промышленного освоения Урала в XVIII–XIX столетия, и те, кто начал свои трудовые биографии в годы индустриализации 1930-х гг., а также был эвакуирован вместе с сотнями промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны и остался на Урале после ее окончания. Являясь регионом повышенной концентрации лагерных систем, Урал испытал все негативные последствия карательной политики государства. Лагеря Западного и Среднего Урала, служившие не только формой наказания, но ставшие образом жизни, оказали существенное влияние на все стороны общественного бытия края. Урал – место ссылки и эвакуации, что во многом определило своеобразие его этоса. Эвакуация в годы войны из Ленинграда, Прибалтики, Украины, Москвы, в послевоенные годы – репатриантов из Шанхая и Харбина способствовала тому, что к 1950-м гг. Урал превратился в своеобразный «этнический котел», в нем сосуществовали различные профессиональные дискурсы и модели поведения.

Укрепление и развитие уральского оборонно-промышленного комплекса оказывало непосредственное влияние на жизнь значительной части населения уральских городов. Овладение современными производственными технологиями, высокая степень ответственности, дисциплина труда опирались не только и не столько на жесткие формы контроля, сколько стимулировались высокими заработками и социальными льготами, что особенно ярко проявлялось в закрытых территориальных образованиях (ЗАТО). Создание «ракетно-ядерного щита» происходило с использованием широкого инструментария, включающего создание необходимых материальных стимулов, таких как достаточно комфортные для послевоенного времени условия жизни для одних групп населения, специалистов и членов их семей, и одновременно тяжелые условия, в которых находился спецконтингент (заключенные), участвующий в строительстве атомных объектов.

Важной составляющей стратегии послевоенного развития была демилитаризация, затронувшая различные стороны жизни людей. Большое внимание власть уделяла демобилизованным воинам. На Урале была создана эффективно действующая система работы по трудоустройству демобилизованных солдат и офицеров, в том числе инвалидов. Существовал строгий учет бывших фронтовиков по специальностям в сфере промышленности и сельского хозяйства, они регулярно снабжались продуктами питания, одеждой и всем необходимых для того, чтобы начать новую жизнь в качестве инженеров, техников, агрономов, зоотехников и т. д. Систематическую и осязаемую помощь получали семьи фронтовиков. В то же время семьи, мужчины которых оказались в плену или считались пропавшими без вести, не получали от власти ничего.

Опубликованные архивные документы демонстрируют [4], что государство, отменив карточную систему на продовольственные и промышленные товары, тем самым фактически снимало с себя ответственность за гарантированное снабжение населения, а денежная реформа 1947 г. носила конфискационный характер. В ходе денежной реформы многие руководящие работники, используя служебное положение, различными способами пытались сохранить свои сбережения, вложив их в сберкассы или в приобретение промышленных товаров. Важно подчеркнуть, что после проверок компетентных органов в Свердловской области с постов был снят целый ряд секретарей райкомов ВКП(б), председателей

райисполкомов, начальников МВД и МГБ районного и городского уровней. На всех этих руководителей были наложены партийные взыскания вплоть до исключения из партии. Такие действия в сознании обывателя несколько сглаживали негативные последствия денежной реформы.

Партийно-государственные структуры на Урале адекватно отреагировали на начавшуюся в центре кампанию по поиску «врачей-вредителей». В частности, была создана специальная комиссия по поиску таковых на некоторых кафедрах Свердловского медицинского института, были организованы проверки ряда медицинских учреждений. Руководство области инициировало кадровые перестановки среди заведующих здравотделами с учетом их национальной принадлежности.

В послевоенные годы партийные органы и органы политического контроля продолжали бороться с «антисоветской» агитацией в рабочей и сельской среде. Отслеживались «хулиганские и враждебные» надписи на избирательных бюллетенях, которые демонстрировали сопротивление общества власти. Политический контроль над общественным сознанием осуществлялся и с помощью цензуры – обллитов, соответствующих отделов обкомов ВКП(б), стремившихся направить в нужное русло творчество писателей, вычистив из их произведений мысли, отвлекающие, по мнению властей, людей от решения задач социалистического строительства.

«Массовый советский человек» жил тогда в жестких условиях тоталитарного быта. Он характеризовался контролем над сферой частного посредством особой организации жилого пространства (коммуналки и покомнатный принцип расселения), запрета абортов, введения нелегитимности фактических браков и т. д., что порождало необходимость поиска стратегий повседневного выживания [2, с. 16]. Значительная часть уральских жителей продолжала после окончания Великой Отечественной войны жить в условиях бедности и нищеты, обращаясь к властям с просьбами о помощи, проявляя готовность к труду на благо страны. Обращения граждан в различные властные инстанции касались трудоустройства демобилизованных военных, положения инвалидов войны, многодетных семей, женщин-матерей и детей, пенсионеров, выплат пособий, пенсий, оплаты труда и т. д. После войны продолжала оставаться острой проблема продовольственного

обеспечения, регулярно возникали перебои в торговле хлебом, крупами, молочными продуктами, мясом и овощами. Нередко отсутствовали в продаже спички, соль, керосин, что вызывало обоснованное недовольство, снижало экономическую активность людей, настроенных в целом позитивно и готовых как можно скорее ликвидировать последствия войны. Вместе с тем часть населения (по-видимому, весьма небольшая) стремилась использовать существующие трудности и организовывала нелегальные каналы снабжения населения продовольствием и промышленными товарами. Власть вела борьбу с этими проявлениями, хотя то, что тогда называлось спекуляцией, по сути, являлось стремлением экономически активных граждан расширить диапазон официально разрешенных стратегий поведения в интересах людей (во многом за их счет).

Характерные для современного общественного сознания представления о том, что в позднесталинском СССР модели взаимоотношения власти и населения строились лишь на основе страха и принуждения, а степень недоверия населения к властным структурам является некоей константой в истории СССР–Российской Федерации, могут быть скорректированы при обращении к конкретно-историческим источникам и сюжетам. Региональная и местная власть на Урале, особенно в сельской глубинке, в первое послевоенное десятилетие находилась под прессом многочисленных проблем, решение которых осложнялось нехваткой ресурсов. Вместе с тем при решении конкретных проблем включались разные модели поведения со стороны представителей «вертикали» власти, демонстрирующие не только очевидную жесткость и силу, но и определенную гибкость, способность к компромиссам.

Список литературы

1. *Казакова Г. М.* Культура Южного Урала: локальный вариант регионального измерения. – СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена ; Челяб. гос. акад. Культуры и искусств, 2007. – 254 с.

2. *Лебина Н. Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля. Ленинград 1950–1960-е гг. / Н. Б. Лебина. – СПб. : Крига; Победа, 2015. – 484 с.

3. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX в.: сборник материалов II Всероссийской научной конференции. – Челябинск : Энциклопедия, 2012. – 662 с.

4. Общество и власть. Российская провинция. Т. 2. 1941–1985. Свердловская область. Документы и материалы. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. – 776 с.

POWER AND POPULATION IN THE URALS IN THE MID 1940'S-EARLY 1950'S: PATTERNS OF INTERACTION

A. V. Trofimov
The Ural State Economic University, Ekaterinburg

Abstract. The problems of interaction between government and population in the Urals in the postwar years. Shows the effect of the mobilization system, the Ural identity on the specifics of the models of relations between the authorities and inhabitants of the region. Identified historical themes that characterize the performance of the authorities in resolving problems of development of the defense complex, demilitarization, cancel the card system, monetary reform, political control.
Keywords: Ural, power, population, interaction models.

Трофимов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, кафедра общей и экономической истории, Уральский государственный экономический университет, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, 62/45, тел.: 8 (343) 257-91-40, e-mail: 2519612@rambler.ru
Trofimov Andrey Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department General and Economic History, Ural State Economic University, 620144, Ekaterinburg, st. 8-e Marta/Narodnoy voli, 62/45, tel.: 8 (343) 257-91-40, e-mail: 2519612@rambler.ru

УДК 908.00

ЖЕНЩИНЫ – ТРУЖЕНИЦЫ ТЫЛА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Т. П. УРОЖАЕВА
МАОУ «СОШ № 13» им. ак. М. К. Янгеля, г. Усть-Илимск

Аннотация. В статье проведен анализ материалов региональных и местных печатных изданий, опубликованных зимой 1941 г. Патриотизм и героизм женщин, социально-психологические мотивы их выносливости, великое терпение, осознанная жертвенность – то, что составило основу исследовательского материала. Взвалить на хрупкие женские плечи мужской труд вынудила суровая необходимость войны, а отнюдь не пропагандистский лозунг, провозглашавший, что «все профессии подвластны советским женщинам». Война оказывала сильное воздействие на жизнь женщин, изменяла их роль в семье и жизни всего общества.
Ключевые слова: Иркутская область, Великая Отечественная война, экономический потенциал, труженицы тыла, сверхурочный труд, движение «двухсотниц-трехсотниц».

Наравне с ратным подвигом в Великой Отечественной войне в историю вошел подвиг героев тыла, в котором решающую роль сыграли женщины. Они принимали самое активное участие в

перестройке экономики на военный лад, в эвакуации населения и промышленных предприятий, приложили колоссальные усилия по мобилизации всех сил и средств на борьбу с врагом. Простых и скромных тружениц часто называли героинями трудового фронта. В годы войны как никогда ранее раскрылись способности женщин, проявилась их самоотверженность, самопожертвование и инициатива.

В связи со значительным сокращением трудовых коллективов, вызванным всеобщей мобилизацией, остро встала проблема повышения производительности женского труда. Позитивную роль в деле трудовой и общественной активизации тружениц сыграла организация различных форм соревнований. Среди работниц промышленности Иркутской области массовое распространение получило движение «двухсотниц-трехсотниц» – передовиков производства, перевыполнявших дневные нормы в два-три раза и более. Широкое распространение получил сверхурочный труд: субботники, воскресники. Так, в ноябре 1941 г. работницы Качугского мелькомбината неоднократно выходили на воскресники, перевыполняя плановые обязательства. Например, Надежда Козодоева при дневной норме 360, работая по воскресениям, зашивала 400 мешков с мукой, откатчица Мария Глазырина выполняла дневную норму на 150–200 %. Все заработанные деньги от воскресника работницы передавали в фонд обороны на счет строительства танков [2, с. 2].

Женщины и девушки стали основным кадровым резервом в народном хозяйстве. Значительная работа по организации их профессионального обучения дала свои результаты: постепенно накапливался производственный опыт, повышался профессиональный уровень тружениц, проявлялось трудовое мастерство. Наиболее приемлемой формой производственного обучения в годы войны стала коллективная подготовка.

На пристани Лензолотофлота женщины и девушки в первые месяцы войны успешно осваивали новые профессии, ранее считавшиеся мужскими. Таисия Шеметова в ноябре 1941 г. поступила на работу кочегаром и подменным машинистом подъемного крана пристани. На механическом кране пристани работала в качестве кочегара Мария Жданова, а в машинное отделение лесозавода пристани пришла работать Елизавета Литвинова, принятая в качестве помощника моториста газогенераторной установ-

ки. В пожарно-сторожевой охране объектов пристани работало еще восемь женщин [4, с. 1].

В военные годы кардинально изменилась роль женщин в экономическом развитии: в промышленном производстве труд женщин стал преобладающим, а в сельскохозяйственном – колхозницы стали главной производительной силой. Женщины повсеместно замещали мужчин, осваивали сложные мужские специальности.

После того как началась война, Валентина Татаринцева и Ангелина Рудых из Черемхова первыми решили овладеть профессией шахтера. В августе 1941 г. они взялись за работу. К ноябрю 1941 г. учебный комбинат подготовил для работы на шахте еще 10 женщин. Спускаясь в забой, они пообещали: «Не отстанем от наших мужчин, будем давать по две и больше нормы». Забойщицы Наталья Гамаюнова, Ирина Звягина, Варвара Моторисова и Любовь Ерофеева за первую неделю работы в шахте перевыполнили норму в полтора-два раза. На шахте имени С. М. Кирова был организован полностью укомплектованный женщинами угольный участок [13, с. 3].

Работницы и бывшие домохозяйки постепенно, не без трудностей овладевали мужскими профессиями. В начале ноября 1941 г. в паровозном отделении станции Утулик окончила обучение группа машинистов электростанции, в которой без отрыва от производства занималось 12 человек. Среди них было семь женщин. В частности, на электромонтеров сдали испытания Тамара Брюзгина и Людмила Гринкевич. Анна Власьянова и Галина Семенова также успешно сдали испытания и работали стрелочницами. На курсы электромонтеров, организованные при паровозном депо, пришли домохозяйки: Лидия Латышева, Надежда Юрченко, Мария Кунгурцева. Жена стрелочника станции Зарубина Валентина овладела специальностью весовщика и успешно справлялась с этой работой [1, с. 2]. В ноябре 1941 г. при депо станции Зима 17 женщин-домохозяек и девушек приступили к изучению профессии помощника машиниста паровоза. Наряду с освоением паровоза курсантки изучали автосцепку, технологию металлов, типы вагонов [9, с. 1].

Многие женщины, помимо основной работы, обучались сестринскому делу. Так, слушательницы курсов медсестер на станции Култук выдержали квалификационные экзамены. 11 женщин окончили курсы досрочно. В числе их кассиры станции Ев-

докия Журина, Мария Шатунова, механик связи аппарата безопасности движения Прасковья Шипилова и др. [7, с. 2].

Среди женщин, прошедших курсы обучения, было много в прошлом домохозяек. Так, жены работников станции водоснабжения из сел Тыреть, Залари и Забитуй окончили обучение, сдали экзамены техникума на должность машинистов и кочегаров водокачки. В числе отличниц оказались бывшие домохозяйки Нонна Чернышева, Авдотья Ступина, Евгения Миронова, Людмила Батракова, Ефросинья Горячкина [5, с. 1].

В пос. Усть-Ордынском из женщин была сформирована бригада, которая, по существу, являлась и ремонтной, и учебной. В ноябре 1941 г. по плану бригаде нужно было отремонтировать 5 тракторов и обучить 12 человек. Особенно хорошо справлялись с делом Мария Ситникова и Ксения Мерзликина. Они детально изучили каждую деталь трактора [3, с. 2].

Многие женщины учились непосредственно на действующих предприятиях. Приведем слова Анны Скорняковой, формовщицы завода тяжелого машиностроения им. Куйбышева: «Наблюдая за самоотверженным трудом своего учителя-формовщика тов. Бородкина, я с первых же дней задалась целью: овладеть опытом формовочного мастера, чтобы Борис Семенович видел во мне достойную смену. Самостоятельно работаю только третий месяц, стараюсь давать высококачественную продукцию. Упирая на качество, я в первое время отставала в количестве. Только в октябрьском соревновании повысила темпы и стала выполнять производственное задание на 150 %» [16, с. 4].

В годы войны было подготовлено достаточное количество женских квалифицированных кадров, которые обеспечили выпуск необходимой фронту продукции. Произошло углубление и расширение традиционных форм обучения, что выразилось в ускоренных темпах обучения, массовой подготовке женщин по замене ушедших на фронт мужчин. Взвалить на хрупкие женские плечи мужской труд вынудила суровая необходимость войны, а не пропагандистский лозунг, провозглашавший, что «все профессии подвластны советским женщинам».

Многие женщины ударно трудились на предприятиях, занимаясь тяжелым немеханизированным трудом. Так, женский коллектив слюдянских рудников ежедневно выдавал сверх плана сотни килограммов минералов. Надежда Перевалова была из-

вестна как передовой мастер колки. За три недели ноября 1941 г. она выполнила месячную норму более чем на 200 %. Больше двух норм она выдавала и в предыдущие месяцы. Рудник имел слюдодобывающую фабрику, которой руководила Зоя Павлова [10, с. 3].

На руднике Северном вблизи пос. Мама бывшая домохозяйка Людмила Ивахненко с самого начала войны работала забойщицей подземной эксплуатации на жиле № 7. Ручным способом она выбуривала 115–120 см шпура за смену. Женщины-откатчицы Вера Варламова, работающая на жиле № 20, Полина Скребнева, Нина Снегирева и Лидия Тараторина, работающие на жиле № 5, при откатке породы тачкой и вагонами добились высоких результатов, значительно перевыполняя производственный план [8, с. 1]. Среди старателей прииска Кург в Ольхонском районе более одной трети составляли женщины. Они быстро освоили незнакомую им работу. Софья Добрецкая, Анастасия Мелентьева и другие работали наравне с мужчинами. Для их детей были организованы ясли [12, с. 2].

В шахты Черемховского угольного бассейна спустились десятки женщин и выдавали на-гора сотни тонн угля. На шахте им. С. М. Кирова в довоенный период женщины работали только на подсобных и второстепенных работах. В годы войны многие стали трудиться в забоях. Известными по всему Черембасу высокой выработкой и хорошим качеством работы стали мастера угля Василиса Татаринцева и Мария Рузга. Женщины-забойщицы Ксения Танчук и Лидия Мусина добывали по 18–20 тонн угля вместо 13 тонн по норме [11, с. 1].

В депо помощником машиниста маневрового паровоза работала Вера Штукарева. Она, овладев мастерством, стала сама производить ремонт машины. Софья Гузеева освоила специальность машиниста компрессора. Галина Уварова, работая сверловщицей в ремонтной мастерской, в среднем выдавала четыре нормы [11, с. 1].

На лесоперевалочном комбинате Крутой Ключ Тулунского леспромхоза широко применялся женский труд. Еще летом 1941 г. здесь подготовили 11 девушек на операторов производства. Одна из них, Людмила Морозова, отлично справлялась с обязанностями мастера лесозаготовок. Четыре девушки с успехом работали бракерами-приемщиками. Там же работала молотобойцем Наталья Берестова, перевыполняя норму. Заботливо ухаживали за лошадьми бывшие домохозяйки, ставшие конюхами – Екатерина Кузнецова, Марина Рязанова и др. В ноябре 1941 г. около двух

норм выдали стреловщицы Татьяна Немова и Алевтина Автушко. На лесосеке также работали женщины (13 человек) [14, с. 3].

Женщины демонстрировали свои незаурядные способности, быстро осваивали практически любые профессии и в тяжелых условиях повышали производительность труда, проявляя огромную самоотдачу и работоспособность. Многим домохозяйкам пришлось помогать своим мужьям и осваивать несвойственные им профессии. Бывшие домохозяйки Тамара Колесникова, Александра Гордеева, Елизавета Алехина, Наина Тюшкевич трудились на станции Зима, сдав экзамены на старших кондукторов [15, с. 2].

Жены паровозников депо станции Слюдянка активно помогали своим мужьям, бесперебойно работая в зимних условиях. По инициативе Марии Садчиковой была организована бригада женщин в количестве 16 человек, которая по первому же требованию вышла на расчистку снега. Среди них – Екатерина Муравьева, Таисия Мирошникова, Ольга Брисюк, Галина Истомина, Любовь Змановская, Валентина Ромень, Нина Копытова. Активистка Ирина Романова организовала из женщин семь бригад, которые разносили по цехам горячие обеды [6, с. 3].

В целом в годы войны действовали различные механизмы формирования морально-психологической готовности женщин отдавать все силы и средства во имя Победы. Суровые законы и дисциплинарные меры являлись только одной стороной воздействия на сознание тружениц тыла и сами по себе не могли резко увеличить производительность труда и вызвать у женщин желание идти на добровольные жертвы и лишения. В работе местных органов власти в военное время произошел переход от методов командования и принуждения к убеждению людей. Властные организации пытались учитывать женскую психологию, нравственные мотивы поведения женщины. Опыт военных лет демонстрировал, что наилучший результат в работе с женщинами достигался тогда, когда умело сочеталось решение социальных проблем с учетом особенностей женской психологии.

Как ни парадоксально, но война явилась своеобразным катализатором социально-политической и трудовой активности женщин, она вызвала раннее взросление и личностную социализацию девушек. Активная помощь фронту доказывала, что советские женщины-патриотки не были только послушными исполнительницами воли властных структур. Самоотверженная работа тружениц тыла помогла сохранить и приумножить экономический потенциал, необходимый для победы в войне.

Список литературы

1. Больше внимания подготовке кадров // Вост.-Сиб. путь. – 1941. – 9 дек. – № 127. – С. 2.
2. Воскресник в фонд обороны страны // Верхне-Лен. правда. – 1941. – 12 дек. – № 97. – С. 2.
3. В совершенстве изучить трактор // Знамя Ленина. – 1941. – 10 дек. – № 246. – С. 2.
4. Девушки овладевают новыми профессиями // Верхне-Лен. правда. – 1941. – 12 дек. – № 99. – С. 1.
5. Домохозяйки закончили обучение // Сталинский путь. – 1941. – 7 дек. – № 96. – С. 1.
6. Домохозяйки помогают своим мужьям // Вост.-Сиб. правда.– 1941. – 7 дек. – С. 3.
7. Досрочно окончили курсы медсестер // Вост.-Сиб. путь. – 1941. – 7 дек. – С. 2.
8. Женщины выполняют мужские работы // Мамский горняк. – 1941. – 13 дек. – С. 1.
9. Кадровые резервы // Сталинский путь. – 1941. – 11 дек. – С. 1.
10. Коммунистки впереди // Вост.-Сиб. правда. – 1941. – 9 дек. – С. 3.
11. Наши ударницы // Черемхов. рабочий. – 1941. – 5 дек. – С. 1.
12. Прииск Курга // По заветам Ленина. – 1941. – 18 дек. – С. 2.
13. Профессия шахтера пришлась по душе // Вост.-Сиб. правда. – 1941. – 7 дек. – С. 3.
14. Советские патриотки // Вост.-Сиб. правда. – 1941. – 7 дек. – С. 3.
15. Сопровождают железнодорожные составы // Вост.-Сиб. правда. – 1941. – 7 дек. – С. 2.
16. Стала двухсотницей // Вост.-Сиб. правда. – 1941. – 7 дек. – С. 4.

WOMEN – TOILER REAR IN THE BEGINNING OF THE WAR (ON MATERIALS PERIODICALS IRKUTSK REGION)

T. P. Urozaeva
MAEE GES N 13, Ust-Ilimsk

Abstract. The article analyzes the materials of regional and local newspapers published in the winter of 1941. Patriotism and heroism of women, socio-psychological motives of their endurance, great patience, sacrifice conscious women – this is what formed the basis of the research material. Harsh necessity of war forced labor of men to take on women's shoulders, rather than propaganda slogan proclaiming that «all professions subject to Soviet women». War has a strong impact on women's lives, change their role in the family and society as a whole.

Keywords: Irkutsk Region, World War II, economic potential, toiler rear, overtime, the movement «dvuhsotnits-trehsotnits».

Урожаева Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, МАОУ «СОШ № 13» им. ак. М. К. Янгеля, учитель истории и обществознания, 666683, г. Усть-Илимск, ул. Мечтателей, 36-37, тел.: 8(3952)334372, e-mail: olgoy@ya.ru

Urozhaeva Tatyana Petrovna – Candidate of History Sciences, M. K. Yangel The MAEE GES № 13, teacher of history and social studies, 36-37, Mechtateley st.? Ust-Ilimsk, 666683, tel.: 8(3952)334372, e-mail: olgoy@ya.ru

УДК 334.012.64(571.53)(091)

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ НА РУБЕЖЕ XVII–XXI ВЕКОВ

Л. А. ХАВИНА
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. История развития российского малого предпринимательства могла бы быть более успешной, если бы в этом процессе не был упущен практически 60-летний советский период.

Ключевые слова: производство, малое предпринимательство, Сибирь.

На сегодняшний день малое и среднее предпринимательство является одним из ведущих секторов народного хозяйства, во многом определяющим темпы экономического роста, структуру и качество валового национального продукта любой страны и ее регионов.

История возникновения и развития малого предпринимательства в Иркутской губернии началась одновременно с ее хозяйственным освоением в первой половине XVII в. Самым ранним хозяйственным занятием пришлого русского населения в Сибири стала торговля, которая способствовала не только промысловому освоению края, но и его политическому присоединению к России. Первые торговые контакты с Сибирью прежде всего были обусловлены стремлением добраться до пушных богатств края. Быстрый рост численности промышленников и торговцев привел к тому, что в XVII в. Сибирь, и Иркутская губерния в частности, становятся главным поставщиком пушнины на русском рынке. Однако транспортировка товаров в то время являлась непростым делом. Из-за отсутствия дорог для перевозки грузов пользовались почти исключительно водными путями. На перевозку товаров уходили месяцы, а то и годы. Следствием этого была очень медленная оборачиваемость капиталов сибирских предпринимателей.

Но географическая удаленность Сибири от центра России явилась и стимулом к достаточно быстрому развитию местных промыслов, т. е. население активно занялось производством многих предметов быта на месте. Кроме того, и достаточно длительный зимний период давал крестьянам возможность заняться ка-

ким-либо домашним ремеслом, в которое вовлекались все домочадцы, в том числе и дети. Развитию предпринимательства способствовало и то, что на тот период покупательская способность была достаточно низкой. Основные продукты питания и предметы повседневного спроса горожане и крестьяне предпочитали производить в собственном хозяйстве, обращаясь к профессиональным торговцам только в случае крайней необходимости.

В сибирских городах XVII в. трудилось немало ремесленников – кузнецы, серебряники, иконописцы, каменщики, горшечники, дегтяри, хлебники, пирожники и мн. др. А их количество свидетельствовало о том, что к концу XVII столетия наиболее развитые сибирские города, в том числе и Иркутск, находились на одном уровне со средними городами Европейской России.

В Иркутской губернии занятиями, в которых совмещались добыча и обработка сырья, были гончарный промысел, изготовление жерновов, лесной промысел. Быстрыми темпами развивались производства (веревочное, колесное, корзиночное, экипажное и столярное) и отхожие промыслы (рыболовство, охота, извоз, сплав леса), которые носили сезонный характер. Основными видами деятельности городских кустарей было портняжное и кожевенное производство, а с кожевенным производством был тесно связан мыловаренный и свечной промысел.

Царское правительство всячески содействовало развитию в Сибири малого предпринимательства и кустарной промышленности как основы для создания средних и крупных производств в дальнейшем. На начало 1900 г., по данным различных переписей, доля Иркутской губернии в общем объеме выпускаемой малыми предприятиями России продукции составляла около 2 % [1].

После Октябрьской революции под влиянием разных факторов (прежде всего в силу принципиального отрицания частной собственности как источника эксплуатации) в несколько приемов были национализированы предприятия крупной, средней и мелкой промышленности. Но через несколько тяжелых для экономики государства лет правительство пришло к осознанию необходимости коренной перемены своей точки зрения на хозяйственную деятельность. В связи с этим в основу развития народного хозяйства страны были положены новые принципы. Основное содержание новой экономической политики заключалось в стимулировании товарно-денежных отношений, экономической

предприимчивости, инициативы, материальной заинтересованности в результатах труда каждого предприятия и каждого работника. С переходом к нэпу были сняты ограничения на частнопредпринимательскую деятельность. Новая экономическая политика способствовала восстановлению сельского хозяйства, а основное место в производстве продовольствия и сельскохозяйственного сырья занимало единоличное крестьянское хозяйство.

Введение НЭПа в Сибири имело две особенности. Во-первых, здесь были установлены более высокие налоговые ставки, чем в целом по стране. Это объяснялось тем, что сибирские земледельцы в массе своей были более зажиточны, чем крестьяне Европейской России. Продналог 1921 г. в крае составлял 20 % от валового сбора сельскохозяйственной продукции, тогда как по РСФСР в целом не более 12 %. Эффективным стимулом подъема сельского хозяйства в годы НЭПа была хорошо продуманная налоговая система. В 1923 г. многочисленные местные налоги были отменены и введен единый сельскохозяйственный налог. Часть его крестьяне вносили натурой, а часть (по своему желанию) – деньгами. Общая сумма налоговых платежей с течением времени уменьшилась. В 1923 г. единый сельскохозяйственный налог в Сибири был в 3 раза меньше разверстки 1920 г. и в полтора раза меньше налога 1922 г. [2].

За годы НЭПа удалось восстановить экономику страны. НЭПа был отменен в 1931 г., но фактическую свободу для частного предпринимательства вытеснили уже в 1928 г. С этого времени происходит достаточно быстрый процесс ликвидации частной собственности, формируется командно-административная система, стремительно падает предпринимательская активность населения. Все иркутские предприятия и промыслы, вплоть до маленьких кустарных мастерских, национализируются. Наступает период коллективизации, индустриализации, практически полного вытеснения из экономики частных элементов, подавляется любая предпринимательская деятельность, кроме того, она в советском государстве становится уголовно наказуемой.

Однако в середине 80-х гг. XX в., с началом перестройки, в экономике начинают происходить радикальные изменения. Наряду с общим оживлением в жизни общества (гласностью, плюрализмом и т. п.) происходил поиск новых подходов к преобразованиям в хозяйственной жизни страны, отягощенной крайне неэффективной

структурой, доминированием ВПК (с преобладанием огромных объединений и предприятий, закрытых городов-заводов и т. п.).

Во второй половине 1980-х гг. быстрыми темпами стал развиваться так называемый челночный бизнес, когда многие сотни и тысячи людей выезжали для закупки товаров за рубеж. Благодаря подобной торгово-посреднической деятельности активных и предприимчивых людей успешно устанавливались новые хозяйственные связи, в основе которых лежали современные рыночные отношения. Этот исторический период характеризуется весьма важным для экономики страны событием – происходит постепенное восстановление российского предпринимательства, и для этого были созданы достаточно неплохие условия и приняты основополагающие документы, такие как Постановление Совета Министров СССР «О мерах по созданию и развитию малых предприятий» (август 1990 г.), Закон РФ «О государственной поддержке малого предпринимательства» (июнь 1995 г.).

На сегодняшний день промышленная структура сибирских регионов существенно отличается от западной части страны более высоким удельным весом сырьевых и энергоемких отраслей, более низкой долей предприятий, ориентированных на удовлетворение потребительского спроса – пищевой, легкой, производства продукции с высокой добавленной стоимостью. Структура производств малого и среднего бизнеса часто зависит от ресурсного потенциала территорий и, как правило, соответствует основной производственной составляющей административного района. Однако в больших промышленных поселениях области, где градообразующие отрасли относятся к предприятиям крупного бизнеса, параллельно развиваются и другие виды промышленного производства. Так, например, в Усолье-Сибирском – основном центре химической промышленности региона – одной из ведущих отраслей экономики города стало производство мягкой и корпусной мебели.

Лидирующими отраслями малого и среднего бизнеса в Иркутской области являются операции с недвижимостью (20 %), а также оптовая и розничная торговля (29,8 %). В строительстве занято немногим более 13 % работников, в сфере производства – около 10 %. Общая численность всех работающих в малом и среднем бизнесе приблизилась к отметке в 25 % от всего экономически активного населения территории. По росту числа пред-

приятий на 100 тыс. населения Иркутская область занимает лидирующее положение в СФО, приближаясь по этим показателям к Новосибирской области и Красноярскому краю. Однако по инвестициям в основной капитал область занимает лишь пятое место среди регионов СФО.

Предприятия малого и среднего бизнеса в основном базируются в крупных городских поселениях и неравномерно размещены по территории области. Основная часть, более 90 %, функционирует в крупнейших городах – Иркутске, Ангарске, Братске, Усть-Илимске, Усолье-Сибирском. Эта неравномерность объясняется вполне понятными причинами. Малочисленность населения в большом количестве поселений области, низкая доходность бизнеса в связи с малой платежеспособностью населения и другие факторы тормозят развитие этого процесса. Наибольшее количество предприятий малого бизнеса сосредоточено в Иркутске (около 50 %), что сделало город едва ли не основным российским лидером по такому показателю, как плотность распространения предприятий малого бизнеса. Несмотря на значительные успехи в развитии малого и среднего предпринимательства в области, нужно признать и тот факт, что этот сектор экономики развит достаточно слабо.

В населенных пунктах Иркутской области, по большей части являющихся моноспециализированными, не так уж много альтернатив для трудоустройства людей и пополнения казны муниципалитетов. И на этом фоне вопрос диверсификации экономики чрезвычайно важен. Возможно, одним из направлений развития региона может стать реализация кластерной модели хозяйствования, где появляется огромное поле деятельности для малого и среднего бизнеса (яркий пример успеха подобной модели – развитая экономика Японии). В области имеются мощные комплексы лесной, алюминиевой, химической, авиационной промышленности. Эти индустриальные гиганты могут стать точкой опоры при формировании кластеров. Область располагает развитой транспортной инфраструктурой, квалифицированными рабочими кадрами и богатым научным потенциалом [3. с. 105].

Список литературы

1. *Винокуров М. А.* Экономика Иркутской области [Электронный ресурс] / М. А. Винокуров, А. П. Суходолов // Малое предпринимательства в Иркутской области (в контексте мирового опыта). – URL: http://irkpedia.ru/content/maloe_predprinimatelstvo_v_irk_obl.

2. Мемуары из личного архива В. Ф. Жаворонкова [Электронный ресурс] // Введение нэпа в Сибири. – URL: http://nspornal.ru/ap/libraru/drugoe/2013/07/29/pereselenie-v-sibir-v-gody-nepa.

3. *Хавина Л. А.* Оценка современных факторов развития городов и урбанизационных изменений в Сибири / Л. А. Хавина. – Новосибирск : ГЕО, 2011. – С. 105.

THE STAGES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS IN THE IRKUTSK REGION AT THE TURN OF XVII–XXI CENTURIES

L. A. Havina
V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. A history of the Russian small business could be more successful if this process was not lost by almost 60 years of the Soviet period.

Keywords: manufacturing, small business, Siberia.

Хавина Лилия Аркадьевна – кандидат географических наук, ведущий инженер лаборатории экономической и социальной географии Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: khavina@irigs.irk.ru

Havina Liliya Arkadyevna – Candidate of Geography Sciences, Engineer Laboratory of Economic and Social Geography V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: khavina@irigs.irk.ru

УДК 94 (470)

РОЛЬ РЕАЛЬНЫХ И ТЕНЕВЫХ АКТОРОВ В РАЗВЯЗЫВАНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОЛИТИКА СССР КАК ЗАЩИТНАЯ РЕАКЦИЯ НА ИХ ДЕЙСТВИЯ

В. В. ЧЕРНЫХ
Восточно-Сибирский институт МВД России г. Иркутск

Аннотация. В статье освещаются попытки фальсификации истории Второй мировой войны. Раскрывается, кто стоял за развязыванием войны, и анализируется военная политика СССР перед Второй мировой войной.

Ключевые слова: Вторая мировая война, «поджигатели» войны, Мюнхенский сговор, пакт Риббентропа – Молотова, военная политика СССР.

В преддверии празднования 70-летия Победы советского народа над фашистской Германией и в свете нескончаемых попыток западных идеологов отмежеваться от вины за развязывание Второй мировой войны возникает органическая потребность обозначить истинных виновников этой войны и провести некоторые аналогии предвоенных периодов двух мировых войн и нынешнего, в чем-то схожего, периода.

В 2009 г. на парламентской ассамблее Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) была одобрена Декларация, уравнявшая роль СССР и нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны. Тем самым нацистские преступления были приравнены к преступлениям сталинизма. В резолюции отмечалось, что советский режим несет ответственность наравне с Германией за развязывание Второй мировой войны, и предлагалось 23 августа сделать днем памяти всех жертв сталинизма и нацизма. Именно в этот день, в 1939 г., СССР и Германия подписали договор о ненападении. Высказано пожелание, чтобы этот день стал общеевропейским днем памяти о жертвах массовых депортаций и казней. Против кого и чего направлена эта резолюция, видно невооруженным взглядом: она направлена на дискредитацию России как правопреемницы СССР и подготовку правовой почвы для лишения ее права выступать против пересмотра итогов войны. Поэтому сейчас как никогда важно назвать настоящих виновных за развязывание войны. А для того, чтобы это понять, нужно ответить на ключевой вопрос: кто обеспечил приход нацистов к власти, кто направлял их по пути к мировой катастрофе, кто финансировал германский фашизм? Вся предвоенная история Германии показывает, что обеспечению «нужного» политического курса служили управляемые финансовые потрясения, в которые, кстати, мир оказался ввергнут и сегодня.

По мнению ряда современных исследователей (А. Фурсова [1], Н. Старикова [2], Ю. Рубцова [3], Г. Препарата [4], Д. Перетолчина [5] и др.), ключевыми акторами, определявшими стратегию послевоенного развития Запада, были центральные финансовые институты Великобритании и США – Банк Англии и Федеральная резервная система (ФРС) – и связанные с ними финансово-промышленные организации, поставившие цель установить абсолютный контроль за финансовой системой Германии, чтобы управлять политическими процессами в Центральной Европе. А. Фурсов, характеризуя их как скрытые субъекты, настаивает на том, что Первая мировая война способствовала укреплению закрытых групп мирового согласования и управления англосаксонской элиты и упрочению англо-американских связей по закрытой линии, при росте противоречий по открытой линии – между Великобританией и США как государствами [6]. Солидаризуется с его мнением итальянский исследователь Г. Дж. Препарата, кото-

рый определил их как: «укоренившиеся и самовоспроизводящиеся братства, правившие англосаксонскими государствами: они были (и есть) образованы конгломератом династий, происходящих из банкирских домов, дипломатического корпуса, офицерской касты и правящей аристократии. Этот конгломерат и по сей день прочно вплетен в ткань современных «демократий». Такие «клубы» действуют, управляют, воспитывают и мыслят как компактная, тесно спаянная олигархия, привлекающая к сотрудничеству средний класс, который она использует как фильтр между собой и пушечным мясом – простолюдинами. Действительно, в так называемом демократическом выборе, который в настоящее время представляет собой наиболее хитроумную модель олигархического правления, электорат по-прежнему не имеет никакого влияния, а политическая способность есть не что иное, как иное название силы убеждения, необходимой для построения „консенсуса“ вокруг жизненно важных решений, которые принимаются отнюдь не избирателями» [4].

Реальным субъектом управления миром является государство. Влияние государства на мировой геополитический процесс обеспечивается наличием суверенитета и географического пространства, а также правоспособностью на заключение любых международных договоров. Немаловажной особенностью принадлежности именно государства к вершителям геополитических судеб является и то, что именно государство несет ответственность за принятие и выбор средств принуждения и средств разрешения споров и конфликтов, угрожающих его безопасности и национальным интересам. Новыми структурами (субъектами) мирового управления на рубеже XIX–XX вв. стали транснациональные корпорации (ТНК), транснациональные банки (ТНБ), Федеральная резервная система (1913 г.), а также общества, созданные С. Родсом, А. Милнером и другими в Великобритании, наиболее известным из которых стала так называемая Группа. После окончания Первой мировой войны тенденция взаимопроникновения наднациональных и государственных («национальных») структур продолжилась. В 1921 г. создается Трехсторонняя комиссия (ТК), после Второй мировой войны процесс этот продолжится: в 1944 г. – Всемирный банк (ВБ), в 1945 г. – Международный валютный фонд (МВФ), в 1947 г. – Всемирная торговая организация (ВТО), в 1954 г. – Бильдерберг (БГ), в 1968 г. – Римский клуб (РК), в 1973 г. – Тройственная комиссия (ТК), основан-

ная, кстати, Д. Рокфеллером, который четко выразил предназначение этих структур – «решать судьбы мира». Западные государства все больше становились функцией структур мирового управления, основанного на финансах и неформальном, но весьма эффективном политическом контроле.

Вхождение в XX в. характеризовалось упадком гегемонии Великобритании, подъемом США и Германии, началом борьбы Запада за русские ресурсы, обострением классовой борьбы и ослаблением масонства как формы наднационального управления. В этих условиях Запад ощущает потребность в новых структурах, способных сплотить англосаксов в борьбе против Германии и за русские ресурсы.

Схожие процессы формирования системы управления складываются в 1920-е гг. в СССР. В противовес глобальному проекту капитализма на арену выходит интернациональный проект «мировая революция», отцом которого считают Л. Троцкого. Теневым инструментом реализации данного проекта рассматривался Коммунистический интернационал, а реальным – СССР. «Хворостом», который должен был разжечь пожар мировой революции, по мнению Троцкого, должен был послужить российский народ. Осуществление западного проекта проводилось теневыми акторами (ТНК и БНК) через государства (в первую очередь Англию), делавшими ставку на глобальный проект развития капитализма. России отводилось место в этом проекте как сырьевой державе. Но к концу 1920-х гг. в результате ожесточенной внутрипартийной борьбы в Советском Союзе к власти приходит команда Сталина, которая стратегию развития СССР видела не в реализации мировой революции, а в построении социализма в одной стране и создании государства имперского типа. Курс на индустриализацию страны и высылка из СССР в 1929 г. главного апологета проекта «мировая революция» Л. Троцкого означал, во-первых, отказ от этого проекта; во-вторых, смещение акцента развития страны с сырьевой экономики на промышленную, что не устраивало Запад, который видел в СССР только сырьевой придаток. Аналогичную картину мы наблюдаем в настоящее время, когда Запад, почувствовав, что Россия, несколько укрепившись, пытается сбалансировать свою сырьевую экономику в сторону индустриальной, развязал военный конфликт на Украине, стремясь вовлечь в него Россию и затормозить ее промышленное развитие.

Англосаксонское внимание в эти годы концентрируется на России и Германии, чему в немалой степени способствовала концепция известного британского политика и ученого сэра Маккиндера. Маккиндер ввел в оборот понятие хартленда – срединной земли, как бы центра силы, который претендует на влияние в мире, и который нужно в интересах англосаксов держать под контролем. В связи с чем возникала логика недопущения союза России и Германии, представляющего опасность для интересов Великобритании. Во-вторых, Маккиндер убеждал (и, похоже, преуспел в этом), что «…демократия не совместима с организацией, необходимой для войны против автократических режимов» [7]. В-третьих, из того, что Россия (СССР) и Германия на тот момент представляли собой две экспериментальных площадки для отработки двух концепций глобального развития «нового мирового порядка», которые создавались и направлялись теневыми мировыми структурами. В России Группа и ее американские «коллеги» установили контакт с большевиками-интернационалистами; в Германии они активно поддерживали национал-социалистов. Во время гражданского противостояния в России большевики-интернационалисты, деятельность которых привела к распаду Российской империи, устраивала англосаксов больше, чем склонявшиеся к «единой и неделимой» белогвардейцы. Курс на мировую революцию на определенном этапе был интересен международным банкирам, так как она покушалась на сами устои национальных государств, что, собственно, и является конечной целью мирового капитала, мечтающего о мировом рынке без границ.

В реализации этой стратегии профессор Ю. Рубцов выделяет следующие этапы:

1-й: с 1919 по 1924 г. – подготовка почвы для массированных американских финансовых вливаний в немецкую экономику;

2-й: с 1924 по 1929 г. – установление контроля за финансовой системой Германии и финансовая поддержка национал-социализма;

3-й: с 1929 по 1933 г. – провоцирование и развязывание глубокого финансово-экономического кризиса и обеспечение прихода нацистов к власти;

4-й: с 1933 по 1939 г. – финансовое сотрудничество с нацистской властью и поддержка ее экспансионистской внешней политики, направленной на подготовку и развязывание новой мировой войны [8].

На первом этапе американский капитал преследовал цели проникнуть и закрепиться в Европе благодаря военным долгам и тесно связанным с ними германским репарациям. Для осуществления этой цели банки США предоставили своим союзникам займы на сумму 8,8 млрд долл. Общая же сумма военной задолженности, включающая и займы, предоставленные США в 1919–1921 гг., составила более 11 млрд долл. Решение своих проблем страны-должники планировали за счет Германии, навязав ей огромную сумму и крайне тяжелые условия выплаты репараций. Эти привело к бегству немецких капиталов за границу и отказу от уплаты налогов, что в свою очередь способствовало такому дефициту государственного бюджета, который мог быть покрыт только за счет массового выпуска ничем не обеспеченных марок. Произошло то, на что, собственно, и рассчитывали англосаксы – коллапс германской валюты. В результате инфляция 1923 г. составила 578 512 %, за 1 долл. давали 4,2 трлн марок. Промышленный капитал в этих условиях стал открыто саботировать все мероприятия по выплате репарационных обязательств, что привело к так называемому рурскому кризису и франко-бельгийской оккупации Рура в январе 1923 г. [8].

После того как Франция оказалась бессильна в разрешении этого рукотворного кризиса, инициативу перехватили англо-американские правящие круги и предложили свое решение проблемы.

Новый проект разрабатывался в недрах «Дж. П. Морган и К^{o}» по указанию главы Банка Англии Монтегю Нормана. В основе проекта лежали идеи представителя «Дрезднер Банка» Ялмара Шахта, сформулированные им еще в марте 1922 г. по предложению Джона Фостера Даллеса (будущего госсекретаря в кабинете президента Эйзенхауэра), юридического советника президента В. Вильсона на Парижской мирной конференции. Даллес передал эту записку главному доверенному лицу «Дж. П. Морган и К^{o}», после чего Дж. П. Морган рекомендовал Я. Шахта М. Норману, а последний – веймарским правителям. В декабре 1923 г. Я. Шахт станет управляющим Рейхсбанка и сыграет важнейшую роль в сближении англо-американских и немецких финансовых кругов [8].

В 1924 г. данный проект, больше известный как «план Дауэса», был принят на Лондонской конференции. По нему предполагалось снижение вдвое выплаты репараций и решение вопроса

об источниках их покрытия. Главной же задачей ставилось обеспечение благоприятных условий для американских инвестиций, что было возможно только при стабилизации немецкой марки, для чего планом предусматривалось предоставление Германии крупного займа на сумму 200 млн долл., половина из которых приходилась на банкирский дом Моргана, являвшегося к этому времени самым богатым и влиятельным финансистом США. Примечательно, что англосаксонские ТНБ устанавливали контроль не только за переводом германских платежей, но и за бюджетом, и за системой денежного обращения, и в значительной мере за системой кредита страны. А осенью 1924 г. старую немецкую марку заменили новой, финансовое положение Германии стабилизировалось.

Стал складываться любопытный круговорот денег, привязывавший Германию к колеснице интересов теневых структур, расположенных на Уолл-стрит и преследующих далеко идущие цели. Механизм, получивший название «абсурдный веймарский круг», выглядел следующим образом. Ежегодные выплаты репараций шли на покрытие суммы выплачиваемых союзниками долгов. Золото, которое Германия платила в виде военных репараций, продавалось, закладывалось и растворялось в США, затем оно в виде «помощи» по плану возвращалось в Германию, которая отдавала его Англии и Франции, те же в свою очередь оплачивали им военный долг США. США, обложив его процентами, вновь направляли в Германию. Таким образом, страна попадала все в большую зависимость от США, так как все в Германии жили в долг, и было ясно, что в случае, если Уолл-стрит отзовет свои займы, страна потерпит полное банкротство.

Несмотря на то что формально кредиты выдавались для обеспечения выплат, речь шла фактически о восстановлении военно-промышленного потенциала страны. Дело в том, что за кредиты немцы расплачивались акциями предприятий, так что американский капитал стал активно интегрироваться в немецкую экономику. Общая сумма иностранных вложений в германскую промышленность за 1924–1929 гг. составила почти 63 млрд золотых марок (30 млрд приходилось на займы), а выплата репараций – 10 млрд марок. 70 % финансовых поступлений обеспечивали банкиры США, большей частью банки Дж. П. Моргана. В итоге уже в 1929 г. германская промышленность вышла на второе

место в мире, но в значительной мере она находилась в руках ведущих американских финансово-промышленных групп [8].

Американское инкорпорирование в германский военно-промышленный комплекс было настолько интенсивным и всепроникающим, что уже к 1933 г. под контролем американского финансового капитала оказались не только ключевые отрасли немецкой промышленности, но и такие крупные банки, как «Дойче Банк», «Дрезднер Банк», «Донат Банк» и др.

Одновременно подпитывалась и та политическая сила, которая призвана была сыграть решающую роль в реализации англо-американских планов. Речь идет о финансировании нацистской партии и лично А. Гитлера. Уже в 1923 г., будучи лидером немногочисленной Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСНРП), Гитлер начинает получать через швейцарские и шведские банки крупные суммы денег из-за рубежа. Теневые структуры готовили будущего фюрера к большой политике исподволь, прицениваясь, способен ли он выполнить уготованную ими роль, однако пока в Германии царило процветание, его партия оставалась на периферии общественной жизни. К концу 30-х гг. англосаксы под влиянием бурных процессов, происходящих в СССР, принимают решение форсировать проект «Гитлер». Для чего искусственно осенью 1929 г. ФРС был спровоцирован крах американской фондовой биржи. С этого момента начинает осуществляться третий этап стратегии англо-американских финансовых кругов.

Кредитование Германии прекращается, что порождает банковский кризис и экономическую депрессию в Центральной Европе. В сентябре 1931 г. в результате отказа Великобритании от золотого стандарта была сознательно разрушена международная система платежей и полностью перекрыт финансовый кислород Веймарской республике. Начинается экономический кризис не только в Германии, но и в самих США, вошедший в историю под названием «великая депрессия». Ради уничтожения СССР теневые структуры пожертвовали 3–4 млн жителей США, умерших в эти годы от голода и лишений.

А с НСДАП происходит финансовое чудо: в сентябре 1930 г. в результате крупных пожертвований Тиссена, «И. Г. Фарбениндустри» и Кирдорфа партия получает 6,4 млн голосов, занимает второе место в Рейхстаге, после чего активизируются щедрые

вливания из-за рубежа. Основным связующим звеном между крупнейшими немецкими промышленниками и зарубежными финансистами становится Я. Шахт.

4 января 1932 г. состоялась встреча крупнейшего английского финансиста М. Нормана с А. Гитлером и фон Папеном, на которой было заключено тайное соглашение о финансировании НСДАП. На этой встрече присутствовали также и американские политики братья Даллесы, о чем не любят упоминать их биографы. А 14 января 1933 г. состоялась встреча Гитлера со Шредером, Папеном и Кеплером, где программа Гитлера была полностью одобрена. Именно здесь был окончательно решен вопрос о передаче власти нацистам, и 30 января Гитлер становится рейхсканцлером. Теперь начинается реализация четвертого этапа стратегии [8].

Поддержка англо-американскими правящими кругами нового рейхсканцлера становится безграничной. Даже когда Гитлер отказался платить репарации (к этому времени он вполне осознал свое предназначение), это не поставило под вопрос выплату военных долгов. Ни Англия, ни Франция не предъявили ему претензий по поводу платежей. А правительство США под давлением банкиров выделила Германии новые кредиты на общую сумму в 1 млрд долл., и Великобритания не осталась в стороне, предоставив заем в 2 млрд долл., сокращения, а потом и прекращения платежей по старым займам. Англосаксы денег на войну против Советской России не жалели. Нацисты получили то, чего не могли добиться прежние правительства.

С 1933 по 1938 г. Германия при полной поддержке англосаксов провела модернизацию экономики и перевооружение армии. Летом 1934 г. Британия заключила англо-германское трансфертное соглашение, и к концу 30-х гг. Германия превращается в основного торгового партнера Англии. Банк Шредера превращается в главного агента Германии в Великобритании, а в 1936 г. его отделение в Нью-Йорке объединяется с домом Рокфеллеров для создания инвестиционного банка «Шредер, Рокфеллер и К°». Как признавался сам Гитлер, свой четырехлетний план он задумал на финансовом основании зарубежного кредита, поэтому он никогда не внушал ему ни малейшей тревоги. Но еще большую заботу о милитаризации Германии проводили компании и банки США. В августе 1934 г. американская компания «Стандарт Ойл» приобрела в Германии 730 тыс. акров земли и построила крупные неф-

теперерабатывающие заводы, которые снабжали нацистов нефтью. Тогда же в Германию из США было доставлено тайно самое современное оборудование для авиационных заводов, на котором начнется производство немецких самолетов. От американских фирм «Пратт и Уитни», «Дуглас», «Бендикс Авмэйшн» Германия получила большое количество военных патентов, и по американским технологиям строился «Юнкерс-87». К 1941 г., когда во всю бушевала Вторая мировая война, американские инвестиции в экономику Германии составили 475 млн долл. «Стандарт Ойл» вложила в нее 120 млн, «Дженерал моторс» – 35 млн, ИТТ – 30 млн, а «Форд» – 17,5 млн [8]. Процветанием военных корпораций Германия в значительной степени обязана американскому капиталу.

Гитлер понимал, что для войны с СССР нужно было существенно увеличить золотой запас и нарастить военно-промышленный потенциал. Прежде чем выйти на границу с СССР, необходимо было, по его мнению, подчинить себе всю промышленность Европы и воспользоваться ее трудовыми как ресурсами, так и резервами. Реализация этой цели виделась ему в присоединении к Рейху сначала Австрии, а затем Чехословакии. 3 марта войска Рейха вошли в Австрию, а 21 апреля Гитлер поручил Кейтелю разработать план вторжения в Чехословакию. Гитлер никогда бы этого не сделал, если бы не был уверен в британской поддержке – чехословацкая армия (34 дивизии, 1 млн человек под ружьем) на тот момент была как минимум не слабее немецкой, тем более что вермахту пришлось бы наступать в очень трудных условиях. Чехословацкое оружие (самозарядные винтовки, пулеметы, танки) было одним из лучших в мире и в большом количестве шло на экспорт. В стране имелись большие запасы оружия, превышавшие потребности собственно чехословацкой армии. Стратегическая оборона Чехословакии опиралась на систему долговременных укреплений вдоль границы с Германией. Когда, уже после присоединения Судетской области, Гитлер посетил эту «новую территорию Рейха», он выразил радость по поводу того, что вермахту не пришлось штурмовать эту линию чехословацкой обороны: для тогдашней германской армии эта задача была бы непростой. Гитлер также знал, что в течение двух недель, последовавших за аннексией Австрии, британцы приложили максимум усилий, чтобы ослабить, запугать и деморализовать Чехословакию.

Премьер-министр Великобритании Чемберлен предупредил Чехословакию, что Англия в случае нападения на нее немцев не окажет ей помощи. В свою очередь Франции было настоятельно рекомендовано также не выступать на стороне Чехословакии. Попытки СССР прийти на помощь Чехословакии были пресечены – Польша предупредила, что не пропустит Красную армию через свою территорию. Дабы склонить международное мнение к игнорированию чехословацкой проблемы, британская пресса приступила к шельмованию Чехословакии. Ее характеризовали как искусственное, отвратительное, расистское государство, чье безобразное отношение к немецкоязычному населению цивилизованный мир и прежде всего Великобритания более не могут терпеть.

Пользуясь расположением и всемерной поддержкой британцев, Гитлер установил дату нападения на Чехословакию – 1 октября. Немецкие генералы, полагавшие, что нападение приведет к катастрофе, составили заговор. Его возглавил начальник генштаба Людвиг Бек, который довел до сведения британцев информацию о заговоре и о готовности в случае нападения на Чехословакию свергнуть фюрера иди даже убить его – покушение было назначено на 28 сентября 1938 г. Но им было неведомо, что у Англии насчет Гитлера были иные стратегические планы, а покушение и отстранение Гитлера противоречило их интересам.

Поэтому заговор немецких генералов был обречен. Он был сорван так называемым Мюнхенским соглашением, заключенным именно 28 сентября 1938 г., более известным как Мюнхенский сговор.

Почему сговор? Да потому что это был формально узаконенный акт агрессии четырех европейских держав – Великобритании, Германии, Италии и Франции, направленный на расчленение пусть искусственного, но суверенного государства, члена Лиги Наций. Этот акт должен был стать началом новой восточной войны в Европе. Сам Гитлер подчеркивал, что война на востоке, т. е. с прицелом на СССР, должна начаться внезапной операцией против Чехословакии, т. е. началом восточной кампании он считал захват Чехословакии.

Мюнхенский сговор позволил британцам сорвать заговор генералов, стремившихся свергнуть Гитлера, и тем самым практически сделать столкновение Германия – СССР неизбежным. Мюнхен на века стал синонимом предательства, совершенного

Великобританией и Францией в отношении страны, никогда не претендовавшей на земли сопредельных государств, ради умиротворения диктатора, которого они сами называли самым кровожадным в истории человечества. И дискуссия вокруг так называемого секретного протокола к пакту Молотова – Риббентропа, развернутая на излете советского времени, позволила скрыть обстоятельства 1938 г. в Мюнхене и закамуфлировать истинный механизм возникновения Второй мировой войны.

Все попытки СССР противостояния агрессору в виде создания антигитлеровской коалиции оказались несостоятельными, потому что у Великобритании и Франции были иные планы на Гитлера – они целенаправленно подталкивали его на восток. Что же касается США, то в 1920-е гг. они были заинтересованы в основном в получении репараций от поверженной Германии, а также в ослаблении Англии с далеко идущими гегемонистскими целями. Ввергнутые финансовым капиталом в Великую депрессию с целью создания из Германии будущего агрессора, США также подключились к идее большой войны, видя в ней возможность выйти из затянувшегося экономического кризиса. А Мюнхенский сговор стал «черной меткой» для СССР. В этих условиях Сталин был вынужден провести ряд мероприятий, способных хотя бы на некоторое время оттянуть начало войны. Успешным решением советской дипломатии стало подписание пакта Риббентропа – Молотова. Данный советско-германский договор оказался так внезапен для главных заговорщиков войны, что они, не придумав ничего лучшего, выдумали версию, что якобы СССР несет такую же ответственность за развязывание Второй мировой войны, как и гитлеровская Германия. Данная интерпретация, призванная отвлечь внимание от главных поджигателей войны, не соответствует исторической правде по следующим основаниям. Во-первых, советско-германский договор, подписанный в августе 1939 г., был последним в череде договоров крупных европейских держав с Третьим рейхом. Во-вторых, СССР вынужден был заключить этот договор, реагируя на Мюнхенское соглашение. Мюнхенское соглашение было, по сути, оформлением агрессивного антисоветского блока, который Сталин разрушил договором с Германией в августе 1939 г., и в перспективе способствовавшего тому, что Гитлер вынужден был развязать войну на два фронта. Вот именно этого не могут простить Сталину русофобы на Западе и в России.

После расчленения Чехословакии Гитлер начал готовиться к захвату оставшейся части страны, что и было сделано в марте 1939 г. Для того чтобы приблизить долгожданный восточный поход, М. Норман передал рейхсбанку хранившийся в Великобритании золотой запас Чехословакии (6 млн фунтов стерлингов). Однако ускорить долгожданное столкновение британцам не удалось. В 1939 г. Гитлер не хотел воевать с СССР – не был готов к войне. Он попытался вести свою игру, превратив одну часть страны – Чехию – в протекторат Богемия и Моравия, а вот другую часть, пограничную с СССР, – Словакию, он объявил независимым государством, причем независимость Словакии Гитлер гарантировал лично. Тем самым фюрер показал, что в ближайшее время воевать с СССР не собирается, что явно противоречило британским планам втягивания Германии в войну с СССР (и, кстати, американским планам втягивания Британской империи в начавшуюся европейскую войну).

Сталин использовал ту незначительную паузу, полученную благодаря подписанию с Германией двух договоров для укрепления восточных рубежей. Сделано это было своевременно и с исторической точки зрения абсолютно оправданно. Благодаря возвращению осенью 1939 г. в состав СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, захваченных в результате неудачной для Советской России советско-польской войны в 1920 г.; летом 1940 г. – Латвии, Литвы, Эстонии, выход которых из состава Российской империи был незаконен; летом этого же года – Бессарабии (Молдавии), отторгнутой от Советской России в январе 1918 г., удалось отодвинуть границы и воссоединить родственные народы СССР на значительном промежутке западных рубежей страны. Рассматривая вопрос об обвинении России в аннексии данных земель, нужно иметь в виду следующее. Во всех этих случаях речь шла о возвращении в состав России территорий, входивших в нее издавна, в течение двух или более столетий: даже в случае с Финляндией речь шла лишь о намерении вернуть в состав России Карельский перешеек, подаренный Финляндии еще Александром I, а вовсе не о захвате всей Финляндии. Все эти территории отошли от России совсем недавно, всего за два десятилетия до 1939 г. при переделе сфер влияния в результате произошедшей в России революции. И второй фактор, повлиявший на решение аннексий данных территорий, – это безопасность. Присоедине-

ние нескольких сотен километров в дальнейшем сыграло важную, а может быть, и решающую роль в Великой Отечественной войне. Пока фашистская армия смогла захватить огромные территории Украины, Белоруссии и Прибалтики и дойти до центра страны, фактор внезапности был потерян, и Красная армия приобрела необходимый боевой опыт и научилась бить врага. Тем самым СССР удалось избежать утраты жизненно важных территорий.

Конечно, с точки зрения формальной логики оккупация Советским Союзом независимых стран (Эстония, Латвия, Литва) являлась нарушением международного права. Но международное право было еще ранее нарушено Германией, Великобританией, Италией, Францией, Венгрией и Польшей, когда речь шла о захвате и разделе Австрии и Чехословакии. Кроме того, надо учитывать не формальную логику международного права, которое после предательского Мюнхенского сговора перестало иметь какое-либо значение, а учитывать реальную обстановку. Война со стороны Германии предполагала уничтожение как русского народа, так и вообще всех славянских и прибалтийских народов, попадавших в зону немецкой колонизации. И это оправдывает все превентивные меры Советского Союза, которые были предприняты в 1939–1940 гг.

Итак, воспользовавшись ситуацией, Сталин восстановил прежние границы Российской империи. Причем не полностью. Он счел нецелесообразным принять восточные области Польши – хотя такой вариант немцами предлагался. Не возникало и желания присоединить Финляндию, потому что он понимал, что польский и финский национализм и его связи с западными державами доставят СССР больше проблем, чем выгод.

Сталинской ошибкой стало включение Галиции в состав Украины, но это проявится гораздо позже. Как бы то ни было, в результате военной и дипломатической политики перед Второй мировой войной без серьезных усилий и потерь (за исключением финской войны) были присоединены обширные западные и юго-западные территории, население увеличилось на 23 млн человек.

Существованию России в течение последнего столетия в третий раз брошен вызов. Исторические аналогии позволяют наметить стратегию выхода страны из проблемной ситуации, в связи с чем мы находим много схожего в каждой из них, видим как трудноразрешимые аспекты, так и позитивные преимущества, спо-

собные разрешить эту сложную задачу, сохранив российскую государственность и уверенность в правильности государственной политики. Схожесть кризиса 2015 г. с предвоенным периодом Первой мировой войны ассоциируется с наличием так называемой пятой колонны и определенной индифферентностью общества, отторгающего какую-то бы ни было воинственность. Как показывает опыт, российский народ бескомпромиссно проявляет себя только в отечественных войнах. Другое дело – СССР перед Второй мировой войной: советский правящий слой консолидирован, «пятая колонна» разгромлена, у страны была четкая стратегия и практика созидания исторического процесса, мощный военно-промышленный комплекс, независимый от Запада. Но в настоящее время есть то, что способно сдержать любого агрессора, – ядерный щит.

Итак, инициатива развязывания Второй мировой войны принадлежала отнюдь не «бесноватому фюреру», который якобы по воле случая оказался у руля власти в Германии. Вторая мировая война – это проект мировой финансовой олигархии, англо-американских хозяев денег. Именно они, опираясь на такие институты, как Федеральная резервная система США и Банк Англии, сразу же после окончания Первой мировой войны приступили к подготовке следующего вооруженного столкновения в мировом масштабе. И план новой войны своим острием был направлен против СССР.

Список литературы

1. *Фурсов А. И.* Вперед к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе / А. И. Фурсов. – М. : Избор. клуб, Кн. мир, 2014.

2. *Стариков Н. В.* Кто заставил Гитлера напасть на Сталина / Н. В. Стариков. – СПб. : Лидер, 2010.

3. Рубцов Ю. Кредит на мировую войну Гитлер взял у Америки [Электронный ресурс]. – URL: http://svpressa.ru/war/article/13438.

4. *Препарата Г. Д.* Гитлер, Lnc. Как Британия и США создавали Третий рейх / Г. Д. Препарата. – М. : Поколение, 2007. – С. 2.

5. *Перетолчин Д.* Мировые войны и мировые элиты / Д. Перетолчин. – М. : Кн. мир, 2014.

6. Андрей Фурсов. Скрытые субъекты и мировые войны [Электронный ресурс]. – URL: http://kavpolit.com/blogs/funakoshi/2094/.

7. *Маккиндер Х.* Географическая ось истории // Полис. – 1995. – № 4. – С. 23.

8. *Рубцов Ю.* Кредит на мировую войну Гитлер взял у Америки [Электронный ресурс] / Ю. Рубцов. – URL: http://svpressa.ru/war/article/13438/.

THE ROLE OF REAL AND SHADOW OF THE ACTORS IN THE OUTBREAK THE SECOND WORLD WAR AND SOVIET POLICY AS A PROTECTIVE REACTION TO THEIR ACTIONS

V. V. Chernykh
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Irkutsk

Abstract. The article highlights the attempts of falsification of history of the Second world war. Reveals who was behind the outbreak of war and analyzes the military policy of the USSR before the Second world war.

Keywords: second world war, the warmongers, the Munich Pact "Ribbentrop – Molotov", the military policy of the USSR.

Черных Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, тел.: 8(3952)410982, e-mail: mr.chvv @mail.ru

Chernykh Vladimir Vasilevich – Doctor of History Sciences, Professor, Department of Philosophy, Psychology and Social and Humanitarian Courses, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 110, Lermontova st., Irkutsk, 664074, tel.: 8(3952)410982, e-mail: mr.chvv @mail.ru

УДК 913.1:338.4(571.17)

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛЬНОГО КОМПЛЕКСА КУЗБАССА В 1721–1940 гг.

Е. А. ШЕРИН
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. В работе исследуются историко-географические особенности формирования угольного комплекса, сложившегося на основе использования ресурсов Кузнецкого каменноугольного бассейна (Кузбасса). Автор подробно останавливается на выделении экономических вех, оказавших значительное влияние на развитие угольного комплекса Кузбасса в 1721–1940 гг. За указанный период было выделено три такие вехи, а именно: открытие углей Кузнецкого бассейна, ввод в эксплуатацию участка Транссибирской железнодорожной магистрали, прошедшего по территории Кузбасса, учреждение акционерного общества «Копикуз».

Ключевые слова: историческая география, угольная промышленность, Кузбасс.

История угольной промышленности Кузбасса – одного из крупнейших каменноугольных бассейнов мира – насчитывает почти три столетия. Вслед за Б. М. Ишмуратовым [5, с. 11–18] и

В. А. Рябовым [8, с. 5] мы считаем, что выделение историко-географических этапов должно осуществляться через определенные экономические «вехи», например ввод Транссибирской железнодорожной магистрали в эксплуатацию, начало экономического кризиса в отрасли и т. д. Такой подход позволил выделить три вехи в формировании угольного комплекса Кузбасса за период 1721–1940 гг.

Первые кузнецкие угли были открыты русскими в 1721 г. одновременно Д. Г. Мессершмидтом на юге Кузбасса в районе г. Кузнецка (он принял горящие угли за вулкан) и М. Волковым на севере Кузбасса. Это можно считать первой вехой развития угольной промышленности Кузбасса. В 1842 г. геолог П. А. Чихачев оценил запасы угля Кузнецкой котловины и ввел термин «Кузнецкий угольный бассейн». Первые попытки добычи каменного угля для промышленных целей относятся к концу XVIII в. Начало регулярной добычи угля в бассейне датируется лишь серединой XIX в. Однако вплоть до конца XIX в. использование уникальных угольных ресурсов Кузбасса оказалось значительно ниже его возможностей. В 1860 г., как и в 1890 г., удельный вес Кузбасса в общероссийском объеме добычи угля составлял не более 0,3 %.

Второй вехой можно считать ввод в эксплуатацию участка Транссибирской железнодорожной магистрали (1897 г.), прошедшего по северной части Кузнецкого бассейна. В связи со строительством и эксплуатацией железной дороги потребность в угле резко возросла, что сразу сказалось на темпах угледобычи. С 1900 по 1913 г. добыча угля в Кузбассе увеличилась более чем в 10 раз – с 75,7 до 773,7 тыс. т в год [1, с. 9]. По объемам угледобычи Кузбасс занял первое место в Сибири. Однако доля Кузбасса в общероссийской добыче оставалась низкой (около 3 %). Угольные предприятия сосредоточились на северной окраине бассейна, вблизи от Транссиба. В то же время колоссальные месторождения коксующихся и энергетических углей юга и центра бассейна почти не разрабатывались. Северный Анжеро-Судженский район давал 99 % всего добытого в Кузбассе угля. Добычу угля на шахтах вели артели по 50–200 человек, которые работали по принципу самоокупаемости и продавали уголь посредникам. Уже в то время Кузбасс отличался высокой производительностью труда: выработка на одного рабочего в 1910 г. в Кузбассе составила 11 500 пудов угля в год, тогда как в среднем по России – 8500. До-

бытый уголь использовался главным образом железнодорожным транспортом, особого применения в Кузбассе не имел из-за отсутствия здесь крупной промышленности [10, с. 257]. Строительство Транссибирской магистрали, в дополнение к ранее существовавшим городам Кузнецку (1618 г.) и Мариинску (1698 г.), напрямую способствовало появлению новых: Юрга (1886 г.), Тайга (1896 г.) и Анжеро-Судженск (1897 г.).

Третьей вехой в развитии угольной промышленности Кузбасса можно, по нашему мнению, считать учреждение в ноябре 1912 г. акционерного общества «Копикуз» (Кузнецкие каменноугольные копи), получившего право на монопольную разработку угольных месторождений Кузнецкого уезда Томской губернии. За время своей деятельности «Копикуз» осуществил строительство Кольчугинской железной дороги (от станции Юрга до пос. Кольчугино с веткой Топки – Щеглово), геологические исследования центральных и южных районов Кузнецкого бассейна и Тельбесского железорудного месторождения, восстановил деятельность Гурьевского металлургического завода, начал строительство коксохимического завода в районе села Щеглово и металлургического завода в районе Кузнецка (будущего КМК). В этот период добыча угля в центральных и южных районах Кузнецкого бассейна выросла в 15 раз: с 1,2 млн пудов в 1913 г. до 18,1 млн пудов в 1917 г. [2, с. 123–133]. Управляющий директор «Копикуза» добился снижения тарифа на перевозку кузнецких углей в Европейскую Россию. Вследствие этого кузнецкие угли пошли на Урал, что в свою очередь оживило развитие рудников до неслыханных темпов. За 1913 г., по сравнению с 1912 г., добыча угля выросла на 44 % [3, с. 41]. Далее за период 1913–1918 гг. добыча угля в Кузбассе выросла почти в два раза, превысив уровень в 1 млн т угля в год.

К началу 1917 г. Кузбасс являлся одним из наиболее развитых промышленных районов Сибири. Но с первых же дней Февральской революции 1917 г. сложилась трудная обстановка: права «Копикуза» начали оспариваться другими промышленниками. Однако правление «Копикуза» в апреле 1917 г. заключило договор с Министерством торговли и промышленности Временного правительства и обязалось с 1918 г. ежегодно наращивать добычу на 20 млн пудов (0,3 млн т) за право разработки Ерунаковского месторождения. Нуждающаяся в кузнецком угле новая власть не

стала национализировать «Копикуз». 1917 г. был годом всеобщего потрясения и развала, однако в «Копикузе» добыча угля за год возросла на 46 %. Работа предприятий не прекращалась ни после Октябрьской революции, ни во время Гражданской войны – Кузбасс в те времена управлялся А. В. Колчаком. В то время шла работа по реконструкции созданных ранее шахт и строительству ряда новых в Анжеро-Судженском, Кемеровском и Ленинск-Кузнецком угленосных районах, продолжались работы по освоению Прокопьевско-Киселевского. Однако в декабре 1919 г. – январе 1920 г. власть Колчака рухнула – Щеглово и Кольчугино были захвачены Красной армией. «Копикуз» (вместе со всеми угольными предприятиями Советской России) был национализирован (февраль 1920 г.). Добыча угля в Кузбассе снизилась до 820,7 тыс. т в год. Председатели правления уже бывшего «Копикуза» стали самыми первыми сторонниками создания на основе предприятий «Копикуза» новой металлургической базы страны – Урало-Кузнецкой [6, с. 62–63].

В 1920-х гг. правительственными органами государства было принято решение о создании в стране новой Урало-Кузнецкой металлургической базы. К этому времени в регионе функционировало 11 шахт и штолен. В техническом отношении все шахты были несовершенны и по уровню механизации значительно уступали шахтам Донбасса. Основным районом угледобычи оставался Анжеро-Судженский. В 1922 г. была организована автономная индустриальная колония иностранных рабочих – АИК «Кузбасс», существовавшая до 1927 г. В ее ведении находилась значительная часть угольных предприятий Кузбасса, обеспечивающих около половины добычи угля. В этот период в Кузбассе были построены многие угольные предприятия. В результате чего добыча угля в регионе достигла 2,4 млн т в 1928 г. Удельный вес региона в общероссийской добыче угля составил 6,7 % [7, с. 76–81]. В результате мероприятий по механизации и рационализации труда шахтеров выработка на одного рабочего с 1921 по 1928 г. увеличилась вдвое. Создание и ввод в строй крупных угледобывающих предприятий сопровождались ликвидацией мелких малопроизводительных шахт.

В 1924 г. в селе Щеглово был пущен Щегловский (позже Кемеровский) коксохимический завод, строившийся «Копикузом» с перерывами с 1915 г. В 1930 г. им производилось 160 тыс. т кокса.

К 1926 г. была достроена железная дорога от Кольчугино через Белово до станции Кузнецк, от которой проложена ветка Белово – Гурьевск. В конце 1920-х гг. на долю угольной промышленности приходилось около 50 % всей численности рабочих, занятых в промышленном производстве региона. В 1928–1939 гг. в Кузнецком бассейне развернулось интенсивное строительство новых шахт. Одновременно проводились работы по разведке и подготовке новых шахтных полей в Кемеровском, Прокопьевском, Ленинск-Кузнецком, Киселевском и других угленосных районах.

1 апреля 1932 г. в Новокузнецке была задута первая домна Кузнецкого металлургического комбината, через два дня был получен первый чугун. Месяц спустя была запущена вторая домна, вскоре мартеновская печь впервые выдала сталь. В ноябре этого же года вступил в строй блюминг, а уже в декабре в рельсобалочном цехе была прокатана первая партия рельс. Сырьем и топливом комбинату служили местные руды и угли. Доля Кузбасса в общем объеме добычи угля по стране в 1932 г. составила 11 %. Изменилась и технология угледобывающих работ: лошадей заменили электровозы, кайлу – отбойные молотки и врубовки, корытки – конвейеры. Удельный вес механизированной добычи в 1937 г. составил в среднем по бассейну 77 %, в том числе на шахтах Анжеро-Судженского района и на угледобывающих предприятиях южной части бассейна – 100 %. Удельный вес коксующихся углей составил 40 % [4, с. 18]. В 1939 г. в ходе решения острейшей проблемы того времени – обеспечения восточных районов страны горюче-смазочными материалами (нефть в Западной Сибири тогда еще не была открыта) – в Кемерово открылся опытно-промышленный завод по получению синтетического бензина из угля методом гидрогенизации. В 1940 г. на нем впервые в СССР была осуществлена гидрогенизация углей и смол в большом масштабе [9, с. 98–99].

В период с 1930 по 1940 г. производство валовой продукции в Кузбассе возросло в 42 раза, в том числе средств производства – в 49 раз. В 1940 г. в Кузбассе работало 44 шахты, добыча угля возросла до 21,1 млн т. Наиболее крупным районом по добыче угля стал Прокопьевский, немаловажную роль играли Осинниковский, Киселевский и Араличевский, обладавшие огромными запасами высококачественных коксующихся углей, необходимых металлургии. Индустриально-хозяйственный комплекс стал

сложным. Основу его составили шесть взаимосвязанных отраслей: угольная, черная и цветная металлургия, химическая промышленность, электроэнергетика, машиностроение и металлообработка. В 1937 г. на систему угольно-металлургических производств, химическую промышленность, выпуск производственного оборудования приходилось свыше 80 % промышленной продукции Кузбасса. По производственной мощности регион стал занимать пятое место в СССР.

Таким образом, история эксплуатации Кузнецкого каменноугольного бассейна насчитывает почти триста лет. Импульсами к его развитию послужили, прежде всего, прохождение Транссибирской магистрали по его территории и учреждение акционерного общества «Копикуз». К 1941 г. использование ресурсов бассейна подошло к наиболее высокому, по сравнению с предыдущими годами, уровню.

Список литературы

1. *Адам А. М.* Природные ресурсы и экологическая безопасность Западной Сибири / А. М. Адам, Р. Г. Мамин. – М. : НИА-Природа, 2001. – 172 с.

2. *Баев О. В.* Иностранный капитал в промышленности Кузнецкого бассейна (конец XIX–начало XX в.) / О. В. Баев. – Кемерово, 2004. – 174 с.

3. *Заболотская К. А.* Угольная промышленность Кузбасса: 1721–1996 / К. А. Заболотская, А. А. Халиулина, З. Г. Карпенко. – Кемерово : Кемеров. кн. изд-во, 1997. – 301 с.

4. История Кузбасса / под ред. В. В. Банникова. – Кемерово : Кемеров. кн. изд-во, 1970. – Ч. 3. – 224 с.

5. *Ишмуратов Б. М.* Сибирь в российской и мировой перспективе (очерки социально-экономической и политической географии) / Б. М. Ишмуратов. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 170 с.

6. *Кладчихин В.* Первым был КОПИКУЗ // Уголь Кузбасса. – 2010. – № 1. – С. 61–63.

7. *Колобков М. Н.* Кемеровская область. Природные и экономические ресурсы и перспективы хозяйственного освоения / М. Н. Колобков. – Новосибирск : АН СССР, Западно-Сиб. филиал, сектор экон. исслед., 1950 – 205 с.

8. *Рябов В. А.* Промышленный комплекс Кузбасса / В. А. Рябов ; под ред. В. П. Удодова // Кемеровская область. Ч. 2. Социально-экономическая характеристика и экология. – Новокузнецк, 2009. – 129 с.

9. *Фридман Ю. А.* Химическая промышленность в хозяйственном комплексе Сибири / Ю. А. Фридман. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1984. – 128 с.

10. *Шерин Е. А.* Историко-географические особенности формирования угольной промышленности Кемеровской области // Шестые Байкал. междунар. соц.-гуманитар. чтения : материалы. – Иркутск, 2012. – С. 256–260.

HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL FEATURES OF BUILDING THE KUZBAS'S COAL-MINING INDUSTRY COMPLEX IN 1721–1940

E. A. Sherin
V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. This study observes historical and geographical particular features of building the coal-mining industry system, based on the use of the Kuznetsk coalfield's assets (the Kuzbas). The author dwells on the differentiation of several economical milestones, which impacted on raising the Kuzbas's coal industry in 1721–1940. There are 3 certain landmarks: the discovery of coal deposits, the start of exploiting the nearest section of the Trans-Siberian Railway, heading northward to the Kuznetsk coalfield, the foundation of the cooperative association named «Kopikuz».

Keywords: historical geography, the coal industry, Kuzbas.

Шерин Егор Александрович – младший научный сотрудник, лаборатория георесурсоведения и политической географии Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: vampire_256@mail.ru

Sherin Egor Aleksandrovich – Junior Research Fellow, Laboratory of Georesource Studies and Political Geography V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: vampire_256@mail.ru

УДК 908(571.5)(091)

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ И КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

Р. Ю. ШПИКЕЛЬМАН
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Превращение научных знаний в основную движущую силу современности обостряет интерес к начальным фазам этого процесса. Рассмотрены процессы и события, связанные с развитием общественного исследовательского движения в Байкальском регионе после завершения Гражданской войны. Толчком к широкому распространению стали решения Первой Всероссийской конференции Обществ по изучению местного края, созванной в декабре 1921 г. в Москве Академическим центром Наркомпроса. А апогеем этого процесса стало проведение в январе 1925 г. в Иркутске Первого Восточно-Сибирского краеведческого съезда.

Ключевые слова: краеведческое движение, Сибирь, Иркутск, ВСОРГО, Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд, общественное исследовательское движение.

Байкальская Сибирь, являясь периферийным регионом страны, тем не менее в начале XX в. имела устойчивые исследовательские традиции. Окончание Гражданской войны стало началом нового этапа в истории общественных научно-исследовательских организаций, ибо для представителей научной общественности стало ясно, что новая власть и новый строй – это надолго и с ними надо ужиться, чтобы жить и заниматься наукой. 1920-е гг. – это время поиска компромисса между властью и наукой, необходимость которого понимали и те и другие. Советская власть нашла устраивавшую ее форму существования общественных научно-исследовательских организаций – краеведческое движение. Эта форма позволяла ограничить деятельность этих организаций изучением мелких локальных проблем и обеспечить местным органам власти возможность их использования в качестве интеллектуально-пропагандистских помощников.

В декабре 1921 г. в Москве состоялась первая Всероссийская конференция обществ по изучению местного края, созванная Академическим центром Наркомпроса. В ее работе приняли участие представители 67 организаций, в том числе и Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества (ВСОРГО). В русле выполнения ее решений в январе 1922 г. было образовано Центральное бюро краеведения при Российской академии наук, его почетным председателем был избран проф. Д. Н. Анучин, председателем бюро – акад. С. Ф. Ольденбург [6, л. 12]. Эта конференция для общественных научных организаций страны и региона стала водоразделом между периодами выживания и восстановления.

В реальной практике разоренной страны, да еще в глубокой провинции, эти процессы имели свою специфику. Первый период послереволюционного существования общественных научных организаций примерно охватывает начальное пятилетие 1920-х гг. Это время адаптации общественных научных и исследовательских организаций к советской системе, поиск новых форм работы и развитие внутренней структуры. В этот период было национализировано имущество географических обществ, расположенных на территории региона, но зато власти начали их финансировать, и они научились жить и успешно работать в условиях советского строя.

Во ВСОРГО в этот период происходило непрерывное обновление руководящих органов. Так, ввиду отъезда И. И. Серебренникова и В. П. Половникова, игнорирования заседаний В. А. Можаровым, 17 марта 1920 г. в Распорядительный комитет (РК) были приглашены А. И. Занкевич, И. И. Чтецов, П. К. Казаринов. Взамен умершего 24 мая 1921 г. В. П. Никитенко и в связи с отъездом в Петроград Н. И. Березина и А. Н. Уманца в РК были введены В. И. Подгорбунский, Б. Н. Артемьев и проф. Б. А. Сварчевский (07.10.21 г.). А 8 сентября 1920 г. РК удовлетворил просьбу об отставке казначея ВСОРГО В. З. Сказаева, бессменно занимавшего эту должность 28 лет, и, высказав ему благодарность, выделил пособие в 500 руб. [24, с. 36].

Этот процесс продолжался весь период, поэтому целесообразно рассматривать только радикальные изменения, связанные, как правило, со сменой председателя.

В январе 1921 г. в Иркутском губнаробразе было проведено совещание по поводу учреждения при нем Подотдела по исследованию Сибири. Была выбрана комиссия (В. Б. Шостакович, Б. Э. Петри, С. А. Григорьев) и секретарь Я. Н. Хадукин. Власти рассматривали возможность ликвидации ВСОРГО и замены его Подотделом [5, л. 2]. Основным инструментом для выполнения этого плана была избрана конфискация материальной базы Отдела.

Процесс этот ускорился после неожиданной смерти (5 дек. 1921 г.) председателя ВСОРГО С. А. Григорьева. Началась борьба за смену руководства, особенно активно действовал Б. Э. Петри, работавший в советских органах, его главным оппонентом выступал правдел Р. С. Пророков. Последний провел 25 декабря 1921 г. общее собрание ВСОРГО, выразившее доверие РК и правделу. На собрании присутствовало всего 16 человек, но в течение трех месяцев Пророковым были собраны подписи еще 43 членов [5, л. 28–35].

Противоположная сторона действовала успешнее и организованнее. Так, 23 января 1922 г. на заседании РК выступил П. К. Казаринов и передал требование Сибкрайисполкома о перерегистрации членов ВСОРГО и организации перевыборов руководства с последующим утверждением его Сибнаробразом. Требования Б. Э. Петри о незамедлительном созыве полномочного общего собрания поддержала инициативная группа в составе Б. Н. Артемьева, Б. Н. Наследова, В. И. Подгорбунского, В. В. Тро-

ицкого; 6 марта к ней присоединились еще 35 членов общества. Часть членов РК (Н. Д. Бушмакин и Б. А. Сварчевский), поддержав это требование, вышла из его состава. В результате этого давления оппозиции на 19 марта было назначено общее собрание. Смена руководства произошла 9 апреля 1922 г., председателем был избран П. К. Казаринов, его замом – А. В. Попов, правделом – В. В. Троицкий. В состав РК вошли: Б. Н. Артемьев, Б. Н. Наследов, В. И. Подгорбунский, В. Н. Флоренсов, А. Н. Топорнин, М. Н. Пинегин, А. Н. Турунов и др. [23, с. 214]. Весной 1920 г., под благовидным предлогом обеспечения сохранности коллекций музея, началось наступление властей на собственность ВСОРГО. Его исполнителями стали члены Отдела, работавшие в советских органах. Летом 1920 г. заведующий СибОНО Д. К. Чудинов распорядился реквизировать материальную базу ВСОРГО.

Последним этапом разграбления ВСОРГО стало принудительное изъятие библиотеки в пользу ВСФ ОИС в декабре 1921 г. [10, л. 17]. ВСОРГО не смирилось с потерей библиотеки, но переориентировалось для решения этой проблемы на Ново-Николаевск. 25 апреля 1922 г. РК передал в Сибревком письмо с ходатайством об аннулировании приказа, об изъятии библиотеки. В начале июля 1922 г. председатель Отдела П. К. Казаринов встретился с зав. Сибобразом Д. К. Чудиновым, который пообещал помочь и вскоре подписал постановление о возвращении библиотеки ВСОРГО [22, с. 79].

Краеведческое движение становилось популярным в исследовательских и научных кругах. Началось создание специализированных общественных краеведческих организаций. Среди них: филиал по исследованиям Сибири в Ново-Николаевске (1921), кафедра прибайкаловедения при Прибайкальском народном университете в Верхнеудинске (1921), Общество изучения Тобольского края (1922), Тюменское общество изучения местного края (1924) и т. д. По подсчетам К. А. Кабанова, к марту 1923 г. в Сибири работало 28 обществ и 36 музеев, занимавшихся краеведческой работой [25, с. 149].

В 1924 г. краеведческие общества работали во всех губернских и окружных городах Сибири. В 1925 г. в Ново-Николаевске было создано Сибирское научно-исследовательское общество, переименованное в Общество изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС), которое приступило к изданию журнала

«Сибиреведение». С 1925 г. ВСОРГО начал издавать единственную в стране краеведческую газету «Краеведческий труд» [35, стлб. 982–983].

К середине 1920-х гг. активизируется деятельность Тулунского общества, оно переименовывается в Общество изучения местного края. В 1923–1924 гг. им были изданы два выпуска журнала «Наш край». В обществе было открыто два филиала: Куйтунский и Нижнеудинский (1923 г.). Просуществовало оно до 1926 г., когда из Тулуна в Иркутск уехали его руководители [31, с. 45; 34, с. 121; 35, с. 982].

В Иркутском регионе продолжался рост общественного научного и исследовательского движения. Например, в декабре 1925 г. в Иркутской губернии действовало 12 общественных исследовательских организаций: Иркутское общество естествоиспытателей (1924–1926 гг.), Краеведческая секция при Доме работников просвещения, Научный студенческий кружок краеведения при госуниверситете, Краеведческий кружок Иркутского педтехникума, Краеведческий кружок при Киренском педтехникуме, Общество изучения Черемховского района, Слюдянское краеведческое общество, Краеведческий кружок Нижне-Илимска, Тулуновское общество краеведения, Куйтунский филиал Тулуновского общества, Краеведческий кружок при Куйтунской школе II ступени, Краеведческий кружок Нижнеудинской школы II ступени [24, с. 56].

Сложно складывалась ситуация в Забайкальском отделении РГО. С марта 1921 г. в здании музея, где оно размещалось, полностью вышло из строя отопление, и все силы были брошены на его восстановление и спасение экспонатов, ремонт был закончен лишь в январе 1923 г. В 1922 г. штат музея был сокращен почти наполовину. Однако Отделение продолжало работу, в нем действовало две секции: изучения и улучшения быта туземцев на Дальнем Востоке (учр. в конце 1923 г.) и естествоиспытателей (дек. 1923 г.). Последняя секция решала задачу исследования местной природы и организации в Чите биостанции. Был расширен дендрологический питомник за счет посадок абрикоса, облепихи, персика, культурных яблок.

Особенно активным оказался 1924 г., когда после 10-летнего перерыва возобновилось издание «Записок Забайкальского отделения РГО» и в свет вышел выпуск № XV. Представители Отде-

ления А. К. Кузнецов, М. И. Союзов, А. В. Харчевников принимали участие в качестве делегатов в работе Всесоюзного краеведческого съезда. Была проведена перерегистрация членов Отделения, которую прошли 49 человек.

В 1925 г. численность ЗОРГО не изменилась, правда, активно работало лишь 10–15 человек. Отделение занималось изучением физической географии, этнографии, статистики. Центральной задачей являлось изучение природы, быта и жизни пограничной Монголии. При Отделении работал музей, в котором насчитывалось 2768 экспонатов, и библиотека, насчитывавшая 4287 экземпляров книг преимущественно по географии. В музее были созданы отделы естествознания, доисторической археологии, этнографии, промышленности и сельского хозяйства [32, с. 118; 19, с. 89–90; 27, с. 69, 72, 87].

Позитивные изменения стали происходить и в Западном Забайкалье, где с образованием в 1923 г. Бурят-Монгольской Республики Троицкосавско-Кяхтинское отделение РГО оказалось в зоне внимания новых властей. Положение дел в Троицкосавском музее было рассмотрено Госпланом Бурят-Монголии. Музей был признан учреждением, имеющим общегосударственное и республиканское значение, и принят на госбюджет. С 1 октября 1923 г. музей Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО (ТКОРГО) был национализирован и перешел в ведение Бурнаркомпроса, которому было предписано предусмотреть выделение ассигнований для расширения деятельности этого научно-просветительского учреждения. Музею было отведено самое лучшее в Кяхте двухэтажное каменное здание. Заслуга в этом принадлежит активному члену ТКОРГО – зав. аймОНО И. П. Мадасову. Отделение РГО также разместилось в этом здании [20, с. 125; 36, с. 10].

В итоге Троицкосавско-Кяхтинское отделение РГО постигла судьба почти всех сибирских структур Географического общества: у него был реквизирован музей; однако в силу специфических местных условий, в отличие от Иркутска, это не ухудшило ситуацию. Людей, занятых исследовательской деятельностью, здесь было очень немного, работы предостаточно, а местная республиканская власть не вмешивалась в работу музея и отделения, расположенных в значительном удалении от Верхнеудинска. Можно

констатировать, что раздел отделения и музея был скорее формальным, нежели фактическим.

Государственное финансирование спасло музей, но не позволило значительно активизировать научно-исследовательскую и просветительскую деятельность. Вместе с тем члены ТКОРГО приспособились к новой жизни, стали восстанавливаться связи с родственными сибирскими организациями. Так, в 1923 г. в Кяхту прибыл представитель ВСОРГО И. Ф. Молодых, осуществлявший исследовательскую поездку в Северо-Западную Монголию для географических исследований р. Селенги. Он имел поручение РК Отдела установить связи с местным отделением Географического общества. В 1924 г. были налажены научные связи между ТКОРГО и Бурят-Монгольским научным обществом им. Д. Банзарова [7, л. 6; 16, л. 80].

В 1924 г. в составе ТКОРГО осталось 77 человек, 38 из которых были иногородними. Все делалось на чистом энтузиазме, ибо у отделения совершенно не было средств [18, с. 115].

Ограниченные финансовые возможности отделения не привели к изоляции его от российского общественного исследовательского движения: велась активная переписка с сибирскими структурами Географического общества и краеведческими организациями. П. К. Казаринов – председатель ВСОРГО, выступая на II Всесоюзной конференции по краеведению (Москва, дек. 1924 г.) с содокладом по Бурятии, высоко оценил деятельность ТКОРГО [29, с. 4, 17].

По нарастающей развивалась работа в Верхнеудинске. Несмотря на то что в 1923 г. прекратилась деятельность народного университета, благодаря образованию Бурят-Монгольской АССР активизировалось общественное научное движение. Результатом этого процесса стало образование в 1923 г. Научного общества им. Д. Банзарова (НО). В правление НО были избраны замами М. И. Амагаев, Б. Б. Барадин, Н. Н. Козьмин, членами – Ербанов, Оширов, Трубачев, Черноморченко, Лесков [1, с. 27; 6, л. 113; 20, с. 124; 33, с. 185; 34, с. 121].

Вскоре было организовано оргбюро в составе Н. Н. Козьмина, К. И. Вельмина, В. В. Сердитых, И. П. Кожикова, В. П. Гирченко, А. Г. Бажина, М. И. Помуса. В марте 1924 г. была образована историко-этнологическая секция НО. Ее председателем был избран Б. Б. Барадин. Затем была создана физико-географическая сек-

ция. 19 августа 1924 г. было принято решение о создании филиалов общества и ячеек на местах. Была установлена связь с Троицкосавским отделением РГО. Удалось добиться значительных ассигнований от местного бюджета. «Буррыба» снабжала отдел рыболовства и рыбоводства местного краеведческого музея экспонатами. Члены общества приступили к ботанико-географическим исследованиям Прибайкалья и пополнению экспонатов краеведческого музея, в основу коллекции которого легли экспонаты Верхнеудинской сельхозвыставки. НО имело неплохую библиотеку и обеспечивало издание журнала «Жизнь Бурятии» (ред. Н. Н. Козьмин). Был издан бюллетень Общества, и установлены связи с ведущими научными организациями Сибири. Двое членов НО приняли участие в работе II Всероссийской краеведческой конференции (дек. 1924 г.).

В мае 1925 г. состоялись перевыборы в НО, в котором в это время насчитывалось 88 действительных членов. Председателем был избран председатель ЦИК БМ АССР М. Н. Ербанов, а его заместителями стали два профессора – Н. Н. Козьмин и Б. Б. Барадин. Председателями секций были избраны Б. В. Сердитых (физико-географическая), Б. Б. Барадин (историко-этнологическая), Н. Н. Козьмин (экономическая). В ряде аймаков работали краеведческие кружки (Баргузин, Усть-Орда, Верхняя Куда, Хоготы, Тунка, Агинское, Кырен). Физико-географическая секция разослала по школам программы фенологических наблюдений с целью получения данных и привлечения к краеведческой работе учащейся молодежи в качестве членов-сотрудников. В состав секции были приняты школьные краеведческие кружки при средней школе 2-й ступени № 1 и при русском педтехникуме [1, с. 27; 6, л. 113; 18, с. 109; 19, с. 80; 20, с. 124].

Общественные научные и исследовательские организации не стремились свести свою деятельность лишь к изучению близлежащей местности. Уже в середине 1920-х гг. начала проявляться тенденция к координации и консолидации общественных научных и исследовательских организаций страны и региона. Этому способствовало и решение 5-й сессии Центрального бюро краеведения при Российской академии наук (1923 г.), разделившей Сибирь и Дальний Восток на пять районов: Омский, Томский, Красноярский, Иркутский, Владивостокский. В территорию Иркутского района входила Бурят-Монголия, координатором был

определен ВСОРГО. От региона в работе сессии участвовали Б. Н. Артемьев (Иркутска), Б. Б. Барадин, В. П. Гирченко, Н. Н. Козьмин (Бурят-Монголия), избранные член-корреспондентами. От Забайкальского отдела присутствовали А. К. Кузнецов, М. И. Союзов, А. В. Харчевников. Учитывая реальное положение дел, сессия ЦБК передала ВСОРГО полномочия представителя ЦБК по Восточной Сибири [13, л. 3; 15, с. 88; 16, с. 87; 28, с. 1].

В декабре 1924 г. в Москве состоялась II Всероссийская конференция по краеведению. Она избрала Центральное бюро краеведения (ЦБК), разместившееся в Ленинграде. ЦБК в свою очередь выбрало временный президиум, его председателем стал С. Ф. Ольденбург, а его замами – А. Е. Ферсман и А. П. Пинкевич. На конференции развернулась полемика о природе краеведения. От Байкальского региона выступал П. К. Казаринов. Делегаты подчеркивали, что краеведческое движение имеет ценность до тех пор, пока не утратило присущих ему ныне научных черт. А. В. Луначарский потребовал усилить утилитарный уклон краеведения. Академик А. Е. Ферсман считал, что центральный орган краеведения должен иметь не административный, а методический характер, так как здесь важны вопросы не столько организационно-административного характера, сколько планомерности и стройности самой научно-исследовательской деятельности. Однако зав. Главнауки Петров развил в своем докладе совсем другую схему. «Низовая сеть ячеек должна быть планомерно организована и внедрена в толщу трудового населения. Основная краеведческая единица должна быть на фабрике, заводе, в волости. Следующее объединение – в уезде и губернии, где происходят конференции и создаются выборные бюро». Конференция поставила задачу превращения научно-исследовательской работы в массовое краеведческое движение и проведения в ближайшее время по всей России региональных конференций и съездов. Всем краеведческим научно-исследовательским организациям был разослан циркуляр с предложением о сотрудничестве [29, с. 13; 31, с. 45]. В последующие годы шла борьба между этими тенденциями, и к началу 1930-х гг. победила вторая.

Председатели ВСОРГО постоянно участвовали в работе руководящих краеведческих органов страны и республики. Так, в 1925 г. П. К. Казаринов представлял Иркутский округ на II Всесоюзной конференции по краеведению, а в 1926 г. М. К. Азадов-

ский – на сессии ЦБК. М. П. Соколов представлял Отдел на III Всероссийской конференции по краеведению (Москва, 1927 г.) и на Всесоюзной конференции в 1930 г.

В процессе реализации этого статуса РК ВСОРГО 12 сентября 1924 г. в Верхнеудинске провел совещание по подготовке Восточно-Сибирского краеведческого съезда. На совещании присутствовали члены Научного общества им. Д. Банзарова, представители правительства БМ АССР, учителя. Перед ними выступил председатель ВСОРГО П. К. Казаринов, изложивший идею и условия проведения научного форума. Выездное совещание дало высокий результат, и накануне съезда в Отдел пришла телеграмма от зав. ЦАУ БМ АССР В. П. Гирченко, в которой он приветствовал идею съезда, указывал круг организаций и учреждений, заинтересованных в его работе. В числе предполагаемых участников съезда от республики он указал Н. Н. Козьмина, Б. Б. Барадина, И. М. Амагаева, А. П. Бажина, П. С. Михно. В итоге в работе Восточно-Сибирского краеведческого съезда (Иркутск, январь 1925 г.) участвовали представители 14 исследовательских организаций из Бурятии. Это больше, чем из других регионов, включая Иркутскую губернию [3; 9, л. 13].

Проведение Первого Восточно-Сибирского краеведческого съезда стало центральным событием для системы байкальской региональной общественной науки 1920-х гг. В работе съезда приняли участие представители 14 организаций Бурятии, 12 иркутских и 1 забайкальской организации. Более широкому представительству научных и исследовательских организаций региона помешала ограниченность их финансовых возможностей [14, л. 1, 20].

Съезд проходил в Иркутске с 11 по 18 января 1925 г. На нем присутствовали 97 участников с правом решающего голоса. Остальные участники съезда являлись представителями иркутских организаций. Среди них были представители государственных органов, научные работники госуниверситета, члены ряда научных краеведческих организаций, представители учреждений народного образования. Делегаты съезда послали приветственную телеграмму проходившему в это время в Москве Всесоюзному съезду учителей [29, с. 3].

В президиум было избрано 15 человек. Среди них М. Е. Золотарев, П. К. Казаринов, И. Д. Бушмакин, Г. Ц. Цыбиков и другие известные исследователи, а также председатели секций и выставочной комиссии.

В адрес съезда поступили многочисленные телеграммы и письма из Москвы, Ново-Николаевска, Якутска, Читы, Красноярска, от научных обществ, учреждений и отдельных краеведов.

Было проведено семь пленарных заседаний, на которых заслушано семь докладов и один содоклад. Участники съезда рассмотрели широкий спектр вопросов, волновавших тогда научную общественность Байкальской Сибири. Они касались очередных задач краеведческой работы, острых проблем экономики края, районирования, вовлечения школьников в краеведческую работу. Проблема школьного краеведения на этом съезде оказалась одной из центральных, а впервые озвучена она была участниками Первого педагогического съезда, проходившего в Иркутске в 1867 г. [2, с. 31; 21, с. 189].

Давно осознанной являлась и проблема слабой изученности Сибири, о чем много говорили участники состоявшейся в Томске в 1919 г. конференции по организации Института исследования Сибири.

Работа съезда велась по пяти секциям: общего краеведения, экономической, физико-географической, биологической и историко-этнологической. Заседания секций проходили ежедневно в здании факультета права и хозяйства ИГУ.

Одновременно со съездом действовали выставки краеведческой литературы, развернутые в библиотеке ИГУ и библиотеке ВСОРГО [29, с. 4].

Во время работы съезда в здании госуниверситета была открыта краеведческая выставка. Ее целью являлся показ прибывшим на съезд делегатам и общественности основных направлений краеведческой работы, проводимой в Иркутской губернии. Экспонаты для выставки были представлены ВСОРГО, ГОНО, госуниверситетом, Биолого-географическим институтом, Научным музеем, Музеем революции и другими организациями.

Выставка заняла восемь больших комнат, было представлено 5100 экспонатов. Выставка работала 10 дней, с 9 до 16 часов, и ее посетило 10 500 чел. Среди посетивших практически не было рабочих и служащих, так как это было рабочее время [30, с. 41].

После съезда состоялось совещание музейных работников, на котором с докладом «Музейное строительство» выступил директор Научного музея Я. Н. Ходукин. Совещание высказалось за

необходимость развития музейного дела в Восточной Сибири, в том числе в небольших городах и районных центрах.

В результате работы съезда была согласована научно-исследовательская деятельность государственных и научных учреждений. Начата работа по приданию ей организованных форм, и намечены планы исследовательской работы на ближайшие годы. Произошло знакомство исследователей региона друг с другом и с работами местных изыскателей.

Заключительное пленарное заседание съезда состоялось 18 января. На нем присутствовало 62 участника и 20 гостей. В заключение заседания Б. Г. Кубалову был выдан мандат участника съезда архивных деятелей в Москве. Таким образом, по стране шла непрерывная перекличка научно-исследовательских структур.

Принятые решения и высказанные идеи не остались лишь в материалах съезда, опубликованных в Бюллетене ВСОРГО № 6 за 1925 г. Правда, полностью было помещено лишь выступление П. К. Казаринова «На новых путях краеведения», остальные выступления даны в виде тезисов [26, с. 9–22]. Означенные задачи и пути их решения нашли отражение и воплощение в постановлениях партийных и советских органов, в деятельности научных и учебных заведений.

8 апреля 1925 г. в Иркутске состоялось организационное заседание оргбюро Первого Восточно-Сибирского краеведческого съезда, исполнявшего функции Восточно-Сибирского отделения Центрального бюро краеведения. Своих представителей в его состав делегировали 17 учреждений и организаций. Оргбюро избрало президиум и председателя, которым стал заведующий губернским отделом народного образования М. Е. Золоторев. В мае 1926 г. в связи с его отъездом из города председателем оргбюро был избран профессор Н. Н. Козьмин [14, л. 26].

Таким образом, первая половина 1920-х гг. стала временем подъема движения научной общественности Байкальской Сибири, активизации населения на исследовательскую и краеведческую деятельность. Восстанавливались старые, ранее существовавшие структуры, создавались новые, опиравшиеся на энтузиазм населения, культурной и школьной интеллигенции. Дореволюционные культурная и научная элиты приняли решение о необходимости сотрудничества с советской властью и предложили свою помощь региональной власти.

Список литературы

1. Бюллетень ВСОРГО. Иркутск, 1924. – Кн. 5.

2. *Виноградова С. А.* Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд (1925) // Иркутское краеведение 1920-х: взгляд сквозь годы. – Иркутск. – Ч. 1. – С. 31–37.

3. Власть труда. – Иркутск, 1924. – № 213.

4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р. 565. Оп. 1. Д. 1.

5. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 17.

6. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 24

7. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 38а.

8. ГАИО. Ф. Р.565. Оп. 2. Д. 52.

9. ГАИО. Ф. Р. 565. Оп. 2. Д. 54.

10. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 2. Д. 68.

11. ГАИО. Ф. Р.565. Оп. 2. Д. 82.

12. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 3. Д. 7.

13. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 3. Д. 30.

14. ГАИО. Ф. Р.565. Оп. 3. Д. 38.

15. Жизнь Бурятии. – 1924. – № 2–3.

16. Жизнь Бурятии. – 1924. – № 4–5.

17. Жизнь Бурятии. – 1924. – № 6.

18. Жизнь Бурятии. – 1925. – № 1.

19. Жизнь Сибири. – 1924. – № 4–5.

20. Жизнь Сибири. – 1924. – № 6.

21. *Зуляр Р. Ю.* Ключ к исследованию социально-гуманитарных проблем Сибири // Изв. ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 188–191.

22. *Зуляр Ю. А.* О периодизации истории Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (К итогам 160-летней деятельности ВСОРГО) // Изв. ИГУ. Сер. История. – 2012. – № 1. – С. 73–85.

23. *Зуляр Ю. А.* Основные вехи истории Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества // География и природные ресурсы. – 2007. – № 3. – С. 211–217.

24. *Зуляр Ю. А.* Советская история Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества: время и люди / Ю. А. Зуляр. – Улан-Удэ : Издат.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2001. – 75 с.

25. *Кабанов К. А.* Краеведческое движение в Западной Сибири: от рассвета к разгрому (1917–1930) // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы. – Иркутск, 2000. – Ч. 1. – С. 145–155.

26. *Казаринов П. К.* На новых путях краеведения // Бюл. ВСОРГО. – Иркутск, 1925. – № 6. – С. 9–22.

27. Обзор деятельности Забайкальского отдела Русского географического общества и Краевого музея им. А. К. Кузнецова за 30 лет (1894–1924) / под ред. А. В. Харчевникова. – Чита, 1924. – 92 с.

28. Отчет ВСОРГО с 1 мая 1924 г. по 1 октября 1925 г. Иркутск, 1926.

29. Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд // Бюл. ВСОРГО. – Иркутск, 1925. – № 6. – 150 с.

30. *Полищук Ф. М.* Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд (по материалам ГАИО) / Ф. М. Полищук // Иркутское краеведение 1920-х: взгляд сквозь годы. – Иркутск. – Ч. 1. – С. 37–44.

31. Северная Азия. – 1925. – Кн. 1–2.

32. Северная Азия. – 1925. – Кн. 4.
33. Северная Азия. – 1925. – Кн. 5–6.
34. Северная Азия. – 1926. – Кн. 5–6.
35. Сибирская Советская энциклопедия. Т. 2. – Новосибирск : Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1931.
36. Труды Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева и Кяхтинского отдела ГО СССР. – Улан-Удэ, 1961. – Т. 18, вып. 1. – 254 с.

RESEARCH AND REGIONAL MOVEMENT BAIKAL SIBERIA IN THE FIRST HALF OF 1920

R. Yu. Shpikelman
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The transformation of scientific knowledge in the main driving force of modernity, has only reinforced the interest in the initial phases of this process. The processes and events associated with the development of social research movements in the Baikal region after the Civil war. The impetus for wide dissemination became the decision of the First all-Russian conference «society for the study of the local region», convened in December 1921 in Moscow, the Academic center of the people's Commissariat. But the apogee of this process was held in January 1925 in Irkutsk First in Eastern-Siberian regional Congress.

Keywords: regional movement, Siberia, Irkutsk, esrgs, the First East-Siberian regional Congress, social movement research.

Шпикельман Радана Юрьевна – соискатель, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: dana-z1@ya.ru

Shpikelman Radana Yurievna – Candidate for the Degree Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History Irkutsk State University, 412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8 (3952)334372, e-mail: dana-z1@ya.ru

РАЗДЕЛ
«ДЕВЯТЫЕ ПЕТРОВСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ»

УДК 37:1

МЕСТО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

К постановке вопроса

Н. С. КОНОПЛЕВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрено содержание образовательной реальности – концентрированно воспроизводимой духовной сферы, направленной на социально защищенное развертывание личностных перспектив и, следовательно, творчески неповторимой человечности. Коренясь в мифе, т. е. на уровне первобытных социальных связей (которыми определяется этап культурного строительства), образование изначально стремилось к вскрытию индивидуального начала – с переводом последних (т. е. указанных социальных связей) на уровень складывающихся общественных отношений. Эти отношения, показано в работе, определили цивилизацию с выстроенными ею соответствующими социальными институтами. К их числу относится институт образования, обретающий черты надынституционной структуры ввиду того, что главное в нем – поглощение массово индивидуализируемой социальности гуманитарно-общечеловечными ценностями. Это достижимо за счет инновационного резерва современного общественного устройства. На базе инноваций, носящих – как показано в настоящем тексте – прежде всего не производительную (т. е. связанную с развитием производительных сил), но производственную (т. е. затрагивающую межиндивидуальные, групповые и классовые отношения в производственной сфере) направленность, материально-духовный прогресс цивилизации все более смещается в сторону действенных проблем бытия, высвечиваемых прежде всего поисками смысла жизни. Инновации утверждают настоятельную потребность огромной части землян преодолеть – в духе толерантно сорганизовывающихся ноосферных перспектив – перегибы глобализующегося обустройства социума.

Ключевые слова: социальные связи, миф, общественные отношения, цивилизация, образование, образование как социальный институт, надынституционность образования, поиски смысла жизни, личность, генезис, педагогика, андрагог, достижения НТР, глобальный динамонеравновес, инновации и их специфика, ноосфера, толерантность, Ф. Энгельс, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский.

Образование под угрозой достижений НТР. Образованием сегодня все более овладевает тупиковая ситуация: она зацикливает его сложившимися стереотипами (не позволяя действовать на опережение), тормозит осмысление жизненных проблем. Можно ли пресечь складывающуюся образовательную неопределенность? Пытаясь предварить ответ, укажем на сопутствующие ему условия. Охвативший цивилизацию кризис научного знания вызван тем, что разуму сегодня не под силу одолеть осуществляющееся – под влиянием НТР – преобразование информации в объемистый (подобно скатившемуся снежному кому) инфомассив. Изменения, произошедшие под влиянием глобализации (модернизационные преобразования, продолжающий набирать темпы научно-технический прогресс, наконец то, что связано с вселенски развернувшимся динамонеравновесом), создали не имеющую ранее аналогов в истории человечества социальную реальность. Ее внешние показатели – все бóльший отход обычных носителей рацио от вербальности (всегда выступавшей условием человеческой духовности), их поглощенность «визуальной ментальностью» – способом стремительно распространяющегося (особенно среди молодежи, зараженной «интернетной горячкой») клипового мышления, господство искусственной среды, зависающей рекламой, вездесущей мобильной связью, интернетом, информационными технологиями, виртуализирующими общество (т. е. искажающими действительность, затрудняющими формирование необходимых человеку обыденных навыков). Конкретный индивид столкнулся с экзистенциальным вакуумом, мировоззренческой «черной дырой»: он не способен к глубокому раскрытию сущего. Наш современник, «очерчиваясь» границами «здесь и сейчас», вынужден объяснять себе – ввиду дефицита времени – прежде всего конъюнктурно-сиюминутные потребностные установки. А вот сложные проблемы бытия остаются за пределами философской рефлексии. Вследствие этого неуправляемость с ее бездуховностью, обывательским прагматизмом, ущемляющим дружбу и взаимопомощь, овладевает сообществом. Жизнь огрубляется, «оправданием» чего служат поиски однозначно (т. е. с кондачка – «Техника выручит!») формируемой «логистики». Неспособность понимать происходящее подталкивает нас к губительным последствиям. Мы не вполне осознаем, что наступает новая – по В. И. Вернадскому – эпоха, именуемая ноосферой.

Предметным условием ее предстает масштабно воспроизводимый биотехнологизм. Из-за неспособности объяснить глобально-противоречивые процессы, характеризующие «колыбель человечества» (так основоположник космонавтики К. Э. Циолковский именует планету Земля), сознание многих «окутывается» духовно-практическим хаосом, складывающимся под влиянием – как сказано выше – перевода информации в инфомассив. Наше сознание, «провисая» достижениями НТР, неизбежно сциентизируется, и возможность аутентичного обретения смысла жизни отодвигается «по ту сторону» «неизбывных чаяний». Выходом из кризиса может служить разработка гуманитарно насыщенных инноваций, позволяющих социально оттачиваемый прогресс сочетать с выверяющими его подлинно социоличностными, смыслообразующими интенциями. …Обновляемая усиливающимся паритетом мужского и женского начал гуманитарность – полагаем – преодолеет недостатки образования. Они связаны с тем, что молодой человек, осуществив жизненный выбор (т. е. став личностью, суть которой – в творческом самовыражении ее носителя), под «влиянием обстоятельств» ограничивает себя разовым его использованием.

Помощь философии теряющему уверенность образованию. Но глобализующийся социум требует от неприметного творца новизны возрастающей «перманентной самоотдачи». Это – в духе наступившего всеобъемлющего охвата существующих проблем; и предельно широкий подход издревле характеризовал философию – систему обобщенно раскрываемых теоретических ценностей, вбирающую (в снятом виде) основные компоненты научности. Способность философии к широкому осмыслению концептуальных ориентиров позволяет увидеть узловые пункты современного познания, наметить пути их теоретического освоения. Философская рефлексия вскрывает имитационность, заорганизованность, функциональность образования, вследствие чего оно, будучи важнейшей сферой духовной деятельности, не находит должного жизненного претворения. …В современном образовании отсутствует понимание тех социальных изменений, которые характерны для стремительно меняющегося мира. Требуются значительные усилия по переосмыслению роли образования. В практической области – это комплексная государственно-общественная экспертиза положения дел в образовании; в науч-

ной – разработка обновленной гуманитарной методологии. Философская доводка образования в условиях массовой индивидуализации социума специфицирована его «штучным» использованием.

Педагогическая насыщенность образования. Образование тесно переплетается с педагогикой, и ему не откажешь в педагогическом настрое: ведь оно, как и наука об обучении и воспитании, оперирует рецептурой формирования полноценной личности. Но если педагогика затрагивает предобразовательный уровень (связанный, как сказано выше, с решением обучающе-воспитательных задач применительно к подростку) сложного процесса становящейся личности, где роль наставника – первостепенная, то образовательная реальность таким наставником «выделывает» творческий потенциал, заложенный в совершенствующейся личности. Плавно переходя в образование, педагогика растворяется «андрагогическим ресурсом» личности. Затрагиваемый нами «андрагог» – до конца своих дней (а не в «разовом употреблении») занимающаяся самовыражением личность. Конечно, он явно педагогичен, и педагогика связана с выходом на индивидуальность. И мы не отвергаем педагогически преломленную индивидуализацию. Но в целом педагогика – и в этом ее фундаментальное значение – формирует у детей коллективно воспроизводимую естественную социальность, закрепляемую воспитательным обучением. Наставник здесь – образец для подопечных. Равняясь на него, школьники формируются контекстом феномена одинаковости (функционально им определяется коллективизм), похожестью в раскрытии общественно значимых положений. Этот важный для молодых людей жизненный этап, в котором естественная социальность отделена от искусственно воспроизводимой среды, мы называем предобразованием, и педагогика выступает исходным уровнем формирования личности. …Другой аспект деятельности учителя средней школы, связанный с утверждением индивидуально-личностного начала в подопечном, педагогику особо не занимает. В самом деле, поскольку ее результаты преимущественно сводятся к «обучающему воспитанию», общезначимое здесь явно преобладает. Задача педагогики в том и заключается, чтобы утвердить социообщественный статус отдельного школьника. Но это лишь начало дальнейшей работы, связанной с созданием условий по формированию личности. Очерченное педагогикой обучение и воспитание – скорее

всего этап доличностного развития подростка. Формируя общественный статус школьника, педагогика передает его в сферу собственно образования, где превалирует не коллективно, но индивидуально воспроизводимая социализация. И как таковое образование – прежде всего способ утверждения человеческой неповторимости, благодаря чему она выстраивается «личностным обаянием». Суть образования – помочь индивиду развернуться творческими задатками, поспособствовать более успешному их раскрытию, ибо сегодня меняется жизненная среда и человек вынужден адаптироваться не к стабильному, а к постоянно меняющемуся миру. Как это сделать – проблема образования, которое, однако, не связано с утверждением индивидуализма. Именно образованием обеспечивается ценностный аспект личностного самовыражения: личность здесь постоянно чувствует сопричастность своему – общечеловеческому – окружению. Такое видение образовательной реальности позволит выразить ее подлинно универсальное предназначение. …По-новому оборачивается педагогическая подготовка. Каждый из учителей должен быть яркой индивидуальностью, раскрывающей творческий потенциал через личностно воспроизводимое обращение к молодежной аудитории. Педагогу надлежит овладевать штучным подходом при воздействии на обучающихся. Это особенно актуально в условиях постоянного роста информации, когда подросток, «поглощаясь» ею, просто-напросто теряет себя. …Выскажем также положение о том, что сегодняшнее образование осуществимо благодаря синтезу гуманитарных и естественных наук. Последние здесь – своеобразный фон «глобальной» образованности. В целом роль гуманитарных и естественных наук в образовательном процессе заслуживает отдельного рассмотрения.

Преодоление современным образованием гуманитарно запечатлеваемых хитросплетений. Какие гуманитарные проблемы предстоит решать, преодолевая ограниченность сегодняшнего образования? На каждом этапе социожизнедеятельности перед образованием складывается их широкий спектр. Изначально образование совершенствуется обретаемыми традициями. Они обусловлены культурным слоем социума, где ведущее положение – за слабым полом. Это важно подчеркнуть, поскольку коллективизм, которым определилась культура, – преимущественная заслуга женщин. Женское начало, репродуцируя сменяющие одно за другим

поколения, укрепляло культуру – систему воспроизводимых традиций в условиях исторически выбранного социостроительства. Пик ее обозначил себя сложившейся моногамной семьей как проявлением наглядных преимуществ первобытно-общинного коллективизма. После утверждения моногамной семьи превалирует индивидуализированное мужское начало за счет утверждающихся общественных отношений (преодолевающих сложившиеся на заре гомосапиентизации традиционалистские социальные связи). Последние воплощают изменчивость как ведущую сторону складывающейся с этой поры социальной формы движения материи. В таком случае традиции уступают место (материальному и духовному) прогрессу, а социальные связи последовательно вытесняются общественными отношениями. «Всплывает» цивилизация. Границы ее: XV–X тысячелетия до н. э. – вплоть до наших дней. Попутно напомним: культура, начавшаяся со становления вида Homo Sapiens примерно 200 тыс. лет назад, была организующей для социума в течение первых 180 тыс. лет. Традиции с их коллективистской направленностью претворяются устойчивостью как ведомой стороной в сфере движения – универсального способа существования социума. В этот отчаливший от первобытности период зарождающееся образование направило усилия на то, чтобы диалектизировались отношения между устойчивостью и изменчивостью. Что-то действенное отразилось здесь. Так, мужское и женское начала в равной мере участвовали в овладении видом Homo Sapiens социальной формой движения материи. Но не все пошло как хотелось бы. Изменчивость возобладала над устойчивостью. И это – нормально, не случись явно нежелательного подавления изменчивостью устойчивой стороны в социально развернутых связях. Образование не сумело найти нужных рычагов для их поддержания. Предваряясь цивилизацией, женский пол, по Ф. Энгельсу, «потерпел поражение». И хотя с ее «неправедным» развитием социальная форма движения все-таки состоялась, она оказалась подверженной эрозии под напором тех обстоятельств, которые препятствовали становлению паритетных взаимоотношений между устойчивостью и изменчивостью. Сложившееся положение мешало осуществлению возможностей образования, поскольку устойчивость как система социальных связей оказалась прямолинейно зависимой от изменчивости – цивилизационно развернутой системы общественных отношений. От-

сюда существенно свертывались перспективы образования за счет его отчуждения от проблем становления подлинной человечности. И сегодня остается актуальной тема выхода образования на должный уровень. Для этого имеются социально развернутые предпосылки. В ходе осуществляющейся в условиях НТР сексуальной революции, когда мужской пол терпит поражение, женщины сумели вывести социальную реальность как воплощение устойчивости на паритетные с мужским началом, представленным изменчивостью, отношения. Это позволяет образованию овладеть тенденцией по преодолению содержащейся в нем раздвоенности. Теперь сорганизовано широкое поле для совместной деятельности устойчивости и изменчивости, которые в равной мере обеспечивают движение как единственный способ выживания человечества. Но возникает непредвиденная трудность, связанная с тем, что, поднимаясь на уровень общественных отношений, женщины реализуются мужскими стандартами. Опасность видна в том, что женски насыщенная устойчивость как сторона социальной формы движения, активизируясь, начинает вытеснять мужчин с до сих пор принадлежащей им «территории» изменчивости; и это ведет к разбалансировке – теперь уже под натиском «современных амазонок» – сложившейся социообщественности. …Сдерживание образования видно и в том, что достижения НТР, оказывая отчуждающее воздействие на современников, подводят ойкумену к глобально «раскинувшемуся» динамонеравновесу. Еще одно препятствие грозит образованию по причине изоляции молодежи от старшего поколения. Имея тенденцию стать основной производительной силой общества, дети отходят от своих родителей (так как досрочно – правда в тенденции – занимают ведущее производственное положение). От специфики преодоления отмечаемых трудностей зависит способность образования заявить о себе «общечеловечным обличьем».

Образование как социальный институт. Становясь социальным институтом, образование в своем значении выше указанной организации: одно из его предназначений – занять надынституционный статус; и в зависимости от того, как оно сумеет привлечь к решению стоящих проблем другие социальные институты, непременно обнаружатся его новые грани, связанные с формированием подлинной человечности в «глобализующемся мареве». Намечающийся процесс цельновыраженного раскрытия единства

мира и человека образовательно насыщен тем, что, антропологизируясь в наших представлениях, природа усиливает связь неповторимого носителя высших ценностей – нашего современника – с «расстилающейся вечностью». Значит, целенаправленно сорганизованное образование устремляет творческий потенциал личности на причащение к космосу – с целью пробуждения в сознании землян возвышенного чувства сопричастности к ценностям вселенского бытия. Здесь же заявляет о себе потребность методологического обеспечения раскрытия условий расширения образовательного пространства, воспроизводящего – за счет разрастающейся глобализации – усиление степени соотнесенности природно-экологических и цивилизационных компонентов нашей жизнедеятельности. Кроме того человеческая телесность незаметно приурочивается к усиливающейся ноосферной обстановке. Ноосфера, определенная В. И. Вернадским как сфера разума, на этапе претворения являет собою не что иное как единение естественно-биологического в социуме и рукотворной, т. е. искусственно созданной им, техносферы. Последняя, глобализуясь, заменяет индивиду традиционно отлаженный коллективизм, на который человек ориентировался до активного проявления НТР. Перед образованием встает посильная задача по преодолению излишеств «искусственной рукотворности». На практике сие означает: наши усилия должны быть направлены на превращение окружающей искусственной среды в средство совершенствования образовательного тезауруса индивида. Под влиянием складывающихся условий личность, обретая коллективизм, преодолевает тормозящее влияние искусственной среды. Общество, погруженное в глубины образования, сможет преодолеть завалы цивилизации. Образование здесь должно быть андрагогически насыщенным – осуществляющимся, как выше отмечено, в течение всей человеческой жизни. Инновационно-гуманитарное (а не узко-психологическое) понимание личности как способности к творческой самоотдаче, осуществления жизненного выбора (причем самостоятельно каждым из нас, т. е. без подсказки), стратегии саморазвития позволит разрешить наваливающиеся противоречия. Оттого и требуется уйти от ограниченности в понимании образования как собственно обучающе-воспитательного процесса, являющегося, как было показано выше, все еще воплощением предобразованности. Надо обернуть человеческую чувствен-

ность, ее жизненную энергетику, яркость, выразительность «тканью» образования, очеловечивая широким просвещением «море человеческих исканий». Это будет подступом к выполнению насыщенной просветительскими интенциями немеркнущей русской идеи, одна из функций которой – быть духовно-практическим основанием в становлении нации как основной производительной силы. Для России XXI в. новый, преодолевающий образовательную ограниченность подход (могущий стать конкретно воплотимым ноу-хау) – в его инновационной запрограммированности, базирующейся на широком гуманитарном фундаменте.

Провалы цивилизации: каковы ее перспективы? Обустраивающая нас цивилизация противоречива: вбирая культурные традиции (т. е. коллективизируя человеческие связи), – содействует массовой индивидуализации социума. Противопоставляя себя культуре, она оперирует нужным для единения общества коллективистским началом в человеке. И за счет этого массовая индивидуализация социума, действенно с ним сопрягаясь, вовсе не отрицает культурное наследие, но вписывает его в динамику современности. Значит, социальность, «выделываясь» культуро-цивилизационным реноме, обеспечила людям общественно-коллективистское настроение, благодаря чему состоялся современный человек. Однако сегодня общественные установки для каждого из нас все больше замещаются искусственной средой как в окружении человека (достижения НТР), так и в нем самом (искусственные органы). И важная для нас социализация, призванная направлять духовность индивида на выявление связи с ним коллектива, зачастую подменяется «беспросветными суррогатами». Наложение искусственной среды на межличностные связи отрицательно сказывается на гуманитарной составляющей нашего внутреннего «Я». Ее изучение содействует практическому претворению духовного совершенствования человека, позволяющему изучать его «внутренние» пружины. Появляется возможность понять возникновение непредвиденных тенденций развития общества, подкрепляемых нарастающим фактором его массовой индивидуализации. Сегодняшняя цивилизация делает вызов прежде всего гуманитарной сфере, а также воспроизводящим ее наукам, которые исследуют изменения духовного опыта под инновационным углом зрения. Введение их в живую жизнь, несомненно, оп-

ределит характер диалектического преодоления сложнейшей – отрицательно-диалектически сложившейся – ситуации. …Предстоит отличить инновацию от предшествующего ей новаторства как прогресса, который олицетворялся со смыслом жизни. Отсюда новаторски воспроизводимый прогресс был формационно насыщен широко востребованной классовостью. Сегодня ситуация изменилась, и одна из ее ведущих тенденций – массово востребованная индивидуализация, ставящая перед обществом необходимость его инновационного «переоборудования». Проблема классовых интересов здесь не снимается: она поворачивается к нам прежде «задвинутой» стороной.

Инновация как способ подчинения прогресса поискам смысла жизни. Инновация направлена на узко коллективное или даже «точечное» (т. е. с выходом на «индивидуальное пользование») осуществление прогресса контекстом поисков смысла жизни. Отталкиваясь от него, прогресс оказывается в зависимости от смысла жизни. Инновация, в отличие от новаторства, реализуется условиями массовой индивидуализации социума и все больше связывается с индивидуально-личностным потенциалом индивида (а не с его «коллективизированным заделом»). Фокусом соединения прогресса и смысла жизни является личностная неповторимость, и становление его (т. е. смысла жизни) должно стать предпосылкой «оборудования» толерантного мировоззрения. Образованию в складывающейся ситуации отводится решающая роль. Речь идет о том, что социальный институт образования, обретший этот статус эпохой НТР, вне ее неосуществим. И это налагает на него огромную обязанность быть ответственным за все грехи научно-технического прогресса. Институту образования – в условиях массовой индивидуализации социума – предстоит, локализуя феномен инновационного прогресса, преодолеть сложившийся веками информационно-цивилизационный подход с его капиталистическим прогрессом, определяющим эксплуататорски взвинченный смысл жизни. Это уже привело человечество – как было нами отмечено – к глобально задействованному динамонеравновесу. Социальный институт образования, насыщая инновационными ценностями бытовые реалии повседнева, медленно ведет социум по пути смыслопретворяемой толерантности. …Сегодняшний глобализм возносит до предела рассматриваемую линию о соотношении материального и духовного. Созда-

ние на базе НТР глобально выраженной искусственной среды свидетельствует о безоговорочном торжестве «идеал-реалистического миропонимания» (в котором отсутствует обращенность к нуждам конкретных лиц ввиду вселенского торжества глобализма). Но, как говорится, нет худа без добра. Именно рассматриваемая ситуация создает предпосылки собственной (глобалистской и искусственной по содержанию) гибели. Дело в том, что массовая индивидуализация социума, являясь неизбежным «спутником» указанной глобализации, стремится поставить индивидуально реализуемую духовную составляющую на то место, за рамки которого она не должна выходить. Конкретно это выражается в том, что разум как ведущий компонент духовности прежде всего должен быть соотнесен со статусом этого индивида, а затем уже, как тому будут благоприятствовать обстоятельства, с другими, в том числе с соседним, рацио. Сказанное означает, что основная задача, решаемая человеческой духовностью, заключается в том, что последняя должна синтезировать все три рассмотренные нами уровня человеческого «Я» (биологического, природного и духовного). Если это будет осуществлено, то индивид предстанет «цельно прорисованным», и те отчуждающие его установки, о которых выше шла речь, будут элиминированы из его жизнедеятельности. И лишь после этого освобожденная от внутреннего засорения человеческая структура окажется способной осуществлять взаимодеятельность с подобными ей индивидами. Это станет показателем подлинного преодоления индивидом его самоотчуждения. И главное, что нам здесь предстоит сделать – создать инновационную инфраструктуру, с помощью которой преодоление человеческого самоотчуждения нашло бы достойный финал. …Характеризуя инновации, мы понимаем под ними то новое, что прежде всего содействует наращиванию ценностно воплотимой индивидуальной самоидентификации. В рассматриваемом отношении инновация отличается от новаторства тем, что она, образно говоря, носит штучный характер: содействует преодолению недуга каждым отдельно взятым субъектом деятельности. Инновация направлена на разведение понятий прогресса и смысла жизни. Прогресс здесь подчинен задачам по выполнению жизненного смысла, и инновация, избирательно относясь к прогрессу, берет из него то, что содействует аутентичному (подлинному) становлению личности. Главное в инновации то,

что рассмотренное совершенствование индивидуальности, пусть и опосредованно, тем не менее связано с объединением индивидов в новое единое целое. Но теперь компактно подобранная социальность зависит от предметно выраженной – материальной – структуры индивида, а не от тех «идеальных завихрений», о которых выше шла речь. Содержание инноваций ставит учение о человеке на действительную почву материальных отношений. Рассматриваемый материализм, имея своим источником его предшествующие формы, качественно отличен от них тем, что он не стремится отделить материю от духа, но полностью включает идеальную составляющую экзистирования в общепринятую структуру современного человека. …И мы преодолеваем прежнее – ограниченное – представление о местоположении человека в «перспективно настроенном мироздании».

Спасут ли нас инновации? …Содержание инноваций в глобально повернутой искусственной среде позволяет увидеть выход из «мглистой» ситуации. При этом с позиции инновационного подхода вовсе не нужно ликвидировать эту искусственную среду. Впрочем, физически такое современному человечеству не осуществить. Инновационный подход связан с тем, как правильно адаптировать новаторство к потребностям отдельно взятого индивида. Это будет означать перевод новаторства в сферу инновационных ценностей. Сегодня мы видим, как НТР с помощью новаторски осуществляющегося прогресса загоняет человека вглубь себя, т. е., как мы уже сказали, делает его функцией этого новаторски осуществляющегося прогресса. Человек, являясь его придатком, утрачивает смысл жизни. Инновация же, оперируя самосознанием индивида, убеждает его в том, что он способен обрести себя.

Можно ли придавать решающую роль инновациям в деле развертывания образовательного потенциала? И вот – отмечаем: 1. Образование – процесс развертывания коллективно воспроизводимой личностной самореализации, вскрывающей ее творческий потенциал. 2. Генезис образования восходит к социокультурному полю первобытно-общинного коллективизма и ходом истории активно им воспроизводится. 3. До недавних пор образование преимущественно выражало мужские стандарты цивилизационного обустройства социума – с отказом допускать в этот процесс представительниц слабого пола. 4. Под влиянием НТР образование становится обретающим мощь социальным институтом с его

андрагогическим настроем (это свидетельствует о том, что творческое самовыражение определяет личность «на всю оставшуюся жизнь»). 5. Из социального института образование – при соответствующем жизненном раскладе – преобразовывается в надынституционную структуру, усиливающую содержание выбираемой человечеством толерантности. 6. Инновационность образования ставит общественно разыгрываемый прогресс в зависимость от проблемы поиска смысла жизни; тем самым образование – ввиду складывающегося паритета в отношениях между устойчивостью (представляемой женским началом) и изменчивостью (характеризующей сильный пол) – с очевидностью гуманизирует социальную форму движения материи.

Молодежь наших дней: ее обретения, потери, ориентиры развития. Известно, что современное производство, интенсивно компьютеризируясь, все больше опирается на человеческий интеллект. Молодежи принадлежит особая роль в совершенствовании современного производства за счет набирающих силу инноваций. Получается так, что молодой человек, переживая детство и юность, в эти же годы обретает производственные навыки. Если раньше они начинали раскрываться с периода взросления, то теперь, определясь потребностями производства, запараллелены протекающими детством и юностью. Ясно, что многие молодые люди, не выдерживая выпавшей на их долю нагрузки, растворяются жизненными неудобствами. Удвоение ролей в раннем возрасте непосильной ношей возлагается на плечи подростка. Ориентиром развития для него – с помощью наставника – должна предстать образовательная реальность. Она поможет молодому человеку преодолеть «жизненное удвоение» за счет гармонической включенности в образовательно-производственную сферу. Для этого социум должен неустанно совершенствоваться, создавая жизненно приемлемую ауру подрастающему поколению.

Образовательный настрой инноваций – перспектива развивающегося человечества. Конструктивная роль инноваций по отношению к образованию совершенствуется, развертывая его надынституционный статус. Кроме того, инновации возвышают образование до степени «куратора» всплывающего ноосферного братства человечества. Очередь остается за тем общественным обустройством, которое сумеет содержательно использовать систему нарабатываемых образовательных ценностей.

THE PLACE OF EDUCATION IN THE MODERN WORLD TO THE QUESTION

N. S. Konoplev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Reviewed the content of the educational reality – concentrated reproducible spiritual sphere, aimed at socially secure deployment of personal prospects and, therefore, creatively unique humanity. Korinas in the myth, i. e., at the level of primitive social relations (which is determined by the stage of cultural development), education initially sought to autopsy individual beginning with the translation of the last (i. e. the social relations at the level prevailing social relations. This relationship is shown in the work, have identified the civilization built it with relevant social institutions. These include the Institute of education, which features sadistically structure due to the fact that the absorption mass individualisierung humanitarian sociality-are universal values. This is achievable through innovative reserve of the modern social order. On the basis of innovation, bearing – as shown in the present text – not primarily productive (i. e., associated with the development of the productive forces), but the production (i. e. affecting the interindividual, group and class relations in the industrial sector) orientation, material and spiritual progress of civilization shifts to the side effective problems of being displayed above all search for the meaning of life. Innovation argue the urgent need of a huge part of earthlings to overcome – in the spirit of tolerant organizovyvayte prospects of the noosphere – the excesses of globalizing the arrangement of society.

Keywords: social communication, myth, social relationships, civilization, education, education as a social institution, sadistically of education, the search for the meaning of life, identity, Genesis, pedagogy, adult educators, achieve scientific and technological revolution, global dynamic imbalance, innovations and their specificity, noosphere, tolerance, F. Engels, V. I. Vernadsky, K. E. Tsiolkovsky.

Коноплев Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, кафедра философии и методологии науки, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-413, тел.: 8(3952)334372, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com

Konoplev Nikolay Sergeevich – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of History, Irkutsk State University, K. Marx st. 1-413, Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com

УДК 167.7

ЯЗЫКОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ДИАЛОГА РЕЛИГИИ И НАУКИ

В. А. МАЛЬЧУКОВ, Н. В. МАЛЬЧУКОВА
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. *Освещаются языковые основы соответствия религии и науки. Предлагается анализ лингвистических обстоятельств продуктивного диалога естественнонаучного и религиозного мировоззрений в современных научных концепциях.*

Ключевые слова: *символизм, язык, наука, религия, языковое соответствие, диалог.*

Историческая тенденция настойчивого и решительного отмежевания культуры и науки от религии привела к дифференциации различных социокультурных феноменов и сегментов и последующему самостоятельному их развитию. Возникло также не только довольно явственное дистанцирование блоков культуры от религии, но и резкая противопоставленность их религии и заметное общее отрицательное отношение их к религиозной форме культуры. Подобное разделение и отделение культурных феноменов от религии создали в целом благоприятные условия для их развития. При всем том следует подчеркнуть, что дальнейшего прогрессивного развития культуры, да и науки, следует ожидать только в условиях необходимого и разнообразного диалога между видами культуры, в том числе и между религией и наукой. Следует, правда, сразу оговориться, что диалог в последнем случае не должен пониматься в духе какой-то общей обязательности и отнюдь не может пропагандироваться в качестве некоего обретения пути к непременному приросту знания в науке. Дело заключается в том, чтобы вопреки мнению о тотальной вредоносности религии для науки выяснить обстоятельства благоприятности локальных проявлений реального диалога и показать реальные основы такой благоприятности.

В понятии диалога вообще (если не выделять такую специальную его содержательную характеристику, как момент дискуссионности и спора) важен учет определенного совпадения, сочетаемости смыслонесущих структур (языков), которыми владеют участники диалога. Причем таким участником может быть и одно лицо, обладающее и владеющее разными языковыми средствами, выступающими для него в режиме диалога при решении тех или иных творческих духовных (в том числе научных) задач.

Поэтому в настоящей статье мы ставим целью освещение инвариантных основ результативного диалога религии и науки, т. е. благоприятной сочетаемости того и другого. Для осуществления этой цели мы воспользуемся таким интересным источником, как доклад Макса Планка, прочитанный им в мае 1937 г. в Дерптском (Тартуском) университете, на тему «Религия и естествознание» [1]. Обращение к материалу этого доклада полезно по крайней мере в двух отношениях: во-первых, потому, что носителем освещаемого нами диалога выступает ученый-физик мирового уровня, опыт которого в данном плане просто невозможно обойти; а, во-вторых, потому что основатель квантовой физики блестяще, на современном уровне и со всей полнотой владея общекультурным содержанием эпохи, довольно четко и выпукло выявляет основные стороны сочетаемости науки и религии. Воспроизводя эти стороны, мы возьмем на себя смелость лишь их краткого комментария, добавив от себя только некоторые в основном семиотико-культурные пояснения, существо которых имплицитно содержится в представлениях Макса Планка. В последующей части рассуждений, являющейся как бы демонстрационной, мы рассмотрим языковые основания диалога, реализуемые в естественнонаучных воззрениях и взглядах другого выдающегося исследователя – Пьера Тейяра де Шардена.

Что же касается Макса Планка, то, ставя вопрос «можно ли совместить (и насколько успешно) истинное религиозное сознание с естественнонаучным познанием» [1, с. 27], он объединяет и в то же время различает религию и науку. Общее между ними состоит в том, что и та и другая представляют собой символические структуры, отсылающие к чему-то другому. Причем за религиозными символами кроется нечто высшее, что никак не проявляется в материале соответствующего религиозного символа. Это высшее не подлежит обоснованию или доказательству: оно есть предмет веры и для верующего – безоговорочная истина.

Таков же, собственно, истинностный статус мировых физических констант (наиболее общих законов и принципов: сохранения и превращения энергии, принципа наименьшего действия, кванта действия), устанавливаемых естествоиспытателем и закрепляемых в соответствующих символических структурах. Различие означаемой стороны символики веры и естественнонаучного познания заключается лишь в том, что порядок во Вселенной для

верующего есть «проекция» упорядоченности высшего разума и результат его управляющего действия по отношению к природе, тогда как естествоиспытатель чувственно воспринимает и мысленно постигает порядок непосредственно из природы, считая ее самостоятельным носителем порядка. Таким образом, с точки зрения истинностной оценки между религиозной верой и символикой естествознания наблюдается соответствие и тем самым исключается препятствие диалога между ними.

Кроме того, взгляд Макса Планка на естествознание и религию как символические структуры (а к символическим структурам он причисляет и все виды искусства, считая самым абстрактным из них музыку) также небезразличен проблеме диалога. Ведь на правах одного из «полюсов» диалога в естественнонаучном творчестве может действовать тот или иной из видов искусства, к примеру поэзия или музыка. Поэтому аналитический подход Макса Планка к символической природе духовных феноменов раскрывает такое важное их свойство, как семиотико-культурная континуальность, которая обеспечивает своеобразную лингвистическую дополнительность в научном творчестве, нередко ведущую к успеху в получении новых результатов.

Ранее речь шла о том, что как утверждения наиболее общего характера в религии, так и законы мироздания в естествознании представляют одно и то же выражение истины, но по-разному для разной, так сказать, аудитории: для верующего истинны положения религии, для естественнонаучного исследователя так же истинны мировые константы. Теперь эти истины необходимо сравнить по содержанию. И на этот счет мы найдем в докладе Макса Планка принципиально важные соображения. Предельно общие законы природы, выявляемые, в частности, физикой, выражают согласованность, упорядоченность и гармонию вселенских процессов. Но этими же признаками отличается мировая «Высшая Власть» в христианской религии, и следовательно, она (религия) здесь опять обнаруживает соответствие науке и способна участвовать в положительном диалоге с последней и содействовать производству знания. Макс Планк подчеркивает, что «…религия и естествознание сталкиваются в вопросе о существовании и сущности Высшей Власти, господствующей над миром. Ответы, которые они здесь дают, до известной степени сопоставимы друг с другом… они вовсе не противоречат друг другу в

утверждении, что, во-первых, существует разумный миропорядок, независимый от человека, и, во-вторых, что сущность этого миропорядка нельзя непосредственно наблюдать, а можно лишь косвенно познать или предположить его наличие» [1, с. 34–35]. Через подобное тождество осуществляется, по Максу Планку, непрерывный прогресс науки.

Посмотрим теперь, как реализуются основные «диалогические» соображения Макса Планка в антропософской концепции другого замечательного ученого – Пьера Тейяра де Шардена. Стержневым моментом, представленным в книге этого автора «Феномен человека» [3], выступает самостоятельное эволюционное возникновение и становление человека, так что креационистские мотивы о происхождении человека, иногда допускаемые автором книги, не получают достаточно ощутимого звучания. Генеральный завершающий пункт труда и одновременно эволюционного пути – объединенное (в будущем) бытие теперь уже человечества в рамках космического ноосферного состояния и вместе с тем – состояния сознания. Это – совершенное, гармоничное бытие (хотя и небесконечное). Однако с категорией «сознание» у Тейяра сопряжена далеко не только эта, хотя и очень важная, прагматическая установка. Не случайно автор и предостерегает от упрощенно субъективного восприятия места сознания в общем движении к ноосфере. Тут придется коснуться гораздо более сложной и напряженной семантической работы, которую реализует интеллект ученого.

Итак, Тейяр сферой мирового усложнения признает материю, в которой от ее примитивных уровней, через биосферу и филогенез человека возникает сознание, и ему надлежит в будущем, через объединение личностей, коллективов, национальностей прийти к единому человеческому сознанию в рамках прогнозируемой ноосферы. В этой вселенской эволюции чрезвычайно своеобразно трактуется взаимосвязь материи и сознания. С одной стороны, материя (природа) – средоточие всех возможностей к самотворению и порождению разума, с другой – в материи, в ее самых примитивных, исходных формах (и частицах) полагается наличие психической энергии (точка «Альфа») как мистического начала прогресса сознания, ведущего к форме развивающегося человеческого сознания. Заметим, что в этом пункте наблюдается некоторое родство представлений П. Тейяра де

Шардена и К. Э. Циолковского, говорившего о наличии всегда и во всей материи «атомов духа» в качестве граждан Вселенной [4]. В результате эволюция сознания получает весьма ощутимую внешнюю поддержку, и, более того, дискредитируется принцип автогении эволюции природы, который призван объяснить возникновение и прогресс сознания вплоть до ноосферы путем усложнения природы.

Но это для логики Тейяра не представляет важности, поскольку, согласно его воззрениям, необходимо выйти на коллективный интеллект ноосферы как максимум совершенства становления индивидуальностей в объединенном человечестве. Вот почему для него важно начать последовательно осуществлять идеал этого единства. Может ли этот идеал осуществиться автаркически? Для Тейяра ясно, что признание одного прогресса и самоусложнения природы, его монофилии недостаточно для выхода в ноосферу. Здесь-то и требуется некоторая «сквозная» линия сознания, признание которой необходимо делает логически правомерным выход в ноосферу и ее катаклизм. Поэтому высшей точкой движения в ноосфере признается точка «Омега», где «множество индивидуальных мышлений группируется и усиливается в акте единодушного мышления» [3, с. 199]. При этом преодолевается индивидуализм, а индивидуальность и личностность достигают максимума.

Точке «Омега», по мысли Тейяра, принадлежит программирующая, управляющая функция по отношению ко всему процессу эволюции. Она обеспечивает энергийное единство «радиальной» и «тангенциальной» сил эволюционного процесса и его устойчивость. «Ни в индивидуальном, ни в социальном плане ноосфера по самой своей структуре не может замкнуться иначе, как под влиянием центра “Омеги”. Таков постулат, к которому нас привело интегральное применение к человеку выведенных из опыта законов эволюции…» [6, с. 324].

В таком случае становится все же зависимой заявляемая как будто автаркической природная линия развития материи к человеку и его разуму. Картина бытия превращается как минимум в пантеистическую, так как процесс развития разума в природе признается взаимонаправленным, т. е. возрастающая сложность в природе порождает возможность разумности, а последняя в ходе коллективизации (конвергенции) производит сверхразум (точку

«Омега»), курирующий, направляющий формирование ноосферы. Но тогда «Альфа» и «Омега» образуют своеобразную энергическую обменную ось, которая определяет и движение к ноосфере, и ее возможный финал в точке максимума прогресса. В результате становится несколько сомнительным подрыв креационизма в трактовке происхождения человека и разума. Правда, это происходит за счет своеобразной для Тейяра «круговой» пантеистической схемы развития, по которой конвергенция передовых индивидуальных человеческих сознаний возводит точку «Омега», а последняя, обязанная этой конвергенции и подпитываемая «Альфа»-точкой, энергия которой черпается из «Омеги», управляет прогрессом ноосферы. Тогда это говорит о том, что П. Тейяр де Шарден склонен оценивать эволюционный прогресс в природе как направляемый своеобразной божественной силой, инициируемой «Альфой» и «Омегой».

Несомненно, мыслительный процесс автора чрезвычайно сложен и богат, хотя и напоминает синтез известных в истории философии и культуры интеллектуально-культурных схем, систем и фигур. Можно только сказать, что построение его, безусловно, является своеобразным диалогом, скорее полилогом различных языковых представлений, центр которого – соотношение сакрального и светского.

Вследствие этого, продолжая наше обсуждение, следует двинуться по двум направлениям: во-первых, необходимо установить, чем, предположительно, обеспечивалось такое богатство и напряженное сочетание разных языковых систем и подходов (здесь и первоклассно в языковом отношении представленные антропоэволюционные исследования, данные биологии, общей теории эволюции и генетики того времени, теоретические данные классической и неклассической термодинамики); во-вторых, оценить значение реализации в концепции теологического компонента.

Все это не означает, конечно, того, что автору совсем не свойственны неясности и затруднения в проработке собственной теоретической схемы. Таковы, например, его философские обоснования точки «Омега»: то ли в онтологическом смысле, то ли в качестве теоретического конструкта. В целом же на заявочном, так сказать, уровне Тейяр утверждает: «Эволюция каким-то образом влила новую кровь в христианские перспективы и надежды. Но

взамен этого, не обязана ли, не готовится ли христианская вера спасти или даже заменить собой эволюцию? На земле нельзя ожидать никакого прогресса (как я пытался показать) без примата и триумфа личностного начала, венчающего собой дух… Только христианство способно на современной земле синтезировать в едином жизненном акте все и Личность» [6, с. 331].

Подобная языковая полифония, конечно же, имеет свое объяснение. Во-первых, столь широкое построение (по сути, антропо-космо-футурологическая теория) не могло обойтись без трактовки в предельном варианте категории «сознание» как сугубо личностного, персонифицированного и в то же время обобществленного, единого, примеры чего можно найти в христианстве, да естественно, в гегельянстве. Во-вторых, христианство в роли подобного интегратора для Тейяра оказывалось не просто тождественным семантически гегелевским представлениям, но и личностно более органичным по основанию мощного исходного религиозного воспитания. Наконец, прагматически христианство объективно образовывало для ученого гораздо более естественное смысловое поле в синтезировании единой ноосферной композиции, чем, скажем, глобальная метафизика (спинозианство, гегельянство). Абстрактно-атрибутивная трактовка сознания в рамках статичной природы у Спинозы явно не соответствовала прогрессистки изменчивому течению эволюции у П. Тейяра де Шардена. Гегелевская же не менее абстрактная философия эволюции мировой идеи хотя и давала рационально диалектические истолкования механизма мировых превращений, но видела окончание этих превращений в современности, что явно расходилось с ноосферным перспективизмом концепции Тейяра.

В этой связи отметим ряд следующих моментов. Прежде всего концепцию Тейяра де Шардена нельзя считать апологетикой католицизма неорационалистического порядка, что считалось допустимым ранее. Его научное построение является объемным и перспективным естественнонаучным и антропософским проектом, в силу этих свойств естественно обращающимся к другим языковым системам и представлениям. Автор стремится в своем диалогическом построении реализовать конструктивный подход к применяемым извне понятиям. Он вводит понятия тангенциальной и радиальной энергий, составляющих движущую силу эволюции (под первой имеется в виду земное, а под второй кос-

мическое начала постоянной инициации движения), а также понятия (уже упомянутые нами) таких духовных полюсов эволюции, как «Альфа» и «Омега».

Эти нововведения справедливо не признаются в качестве удачных (они выражают некие неподвижные и абсолютизированные сущности), но главное состоит в том, они отражают авторскую творческую диалогическую работу, в результате мы имеем дело с проявлением конструктивности в диалоге между требованиями развивающейся теории и христианскими концептами. При этом имеет место безусловное преимущество естественнонаучной концепции эволюции в ее материалистической основе и экстраполяции ее на беспредельный универсум. Католическая догматика в этом диалоге играет, хотя и необходимую, но все же подчиненную роль языкового средства, обладающего в метафизическом смысле предельностью содержания понятий, которыми в исследовании выступают понятия материи и сознания. Вопрос концептуальной связи этих понятий с проблемой перспективного истолкования автором антропологической эволюции до уровня ноосферы (использование понятия «ноосфера» обусловлено знакомством Тейяра с исследованиями В. И. Вернадского) – это для него вопрос соответствия, согласования данных понятий с культурологически «заданными» христианством понятиями материи, духа, высшей истины. Говоря иными словами, исследователь, реализуя столь масштабный проект, не мог не осуществить творческий синтез предельных языков: теоретического естествознания, философии, религии. И, несмотря на то что синтез оказался не очень удачным в деталях, диалогичность убедительно показала действие стимулирующе-конструктивной функции со стороны языка религии. Помимо такой функции, которая, естественно, может выполняться, как было уже отмечено, не только за счет религии, вряд ли достижим научный прогресс. Вместе с этим творчество П. Тейяра де Шардена достаточно рельефно демонстрирует проявление принципа соответствия предельных знаковых структур, а также своеобразную и результативную лингвистическую дополнительность их.

В заключение отметим, что полилогичность построения Тейяра, составляющая известные трудности в размежевании авторской и системно-текстовой, субъективной и объективной позиции, может быть сведена к диалогичности: христиански-духовная

опора эволюционного принципа – эволюционно-космический автаркизм. И тогда в качестве возможной возникает постановка вопроса: а нельзя ли вычесть этот религиозно-креативный элемент из и без того сложного произведения, тем более что имеются же теоретические системы подобного типа, полностью обходящиеся без «сакрально» движущего основания? Ответ на этот вопрос ясен: механические манипуляции с оригинальным текстом мало возможны, но если их допустить, то в результате мы получим не синкретическое и богатое произведение автора высочайшего ранга, а работу какого-то другого автора. Ведь мировоззренческая и методологическая ориентация Тейяра, проявляющаяся в опоре на религиозную гуманистически-прагматическую традицию, созвучна его идее о конвергенции в ноосфере высших состояний человеческого сознания в виде его личностных форм, а главное – вполне органична теоретическому настрою и устремлениям самого исследователя.

Список литературы

1. *Планк М.* Религия и естествознание // Вопр. философии. –1990. – № 8. – С. 25–36.

2. *Радугин А. А.* Новые тенденции в католической теологии и философии / А. А. Радугин, Ф. Г. Овсиенко. – М. : Знание, 1977. – 64 с.

3. *Шарден П.* Тейяр де Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М. : Наука, 1987. – 240 с.

4. *Казютинский В.* Странный Циолковский // Труд-7. – 2001.– 9 авг. – № 145.

5. *Старостин Б. А.* От феномена человека к человеческой сущности // Шарден П. Тейяр де. Феномен человека. – М. : Наука, 1987. – С. 3–36.

6. Charden P. Teihard de. Oeuvres: 1–13 t. / P. Teihard de Charden. – Paris : Editions de Seuil, 1955–1976. – T. 1. – 1955. – 348+375 p.

LANGUAGE BASES OF DIALOGUE OF RELIGION AND SCIENCE

V. A. Malchukov, N. V. Malchukova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Covers language basics the conformity of religion and science. Offers an analysis of the linguistic circumstances in a productive dialogue scientific and religious worldviews in the modern scientific concepts.

Keywords: symbolism, language, science, religion, consistent dialogue.

Мальчуков Валерий Алексеевич – доктор философских наук, профессор, кафедра философии и методологии науки, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-413, тел.: 8(3952)334372, e-mail: philosophy@chair.isu.ru

Malchukov Valery Alekseevich – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of History, Irkutsk State University, office 410 v, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: philosophy@chair.isu.ru

Мальчукова Нина Валерьевна – доктор философских наук, доцент, кафедра философии и методологии науки, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-413, тел.: 8(3952)334372, e-mail: ninamalchukova@mail.ru

Malchukova Nina Valerievna – Doctor of Philosophy Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of History, Irkutsk State University, K. Marx st. 1-413, Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: ninamalchukova@mail.ru

УДК 165

ПЕРСПЕКТИВЫ СООТНОСИМОСТИ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

К постановке вопроса

М. Н. САМОХОДСКАЯ

Иркутский региональный колледж педагогического образования, г. Иркутск

Н. С. КОНОПЛЕВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрена противоречивая соотнесенность культуры и цивилизации – двух, диалектически воспроизводимых, сторон социальной формы движения материи (понимаемого в качестве единственного способа ее существования). Культура как воплощенная устойчивость представлена слабым полом, порождающим новые поколения устроителей Ойкумены; цивилизация («обнимающая» изменчивость, которая является ведущей стороной движения) – сильным, берущим на себя ответственность за сохранение человечества в ходе его глобального противоборства с угрозами Вселенной. В этой связи – показано в тексте – гендерная составляющая растущего коллективизма как важный фактор культуроцивилизационной тематики способствует разрешению нарастающих катаклизмов за счет взимозаменяемости сил устойчивости и изменчивости. И главная проблема здесь, нерешенность которой чревата непоправимыми утратами, заключается, по мнению авторов, в том, как обустроиться человечеству «фактором» амбивалентной соотносимости устойчивости (социально представленной прекрасной половиной человечества) и изменчивости (с ее выразителем – сильным полом). Философия – метод обобщенного раскрытия реальной действительности – преисполнена теоретически обусловливаемыми поисками выхода из сложившихся затруднений.

Ключевые слова: культура, цивилизация, гендер, традиции, социальная устойчивость, изменчивость как выражение прогресса, институт семьи, труд, Ф. Энгельс, «голова профессора Доуэля», «всемирно-историческое поражение женского пола», инновации.

Генезис культуры – в социальных традициях, цивилизации – в изменчивости как (материальном и духовном) прогрессе. Среди различных определений культуры мы выборочно используем одно:

культура есть совокупность затверждаемых социумом коллективно нарабатываемых традиций. Традиции выверяют устойчивость исторически сложившейся общности, благодаря чему создаются жизненные предпосылки реализации изменчивости; и культура, сохраняя свою «подоплеку», постепенно уступает ведущее положение цивилизации. Попытаемся конкретизировать... Известно, что в борьбе за выживание медленно складывающееся человечество (вид Homo Sapiens) опиралось – помимо других рычагов – на формирующийся институт семьи, повсеместно закрепляющий трудовой активностью культурно обеспечиваемое общежитие. Пик традиций промеряется созданием моногамно-патриархальной семьи, и это – условие того, что им (т. е. сложившимся традициям) начинают противостоять набирающие силу уровни прогресса – материальный и духовный. И если традиции, осваивая устойчивость, сохраняют ее (чем особо заинтересован слабый пол, сорганизовывающий на этой почве репродуцирование и выживание человечества), то прогресс, безраздельно «распоряжаясь» изменчивостью, оказывается в крепких мужских руках. Это понятно ввиду исторического – гендерно прочерчиваемого – разделения труда. …Человечество, попеременно оперируя устойчивостью и изменчивостью, последовательно овладевает социальной формой движения материи, развернувшейся цивилизацией – примерно 10 тыс. лет тому назад. И социальные связи, будучи до этого первобытно обезличенными, уступают место субъектно насыщающимся (стало быть, преодолевающим уверенным развитием несовершенства начальных этапов гомосапиентизации) общественным отношениям. Это позволяет сильному полу, той его части, которая формационно утвердилась в качестве господствующего класса, подняться на привилегированные высоты. Возводимая прогрессом цивилизация благодаря массовой – за счет утвердившейся моногамной семьи (как специфического носителя социальной формы движения материи) – индивидуализации социума отлаживает систему общественных отношений. Претворяемая набором мужских стандартов (природная унификация которых лишь усиливается феноменом классовости), цивилизация как поэтапное чередование трех основных формаций (т. е. рабовладения, феодального строя и капитализма) мало считается с традициями – наследием культуры, преимущественно обусловленным – как мы помним – «вечной жен-

ственностью». Прогресс – двигатель цивилизации – устремлен к тому, чтобы заменить труд – физически выраженную целеположенную деятельность тех, кто ее непосредственно осуществляет, – технически оттачиваемым производством. Цивилизация – принципиальный оппонент труда – подталкивает мужскую часть населения (женщин это не коснулось ввиду их постоянной трудовой занятости по обустройству домашнего очага; но они, как мы видим, долго оставаясь за бортом цивилизации, сберегли для нас культуру) к телесной деградации. Ведь если труд создал человека (а иными «заготовками» по самоутверждению социума наука не располагает), замена его – труда – пусть интенсивной, но в то же время духовной деятельностью (условно назовем ее работой) «наделяет» сильный пол – пользуясь выражением писателя-фантаста А. Р. Беляева (1884–1942) – «головой профессора Доуэля» (т. е. не только взвинчивает его «интеллектуальное реноме», но и снимает с индивида «мужеска пола» ответственность за «припирающее» его биотелесное убожество; тогда стоит ли жить…).

Оцениваем цивилизационный выбор человечества. Метафора с «Доуэлем» предельно наглядна: она демонстрирует опрометчивость цивилизационного выбора… Человечество «неспешно» им – названным выбором – обманулось. Случилось это оттого, что «слабый пол» как выразитель социальной устойчивости надолго был отстранен от гармоничного погружения в цивилизацию. Носители традиций – женщины – социоприродной средой одарены мудростью как духовно отстоявшимся отношением к жизненно актуальным традициям (главная из которых – бытообустроенность семьи). «Семь раз отмерь – один раз отрежь» есть мудрое, женски подчеркнутое отражение устойчивости, пронизанное коллективизмом. …Коллективизм – отметили мы – основной культурно-жизненный стимулятор. Не будь его как воплощенной устойчивости (а устойчивость – мы помним – одна из диалектически соотносимых сторон движения), и вид Homo Sapiens рассыпается карточным домиком. Но этого не произошло, и землянам бы в знак благодарности держаться за культуру, не преувеличивая роли изменчивости (а цивилизационно мужские стандарты постоянно манипулируют ею). Однако, указывает Ф. Энгельс (1820–1895), свершилось *«всемирно-историческое поражение женского пола»*, и человечество, одурманенное мужским превосходством, развернулось односторонним прогрессом. Интел-

лекту (носитель коего – сильный пол. / По ходу изложения скажем, что его представителям также присуща мудрость, как и представительницам слабого пола – рацио. Однако превалирующим началом мужской духовности, обусловливаемой изменчивостью как ведущим срезом социальной формы движения, выступает именно рацио, женской же духовности, «зацикленной» на устойчивости, – мудрость /) «весьма к лицу» воплотиться достижениями НТР, ведущими, однако, к запараллеленности (а не к противоречивой соотнесенности) присущих движению устойчивости и изменчивости: диалектика покидает их… Цивилизационно взлетевшие общественные отношения бесцельно – с тупиковым упрямством – зависают над женски структурированной, культурно заполняемой социальностью.

Не обернулась ли трагифарсом эмансипация представительниц слабого пола? Но ничто не вечно под луной, и сегодняшний «социооткат» сильной части человечества, произошедший под влиянием НТР в ходе сексуальной революции, подчеркивает надобность синтеза устойчивости и изменчивости, а следовательно, паритета культуры и цивилизации. Надеемся: так оно и произойдет. Пока же, по крайней мере в России, наблюдаем другое: женский пол, одержав убедительную победу над «противником» (это видно по тому, как цивилизационно сложившаяся патриархальная семья вдруг – «мгновеньем ока» – обернулась демократической, т. е. фактически бесславно разрушающейся…), переключился на овладение его «жизненных авуаров». …Устойчивость как сторона движения (представленная – мы помним – слабым полом) упорно смещается в сторону изменчивости. Происходит объективно «понуждаемое» наложение устойчивости на изменчивость, подтверждая – применительно к разгорающемуся трагифарсу – известные слова поэта: «Лучшие мужчины – это женщины». Грозящая гибелью глобально вызревающая катастрофа подбивает нас к глубокому ее анализу: он должен быть проведен всеми – и теми, кто природой увязан устойчивостью, и теми, кто пока не до конца «разбазарил» багаж изменчивости. …Мы можем общими усилиями вернуться к истокам, которыми «овеяна» наша культурная идентичность. Вместе с тем не дающий покоя наседающий прогресс увлекает нас своими супермодными изделиями, от которых никто не в силах отказаться. Под воздействием указанной слабости человечество (по крайней мере его «ведущая

прогрессивная часть» / т. е. «золотой миллиард»/, оккупировавшая «глобалистикой» «остальной – шестимиллиардный – контингент») решительно устремлено к разрыву с прошлым, разжигаясь вожделенной, явно нигилистичной новизной. Из-за того, что – отметили мы – «фактору» социально высвобожденной устойчивости желательно заместить изменчивость, – эту необдуманную крайность следует незамедлительно пресечь. Усиливая социоколебательные процессы, неуравновешенная устойчивость подводит роковую черту под «вселенски насыщенный динамонеравновес», который – под влиянием НТР – предстал опасной для всех нас искусственной средой. Поскольку человечество обретало внутриценностное совершенство на изначально экологически расчищенной культурной площадке, устойчивость снова должна во весь голос заявить о себе. И приобщаемые к ней инновации (в рассматриваемом контексте термин «инновация» имеет тот смысловой оттенок, согласно которому ведущее положение в современном новаторстве – инварианте «инновации» – занимают подкрепляемые техническими достижениями поиски смысла жизни; отсюда «инновации» пронизаны этическими интенциями) обретают штучный расклад: они как продукт цивилизации направлены на общее благо. Отодвигая прогресс с переднего плана, они гуманитаризируют климат эпохи. …Главный компонент «глобалистики» – растущее народонаселение. Не впадая в мальтузианство, культура – смысловыразимым фокусом – настраивается на ценностное обеспечение устранимости коллизий перенаселения. Попутно возникает много неясного. Но культура тем и примечательна, что – на базе женски репрезентируемой устойчивости – она владеет ключами мудрости, и в этом наше спасение.

Культура – ключ к восстановлению аутентичной человечности. Поскольку восхождение наверх человечество начало с коллективно прорастающей культуры, а предметно в своем повседневе культура всякий раз оборачивалась трудом, следует продумать инновационный подход к поискам смысла жизни, общечеловеческим ценностям через то свободное время, которое расширяет перспективы телесной самореализации, и мы удобно отодвинем захлебывающиеся волны прогресса. Это важное обстоятельство позволит индивиду убедиться в том, что сам по себе (внеинновационный) прогресс ведет к нежелательному образу жизни, тако-

му, как это воспроизведено обществом всеобщего потребления или другими срезами зашкаливаемой социальности. Работа по восстановлению подлинной человечности – занятие трудное и представляется слабовыполнимым, а то и безнадежно провальным. Но ведь отягощает же себя человечество войнами: принимает их (несмотря на все ужасы) как нечто само собой разумеющееся. Почему бы тогда не согласиться всем на преисполненное смысла сосуществование «людского океана»? Ведь выживать каждому из нас – краткими жизненными пределами – занятие более осмысленное, чем предаваться, образно говоря, пляске на раскаленной сковороде.

Культуре по силам укротить перегибы цивилизации размахом трудового повседнева. Задача культуры – поставить на должное место зарвавшуюся цивилизацию через возвращение человека к труду. Пережившая сложные перипетии, культура способна взвалить на плечи не менее изнуряюще-многотрудную ношу, чем ту, когда она выводила далеких наших предков из пещерного полумрака на яркий свет действенно обустраивающих человечество ценностей, таких как коллективизм, преисполненное достоинства личностное самовыражение, толерантность. Но выдержит ли культура выпавшие на ее долю тяготы – вопрос, на который можно ответить, лишь приложив героические усилия всем миром – без различия рас и национальностей, но с учетом социального равенства и братской предрасположенности людей друг к другу – путем широкого развертывания цивилизационного прогресса. Инновационно взращиваемый, он придаст культуре способность актуализоваться долгожданным устроителем социальной защищенности человека труда.

PROSPECTS CORRELATED CULTURE AND CIVILIZATION TO THE QUESTION

V. Y. Samokhodskaya
Irkutsk Regional College of Pedagogic Education, Irkutsk
N. S. Konoplev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Considered the contradictory relationship between culture and civilization – two, dialectically reproduced, of the social form of motion of matter (understood as the only way of its existence). Culture as embodied resistance is presented as the weaker sex, which presents new generation of organizers of the known World; civiliza-

tion («hugging» variability, which is the leading party of the movement) is strong, taking responsibility for the preservation of humanity in the course of its global confrontation with the threats of the Universe. In this connection – shown in the text – the gender variable, the growing collectivism as an important factor in cultural-civilizational subjects contributes to the resolution of the increasing disasters due to vnimatelnost forces of stability and variability. And the main problem here, which is fraught with irreparable loss, is, according to the authors, is how to settle humanity «factor» ambivalent correlated sustainability (social presented by beautiful half of humanity) and variability (with her voice – strong floor). Philosophy – the method of generalized disclosure of reality – is theoretically driven by the search for ways out of this difficulty.

Keywords: culture, civilization, gender, tradition, social stability, variability as the expression of progress, the institution of family, work, and Engels, F., «the head of Professor Dowell», «world-historical defeat of the female sex, innovation.

Самоходская Мария Николаевна – преподаватель, Иркутский региональный колледж педагогического образования 664074, г. Иркутск, ул. 5-я Железнодорожная, 53, tel.: 8(3952)412282, e-mail: philosophy@chair.isu.ru

Samokhodskaya Maria Nikolaevna – Lecturer, Irkutsk Regional College of Pedagogic Education, 53, 5th Zheleznodorozhnaya, Irkutsk, 664074, tel.: 8(3952)412282, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com

Коноплев Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, кафедра философии и методологии науки, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-413, тел.: 8(3952)334372, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com

Konoplev Nikolay Sergeevich – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of History, Irkutsk State University, K. Marx st. 1-413, Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com

РАЗДЕЛ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МОДЕЛИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

УДК 378.4:371.7(571.53)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ СО СТУДЕНТАМИ СПЕЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГРУППЫ В ИРКУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

О. Ю. АЛЕКСАНДРОВИЧ, А. Ю. КОЛЕСНИКОВА, К. В. СУХИНИНА
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Проанализирован опыт использования средств физической культуры на занятиях со студентами, имеющими отклонения в состоянии здоровья. Это позволило установить, что двигательная активность для данной категории студентов крайне необходима, но организация процесса занятий, их проведение, дозирование нагрузок имеет свои особенности.

Ключевые слова: физическая культура, специальная медицинская группа, формирование здоровья личности, особенности организации занятий, Иркутский государственный университет.

При организации занятий физической культурой в специальной медицинской группе прежде всего необходимо учитывать особенности в отклонении здоровья студентов и формировать группы по направлениям патологий, что будет способствовать укреплению здоровья, повышению умственной и физической работоспособности, содействовать формированию здоровья личности [2, с. 10; 10, с. 524; 11, с. 141].

Доказано, что при нарушении функций *сердечно-сосудистой системы* наблюдаются различные функциональные изменения во всем организме, поэтому реакция организма на все виды физиче-

ских нагрузок ослаблена [8, с. 120; 9, с. 145]. Однако наиболее травматичны упражнения, в которых участвует большая мышечная масса организма и выполняется работа большой мощности [7, с. 125]. Вместе с тем физические упражнения динамического, циклического характера, выполняемые с малой и умеренной интенсивностью, оказывают благоприятное оздоровительное влияние на сердечно-сосудистую систему в целом. Могут широко использоваться физические упражнения со сложной биомеханической структурой (гимнастические, акробатические), выполняемые с небольшой интенсивностью [3, с. 55]. В случае же сосудистых поражений противопоказаны положения вниз головой (стойки на голове и т. п.). Признаками улучшения состояния сердечно-сосудистой системы в процессе занятий являются: улучшение самочувствия, настроения, повышение общей и физической работоспособности, снижение величины реакции сердечно-сосудистой системы (пульса, артериального давления) в ответ на стандартную нагрузку, стабильный пульс и артериальное давление в покое [12, с. 3].

При значительном улучшении реакции на физическую нагрузку возможен перевод студента для занятий в подготовительной группе, но не ранее чем через 1–2 года после острого ревматического процесса или 0,5–1 года после перенесенного инфекционного заболевания [7, с. 305]. Последующий перевод в основную группу при сердечно-сосудистых заболеваниях чаще всего невозможен [2, с. 11].

При заболеваниях *органов дыхания*, как правило, наблюдается снижение устойчивости организма к простудным факторам и другим вредным условиям среды. Поэтому особое значение имеет соблюдение высоких требований к санитарно-гигиеническим условиям занятий и специальных требований к климату и микроклимату помещений [4, с. 62]. Нельзя проводить занятия при загрязненном и чрезмерно влажном воздухе. На открытой местности зимой занятия не должны проводиться при температуре ниже 15° С, при большой влажности. Не допускаются сильные охлаждения и перегревания. Большое значение имеют закаливающие водно-воздушные процедуры и солнечные ванны. Все мероприятия должны выполняться с большой осторожностью и в уменьшенных дозировках [4, с. 64]. В комплексах специальных упражнений используются дыхательные движения грудной

клетки различного характера и различной амплитуды, начиная с быстрых и коротких вдохов и выдохов и кончая глубокими и медленными выдохами [6, с. 32; 7, с. 265]. Увеличение потребности организма в кислороде рефлекторно вызывает значительные изменения в деятельности как дыхательной, так и сердечно-сосудистой системы. Например, частота пульса при этом повышается в 2–3 раза, а дыхания – в 2–2,5 раза [6, с. 40]. При хронических заболеваниях органов дыхания *наиболее травматичны* высокоинтенсивные и скоростные упражнения из-за возможных перегрузок малого круга кровообращения (гипертензия в нем) и сердца [7, с. 25]. Рекомендованы самые различные гимнастические, акробатические, игровые и профессионально-прикладные упражнения при условии оптимального их дозирования. Критерием оптимально выбранной нагрузки является благоприятная реакция сердечно-сосудистой системы и аппарата дыхания.

В группе заболеваний *опорно-двигательного аппарата* наиболее часто встречаются нарушения в формировании позвоночника (нарушение осанки и сколиоз) [1, с. 42; 5, с. 32]. Неправильная осанка способствует развитию ранних дегенеративных изменений в межпозвоночных дисках и создает неблагоприятные условия для функционирования органов грудной клетки и брюшной полости. Путем рационального использования специальных упражнений можно добиться значительной компенсации двигательных дефектов и улучшения общего функционального состояния организма. При деформации грудной клетки следует осторожно использовать упражнения, создающие нагрузку для сердечно-сосудистой и дыхательной систем, а при деформации ног – умеренно использовать упражнения с подъемом тяжестей, длительную ходьбу или бег [7, с. 250]. В занятия включают упражнения у гимнастической стенки, с набивными мячами, с гимнастической палкой, с резиновыми амортизаторами, упражнения на вытяжение; занятия на тренажерах – для развития мышечного корсета. Упражнения выполняются в исходном положении лежа, на четвереньках и сидя, следует избегать нагрузок на позвоночник, особенно выполнять упражнения с гантелями в положении стоя, прыжки и подскоки [3, с. 12; 11, с. 140].

При заболеваниях и травмах *нервной системы* функциональную неполноценность имеют многие органы и системы, и в первую очередь сердечно-сосудистая. Необходимо учитывать сосу-

дистое происхождение многих поражений нервной системы и остаточных патологических процессов. Они создают относительную кислородную недостаточность различных отделов мозга, которая превращается в абсолютную при физических нагрузках, требующих усиленного поступления кислорода к тканям [12, с. 12]. Поэтому при большинстве заболеваний недопустимы физические нагрузки большой мощности. Представляют опасность упражнения, сопровождающиеся сильными сотрясениями, нагружающие позвоночник, упражнения на гибкость с чрезмерным сгибанием или разгибанием при невритах или травмах нервов [7, с. 125]. Следует соблюдать осторожность при выполнении упражнений, связанных с необходимостью удерживать равновесие и с угрозой падения, важно формировать компенсаторные заместительные движения [3, с. 11]. Перевод в подготовительную группу возможен при полном отсутствии общих симптомов расстройства нервной системы, сохранении незначительных локальных нарушений двигательной функции [11, с. 142].

Отклонения в состоянии здоровья при *обменных заболеваниях* определяют методику физической подготовки. Одно из главных условий физкультурно-оздоровительной работы при нарушении обмена веществ – рациональное питание, соблюдение высоких требований к личной гигиене (уход за телом, одеждой и т. д.) и к гигиеническим условиям занятий [11, с. 143]. Требует осторожности применение водных, воздушных и солнечных закаливающих процедур. Из физических упражнений травматичны высокоинтенсивные упражнения по причине слабости сердечно-сосудистой системы, главным образом самого сердца [12, с. 13]. Вместе с тем почти все виды физических упражнений оказывают благоприятный эффект при условии постепенного увеличения нагрузки. При обменных нарушениях возможен переход в подготовительную группу, если изменения незначительны, заметно улучшаются общее состояние и физическая работоспособность под воздействием занятий физической культурой [2, с. 98; 13, с. 3].

В заключение можно отметить, что восполнение вынужденного дефицита движений при помощи дозированных физических упражнений и правильной организации всего двигательного режима является одной из главных задач физического воспитания студентов с ослабленным здоровьем. Только длительное и систематическое применение физических упражнений общего и

специального характера, нарастающая тренированность, адекватная функциональным возможностям организма, в конечном итоге могут обеспечить адаптацию организма к нагрузкам и привести к ликвидации возникших в результате заболевания общих и местных нарушений [9]. Учитывая особенности состояния организма при каждом заболевании, можно эффективно использовать индивидуальные формы занятий и применять специальные методики.

Список литературы

1. *Брехман И. И.* Введение в валеологию – науку о здоровье / И. И. Брехман. – Л. : Наука, 1987. – 125 с.

2. *Булич Э. Г.* Физическое воспитание в специальных медицинских группах / Э. Г. Булич. – М. : Высш. шк., 1986. – 255 с.

3. *Бурухин С. Ф.* Гимнастика – это очень важно // Физическая культура в школе. – 2000. – № 8. – С. 10–12.

4. *Велитченко В. Н.* Организация занятий с учащимися, отнесенными к специальной медицинской группе // В. Н. Велитченко. Настольная книга учителя физической культуры / под ред. Л. Б. Кофмана. – М. : Физкультура и спорт, 1998. – С. 60–66.

5. *Вайнер Э. Н.* Общая валеология / Э. Н. Вайнер. – Липецк : Изд-во Липец. гос. пед. ин-та, 1998. – 183 с.

6. *Вайнер Э. Н.* Педагог-валеолог: Методические материалы к подготовке специалиста / Э. Н. Вайнер, М. Н. Костикова, Н. Г. Ярошенко. – Липецк : Изд-во Липец. гос. пед. ин-та, 1997. – 71 с.

7. *Дубровский В. И.* Лечебная физическая культура / В. И. Дубровский. – М. : Владос, 2004. – 608 с.

8. *Железняк Ю. Д.* Основы научно-медицинской деятельности в физической культуре и спорте : учеб. пособие / Ю. Д. Железняк, П. К. Петров. – М. : Академия, 2002. – 264 с.

9. *Любимова З. В.* Возрастная физиология : учебник / З. В. Любимова, К. В. Маринова, А. А. Никитина. – М. : Владос, 2003. – Ч. 1. – 304 с.

10. Состояние здоровья и особенности образа жизни студентов-первокурсников Иркутского государственного университета / Л. И. Колесникова [и др.] //Фундам. исслед. – 2015. – № 1–3. – С. 522–527.

11. *Сухинина К. В.* Современные методики сохранения здоровья у студентов специальной медицинской группы // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения : материалы. В 4 т. – Иркутск, 2011. – С. 139–143.

12. O'Connor John S. Physiology of physical training / John S. O'Connor, William Park // Ann Med Milit Belg. – 1994. – Vol. 8, N 3. – P. 10–15.

13. Duncan L. R. Exercise motivation: a cross-sectional analysis examining its relationships with frequency, intensity, and duration of exercise / L. R. Duncan, C. R. Hall, P. M. Wilson // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. – 2010. – Vol. 7, N 1. – P. 1–7.

STRUCTURE PECULIARITIES OF PHYSICAL TRAINING SESSIONS FOR STUDENTS OF A SPECIAL MEDICAL GROUP IN IRKUTSK STATE UNIVERSITY

O. U. Aleksandrovich, A. U. Kolesnikova, K. V. Sukhinina
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article analyzes the hands-on experience in using means of physical culture in training sessions for students with health problems. It is found that physical activity is vital for the above mentioned type of students but peculiar sessions structure, as well as peculiarities of delivering sessions and graduating exercises are to be carefully considered.

Keywords: physical culture, special medical group, build-up of a person's health, peculiarities of sessions structure, Irkutsk State University.

Александрович Ольга Юрьевна – старший преподаватель, Физкультурно-оздоровительный центр, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-406, тел.: 8(3952) 200846, e-mail: olgapchelnikova@mail.ru

Alexandrovich Olga Yurevna – Senior Lecturer, Health and Fitness Center, Irkutsk State University, K. Marx st. 1-406, Irkutsk 664003, tel.: 8(3952) 200846, e-mail: olgapchelnikova@mail.ru

Колесникова Анна Юрьевна – старший преподаватель, Физкультурно-оздоровительный центр, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-406, тел.: 8(3952) 200846, e-mail:int@sport.isu.ru

Kolesnikova Anna Yurevna – Senior Lecturer, Health and Fitness Center, Irkutsk State University, K. Marx st. 1-406, Irkutsk 664003, tel.: 8(3952) 200846, e-mail: int@sport.isu.ru

Сухинина Ксения Викторовна – кандидат биологических наук, доцент, Физкультурно-оздоровительный центр, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-406, тел.: 8(3952) 200846, e-mail: konstanta2003@inbox.ru

Sukhinina Kseniya Viktorovna – Candidate of Biology Sciences, Associate Professor, Health and Fitness Center, Irkutsk State University, K. Marx st. 1-406, Irkutsk 664003, tel.: 8(3952) 200846, e-mail: konstanta2003@inbox.ru

УДК 616.711-007.55

ЛЕЧЕНИЕ СКОЛИОЗА (ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДИК)

К. В. СУХИНИНА, Е. И. ГОРДЕЕВА
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье сравниваются различные методики лечения сколиоза. Авторы рассматривают особенности методик, средства лечения и меры профилактики сколиоза у детей и взрослых. Также указаны противопоказания для занятий методикой в зависимости от вида и степени сколиоза.

Ключевые слова: сколиоз, лечение, методики.

Согласно последним данным, у 25–50 % обследованных детей в возрасте 10–12 лет и подростков регистрируется сколиоз [1; 3, с. 9; 5, с. 34; 10, с. 410; 11, с. 1610]. При проведении медицинского освидетельствования в вузах на 1-х курсах уже 50–70 % студентов страдают этим заболеванием [2, с. 524; 6, с. 23; 7, с. 100; 8, с. 142].

Исследователи доказали, что чем раньше диагностируется сколиоз (начиная с детского возраста), тем лучше будет эффект от лечения [4, с. 22; 12, с. 8; 12, с. 16]. Доказано, что эффективность лечения сколиоза напрямую зависит от выбранной методики [9, с. 21; 11].

В связи с этим является актуальным сравнение современных методик лечения и профилактики сколиоза.

Первая методика основана на **сочетании массажа, лечебной физкультуры и вытяжения позвоночника** (10 процедур) [3, с. 10].

Основные положения методики

1. Метод применяется при реабилитации больных сколиозом в любом возрасте, но непременным условием его назначения является сознательное и активное участие самого пациента в процессе реабилитации.

2. На первом этапе реабилитации ставится задача разрушить сложившийся патологический стереотип статики позвоночника.

3. Лечебная физкультура и массаж проводятся не только в положении лежа, но и стоя – в положении вытяжения позвоночника с учетом физиологических возможностей мышечно-связочного аппарата, когда создаются более благоприятные условия для деторсии и коррекции.

Для решения вопроса о режиме разгрузки позвоночника определяется индекс стабильности (ИС). ИС – отношение величины

искривления позвоночника (по данным рентгенографии) в положении лежа к величине искривления в положении стоя.

4. Среди процедур лечебной гимнастики преимущество отдается деторсионным и корригирующим укладкам и упражнениям [3, с. 10].

Имеются определенные показания к назначению метода: это прогрессирующие, нестабильные формы сколиоза [11, с. 414].

Абсолютным противопоказанием к применению метода может быть только пассивность пациента и отсутствие возможности соблюдать рекомендуемый двигательный режим, вялый парез мышц туловища, мышечная гипотония, гипермобильность позвоночника, фиксированный сколиоз, при завершении процессов окостенения позвонков (симптом Risser'а 4-й степени) [4, с. 25].

Критериями для прекращения курса реабилитации являются:

1. Отсутствие эффекта или отрицательная динамика в состоянии пациента.

2. Снижение рефлекторных реакций на массаж.

Следующий метод лечения сколиоза – процедуры функциональной реабилитации [6, с. 25].

Коррекция патологической осанки

Методика основана на том, что пациент сам перед зеркалом оценивает свою осанку и при необходимости самостоятельно корригирует положение туловища путем напряжения и расслабления отдельных мышечных групп.

В тех случаях, когда этого оказывается недостаточно, пациент самостоятельно руками корригирует осанку. При S-сколиозе пациент, опираясь кистью одной руки на выпуклую сторону грудной клетки, а другой рукой – на выпуклую сторону поясничного искривления, сдвигает их в нужном направлении до визуального выравнивания передней средней линии. После этого, напрягая мышцы, он опускает руки и, сохраняя приданное правильное положение позвоночника, выполняет несколько шагов. Прием повторяется 4–5 раз [6, с. 35].

Во время этой процедуры методист располагается сзади пациента так, чтобы его глаза находились приблизительно на уровне позвонков Th12–L1, что помогает оценивать осанку во фронтальной плоскости и правильно комментировать действия пациента или помогать ему. В последнем случае происходит уже активно-пассивная тренировка: к воспитанию стереотипа правиль-

ной осанки привлекается тактильная чувствительность пациента. Задача методиста состоит в том, чтобы при минимальном прикосновении к телу пациент смог принять правильную осанку.

Следующий этап обучения состоит в том, чтобы методист, не прикасаясь к телу пациента, только показывал направление коррекции, а пациент самостоятельно мог выполнить необходимое действие. В результате тренировки проприорецепции у пациента отпадает необходимость в участии тактильной экстерорецепции. После достижения максимально возможной коррекции пациент приседает на носках, сохраняя вертикальное положение туловища, и фиксирует эту позу в течение нескольких секунд – до появления ощущения устойчивого положения. Методист в это время продолжает контролировать симметричность положения гребней подвздошных костей и вертикальное положение линии остистых отростков поясничного и сакрального отделов позвоночника.

Конечной целью занятий является доведение коррекции осанки до автоматизма, когда исчезает необходимость даже в зрительном контроле за осанкой.

Продолжительность этой части процедуры полностью зависит от эффективности работы пациента. Первоначально для этого требуется 10–12 мин. На протяжении всей процедуры (40–60 мин.) пациент активно занимается коррекцией и фиксацией положения позвоночника – при обязательном участии визуальной рецепции: в положении стоя – перед зеркалом, а лежа на животе и на спине – проверяется линия расположения стоп по отношению к туловищу.

Методика вытяжения позвоночника

Данная методика основана на вытяжении позвоночника на гимнастической стенке [12, с. 10]. Стоя лицом к гимнастической стенке, пациент поднимает руки до уровня перекладины, закрепившись за которую, он может стоять на полу только на носках. Таким образом происходит умеренное вытяжение позвоночника в пределах функциональных возможностей мышечно-связочного аппарата [6, с. 35].

При вытяжении на гимнастической стенке выполняются расслабляющие приемы массажа паравертебральной области, преимущественно на вогнутой стороне искривления позвоночника. Процедуру массажа продолжительностью 3–4 мин. приходится периодически прерывать с тем, чтобы пациент мог опускаться на

ноги для 15–30 секундного отдыха (разумеется, в этой основной стойке пациент старается сохранить положение вытяжения) [6, с. 36].

После этого приступают к выполнению 2-го этапа – обучению аутофиксации вытянутого и деторсионного позвоночника с последующим переходом пациента в основную стойку. С этой целью в положении вытяжения пациент напрягает мышцы брюшного пресса и поясницы, а затем медленно опускает руки вниз и встает на ноги. При появлении у пациента затруднений в мышечной фиксации выпрямленного позвоночника методист оказывает ему помощь.

В основной стойке, стремясь сохранить положение коррекции и растяжения позвоночника, пациент выполняет несколько шагов (или приседаний на носках с прямой спиной). Одновременно он должен стремиться полностью расслабить мышцы рук и ног, т. е. улучшение проприорецепции отрабатывается путем только локального напряжения мышц туловища. При потере коррекции процедура «вытяжение – статическое напряжение – коррекция» повторяется до достижения положительных результатов. Обычно проводятся 3–4 подхода.

Коррекция и деторсия позвоночника

При наличии вершины сколиоза в поясничной или грудопоясничной области осуществляется деторсия нижней части искривления позвоночника: нога, соответствующая вогнутой стороне позвоночника, переносится за другую ногу с поворотом таза. Часть тела, расположенная выше вершины искривления, должна быть четко фиксирована к плоскости (в некоторых случаях с помощью методиста). Линия остистых отростков выше искривления позвоночника всегда должна быть прямой.

Контроль за эффективностью коррекции положения позвоночника и его деторсии также осуществляется по уменьшению мышечного валика, расположенного на выпуклой стороне искривления, и его напряжения. Продолжительность этого этапа реабилитации составляет 5–10 мин. После работы на гимнастической стенке пациент ложится на кушетку для процедуры массажа. С этой же процедуры начинается реабилитация больных, имеющих гипермобильность позвоночника. Во время процедуры массажа пациент продолжает осваивать приемы релаксации, коррекции и деторсии. Корригирующая укладка в ИП лежа на животе соответствует локализации искривлений позвоночника:

– при локализации вершины искривления в средне-грудном отделе позвоночника рука на вогнутой стороне сгибается и кисть кладется под подбородок, другая рука располагается вдоль туловища;

– при верхнегрудной локализации – применяется симметричное положение рук (вдоль туловища, или кисти располагаются под подбородком);

– при поясничной локализации – ноги (или одна нога на стороне вершины сколиоза) смещаются в выпуклую сторону. Смещение ног(и) в сторону проводится до выпрямления линии остистых отростков поясничных позвонков;

– при S-сколиозе применяется комбинированная методика.

Методика массажа при лечении сколиоза

В основе данного вида массажа лежат рефлекторные реакции организма, которые вызываются более интенсивным, чем это осуществляется при лечебном массаже, воздействием на экстеро- и проприорецепторы, триггерные точки с целью улучшения состояния адаптационно-компенсаторных систем (активация систем адаптации) и совершенствования нервно-эндокринной регуляции состояния и функции органов и систем [4, с. 35]. Рефлекторный массаж является стрессором и непосредственно участвует в формировании новой доминирующей функциональной системы [4, с. 25].

В этой методике наиболее тщательно и избирательно прорабатывается вся паравертебральная область – особенно мелкие, глубоко расположенные паравертебральные мышцы и межпозвонковые связки, нарушение функции которых играет существенную роль в патогенезе сколиоза, а также воротниковая зона, ягодичные мышцы, мышцы брюшного пресса, грудные и межреберные [4, с. 36].

Методика вводного симметричного массажа

Особенности данной методики – это адаптация пациента к рукам массажиста, проверка уровня рефлекторных реакций и подбор методики массажа для выполнения текущей процедуры, определение зон гиперестезии, неадекватных сосудистых реакций, скорость их появления, влажность кожи.

Процедура начинается с легких раздражающих приемов – поверхностное, а также глубокое поглаживание, переходящее в растирание. В основном все приемы начинаются с ягодичной области с переходом на спину и воротниковую зону и повторяются по 4–6 раз.

Более интенсивное растирание снизу вверх по срединному меридиану и симметрично по меридианам мочевого пузыря. Количество повторений последовательно по каждой линии обуславливается появлением равномерной и устойчивой гиперемии [4, с. 25].

Прием «проводка волны» осуществляется по каждой из вышеуказанных линий, начиная со срединного меридиана в области крестца. Указательным и большим пальцами кисти кожа берется в складку, расположенную перпендикулярно направлению движения. Большой палец, расположенный внизу складки, скользит вверх по спине, сдвигая кожу, а остальные пальцы – для сохранения складки – накатывают новые порции кожи. Таким образом «волна» скользит вверх до нижних шейных позвонков, а по меридианам мочевого пузыря прием завершается вытяжением кожной складки в области верхнего края трапециевидной мышцы. Прием повторяется по 3 раза по каждой линии [3, с. 10].

Особое внимание во время проведения массажа должно уделяться активному расслаблению мышц самим пациентом. По команде он старается расслаблять мышцы, чтобы «пропустить» пальцы массажиста как можно глубже к мелким межпозвонковым мышцам вдоль линии остистых отростков. Постепенно тактильно и визуально наблюдается выравнивание паравертебрально расположенного мышечного валика.

Седативные и релаксирующие приемы массажа

Релаксирующие приемы массажа проводятся (и нередко успешнее) в положении разгрузки (вытяжения) позвоночника на наклонной плоскости, на гимнастической стенке. В этих положениях приемы релаксации и растяжения паравертебральных мышц на вогнутой стороне позвоночника более эффективны [12, с. 16]. С каждой последующей процедурой все большее внимание уделяется растяжению контрактурированных мышц и связок на вогнутой стороне поясничного сколиоза.

Руки массажиста располагаются на реберной дуге и гребне тазовой кости на вогнутой стороне поясничного сколиоза. Проводится растяжение (и активное расслабление) боковых мышц с фиксацией положения на 15–30 секунд. После этого проводится расслабляющий массаж мышц, которые труднее всего растягиваются (повторяется 4–5 раз) [6, с. 48].

Приемы расслабляющего массажа при поясничной локализации вершины сколиоза в некоторых случаях можно выполнять лежа на вогнутой стороне поясничного искривления и/или на выпуклой, но в этом положении под вершину подкладывается валик с целью коррекции.

При локализации вершины искривления позвоночного столба в области 2–4-го поясничных позвонков, а также при косом положении тел 4–5-го поясничных позвонков особое внимание уделяется расслабляющему массажу и пассивному растяжению мышц, расположенных в области пояснично-крестцового угла на стороне, куда наклонены тела нижних поясничных позвонков, т.к. сформировавшаяся со временем контрактура этих мышц и связок препятствует коррекции поясничного сколиоза [4, с. 35].

После этого массажист приступает к гармонизирующему и тонизирующему массажу на выпуклой стороне искривления позвоночника. На первых 3–4 процедурах большое внимание уделяется релаксации мышц и улучшению кровообращения [3, с. 14].

Постепенно интенсивность и глубина растирания и разминания тканей (мышц, связок, соединительной ткани) нарастает, т. е. массаж начинает носить все более тонизирующий характер.

При асимметричном тонусе боковых мышц туловища, который выявляется во время предварительного тестирования, выполняется гармонизирующий, а затем и тонизирующий массаж ослабленных мышц.

При S-образном сколиозе вначале массируются 2 поля нижнего искривления позвоночника, а затем 2 поля выше расположенного искривления. Можно применить механический вибрационный расслабляющий массаж на вогнутой стороне сколиоза, а затем тонизирующий – на выпуклой. В завершение проводят классический гармонизирующий массаж всей области спины и ягодичных мышц [3, с. 14].

Лежа на спине выполняется массаж мышц брюшного пресса. Внутренняя косая мышца живота на вогнутой стороне поясничного сколиоза нуждается в расслаблении.

После массажа приступают к легкой мобилизации поясничного отдела позвоночника (пассивная коррекция и деторсия сколиоза). Методист встает к кушетке со стороны ног пациента и, взявшись за его ноги в области голеностопных суставов, выполняет легкую тракцию позвоночника. Прием может проводиться в

форме статического вытяжения, легкой вибрации или раскачивания тазовой области пациента. Во время тракции пациент стремится максимально расслабить мышцы, чтобы колебательные движения ног и таза не распространялись на грудную клетку [9, с. 21].

При достаточном опыте и физической силе методиста тракцию можно осуществлять в корригирующей укладке (нога на стороне поясничного искривления отводится под небольшим углом в сторону) или в положении деторсии (нога занесена за другую – с ротацией таза).

После этого процедура массажа продолжается в положении вытяжения на гимнастической стенке, а по показаниям – в деторсионном положении.

Пациент переходит лежа на пол (или на наклонной плоскости, расположенной под углом к полу до 10–15°) для выполнения упражнений. Лежа на спине повторяются эти же упражнения и выполняется «велосипед». Особое внимание уделяется фиксации плеч и поясницы в горизонтальной плоскости.

Во время отдыха между упражнениями возможно выполнение приемов массажа, способствующих релаксации мышц и улучшению кровообращения в утомленных мышцах, а также дыхательных упражнений [9, с. 21].

Использование эспандеров в комплексе упражнений

Выполнение упражнений стоя лицом к гимнастической стенке с использованием верхних эспандеров: медленно натягивая их, пациент через стороны сгибает руки и доводит кисти до плеч. Подтянув кисти к плечам, фиксирует положение. Продолжительность фиксации этого положения зависит от статической выносливости пациента и обычно составляет 5–10 сек. В период статического напряжения он должен напрячь мышцы туловища и удерживать положение коррекции. Мышцы, не участвующие в коррекции положения позвоночника, должны быть расслаблены.

Если во время сгибания рук и натяжения эспандера пациент плохо корригирует положение туловища, методист помогает, обхватив его грудную клетку и слегка приподнимая туловище. После фазы статического напряжения методист очень медленно отводит свои руки от тела пациента. В этот момент происходит переход от пассивного вытяжения позвоночника к активному удержанию корригирующего положения самим пациентом. Упражнение выполняется до появления умеренного утомления [3, с. 14].

Сеанс заканчивается работой перед зеркалом с активной и пассивной коррекцией осанки в положении стоя и приседания (на носках с вертикально расположенным позвоночником).

После завершения процедуры пациент должен отдохнуть в положении лежа не менее 30 мин. В это время рекомендуется выполнить симметричные легкие динамические упражнения для мышц туловища и дыхательные упражнения.

Таким образом, существуют определенные методики лечения и профилактики сколиоза, начиная с детского возраста и заканчивая взрослым.

Рассмотренные выше методики имеют определенные особенности (рекомендации и противопоказания) и требуют профессиональных навыков у инструкторов ЛФК. В связи с этим пациент вправе выбирать из комплекса предложенных схем лечения именно те методики, которые наиболее подходят к его форме и степени заболевания.

Список литературы

1. *Ежова О. Н.* Профилактика и лечение сколиоза у студентов специальной медицинской группы (психологический аспект) / О. Н. Ежова, Н. П. Николаев // Учен. зап. Ун-та им. П. Ф. Лесгафта. – 2014. – Вып. № 10 (116).

2. Состояние здоровья и особенности образа жизни студентов-первокурсников Иркутского государственного университета / Л. И. Колесникова [и др.] // Фундамент. исслед. – 2015. – № 1–3. – С. 522–527.

3. *Слугин В. И.* Метод сочетанного применения массажа, лечебной физкультуры и вытяжения при сколиозе // ЛФК и массаж. – 2005. – № 7(22). – С. 8–15.

4. *Слугин В. И.* Некоторые вопросы теории и практики рефлекторного массажа // ЛФК и массаж. – 2004. – № 2(11). – С. 20–29.

5. *Слугин В. И.* Современный подход к проблеме реабилитации в процессе занятий лечебной физкультурой // ЛФК и массаж. – 2003. – № 2 (5). – С. 33–36.

6. *Смирнов И. Ю.* Физкультура для специальной медицинской группы : метод. пособие / И. Ю. Смирнов. − Кострома : Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2012. − 51 с.

7. *Сухинина К. В.* Анализ состояния здоровья студентов-первокурсников за 2002–2012 учебные годы / К. В. Сухинина, Н. Н. Простокишина, Е. И. Гордеева // Актуальные проблемы развития системы физического воспитания, образования и подготовки спортивного резерва на современном этапе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (10–11 окт. 2013 г.). Т. 2. – Иркутск, 2013. – С. 99–104.

8. *Сухинина К. В.* Современные методики сохранения здоровья у студентов специальной медицинской группы // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения : сб. материалов. В 4 т. – Иркутск, 2011. – С. 139–143.

9. A health economic evaluation of screening and treatment in patients with adolescent idiopathic scoliosis / Adobor R. D. [et al.] // Scoliosis. – 2014. – N 6, 9 (1). – P. 21.

10. Adolescent Scoliosis Screening in Nara City Schools: A 23-Year Retrospective Cross-Sectional Study / S. Yamamoto [et al.] // Asian Spine J. – 2015. – N 9(3). – P. 407–415.

11. Clinical effectiveness of school screening for adolescent idiopathic scoliosis: a large population-based retrospective cohort study / Luk K. D // Spine (Phila Pa 1976). – 2010. – N 35(17). – P. 1607–1614.

12. Lange JE. Long-term results after Boston brace treatment in adolescent idiopathic scoliosis / JE Lange, H Steen, JI Brox // Scoliosis. – 2009. – N 26. – P. 4–17.

SCOLIOSIS TREATMENT (MODERN TREATMENT METHODS REVIEW)

K. V. Sukhinina, E. I. Gordeeva
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article gives a comparison of scoliosis treatment methods. The authors review peculiarities of treatment, therapeutic exercises and measures to prevent scoliosis in children and adults. Contraindications for a treatment method depending on the type and degree of scoliosis are also given in the article.

Keywords: scoliosis, treatment, methods.

Сухинина Ксения Викторовна – кандидат биологических наук, доцент, Физкультурно-оздоровительный центр, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-406, тел.: 8(3952) 200846, e-mail: konstanta2003@inbox.ru

Sukhinina Kseniya Viktorovna – Candidate of Biology Sciences, Associate Professor, Health and Fitness Center, Irkutsk State University, K. Marx st. 1-406, Irkutsk 664003, tel.: 8(3952) 200846, e-mail: konstanta2003@inbox.ru

Гордеева Елизавета Игоревна – магистр, кафедра физиологии и психофизиологии, биолого-почвенный факультет, Иркутский государственный университет, 664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 5, 8(395)224-18-70, e-mail: elizavetochka111@yandex.ru

Gordeeva Elizaveta Igorevna – Magister, Department of Physiology and Neuroscience, Faculty of Biology, Irkutsk State University, Sukhbaatar st. 5, Irkutsk 664011, tel.: 8(395)224-18-70, e-mail: elizavetochka111@yandex.ru

УДК 611.73

СКЕЛЕТНЫЕ МЫШЦЫ ПРИ АДАПТАЦИИ К ФИЗИЧЕСКИМ НАГРУЗКАМ

Р. Ф. ПРОХОДОВСКАЯ, И. И. ПЛОТНИКОВА
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Повышение работоспособности скелетных мышц в процессе тренировки обусловлено ростом мышечного компонента и увеличением мощности структур (волокон), которые обеспечивают адаптацию к данному виду мышечной работы.

Ключевые слова: адаптация к нагрузкам, частота нервных импульсов, работоспособность скелетных мышц, кровоснабжение работающих мышц.

Для понимания динамики изменений, развивающихся в мышцах в процессе срочной и долговременной адаптации к нагрузкам, необходимо остановиться на функциональной архитектонике скелетных мышц [9, с. 25; 10, с. 35].

Возможность варьировать величину мышечного ответа на нагрузку основана на том, что мышца как целое состоит из отдельных функциональных элементов, так называемых двигательных, или моторных, единиц, которые могут сокращаться и развивать силу независимо друг от друга или синхронно и обладают различными физиологическими характеристиками [10, с. 30; 12, с. 13]. Понятие «моторная единица» объединяет альфа-мотонейрон и иннервируемую им группу мышечных волокон [8, с. 200].

Как правило, отдельное мышечное волокно иннервируется лишь одним мотонейроном и поэтому входит только в одну моторную единицу. Количество мышечных волокон в моторной единице у млекопитающих варьирует от 5 до 2000, что является одним из факторов, определяющих силу сокращения моторной единицы [8, с. 210].

Другим таким фактором является частота нервных импульсов, поступающих к мышечным волокнам из мотонейрона. Именно частота импульсации определяет характер сокращения мышечных волокон от одиночного сокращения, при котором развиваемая сила минимальна, до полного тетанического, при котором достигается максимальное напряжение мышцы [2, с. 35].

Как уже говорилось выше, мышцы содержат моторные единицы с различными функциональными свойствами, которые определяются различиями в метаболизме и структуре. Скорость

сокращения мышечных волокон определяется активностью АТ-Фазы миозина, и оба эти параметра тесно связаны с характером энергетического метаболизма волокон. Окислительный потенциал волокон тесным образом связан с их кровоснабжением (развитием капилляров) и содержанием гемоглобина (миоглобина) [1, с. 40].

Таким образом, интенсивность и длительность мышечной работы на уровне скелетных мышц определяется тремя основными факторами: числом и типом активируемых моторных единиц, уровнем биохимических процессов в мышечных клетках, обеспечивающих образование и использование энергии, а также уровнем кровоснабжения мышцы, обеспечивающим приток кислорода [1, с. 48].

Развиваемая мышцей при нагрузке сила зависит от числа активированных моторных единиц и частоты их сокращения [10, с. 14]. При нарастании нагрузки решающим моментом для увеличения силы является рост числа мобилизованных моторных единиц. У нетренированного человека при адаптации к силовым напряжениям максимальное число вовлеченных в сокращение моторных единиц составляет всего 30–50 % от имеющихся и развиваемая сила мала, в то время как у тренированного надлежащим образом человека число мобилизованных моторных единиц при силовых напряжениях возрастает до 80–90 % и более, а сила по сравнению с нетренированным больше в 2–4 раза [5, с. 21]. Это определяется развитием адаптационных изменений на уровне ЦНС, приводящих к повышению способности моторных центров мобилизовать большее число мотонейронов и к совершенствованию межмышечной координации [8, с. 58].

Повышение работоспособности скелетных мышц в процессе тренировки связано с увеличением в них массы и мощности техструктур, которые обеспечивают адаптацию к данному виду мышечной работы. В основе этих процессов лежит избирательная активация синтеза нуклеиновых кислот и белков в этих структурах [9, с. 30].

В процессе адаптации к силовым нагрузкам происходит увеличение массы мышечных волокон – рабочая гипертрофия мышцы. Она реализуется главным образом за счет утолщения уже имеющихся волокон. При адаптации к нагрузкам на выносливость гипертрофия мышц либо не возникает, либо развивается в малой степени. Успех адаптации на выносливость обеспечива-

ется главным образом за счет увеличения мощности систем энергообеспечения мышц [9, с. 58].

Мышечная работа связана со значительным увеличением расхода энергии. Рост расхода энергии обусловлен ее тратами в работающих мышцах. Поэтому интенсивность и длительность мышечной работы определяется в значительной степени возможностями локализованной в мышечной клетке системы энергообразования [10, с. 14].

Реакции, которые протекают в мышцах, совершаются в две фазы: анаэробную и аэробную [4, с. 235].

В анаэробную фазу происходит распад содержащихся в мышце фосфорных соединений. Сначала АТФ распадается на адениловую и фосфорную кислоту. При этом освобождается значительное количество энергии, которая используется для работы. Вслед за распадом АТФ начинает распадаться креатинфосфорная кислота на креатин и фосфорную кислоту. Эта реакция тоже сопровождается выделением энергии, но значительная ее часть используется для восстановления АТФ. За распадом креатинфосфорной кислоты следует распад гексафосфата (соединение гликогена и фосфорной кислоты), при этом образуется молочная кислота и фосфорная. Энергия, которая при этом выделяется, используется для восстановления креатинфосфорной кислоты. Таким образом, в анаэробную фазу в результате реакций, которые протекают, АТФ и креатинфосфорная кислоты восстанавливаются, расходуется только гликоген, который распадается до молочной кислоты. Дальнейший распад молочной кислоты происходит во вторую фазу – кислородную (аэробную), когда необходимо присутствие кислорода. В присутствии кислорода молочная кислота распадается на воду и углекислый газ. Энергия, которая выделяется в результате химических реакций, переходит в энергию механическую и тепловую [2, с. 30].

При нагрузке в скелетных мышцах очень быстро происходит снижение содержания АТФ, активируется гликолиз, что сопровождается снижением содержания в мышце гликогена и ростом содержания лактата. В результате тренировки происходит повышение выносливости работающих мышц за счет повышения активности АтФазы миозина в этих мышцах [7, с. 155].

В процессе длительной адаптации к физической нагрузке повышается мощность системы энергообеспечения скелетных

мышц. Происходит увеличение мощности системы анаэробного энергообразования, что выражается в увеличении содержания в мышцах гликогена в 1,5–3 раза. Возрастает также мощность системы аэробного энергообразования в мышцах, связанного с ростом числа митохондрий в клетках мышечной ткани [3, с. 80].

Увеличение мощности митохондрий в мышцах является решающим фактором, определяющим повышение выносливости тренированного организма, фактором, расширяющим одно из главных звеньев, лимитирующих работоспособность мышц при интенсивной нагрузке. Повышение мощности системы митохондрий прежде всего увеличивает способность окислительного процесса АТФ. Кроме того, в тренированном организме увеличение мощности системы митохондрий в скелетных мышцах значительно превышает рост максимального потребления кислорода. Наконец, увеличение мощности системы митохондрий обеспечивает также тренированному организму экономию расходования гликогена при нагрузках [7, с. 455].

Адаптация к физической нагрузке приводит к изменениям кровоснабжения скелетных мышц. Эти изменения обеспечивают работающим мышцам оптимальную доставку кислорода и удаление метаболитов [6, с. 197; 8, с. 205].

Адекватное кровоснабжение работающих мышц – один из важнейших факторов, определяющих работоспособность мышечных волокон. Он обеспечивается за счет трех основных факторов: 1) перераспределения кровотока между работающими и неработающими мышцами и другими органами, 2) увеличения объемного кровотока в мышцах во время сокращения (рабочая функциональная гиперемия), 3) увеличения кровотока сразу после сокращения [9, с. 100].

Таким образом, адаптация к физическим нагрузкам характеризуется более экономным перераспределением крови в организме. Это происходит, во-первых, за счет увеличения капилляров в мышечных волокнах, во-вторых, за счет повышения способности мышечной ткани утилизировать кислород из притекающей крови.

В итоге в процессе долговременной адаптации к физическим нагрузкам увеличение силы и выносливости организма в значительной мере определяется повышением функциональных возможностей скелетных мышц и аппарата управления двигательными реакциями.

Список литературы

1. *Буковский В. А.* Физиологические основы здоровья и долголетия: теория и практика оздоровительной гимнастики: учеб. пособие / В. А. Буковский, К. В. Сухинина. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 147 с.

2. *Ефимова И. В.* Физическая культура и индивидуальное здоровье : учеб.-метод. пособие / И. В. Ефимова, Н. К. Ковалев, Р. Ф. Проходовская. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2008. – 45 с.

3. *Проходовская Р. Ф.* Пути укрепления состояния здоровья студентов-первокурсников в специальных медицинских группах / Р. Ф. Проходовская, К. В. Сухинина // Актуальные проблемы сохранения и укрепления здоровья молодежи Сибирского региона : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (22–24 мая 2008 г.). – Иркутск, 2008. – С. 80.

4. *Проходовская Р. Ф.* Эффективность влияния двигательной активности на состояние здоровья студентов / Р. Ф. Проходовская, И. И. Плотникова // Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию каф. физ. воспитания и спорта ВлГУ (13–14 дек. 2014 г., Суздаль). – Владимир, 2014. – С. 223–226.

5. *Сухинина К. В.* Двигательная активность как фактор психофизиологического здоровья студентов : учеб. пособие / К. В. Сухинина. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – 114 с.

6. *Сухинина К. В.* К вопросу адаптации студентов в условиях обучения в вузе (обзор современных исследований) // Седьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения : материалы : в 3 т. / редкол.: А. В. Аргучинцев, Ю. А. Зуляр, Н. С. Коноплев, Н. С. Малова, Р. Ф. Проходовская, Л. Н. Харченко. – Иркутск, 2013. – С. 193–199.

7. *Фомин Н. А.* Физиология человека / Н. А. Фомин. – 3-е изд. – М. : Просвещение; Владос, 1995. – 416 с.

8. Формирование психомоторных способностей и роль психофизиологических механизмов в управлении двигательными действиями : монография / И. И. Плотникова и [др.]. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – 164 с.

9. *Хэдмен Р.* Спортивная физиология / Р. Хедман. – М. : Физкультура и спорт, 1980. – 152 с.

10. O'Connor, John S. Physiology of physical training / John S. O'Connor, William Park // Ann Med Milit Belg. – 1994. – Vol. 8, N 3. – P. 10–15.

11. Horton S. J. Exercise intervention for a musculoskeletal disorder in an oral health student: a case report / S. J. Horton, K. J. Wade, N. Z. Dent // J. – 2013. – Vol. 109, N 1. – P. 12–16.

SKELETAL MUSCLES UNDER THE ADAPTATION TO PHYSICAL ACTIVITY

R. F. Prokhodovskaya, I. I. Plotnikova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Improving the ability of skeletal muscles while training is caused by increasing of mass muscles component and strength of the structures (tissue). These structures provide the adaptation to this kind of muscles activity.

Keywords: adaptation to the activity, the frequency of nerve impulses, ability of skeletal muscles, blood supply to the working muscles.

Проходовская Раиса Федоровна – кандидат педагогических наук, профессор, заведующая, Физкультурно-оздоровительный центр, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-406, тел.: 8(3952) 200846, e-mail: kfv@admin.isu.ru

Prokhodovskaya Raisa Fedorovna – Candidate of Pedagogics Sciences, Professor, Head of Health and Fitness Center, Irkutsk State University, 1-406, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)200846, e-mail: kfv@admin.isu.ru

Плотникова Ирина Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, Физкультурно-оздоровительный центр, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-406, тел.: 8(3952) 200846, e-mail: kfv@admin.isu.ru

Plotnikova Irina Ivanovna – Candidate of Pedagogics Sciences, Associate Professor, Health and Fitness Center, Irkutsk State University, 1-406, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)200846, e-mail: kfv@admin.isu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ «РЕГИОН В СТРАНЕ И В МИРЕ – ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ»

Александров Е. Ю., Рыков П. В. Специфика и основные итоги объединительного процесса на примере Ангарского городского округа 3

Баранов А. В. Крым: геополитические и социокультурные проявления реинтеграции в Российское государство 9

Башелханов А. Ю. Предмет «Основы религиозных культур и светской этики» в школах Иркутской области: концепция, содержание, итоги 15

Дмитриева Ю. Н. Особенности территориальной идентичности городской и сельской молодежи 20

Ерицян И. Н. Геополитическое значение непризнанных государств постсоветского пространства для России 24

Есимова А. Б., Валитова З. Х. Значение визуального текста в трансляции имиджа территории 29

Жуков А. В., Зимин О. И., Жукова А. А. Глобализация и возрождение буддизма в Монголии 34

Злотковский В. И., Злотковская А. В. Динамика отношения студенческой молодежи к политическим партиям и выборам (по результатам социологических исследований в Красноярске) 40

Кузьмин И. А. Социальные основания юридической ответственности (общественно-правовой экскурс) 46

Малькевич А. А. «Славное имя» Сибири: имя генерала Карбышева в судьбе Омской области 51

Огурцова А. В. Система форм проявления и реализации «мягкой силы» 57

Олейников И. В. Участие Иркутской области во внешнеэкономической деятельности в середине 1990-х гг. XX в. (по материалам ГАИО) 62

Оленицкая Е. С. 70-летие Победы: освещение в социальных сетях (на примере Ярославской области) 70

Пак Хэ Джа. Развитие политического процесса и функционирование регионального правительства в Республике Корея и Российской Федерации на рубеже XX–XXI вв. 75

Соколов А. В., Комаров О. Е. Краудсорсинг в процессах гражданской кооперации 82

РАЗДЕЛ «СИБИРЬ В XVII–XXI ВЕКАХ:
ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ЭКОНОМИКА, ЭКОЛОГИЯ, ПРАВО»

Андюсев Б. Е. Материалы волостного суда фонда А. А. Савельева как источник по изучению правовых традиций приангарской деревни 88

Атутова Ж. В. Этапы природопользования и их роль в преобразовании ландшафтной структуры Лено-Ангарского междуречья 97

Болонкина Е. В. К вопросу об особенностях кредитования промышленных предприятий Красноярска в годы Великой Отечественной войны 103

Булгакова М. Г. Детские общественные объединения Иркутской области в условиях демократизации российской политической системы постсоветского периода (1990–2000-е гг.) 108

Бушев А. Б. Региональные русские культуры 115

Заборцева Т. И., Сысоева О. В. Особенности территориальной организации банковского сектора Сибири в советский период 121

Зуляр Ю. А. Охотничий промысел в Байкальской Сибири на рубеже XIX–XX вв.: состояние и проблемы 126

Колокольников И. А. Деятельность Иркутского радиокомитета в период Великой Отечественной войны 187

Кружалина А. А. Христианизация корейских переселенцев в Сибири (на материалах периодической печати второй половины XIX в.) 195

Кушнарева М. Д. Значение представителей торгового дома «Коковин и Басов» в хозяйственном освоении северо-востока Сибири в начале XX в. 203

Маруев В. А. История золотопромышленности Забайкалья накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.) 209

Метелкина Л. Н. К вопросу об экскорпорации региональных политических элит в СССР в 1945–1953 гг. 214

Огородникова Е. А. «Иркутские епархиальные ведомости» как источник для изучения карты мира сибиряков начала XX в. 230

Славина Л. Н. Чем живет современная сибирская деревня (источники средств к существованию сельчан по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.) 236

Трофимов А. В. Власть и население на Урале в середине 1940-х – начале 1950-х годов: модели взаимодействия 242

Урожаева Т. П. Женщины – труженицы тыла в начальный период войны (на материалах периодических изданий Иркутской области) 247
Хавина Л. А. Этапы становления и развития малого предпринимательства в Иркутской области на рубеже XVII–XXI вв. 254
Черных В. В. Роль реальных и теневых акторов в развязывании Второй мировой войны и политика СССР как защитная реакция на их действия 259
Шерин Е. А. Историко-географические особенности формирования угольного комплекса Кузбасса в 1721–1940 гг. 274
Шпикельман Р. Ю. Научно-исследовательское и краеведческое движение Байкальской Сибири в первой половине 1920-х гг. 280

РАЗДЕЛ «ДЕВЯТЫЕ ПЕТРОВСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Коноплев Н. С. Место образования в современном мире: к постановке вопроса 294
Мальчуков В. А., Мальчукова Н. В. Языковые основания диалога религии и науки 308
Коноплев Н. С., Самоходская М. Н. Перспективы соотносимости культуры и цивилизации: к постановке вопроса 317

РАЗДЕЛ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МОДЕЛИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

Александрович О. Ю., Колесникова А. Ю., Сухинина К. В. Особенности организации учебных занятий со студентами специальной медицинской группы в Иркутском государственном университете 324
Сухинина К. В., Гордеева Е. И. Лечение сколиоза (обзор современных методик) 330
Проходовская Р. Ф., Плотникова И. И. Скелетные мышцы при адаптации к физическим нагрузкам 340